

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
когнитивный и прогностический потенциал
социально-философского знания**

Материалы
Четвертой международной научной конференции
(14–15 ноября 2019 года, г. Минск)

В двух томах
Том 2

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Беи)я43

И73

Рекомендовано к печати Ученым советом

Института философии НАН Беларуси

(протокол № 14 от 08.10.2019 г.)

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), Т. И. Адуло (зам. председателя), В. А. Белокрылова,
А. В. Воскобович, А. Ю. Дудчик, М. Б. Завадский, Н. Е. Захарова, А. О. Каравесевич,
Н. Н. Куксачёв (секретарь), Н. А. Лазаревич, И. И. Морозова, Т. Е. Новицкая,
П. С. Петровский, О. Л. Сташкевич, Д. В. Столяров

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор А. И. Осипов,
доктор политических наук, профессор С. В. Решетников

И73 **Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания : материалы Четвертой междунар. науч. конф. (14–15 ноября 2019 г., г. Минск). В 2 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 384 с.**

ISBN 978-985-581-348-5 (т. 2).

Сборник в двух томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Четвертой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания» (Республика Беларусь, г. Минск, 14–15 ноября 2019 года). Материалы определяют статус социальной философии в современной гуманитарной науке, раскрывают когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания, выявляют главные направления исследований и факторы, позволяющие более эффективно их использовать для выработки практических решений по гармонизации общественных процессов.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-581-348-5 (т. 2)

ISBN 978-985-581-346-1

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2019

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”, 2019

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси – IV: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания» продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии Национальной академии наук Беларуси, приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО. В течение последних лет эти мероприятия носят общее название «Интеллектуальная культура Беларуси».

Проблематика конференции 2019 года связана с раскрытием когнитивного и прогностического потенциала социально-философского знания. Актуальность названной темы вызвана тем, что современная динамичная ситуация в мире требует в первую очередь ее философско-теоретического осмысливания и прогнозирования, глубокого анализа ее онтологических оснований. Эти вопросы призвана решать социальная философия.

По этой причине в рамках конференции вынесены на обсуждение статус, мировоззренческие, гносеологические и логико-методологические функции социальной философии как дисциплины, ее место в структуре философских наук и гуманитарной науки в целом, когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания и его возрастающая значимость в современных условиях, главные направления исследований и факторы, позволяющие более эффективно использовать полученные результаты для выработки практических решений по гармонизации общественных процессов.

По отмеченной выше проблематике организован предметный диалог представителей научного сообщества, образования, работников органов государственной власти и управления. Он проходил в виде пленарного заседания, работы трех секций: «Социальная философия и ее дисциплинарный статус в современной науке»; «Проблемы моделирования и прогнозирования социально-антропологических процессов»; «Социально-философское знание и социальная практика XXI века» и четырех круглых столов: «Мировоззренческие и философские основания евразийской интеграции»; «Антрапологические и аргументологические основания диалога культур»; «Женщина как Другой: (пере)осмыслия «Второй пол» Симоны де Бовуар 70 лет спустя», «*Archéologie du savoir*» Мишеля Фуко: 50 лет рецепций и интерпретаций».

В материалах конференции содержится анализ многих актуальных проблем, касающихся мирового сообщества и белорусского государства. Полагаем, что публикуемые материалы станут определенным вкладом гуманистов в теоретическое осмысливание современных общественных процессов и разработку конкретных предложений по их гуманизации.

РАЗДЕЛ 3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ХХI ВЕКА

ИНТУИЦИЯ И ПЕРЕДАЧА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

О. С. Азбелева

Философское знание обычно считается существующим в виде понятий или концептов, в форме текстов оно является частью интеллектуальной культуры и транслируется в обществе. Однако философские теории, в которых интуиция полагается высшей формой познания, не вполне вписываются в эту парадигму. Их представленность в философском дискурсе и передача в коммуникации является предметом данной работы. Идея непосредственного познания или интуиции от Платона до современности претерпела определенную эволюцию, сохранив при этом ключевые черты. Объем данной работы не позволяет проследить тенденцию, поэтому проблема рассмотрена на примере нескольких ярких персонажей.

По Платону, философия – это непосредственное постижение идеального вечного бытия как созерцание или «припомнение», не являющееся результатом познания [1]. Это бытие представляет собой идеи – сущности вещей, хотя в позднем творчестве Платон все меньше говорил об идеях. В седьмом письме [2] он выделил ступени образования знания, где высшая ступень – то, что познается само по себе и есть подлинное бытие. Оно отлично от «знаков» и ни слова, ни изображения не могут передать его, поэтому высшее знание не следует выражать в словесной форме, не только в письменной, но и в устной. Человеку следует самому постигнуть его, прилагая усилия, поднимаясь от низших ступеней знания к высшим.

А. Шопенгауэр систематически отстаивал приоритет непосредственного знания перед опосредованным [3]. Исходная точка его онтологии – чувство данности воли в собственном теле, которое затем экстраполируется на все сущее. Это ощущение невозможно описать, на него можно только указать. Другой вид интуиции – созерцание идей, являющихся формами объективности воли, выражимое в произведениях искусства. Высшая форма духовного опыта у Шопенгауэра – постижение всего мира как вещи в себе, слияние с ним в мистическом опыте, которое достигается через отказ от воли и выход из субъект-объектных отношений. Этот опыт выражим в словах только апофатически, через отрицание или молчание.

А. Бергсон волю как сущность вещей считал созидающей и позитивной, для него интуиция – это прикосновение к творческой силе, длительности

жизненного порыва. Далее человек может либо замедлить в сознании эту длительность и созерцать неподвижные формы, в которых творческая воля застыла в материи, либо интуиция рождает в человеке собственный порыв, требующий выражения и реализации. Содержание интуиции не поддается выражению напрямую, лишь косвенно при помощи интеллекта: в виде понятий или метафорических образов. Чтобы перевести содержание интуиции в вербальную форму нужно оставить саму интуицию. Вербальная форма придает интуитивному знанию дискретность и статичность, лишая его целостности и длительности [4].

Э. Гуссерль в поисках бытийного смысла науки пришел к выводу, что в основе научных истин лежит событие интуитивного схватывания в сознании какого-либо сущего с очевидностью его наличной самости. Это событие позже стирается в сознании, переводится в языковую форму и в традируемые культурные образования, но сама истина отличается от высказывания и не есть язык. Языковое высказывание может быть воспроизведено и развито без схватывания идеального сущего, которое является его смыслом. Гуссерль вводит понятие историчности интуиции: необходима реактивация первоначального события истины, включающая активирование посылок, приведших к нему. Ученые должны заботиться о том, чтобы истины в языковой форме передавались вместе с традицией их реактивации [5].

В философии А. Бадью одно из центральных понятий – «событие», определяемое как разрыв причинно-следственных связей, создание или открытие новой возможности. За событием следует процедура истины – подхватывание содержания, открывшегося в событии, нахождение языка для него и встраивание в мир. Природа истины межязыковая, она состоит в общей форме мысли; философское письмо является внешним по отношению к ней, истина лишь в художественной литературе существует со объемно письму. Бадью продолжает мысль Платона о том, что только устная речь передает идею; вербальное выражение он сравнивает с попыткой описать окружность вокруг точки невыразимого, максимально приближаясь к ней [6].

В творчестве Ж. Батая важное место занимает феномен, названный им «внутренний опыт» – переживание трансцендентного, «иного», состояние экстаза и восхищения [7]. Этот опыт удовлетворяет потребность в высшем знании и единении с объектом познания («желание быть всем»), хотя этим он не исчерпывается. Внутренний опыт имеет общезначимый смысл и требует сообщения, поэтому требует сообщества индивидов, причастных этому опыту, формирующегося на основе близости присутствия. Соотношение между внутренним опытом и языком Батай описывает неоднозначно: с одной стороны, слова не могут выразить его, они могут быть лишь дополнением к опыту известному адресату. С другой стороны, внутренний опыт может быть выражен поэтическим языком. В его собственных текстах проблема выражения

внутреннего опыта дает о себе знать в виде парадоксальности текста и его противоречивости.

Во всех представленных описаниях присутствует общность характеристик формы интуитивного опыта. Он определяется как непосредственное прикосновение к бытию за пределами традиционной гносеологической координации «субъект-объект», интуиция является активным действием, внутренним поступком, ее содержание невыразимо или не всегда выразимо словами. Философский язык по отношению к содержанию интуиции является внешним и не является дискурсом в постструктураллистском смысле. Она находится на границе принадлежности к познанию и мышлению: ее относят не только к разуму, но и к откровению, припомнанию, или к интуиции как особой способности духа. Поскольку у разных философов при различии их концептуальных и ценностных горизонтов, проблемного поля и исторической эпохи выявляется столь яркая общность характеристик, можно утверждать, что речь идет об одной и той же форме духовного опыта.

Содержание интуиции полагается авторами как всеобщее, и ряд теорий, ставших неотъемлемой частью всемирного философского наследия, основан на ней, поэтому для их понимания она имеет первостепенное значение. В свете этого актуален вопрос о способе присутствия философской интуиции в интеллектуальной культуре и передаче ее в коммуникации. Несмотря на невыразимость, существуют такие способы говорить и писать о ней:

- метафора и, в прошлом, миф;
- поэтический язык художественной литературы;
- описание методов достижения интуитивного опыта и формы этого опыта;
- восстановление исторических посылок, на основе которых возникла интуиция;
- молчание как жест указания на невыразимое;
- «неправильность текста» – его незаконченность и парадоксальность;
- устное сообщение и экзистенциальная близость присутствия между автором и адресатом.

Таким образом, содержание философской интуиции не может быть транслируемо в философском тексте, отчуждено от автора и формализовано. В вербальной форме можно передать не саму интуицию, а указание на нее. Интуитивный опыт должен возникнуть еще раз в сознании адресата. Существует содержание, не присутствующее прямо в философском тексте, с которым он удерживает некоторую связь. Поэтому культура передачи философского знания должна включать в себя признание существования невысказываемого и необходимости указания на него, должно существовать философское сообщество, объединенное близостью соприсутствия.

Тенденцию диджитализации современного общества по отношению к возможности сообщения философской интуиции можно охарактеризовать

как амбивалентную. Такие формы передачи знания, как видеозапись и онлайн-конференция позволяют приблизиться к авторской интуиции более, чем текст. В то же время увеличивается возможность ускоренной передачи информации в упрощенном и поверхностном виде, которая удерживает связь с интуицией еще меньше, чем традиционные тексты.

Литература

1. Платон. Сочинения / Платон. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – Т. 3. – Ч. 1.
2. Платон. Сочинения / Платон. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – Т. 3. – Ч. 2.
3. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Минск : Современный литератор, 1999.
4. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : Канон-пресс : Кучково поле, 1998.
5. Гуссерль, Э. Начало геометрии / Э. Гуссерль. – М. : AdMarginem, 1996.
6. Бадью, А. Философия и событие / А. Бадью. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2012.
7. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – СПб. : Аксиома : Мифрил, 1997.

МАДЭРНІЗАЦЫЯ СІСТЭМЫ АДУКАЦЫІ – ПОКЛІЧ ЧАСУ

M. B. Анцыловіч

На сённяшні дзень у той ці іншай меры практычна ўсе краіны свету перажываюць перыяд радыкальных рэформ, звязаных з пераходам да інавацыйных тэхналогій і прынцыпам глабалізацыі адукацыі. Сёння неабходна разглядаць адукацыю не як выключна педагогічную сферу, але як сферу гісторыка-культурную, а значыць здольную да ўтрымання анталагічнай сувязі з усёй суцэльнасцю духоўнага быцця. Адукацыі, якая робіцца тэхналагічнай і прагматычнай, уласціва імкненне да выціскання паняцця «духоўнасць» з сферы адукацыі як лішняга, ці нават непатрэбнага. У tym выпадку, калі адукацыя фактычна зводзіцца толькі да падрыхтоўкі да прафесіянальнай дзеянасці, то функцыянуе яна пры максімуме эканамічнасці, арганізаванасці і спрошчанасці, і ёй ўласціва ігнараванне свядомасці асобы, якая навучаецца. А існуючыя імператывы глабалізма, інтэграцыі і геапалітыкі абмяжоўваюць магчымасці выбару індывідам святапоглядна-ідэалагічных арыентацый адукацыі ў інтарэсах духоўнага развіцця.

Адукацыйны крызіс, як і любы іншы, гэта пераменны стан якога-небудзь працэсу, і ён можа быць як разбуральным, так і стваральнym, як дэструктуртыўным так і канструктыўным. У працэсе разбурэння могуць узнякаць перадумовы для ўзнікнення новага – новых метадаў, новых мадэляў. Такім чынам, крызісны стан адукацыі можа быць уяўлены не як непазбежнае разбурэнне, а як неабходная ўмова прагрэсу. Напрыклад, з пазіцыі сінергетычнага падыходу крызіс адукацыі, як і іншай другой складанаарганізаванай сістэмы,

з’яўляеца яго пастаянным складнікам. З пазіцый дыялектыкі ўсеагульна-га і асаблівага крызіс адукацыі ўяўляе сабой кумулятыўнае ўзаемадзеянне як мінімум 3-х узроўняў: агульнацывілізацыйнага сістэмнага крызісу, які характэрны для розных тыпаў грамадскага ўладкавання, і крызісу ўласна-нацыянальных сістэм адукацыі, якія ў сваім ўзаемадзеянні прадвызначаюць спецыфіку крызісных праяў у кожным асобным выпадку. У постсавецкіх традыціях спецыфіка адукацыі выражаеца пад уплывам стандартаў заход-нага ладу жыцця і кволасці каштоўнасных асноў нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці.

Сучасная сфера адукацыі разумееца большасцю даследчыкаў як склада-ная адкрытая сістэма, здольная здзяйсняць самарэгуляцыю і самаразвіццё, якія дазвалялі б ёй спраўляцца не толькі з сучаснымі выклікамі і проблемамі, але і адпавядалі задачам, што паўстануць перад грамадствам у будучыні. Уста-ноўка на ініцыятыву і эксперымент, на інавацыйныя тэхналогіі ў адукацыі, наяўнасць альтэрнатыўных крыніц фінансавання зрабіліся адрознымі рыса-мі сучаснай сістэмы адукацыі. З падыходу парадыгмальныя асновы адукацыі выдзяляюцца трох галоўных мадэлей адукацыі: а) класічны тып зыходзіць з асноўнай парадыгмой «суб’ект – аб’ект», скіраваны на даследванне простых сістэм; тут законы прыроды супрацьпастаўляюцца чалавеку. Гэтаму тыпу адукацыі ўласцівы монадысцыплінарны падыход, з дапамогай якога вядуцца навуковыя даследванні. Класічны тып рацыйнальнасці выклікаў да жыцця мадэль зразумення адукацыі як нейкага адукацыйнага «канвеера»; б) не-класічная мадэль адукацыі звязана з некласічнай фізікай, з прызнання ў ёй узаемадзеяння «суб’екта – аб’екта». Гэтак званае мяккае ўздзеянне суб’екта адукацыі выклікае рэзанансны, эфектыўны водгук адукацыйнай сістэмы і адмову выкарыстання ў ёй жорсткіх метадаў кіравання. Таму суб’ект адука-цыі канструіруе реальнасць, якая прызнаеца не застылай раз і назаўсёды, а знаходзіцца толькі ў стадыі станаўлення; в) постмадэрнісцкая навука зыхо-дзіць са значнасці суб’екта адукацыі. Тут чалавек у якасці суб’екта адукацыі ўжо не выносіцца за межы навуковага даследвання, а ўключаеца ў яго як значны кампанент. Постмадэрнізм у адукацыі – імкненне да стварэння новых ведаў і самарэалізацыі, а не ўзнаўлення мінулага.

У працэсе трансфармацый адукацыйнай реальнасці ўзнікае, вобразна кажучы, «парад адукацыйных парадыгм»: супяречнасць паміж імкненнем шэрагу даследчыкаў адукацыі адшукаць шляхі ліквідацыі ўзнікаючай «па-радыгмальнай множнасці», якая стрымлівае дынаміку пераадольвання крызісу адукацыі. Другі падыход у гэтым пытанні сцвярджае, што пераадольванне поліпарадыгмальнайсці не можа выступаць у якасці самамэты развіцця аду-кацыі, паколькі наяўнасць рознасных парадыгмальных вектараў з’яўляеца своеасаблівай рухальнай сілай, здольнай падтрымліваць дынаміку рэфар-мавання асноў адукацыйнай сістэмы. Як адзначае беларускі фізік-тэарэтык В. Н. Барыкін, спецыяліст у сферы фізікі святла і рэлятивісцкай электрадына-

мікі: «Любы разлік азначае ўкладанне фізічнай Рэальнасці ў нейкую мадэль матэматычнай, віртуальнай рэальнасці. Абедзве згаданыя Рэальнасці дасягальны нам абмежавана. Таму наўрад ці належыць чакаць, што калі-небудзь будзе дасягнута поўнае веданне чаго-небудзь у кожнай з гэтых рэальнасцей» [1, с. 6]. Сучасны пошук новых парадыгмальных асноў усё болей адаптараецца на разуменне сацыякультурнай прыроды адукцыі, у межах якой адукцыя выконвае культурную функцыю ўзнáлення сэнсаў, каштоўнасцей, значэнняў, што спрыяе працэсу станаўлення чалавека як суб'ектуінай асобы.

Дапасавальна да сусветнай адукцыйнай просторы магутныя суб'екты глабалізацыі навязваюць іншым краінам свае праекты адукцыйнай дзейнасці, падпарадкоўваюць другіх суб'ектаў сваім правілам сацыяльнага ўзаємадзейння, сваім сацыякультурным каштоўнасцям. Працэсы ўніфікацыі ведаў, як вынік глабалізацыі адукцыйнай просторы, могуць быць карыснымі фактычна да атрымання рацыяналных ведаў інструментальнага і аперацыйнага значэння. Змястоўны ж бок адукцыі павінен быць абароненым ад глабалізацыі. У адваротным выпадку працэсы глабалізацыі будуць выклікаць разбурэнне культурнай самабытнасці, страту культурнай і нацыянальнай ідэнтычнасці. Пачынаючы з XX стагоддзя развіццё ёўрапейскага грамадства мае транзітны, пераходны характар, і ў гэтых сістэмах пераходу патрэбна было вучыцца жыць. Ліберальны падыход у вялікай ступені арыентаваны на яго адукцыйную місію. Асноўная ўвага скіравана на духоўнае ўзбагачэнне асобы, развіццё яе творчых здольнасцей. Прагматычны (утылітарысцкі) падыход у большай ступені звязаны з патрэбамі грамадства ў прафесійна падрыхтаваных спецыялістах. У межах ліберальнай традыцыі распрацоўваліся ідэалы класічнага тыпу адукаванасці, творчага развіцця асобы; у рамках прагматычнага – нормы і правілы вышэйшай прафесійнай адукцыі. Пад ліберальнай адукцыяй мелася на ўвазе англійская адукцыйная сістэма (канцэпцыя Д. Ньюмена), а пад утылітарнай – амерыканская (канцэпцыя Э. Дзюргейма, Дж. Міля). Такія два напрамкі ў чыстым выглядзе ў практычным жыцці не сустракаліся, але ў розныя гістарычныя часы дамінавала ці адна, ці другая іх тэндэнцыя. З гэтага вынікала, што чалавеку пастаянна даводзіцца тримаць арыенцір як на духоўныя, так і на матэрыяльныя каштоўнасці.

У новай адукцыйнай мадэлі базай служыць інфармацыя, якая вымушае арыентаванца ў хутказменлівай плыні ведаў, адаптаванца і знаходзіць магчымасць для самарэалізацыі ў стане пастаяннай зменлівасці. Віртуальная рэальнасць прызнаецца новым адукцыйным асяроддзем, дзе галоўнай каштоўнасцю выступае ўменне арыентаванца ў інфармацыйнай плыні. Інтэлектуальная тэхналогія становяцца крыніцай новаўядзенняў тэхналагічнага прагрэса (пошук інфармацыі, яе апрацоўка, фармальныя і нефармальныя сеткі) пры выкарыстанні камп'ютара. У сучасных умовах ліберальны падыход прайўляецца ў канцэнтрацыі талентаў і арыентаванай скіраванасці на

творчы пошук, што з'яўляецца адлюстраваннем ліберальнай адукацыйнай стратэгіі. З другога боку – неабходна дастатковая колькасць рэурсаў для правядзення даследванняў, што ў перспектыве павінна спрыяць стварэнню зручнага асяроддзя для навучання і рэвалюцыйных навуковых адкрыццяў, а ў будучыні прыносиць і прыбытак ад адукацыі – прагматычны складнік.

Адным з напрамкаў рэфармавання адукацыйнай сістэмы сучаснасці выступае рэалізацыя праектаў дзяржаўна-прыwatнага партнёрства. У сферы адукацыі яно здзяйсняецца, па-першае, на аснове ўзаемных інтэрэсаў; па-другое, пры аб'яднанні сумесных рэурсаў і размеркаванні прыбыткаў; па-трэцяе, пры роўным размеркаванні трат і рызыкі. Галоўнымі ўдзельнікамі праекта выступаюць дзяржаўная ўлада і прыватны сектар. У кантэксце дзяржаўна-прыwatнага партнёрства адукацыйная арганізацыя з'яўляецца паўнавартасным ўдзельнікам партнёрства. У яе ёсць уласныя рэсурсы (адукацыйныя праграмы, навуковыя распрацоўкі, прафесарска-выкладчыцкі калектыв, як носьбіт унікальнага інтэлектуальнага капіталу). У гэтым выпадку яна не можа быць толькі злучнікам паміж уладаю і бізнесам. Адукацыйныя паслугі праяўляюцца ў тым, што, з аднаго боку – адукацыя гэта грамадскія даброты і таму ўзнікае іх грамадская карыснасць, а таксама патрэба ў развіцці прафесійной адукацыі. З другога боку, адукацыя ёсць добро (пазітыў) для кожнай асобы, яна з'яўляецца прыватным дабром, бо ўпłyвае на яе самасцярдженне.

Крызісны стан сучаснай адукацыі змушае зноў звяртацца да класічнай ідэі адукацыі як каштоўнасці. У дадзеным кантэксце падмуркам любых адукацыйных новаўвядзенняў пакліканы служыць ідэя каштоўнасці, якая з'явілася ў папярэднія часы.

Літаратура

1. Барыкин, В. Н. Скрытые свойства реальности / В. Н. Барыкин. – Минск, 2018.

НАУКА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко

Среди факторов, ответственных за формирование исторической памяти, прежде всего, следует назвать образование, искусство и литературу, а также средства массовой информации. Причем образование, в частности, исторические дисциплины, не дает забыть памятные даты далекого и не очень далекого прошлого, искусство и литература отражают как прошлое, так и настоящее, уходящее в прошлое. Средства массовой информации, фиксируя настоящее, способствуют отбору того, что необходимо помнить. Возможно, к указанным факторам следовало бы добавить религию и обыденный опыт. Но религиозная память слишком специфична и избирательна, в связи с этим

в общечеловеческую или национальную память оттуда попадает не так много событий и героев. Обыденный опыт скоротечен и не имеет специальных средств фиксации, за исключением устных рассказов. Поэтому следующее поколение помнит лишь бытовые истории, не всегда согласующиеся с тем, что «помнят» образование, литература и искусство, из-за чего и вытесняются последними. Да и сами очевидцы через некоторое время помнят не столько то, что видели и пережили, сколько то, что об этом прочитали, посмотрели, прослушали в кинофильмах, романах, учебниках, газетах и т. п. На первый взгляд кажется, что отбор того, что следует помнить в качестве исторического знакового события, производят сам индивид. Однако он подвержен влиянию тех вышеназванных воздействий, которые формируют историческую память. Особенно это проявляется при неоднозначных оценках деятельности тех или иных ветеранских обществ, организации и проведении мемориальных выставок или юбилеев знаковых событий, новых документов об историческом прошлом [1; 2].

Тот отбор в историческую память, который осуществляют образование, искусство вкупе с литературой и СМИ прямо или косвенно детерминирован наукой, прежде всего исторической [3], хотя он и корректируется множеством вненаучных факторов. Но историческое знание не является монолитным. В нем наличествуют как минимум две фундаментальные парадигмы. Первая соотносит историческое знание с воспитательными целями, которые обусловлены идеологическими и политическими ориентирами. В этом случае даже при стремлении к непредвзятости, нередко преобладает субъективность интерпретаций и отход от объективности. Именно данная парадигма требует от историка хранить и пополнять историческую память сквозь определенную идеологическую призму. В этом плане интересно, что вплоть до XIX века исторические труды предполагали обязательное использование художественного выразительного стиля [4, с. 108–109], который напрямую соотносился с идеально-воспитательным фактором. Даже в трудах крупнейших немецких историков XIX века Л. фон Ранке и И. Г. Дройзена, которые много сделали для утверждения научных критериев в историческом знании, для становления научного подхода в истории (т. е. для утверждения второй парадигмы), история – не столько знание о некотором объекте, сколько средство самопознания и развития личности.

С развитием исторической дисциплины ее цели начинают существенно отличаться от идеологических и воспитательных задач, она нередко вступает в противоречие с теми фрагментами исторической памяти, которые сформировались вненаучными факторами. Подобные цели характерны для второй парадигмы, определяющей научный подход к истории.

Вторая парадигма исторического знания сформулирована научно ориентированными исследователями. Хотя отдельные ее элементы, например, идея причинно-следственных закономерностей и детерминизма в истории,

возникли раньше, тем не менее афоризм Г. Моно: «Мы не поднимаем никакого знамени» [5, с. 75] характеризует осознанный и всеобъемлющий отказ от идеально-политической, националистической, партийной предвзятости. При этом историк может быть и патриотом, и сторонником тех или иных политических доктрин, но не в ущерб научно ориентированной истории.

Память часто рассматривается как своеобразное зеркало, в котором отражаются события, поступки, мысли людей давнего или недавнего прошлого. Так, Геродот в начале своей «Истории» отмечает, что хочет описать события с их причинами, поэтому ему интересны описания очевидцев или толкователей как таковые [6]. Его не интересовали те вопросы, которыми сейчас озабочены ученые-гуманитарии и политики, а именно механизмы формирования памяти, ее «правильность» или «неправильность». Но если последние вопросы возникают, то очевидно, что историческая память не всегда есть (точнее всегда не есть) адекватное зеркало исторической реальности. Кроме того, понимание памяти может предполагать ее самостоятельную ценность. Здесь главный вопрос: чем, кем и как она наполняется, что следует помнить, а что забыть.

Многие каналы формирования исторической памяти опосредованы историческими дисциплинами. Они обнаруживают те или иные факты, строят объясняющие теории, осуществляют популяризацию сложных научных построений. Через учебную и популярную литературу, СМИ и другие информационные каналы научные знания, чаще всего проходя официальное и неофициальное идеологическое сито, порой упрощаясь и искажаясь, входят в обыденное и теоретическое сознание и оседают в исторической памяти. К тому же параллельно науке существуют, развиваются и распространяются оклонакучные представления, поставляемые любителями и плохими профессионалами, которые существенно искажают научные представления, но пользуются большим влиянием в силу простоты для понимания или оригинального видения исторических эпизодов. Ненаучные идеи также воспринимаются массовым сознанием и внедряются в историческую память в виде всевозможных мифов. Впрочем, многие мифы возникают «между строк» научной литературы, особенно, если она преследует, казалось бы, высокие цели воспитания благородства, свободолюбия, патриотизма и других достоинств на исторических примерах. Сказанное не означает, что нужно искоренять исторические мифы. Напротив, важно подчеркнуть их реальное воспитательное, эстетическое, нравственное и прочее значение. Однако образованный человек обязан различать миф и реальность и не должен жить внутри мифа. Важно также не допустить, чтобы мифотворчество стало государственной политикой, а идеология превалировала над наукой. Идеология – выражение того или иного интереса, а наука обязана быть незаинтересованной, беспристрастной, объективной. Даже если идеология преследует самые благие цели, она должна контролироваться наукой, иначе неизбеж-

ны неадекватные, заинтересованные интерпретации, которые порой сродни фальсификациям. Актуально в этом отношении высказывание выдающего ученого, теоретика истории, специалиста по исторической памяти А. Мегилла: «Одна из функций исторической профессии состоит в том, что она всегда должна сопротивляться политической сиюминутности и исследовать прошлое с осторожностью и тщательностью, не обращая внимания на возможные последствия» [7, с. 103].

Поэтому идеал научной объективности, как и вообще идеалы научности, приобретают огромное значение, в частности, в сферах, где оперируют историческими фактами. Идеалы научности, которые хорошо изучены [8], необходимо пропагандировать не только среди гуманитариев, но и среди идеологов и политиков, принимающих решения в сфере исторической памяти.

Литература

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2016.
2. Герасимов, О. В. Феномен исторической памяти / О. В. Герасимов // Вестник УРАО. – 2013. – № 5 (68) – С. 133–137.
3. Афанасьев, А. И. История: память и наука (методологический аспект) / А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко // ДОКСА : зб. наукових праць з філософії та філології. Вип 2(28): Пам'ять та забуття. – Одеса : ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2017. – С. 33–45.
4. Реизов, Б. Г. Французская романтическая историография (1815–1830) / Б. Г. Реизов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1956.
5. Савельева, И. М. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Драйзен / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2007.
6. Геродот. История в девяти книгах / Геродот. – Л. : Наука, 1972.
7. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
8. Афанасьев, А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки / А. И. Афанасьев. – Одесса : Бахва, 2013.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

C. A. Афанасьева

В России утверждение демократических идеалов и ценностей, активное изучение проблематики прав и свобод человека начинается с конца XX века. В 90-е годы XX века и в последующий период было принято значительное количество нормативных правовых актов, способствующих развитию образования в сфере прав человека. Так, Конституция Российской Федерации закрепила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью;

признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. С принятием Основного закона в Российской Федерации происходит формирование политico-правовой определенности в государственном строе, становление институтов гражданского общества, открытие новых возможностей для дальнейшего развития института прав и свобод человека и гражданина, активное освоение проблематики прав и свобод человека. В последующем Россия получила принципиально новое законодательство в области прав и свобод человека, соответствующее в целом международным стандартам. Конституция Российской Федерации способствовала интенсивной работе по совершенствованию всех общественных структур, легла в основу всеохватывающей правовой реформы. Нормативные правовые акты в сфере образования, принятые в конце XX века, устанавливали приоритетность «общечеловеческих ценностей», «уважения к правам и свободам человека».

Кроме того, Российская Федерация становится государством-участником основных договоров ООН по правам человека, предусматривающих обязательства по развитию образования в области прав человека. К празднованию 50-летия принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека в России были проведены мероприятия по образованию в области прав человека. В 1999–2002 годах на основе договора между Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и Министерством иностранных дел России реализован проект ООН «Содействие развитию образования в области прав человека в Российской Федерации». В ходе проекта состоялись 50 региональных семинаров и 15 тренингов по правам человека для учителей общеобразовательных школ из 100 городов России, проведены конкурсы для школьников и учителей, разработаны, изданы и опубликованы учебные, методические и справочные материалы по правам человека. В 2007 году Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и Министерство иностранных дел России согласовали «Концептуальные рамки сотрудничества с Российской Федерацией на 2007 год и последующий период», предусматривающие, в частности, «просвещение в области прав человека».

Вместе с тем в конце XX – начале XXI века целесообразно выделить и негативные тенденции в реализации прав и свобод личности. Это и ряд воюющих нарушений в правоприменительной практике, и бюрократизация государственного аппарата, и усиление власти президента. Образование в области прав человека находится лишь на начальной стадии.

Представляется, что развитие образования в области прав человека возможно лишь в условиях высокого уровня правовой культуры и культуры прав человека. Необходимо, чтобы граждане сами имели определенные знания в сфере прав человека, осознавали свои права и свободы, имели практику в области их защиты.

В России же на сегодняшний день наблюдаются низкий уровень правовой культуры, правосознания и культуры прав человека, правовой нигилизм, инфантилизм. Среди населения практически отсутствует запрос на права человека. Прогрессу культуры прав человека должны способствовать развитые моральные убеждения и ценности, способствующие активному отстаиванию прав человека, осознанию личностью путей их реализации. Гражданам необходимо в полной мере осознавать значимость основных прав и свобод, идеи равенства и независимости.

Одной из проблем, на наш взгляд, препятствующей образованию в сфере прав человека, является юридический нигилизм и неразвитое правовое сознание не только большинства российских граждан, но и должностных лиц. Кроме того, многие примеры свидетельствуют и о том, что именно власть не обеспечивает, не защищает, а иногда и ущемляет основные права и свободы. Одни не обладают достаточными знаниями в сфере прав человека, другие не умеют их отстаивать перед властью в надлежащей правовой процедуре, третьи просто не находят возможности тратить время – это и есть реалии жизни российского общества. Все это впоследствии и приводит к апатии и безответственности среди населения, к нарушениям прав и свобод со стороны должностных лиц.

Внедрение проблематики прав человека в систему образования представляется возможным лишь при отсутствии имеющихся социальных противоречий в обществе, утверждении демократических идеалов и ценностей, наличии определенной политической воли для разработки долгосрочного плана действий в этой сфере. Слабое развитие образования в области прав человека в России обусловлено, прежде всего, непониманием политической элитой государства ценностей прав и свобод личности как высших ценностей.

К наиболее значимым и существенным препятствиям образованию в области прав человека в России относятся: низкий уровень правовой культуры и правосознания общества; широкий масштаб коррупции на всех уровнях и во всех структурах власти; сознательная позиция властей. Кроме того, следует отметить, что в современном российском обществе наблюдается падение нравственности, криминализация, обесценивание жизни человека, насилие, жестокость, неуважение человеческого достоинства.

Обучение правам человека предполагает повышение уровня культуры (политической и правовой), конституционного правосознания граждан и должностных лиц, представителей политических партий, сотрудников государственного аппарата. Особое внимание следовало бы уделить изучению права, в частности законодательства о правах и свободах человека. На наш взгляд, проблемой, препятствующей обучению правам человека, также остается несовершенство самого законодательства, закрепляющего права человека и механизмы их защиты. Так, образование в области прав человека в России целесообразно отнести к приоритетному направлению развития рос-

сийского образования в целом, а разработку методов и средств такого образования – к значимым задачам государства, способствующим устойчивому развитию общества и его духовному обновлению.

ПРИМЕНИМОСТЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА И. КАНТА К АНАЛИЗУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ

В. В. Балановский

Понятие справедливости является краеугольным для философии права И. Канта. В частности, он определяет судебное решение или приговор как «единичный акт общественной справедливости» [1, с. 350]. Особенно подробно Кант рассматривает различия справедливости как таковой – *справедливости естественного состояния* – и справедливости в силу закона – *справедливости гражданского состояния*. Он заостряет на этом такое внимание, потому что даже правоведы зачастую путаются и допускают ошибку подстановки, когда «правовой принцип, который суд правомочен и даже обязан принять для себя самого», принимается «объективно за то, что есть само по себе правое; между тем это две совершенно разные вещи» [1, с. 328]. Поэтому, согласно Канту, решение судьи может расходиться со здравым смыслом [1, с. 321]. Отсюда вывод, что «различие между приговором суда и решением, которое вправе вынести для себя частный разум каждого, – это пункт, который ни в коем случае не может быть обойден при исправлении судебных решений» [1, с. 331]. Так происходит в силу того, что судья принимает в расчет не все обстоятельства дела, а только юридически значимые обстоятельства. В связи с этим огромную роль для установления социальной, пусть и распределющей, справедливости играет то, каким образом судьи оценивают юридически значимые обстоятельства дела.

Вопрос оценки судьями юридически значимых обстоятельств может быть рассмотрен через призму трансцендентального идеализма. Это становится возможным, с одной стороны, в силу того, что данная концепция универсальна и показывает хорошие результаты при анализе любой человеческой деятельности. С другой стороны, по причине того, что судьи в отличие от простого обывателя, обязаны гораздо лучше владеть способностью суждения. Актуальность такого исследования объясняется тем, что из-за некорректной оценки судьями юридически значимых обстоятельств в России отменяется и изменяется значительная часть решений судов первой инстанции в апелляционном порядке. Например, в Калининградской области в рамках гражданского судопроизводства за 2017–2018 годы в 33% случаев отмены происходили именно по данным основаниям.

Экспликация и актуализация в контексте судебской деятельности ключевых идей Канта задача непростая. Так, 5 лет назад я провел экспертный

опрос среди ведущих кантоведов мира, которые должны были назвать приоритетные направления кантоведения на ближайшие 10 лет [2]. Одним из главных итогов исследования стало то, что чаще всего респонденты предлагали сконцентрироваться на прояснении ключевых понятий «Критики способности суждения», поскольку этот труд до сих пор остается одним из самых загадочных и непонятых [2, с. 118]. На втором по популярности месте у участников экспертного опроса оказалась мысль о необходимости актуализации идей Канта в контексте современных научных исследований [2, с. 119]. Предлагаемое здесь исследование направлено на решение обеих этих задач.

Итак, согласно Канту, всякая деятельность субъекта сопряжена с реализацией способности суждения. Это во многом обусловлено тем, что способность суждения занимает опосредующее положение между разумом и рассудком, являясь одной из трех высших познавательных способностей [3, с. 38]. Здесь, правда, следует оговориться, что, поскольку в нашем случае рассматривается деятельность судьи, которую можно отнести к области правоприменения, а правоприменение входит в сферу права, которая, в свою очередь, относится к практической деятельности субъекта, то логичнее предположить, что ключевое значение для дальнейшего рассмотрения будет иметь разум. Действительно, как способность суждения, играющая ключевую роль в искусстве, относится к праву и нравственности, когда это не ее «вотчина»? Вместе с тем не следует забывать, что, во-первых, Кант настаивает на том, что все высшие познавательные способности находятся в систематическом единстве и постоянном взаимодействии [3, с. 38]. Во-вторых, сфера искусства, которой заведует способность суждения вместе с чувством удовольствия и неудовольствия, связана с ценностями и оцениванием. Ключевой же проблемой исследования является не вся ментальная деятельность судьи, включающая его правопонимание и нравственные принципы, что ближе к практическому разуму, а только та ее часть, которая связана с оценкой юридически значимых обстоятельств. Поэтому акцент делается только на такие особенности реализации способности суждения, которые могут оказать помощь в понимании процесса и результатов оценки судьями юридически значимых обстоятельств. В-третьих, не стоит недооценивать универсальность телеологии Канта. Этой проблеме посвящена фундаментальная монография Д. Н. Разеева [4], который ясно показывает, что значение телеологии Канта выходит за рамки эстетики и практической философии и распространяется также на теорию познания.

Ни в российской, ни в зарубежной литературе систематически не разработан вопрос о том, что Кант говорил в своих трудах о специфике судейской деятельности. Причиной может служить то, что сам философ дает не очень много информации на этот счет. Одно из самых его ярких высказываний касается изъянов способности суждения у медиков, судей и политических дея-

телей. В этом месте «Критики чистого разума» Кант отмечает, что «врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен быть хорошим учителем в своей области, и, тем не менее, в применении их легко может впасть в ошибки или потому, что ему недостает естественной способности суждения (но не рассудка), так что он хотя и способен *in abstracto* усматривать общее, но не может различать, подходит ли под него данный случай *in concreto*, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью» [5, с. 154]. В этой крайне важной цитате содержится указание на две ключевые сложности реализации способности суждения судьями. Первая связана с изъянами так называемой определяющей способности суждения, когда при известном общем (норма) субъект не может подвести под это общее конкретный случай (доказательства, юридически значимые обстоятельства), то есть знает правила (нормы), но не может их применять. Вторая связана с изъянами так называемой рефлектирующей способности суждения, когда при известном особенном (доказательства, юридически значимые обстоятельства) субъект не может верно установить взаимосвязь между элементами этого особенного, вычленить в них общее, чтобы подвести это выявленное общее (эмпирический закон) под еще не данное всеобщее (норма) в своем суждении (решение, приговор).

В этом же разделе Кант указывает на возможные пути исправления этих изъянов. Точнее, как он пишет в примечании, от природной нехватки определяющей способности суждения ничто не может спасти, потому это и «называют глупостью» [5, с. 154]. В то же время рефлектирующая способность суждения может развиваться по мере ее активного использования, то есть посредством практики. Причем помочь в этом могут специальные методы, в том числе алгебраические. Дело в том, что с опорой на идеи Канта и участников Московского методологического кружка были разработаны алгебра рефлексивных процессов [6] и теория рефлексивных игр [7], которые с 1970-х используются в криминальной психологии, дознании и следствии как для фундаментальных разработок [8], так и в образовательном процессе [9], для решения довольно специфических задач.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00067.

Литература

1. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 8 т. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 6.
2. Балановский, В. В. Приоритетные задачи кантоведения на ближайшее десятилетие / В. В. Балановский // Кантовский сборник. – 2014. – № 4(50). – С. 116–122.
3. Кант, И. Критика способности суждения // И. Кант // Сочинения : в 8 т. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 5.

4. Разеев, Д. Н. Телеология И. Канта / Д. Н. Разеев. – СПб. : Наука, 2010.
5. Кант, И. Критика чистого разума // И. Кант // Сочинения : в 8 т. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 3.
6. Lefebvre, V. Algebra of Conscience: A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems / V. Lefebvre. – Dordrecht : D. Reidel Publishing, 1982.
7. Лефевр, В. А. Рефлексия / В. А. Лефевр. – М. : Когито-Центр, 2003.
8. Ратинов, А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике / А. Р. Ратинов // Правовая кибернетика : сб. ст. / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : 1970. С. 194–196.
9. Зорин, Г. А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты / Г. А. Зорин. – Гродно : Гродненский государственный университет, 2003.

ПОПУЛИЗМ КАК ТИП МЫШЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

M. B. Бейлин

Популизм как модель поведения с низким уровнем рационализации является не только жизнеспособным, но и достаточно эффективным среди других форм социального поведения. В реальной жизни это понятие имеет исключительно негативный смысл и позиционируется как деструктивное, хотя популизм может быть как деструктивным, так и конструктивным [1]. На одной из первых посвященных феномену популизма всемирных конференций, проходившей в Лондонской школе экономики в 1969 году, участники отметили, что суть популизма остается неуловимой, ведь «...никто не представляет себе в точности, что это такое, его содержание ускользает, не поддается определению» [2, с. 1]. По мнению ученых, популизм является, во-первых, идеологией, или движением, или тем и другим вместе. Во-вторых, популизм – это тип мышления, постоянно возрождающийся в различных исторических и географических условиях в результате возникновения особой социальной ситуации, в которой промежуточные социальные факторы либо отсутствуют, либо являются слишком слабыми. В-третьих, популизм в терминах политической психологии можно определить как ощущение, того что против народа настойчиво и целенаправленно плетется сеть явных и тайных заговоров. В-четвертых, народ как объект заботы популистов непременно слаб и несчастен, причем слаб и несчастен из-за того, что заговорщики не дают ему жить, а сам народ чаще всего отождествляют с крестьянством, как наиболее обездоленным классом. В-пятых, популизм ведет или к национализму, или к социализму [2, с. 3]. В любом случае в центре популистского мировоззрения и соответствующей ему экономической и социальной политики должно быть поставлено счастье простого человека, его материальное благосостояние и духовная гармония. Такие лозунги выдвигают идеологи социализма

и, частично, либерализма, но если социалисты признают революционный путь достижения этой цели, а либералы полагаются на саморегулятивные свойства рынка, то популисты надеются на возможность достижения упомянутой гармонии через радикальные, но ненасильственные реформы в обществе. Таким образом, популизм как тип мышления и социального поведения и политической деятельности имеет целью обеспечить широкую поддержку своей политики в массах ценой демагогии и необоснованных обещаний. Характерной особенностью популизма является харизма лидеров, которые имеют способность влиять на умы и волю людских масс.

Популизм представляет собой комплекс социальных реакций человека и масс на систематическое игнорирование их интересов и потребностей со стороны элиты. В политической жизни общества проявляется в форме акций гражданского неповиновения, протестных акций и кампаний, направленных против власти. В современных условиях термин «популизм» применяется для определения набора тактических средств и технологий, апеллирующих к сознанию масс и эксплуатирующих такие черты общественного сознания, как упрощенный взгляд на общественно-политическую жизнь, максимализм и стремление найти быстрые и простые решения сложных проблем. Для активистов-популистов не является присущей романтическая интерпретация идеала естественного человека с ее эскапизмом и противопоставлением сильной личности, героя – серой массе. Популистский личностный идеал питается не идеализацией «ухода от общества», «жизни в лесу» (по Г. Торо), а представлениями о демократической форме общественной деятельности как высшей сфере самореализации личности. Одним из наиболее интересных аспектов популизма является перманентное противопоставление активистами «народной массы» какому-то оппоненту, «другому». Обобщающий образ «другого» может включать в себя как иммигрантов, экономических беженцев, отдельных представителей собственной власти, так и всю политическую элиту или верхушку финансового мира. Можно сказать, что «народ» определяется через формулирование и отрицание, чем он не является. И этот «другой» является стартовым индикатором. Активисты хорошо понимают: для того чтобы создать собственную идентичность, необходимо связать себя с определенной группой и отмежеваться от другой. «Популизм держится не только на чувстве внутреннего родства, но и на внешних задачах – на воображаемой угрозе со стороны чужих, в отталкивании от которых и формируется идентичность» [4, с. 17]. Идентичность усиливается за счет фиксации достоинств, позитивности своей группы и негативных свойств чужой группы, что часто становится причиной дискриминации и конфликтов [3]. Положительными моментами популизма является то, что он призывает к сдерживанию амбиций плутократов, способствуя решению бюрократических проблем власти и совершенствованию механизмов управления (референдум, право вето, прямые выборы в сенат; инициативы, дающие избирателям право законода-

тельства через головы представителей и т. д.). Что же до форм социального поведения в политическом пространстве, то можно выделить общераспространенные приемы, к которым обращаются активисты популистского толка. К ним относятся: апелляция к содержанию обыденного сознания масс; упрощенность восприятия общественной жизни; максимализм и готовность следовать за сильным лидером; стремление подстроить свою программу под нужды общества; акцентирование на доступности и понятности предлагаемых мер; приоритетность простых решений; спекуляция на ожиданиях граждан относительно быстрых и простых путей решения проблем; направление недовольства общества против провластных социальных институтов; идеализация индивидуальной свободы и нравственности в противовес коллегиальности и компромиссности существующей системы управления; игра на склонности крупных человеческих масс видеть все упрощенно; игра на «ожиданиях» народа; педалирование нерешенных болезненных актуальных проблем с целью сохранять управление недовольным большинством; манипулирование общественным мнением.

Суть популизма заключается в «романтическом примитивизме» (термин Д. Макрэя), вследствие чего он является внутренне аполитичным, неспособным к созданию устойчивой политической программы. Популисты требуют от государства «перезагрузки власти» и «улучшения жизни сейчас», однако государству и бюрократии не доверяют и делают ставку на общественные и личные добродетели, однако при этом часто не имеют должной управленческой квалификации. Свойственный популизму примитивизм неизбежно смыкается с антиинтеллектуализмом. По нашему мнению, попытки все упрощать ради того, чтобы быть понятным в массах, являются едва ли не самым разрушительным свойством популизма. Максимальное упрощение сути политической жизни иногда достигает дихотомии, которую представляют как борьбу Добра и Зла, при этом лагерь Добра составляют политические союзники популистов, а лагерь Зла – их многочисленные оппоненты.

Активист с низким уровнем рационализации тяготеет к популизму, поскольку последний является кратчайшим путем к политической мобилиизации масс, идущим «напрямую», в обход существующих институтов и процедур. Популисты обычно настаивают на необходимости «прямой демократии», то есть на непосредственном участии масс в управлении государством, и на формировании «особой связи» между массами и харизматичным лидером, считая их наиболее эффективными инструментами устранения всех социальных деструкций. Основываясь не только на рациональных, сколько на эмоциональных посылах, активисты популистского толка четко определяют цели и указывают на врагов, которые мешают их достичь, но не определяют средств для реализации этих целей, что делает популистскую идеологию утопической. Получив власть, популисты могут действовать в конструктивном русле, но отсутствие системного видения проблем общества не позволяет

ет им осуществлять ни эффективное целеполагание, ни выбор (или разработку) действенных инструментов решения этих проблем.

Литература

1. Популизм не только губил, но и спасал государства (интервью с Х. Туманс) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://rus.lsm.lv/statja/analitika/analitika/professor-populizm-ne-tolko-gubil-no-i-spasal-gosudarstva.a210089>. – Дата доступа: 24.10.2018.
2. Ionescu, G. London School of Economics and Political Science. Populism : its meaning and national characteristics / G. Ionescu, E. Gellner. – New York : Macmillan, 1969.
3. Stroebe, W. Sozialpsychologie. Eine Einführung / W. Stroebe, K. Jones, M. Hewstone. – Heidelberg : Springer Medizin Verlag, 2007. – 608 s.
4. Panizza, F. Populism and the Mirror of Democracy / F. Panizza. – London, New York : Verso, 2005.

СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

О. А. Беленкова

Актуальность исследования творческого потенциала человеческого капитала обусловлена возрастанием роли творческо-созидаательных возможностей субъектной стороны производительных сил системы общественного производства в условиях Четвертой индустриальной революции. Эта революция, благодаря синergии трех сфер социума: науки, образования и управления, определила формирование на рубеже XXI столетия качественно нового этапа развития техногенной цивилизации. Ключевыми в этом развитии являются два фактора: 1) цифровые технологии, которые разрабатываются на основе искусственного интеллекта, платформ блокчейна и квантирования, и 2) человеческий капитал – социально-экономический феномен, интегрирующий творческо-созидательные возможности специалистов, обеспечивающих на основе разработки и внедрения инноваций формирование и постоянное совершенствование научно-производственно-технологического сегмента инновационной экономики постиндустриального общества. Связь между этими двумя факторами хозяйственно-экономической сферы, формирующейся в условиях высокотехнологического производства, была отмечена еще в 80-х годах прошлого столетия в трудах экономистов-исследователей, изучавших процессы модернизации экономики в развивающихся странах. При этом отмечалась низкая адаптированность специалистов развивающихся стран к инновациям [1, с. 531]. На основании этих исследований делался вывод о том, что в условиях высокотехнологичного производства производи-

тельность труда специалистов определяется не только их профессиональными компетенциями, но и общим уровнем социокультурной образованности, формирующей социально позитивную мотивацию их трудовой деятельности и ориентированность на инновационное творчество.

Начало исследованиям творческого потенциала человеческого капитала было положено американскими экономистами-исследователями Т. Шульцем (1902–1998) и его учеником и последователем Г. Беккером (1930–2014). Т. Шульцу также принадлежит авторство в изобретении термина «Человеческий капитал» (Human Capital). Этот термин был им смоделирован по аналогии с экономическим термином «Капитал», обозначающим богатство, приносящее прибыль [2]. Но если К. Маркс в качестве источника, приумножающего богатство, рассматривал эксплуатацию наемного труда работников, то в условиях инновационной экономики добавочная стоимость формируется на основе инноваций, с помощью которых осуществляется капитализация интеллектуальных творческих-созидательных возможностей специалистов-инноваторов, что многократно увеличивает производительность труда и рентабельность производства. Актуализация исследования социокультурного аспекта человеческого капитала с целью выявления его творческих потенций приводит к интервенции экономического понятия «Капитал» в такие сопредельные с экономической наукой дисциплины, как социальная философия, социология, социально-философская антропология, социальная психология; теория и практика социального менеджмента. Это позволяет расширить методологические основания данного исследования, применив принципы трансдисциплинарной методологии, позволяющей интегрировать инструменты исследования социальной философии, социологии, социально-философской антропологии и социального менеджмента.

Применение трансдисциплинарной методологии формирует социокультурный подход, позволяющий выявить роль институтов культуры в формировании творческого потенциала человеческого капитала. Как известно, в надбиологических программах культуры закрепляется, благодаря системам информационных кодов, исторически накапливаемый социальный опыт. Известный российский культуролог Э. С. Маркарян, подчеркивал в своих исследованиях мысль о том, что «фундаментальное свойство культуры состоит в том, чтобы быть средством деятельности людей, обеспечивая эффективность различных сфер экономической деятельности» [3, с. 86]. При этом воздействие духовной культуры осуществляется опосредовано через деятельность социальных институтов и транслируемых ими социальных норм. Определяющими институтами культуры, обеспечивающими формирование творческого потенциала человеческого капитала общества, является исторические сложившееся в процессе его развития такие социальные институты как: система образования и воспитания, наука, политика, право, мораль, религия. Освоение в процессе социализации индивидов общекультурных и

профессиональных знаний, а также политico-правового и духовного воздействия, определенных принципов и норм жизнедеятельности формирует социокультурный фундамент человеческого капитала, определяющего его созидательные потенции.

В соответствии с трансдициплинарной методологией исследования автор определяет человеческий капитал инновационной экономики постиндустриального общества как социально-экономический феномен, охватывающий системную совокупность знаний, интеллекта, профессиональных компетенций, социально-позитивной трудовой мотивации, уровня и качества жизни акторов, включенных в систему хозяйствственно-экономических отношений и деятельности трудовых организаций, что позволяет осуществляться их творческой самореализации как личности и специалиста. Человеческий капитал, как социально-экономический феномен может быть смоделирован на следующих уровнях организации социума: социально-системном (национальный человеческий капитал), региональном, корпоративном и индивидуально-личностным. В содержательном плане человеческий капитал на индивидуально-личностном уровне выступает как совокупность способностей индивидов, обеспечивающих адекватную социальным требованиям меру реализации их сущностных сил в хозяйствственно-экономической деятельности той социально-экономической организации, к которой они принадлежат [4].

Творческий потенциал человеческого капитала выстраивается на основе интеграции с одной стороны знаний, опыта, творческих достижений и устремлений предшествующих поколений, а с другой стороны на основе использования новейших достижений в различных областях естественно-научного, технического и социокультурного знания. Интеграция прошлого опыта и современных знаний, осмысленная с позиции ценностных ориентаций и духовных устремлений субъектов социальной деятельности расширяет возможности их творчески преобразовательной деятельности с целью создания принципиально новых объектов, соответствующих потребностям общества [5, с. 72]. Следует отметить, что творческое начало изначально присутствует в обществе, как структурный элемент человеческого капитала на каждом из уровней его существования. Оно стимулирует творческую активность субъектов деятельности и тем самым обеспечивает эволюционное развитие всей системы общественного производства.

Литература

1. Belenkova, O. A. Innovative culture: nature, structure, implementation / O. A. Belelkova, L. I. Vanchukhina, T. B. Leybert // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. – pp. 531–538.
2. Shultz, T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences / T. Shultz. – N.Y., 1968. – V 6.
3. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М., 1983.

4. Belenkova, O. A. Human capital as socio-economic phenomenon of the innovation society: prerequisites of formation, essence and structure / O. A. Belenkova, L. I. Vanchukhina, T. B. Leybert // SHS Web of Conferences. – 2018. – Т. 55.

5. Беленкова, О. А. Творческий потенциал человеческого капитала инновационной эпохи / О. А. Беленкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7. – № 5А. – С. 65–78.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

А. В. Белкина

В условиях современной социокультурной реальности различные аспекты социально-сетевой культуры являются объектом изучения многих областей гуманитарного знания. Так, они исследуются специалистами в рамках социально-философского, социологического, психологического и культурологического подходов. Спектр исследований феномена социально-сетевой культуры в этих областях охватывает целый ряд проблем, одной из которых является выявление степени зависимости пользователя социальных сетей от виртуального пространства, в котором происходит формирование принципиально новой информационно-коммуникативной культуры, обладающей специфическими чертами.

Социальные сети – это интерактивные многопользовательские веб-сервисы, служащие для построения и организации социальных связей и отношений в виртуальном пространстве [1, с. 18]. Тот факт, что за короткий срок социальные сети стали неотъемлемой частью повседневных практик миллионов людей по всему миру, можно рассматривать как одну из основных причин быстро растущего интереса к вопросам социально-сетевой культуры в научном сообществе, которое отмечает, что современные социальные сети, по сути, заключают в себе новые формы виртуальной зависимости.

Одним из очевидных следствий экспоненциального роста популярности и влияния социальных сетей является формирование определенной социально-сетевой культуры, которая, будучи преимущественно культурой повседневных сетевых взаимодействий, в то же время находит отражение далеко за пределами собственно интернет-пространства: например, в интервенции сетевого дискурса в обыденные языковые практики, в формировании новых форм идентичности, социокультурных паттернов, росте популярности конкретных продуктов художественного творчества (вирусные видеоролики, демотиваторы, мемы) и многом другом [2, с. 178].

В совокупности, по результатам огромного количества исследований, посвященных различным вопросам социальных сетей и медиа, были сдела-

ны выводы, что основным контингентом пользователей социальных сетей, которые ощущают на себе влияние социально-сетевой культуры, являются молодые люди, так как именно они отдают предпочтение осуществлению виртуальных практик в интернет-пространстве.

С целью выявления степени зависимости молодежи от социально-сетевой культуры в июне 2019 года нами было проведено пилотажное исследование среди пользователей социальных сетей в возрасте от 18 до 30 лет по Шкале Лайкерта (англ. Likert scale, шкала суммарных оценок), опрошено 100 респондентов.

Данный метод опроса респондентов предполагает работу опрашиваемого со шкалой, при которой ему необходимо оценить степень своего согласия или несогласия с каждым из предложенных ему суждений, от «полностью согласен» до «полностью не согласен». Сумма оценок каждого отдельного суждения позволяет выявить установку испытуемого по какому-либо вопросу. После того, как получены данные по выборке, из первичного списка отбираются суждения с наибольшей дискриминирующей способностью относительно измеряемой установки.

Так, молодым людям было предложено оценить 14 суждений по 10-ти балльной шкале, в зависимости от степени согласия с ними:

1. Я испытываю раздражение, если не могу войти в свой аккаунт.
2. Ежедневно я провожу в социальных сетях более 3-х часов.
3. Я посещаю социальные сети с целью завести новые знакомства.
4. Я посещаю социальные сети, чтобы общаться с родственниками, друзьями, одногруппниками, коллегами.
5. Я посещаю социальные сети, чтобы быть в курсе того, что происходит в жизни других людей.
6. Я посещаю социальные сети, чтобы «скоротать» время, играя в сетевые игры.
7. С тех пор, как я активно начал(а) пользоваться социальными сетями, я меньше общаюсь со своими друзьями в реальной жизни.
8. Я замечаю, что провожу в «онлайн» больше времени, чем планировал(а).
9. Я чувствую себя не в курсе событий, если не посещаю социальные сети несколько дней.
10. У меня случалось такое, что из-за долгого времяпровождения в сети я не успевал(а) сделать задание по учебе/работе.
11. Ежедневно мне необходимо проверять все свои имеющиеся страницы в социальных сетях.
12. Я считаю себя зависимым от социальных сетей.
13. Если завтра социальные сети станут платными, я все равно буду ими пользоваться.
14. Я смогу удалить свою страницу в социальной сети в любой момент, когда захочу.

Методом удаления суждений с низким коэффициентом корреляции, мы получили 4 суждения с наиболее высоким коэффициентом (Табл. 1).

Таблица 1. Распределение суждений с наиболее высоким коэффициентом корреляции.

Суждения	1. Я испытываю раздражение, если не могу войти в свой аккаунт	5. Я посещаю социальные сети, чтобы быть в курсе того, что происходит в жизни других людей	9. Я чувствую себя не в курсе событий, если не посещаю социальные сети несколько дней	12. Я считаю себя зависимым от социальных сетей
Коэффициент корреляции	0,718793	0,675341	0,718686	0,780603

Таким образом, исходя из полученных результатов, мы видим, что респонденты наибольшее согласие выразили со следующими суждениями.

Суждение 1: «Я испытываю раздражение, если не могу войти в свой аккаунт». Это говорит о том, что молодые люди испытывают серьезное раздражение, если по какой-либо причине не могут попасть на свою страничку в социальной сети. Они становятся оторванными от внешнего мира. У молодых людей со временем развивается патологическая необходимость постоянного пребывания на сайте.

Суждение 5: «Я посещаю социальные сети, чтобы быть в курсе того, что происходит в жизни других людей» подтвердило большинство респондентов. Молодые люди слишком много времени проводят в своих аккаунтах социальных сетей, и каждый раз, заходя туда, их тянет огромное количество раз просматривать страницы друзей, в надежде, что хоть кто-нибудь из них обновил информацию. Возможно они вообще постоянно находятся «онлайн», даже на ночь не отключая интернет, чтобы не пропустить что-либо интересное.

Суждение 9: «Я чувствую себя не в курсе событий, если не посещаю социальные сети несколько дней». Наши респонденты, заходя в социальную сеть, обещают себе, что пробудут там лишь пару минут, а в итоге с ужасом обнаруживают, что прошло полдня. Постоянно возникает навязчивая потребность просмотреть свои входящие сообщения. Даже зная о том, что никто не должен был написать, все равно респондентов тянет включить гаджет и проверить это.

Суждение 12: «Я считаю себя зависимым от социальных сетей». Большинство опрошенных молодых людей считают себя зависимыми от социальных сетей и хотели бы, чтобы они занимали в их жизни меньше места. Мно-

гие респонденты согласны с тем, что существует тенденция к появлению зависимости человека от социальных сетей. Большой процент пользователей пытается удалиться из сетей, но по прошествии определенного времени возвращается туда снова; это говорит о том, что люди осознают свою прямую зависимость, но никак не могут ее перебороть.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы выяснили, что проблема зависимости современной молодежи от социально-сетевой культуры носит актуальный характер. Главная проблема заключается в том, что молодые люди признают возрастающее влияние продуктов социально-сетевой культуры, вследствие чего они и становятся заложниками повседневной социально-сетевой коммуникации.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ «Социально-сетевая культура: сущность, механизмы и риски» (Соглашение № 075-02-2018-852).

Литература

1. Гrimov, O. A. Социокультурные практики личности в социальных сетях : автографат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / O. A. Гrimov. – Москва, 2015. – 26 с.
2. Гrimov, O. A. Социально-сетевая культура: к постановке проблемы / O. A. Гrimov // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 177–182.

РЕДУКЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК К КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ПОКАЗАТЕЛЯМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

E. B. Беляева

Стремительная цифровизация всех сторон общественной жизни вызывает множество проблем как практического, так и общефилософского характера. Переход от аналогового к цифровому (сигналу, сообщению, взаимодействию) приводит к изменению не только способов передачи информации, но самого типа социальной реальности. Современная философская мысль активно включилась в осмысление цифровизации и ее влияния на все стороны общественной жизни, стремясь предсказать последствия этого неуправляемого процесса, предостеречь от его очевидных издержек, которые носят не только нравственный и антропологический, но и онтологический характер.

Плюсы цифровизации связаны с точностью передаваемой информации и универсальностью цифрового взаимодействия. Та сторона социальной коммуникации, в которой точность является ценностью, выигрывает в своем развитии, все виды учета и статистики облегчаются. Но, как говорится, существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Редукция каче-

ственных характеристик социальной жизни к количественным показателям создает лживый образ мира, а может быть, и ложную социальную онтологию – мир количеств, не связанных ни с каким качеством.

В наибольшей степени цифровизация захватывает экономику и, в частности, банковскую сферу. Кантовские «талеры в кармане» все более превращаются не просто в «талеры в уме», а в воображаемые цифры, обозначающие талеры, а затем в означающее без означаемого – в симулякры. Например, биткоины и их курс имеют чисто виртуальное существование. В результате цифровая экономика все меньше связана с реальной хозяйственной деятельностью людей и все больше напоминает «мыльный пузырь», который способен лопнуть от любого потрясения. Так за первую неделю 2016 года богатейшие люди мира потеряли \$35 млрд из-за политических скандалов в США, что не помешало им к концу года стать еще богаче. В 2018 году богатейшие люди мира потеряли больше \$510 млрд. Между тем богатство как социальное явление суть не простое количество благ и тем более денег. Как пишет В. Ю. Лыткина, «оно защищает, обеспечивает, обогащает и укрепляет абсолютную ценность человечества, индивидуальную жизнь и в целом – жизнь человечества» [2, с. 199], оно также является символом власти, выявляет эгоизм индивидов, становясь богом капиталистического мира [2, с. 199]. В цифровом же обществе богатство состоит в обладании цифрами.

Другая область, в которой нарастает отрыв количественных показателей от качественных результатов, это цифровая медицина. Она ориентируется на дистанционный доступ к пациенту через посредство медицинских гаджетов, снимающих биометрические показатели, на основе которых пациенту назначаются (а в идеале – вводятся самим гаджетом) медицинские препараты. Одно количество ставится в соответствие другому. Врачи все меньше внимания уделяют «аналоговому» опросу и осмотру пациента, заменяя их назначением анализов и различных исследований, результаты которых представлены в цифровой форме. Лечение как улучшение качества жизни пациента, провозглашенное в биоэтике важнейшей целью медицины, отвергается в пользу «показателей здоровья». От гуманистической установки «лечить не болезнь, а больного», цифровая медицина переходит к установке «не лечить, а изменять количественные параметры в организме пациента». А ведь по мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, качество жизни – это степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются. Само это определение погружает медицинские вопросы в аксиологический контекст и настаивает на субъектной и социальной природе этого контекста. Между тем в цифровой медицине как междисциплинарной области на стыке медицины, компьютерных технологий и бизнеса, общими и главными оказываются измеряемые количественные показатели.

Наукометрия как инструмент управления наукой, сводящая оценку труда ученого к количеству публикаций и их цитируемости, также нарушает диалектическую связь количества и качества. Наукометрия полностью игнорирует природу научного знания, истоком которого является естественное любопытство человека по отношению к окружающему и бескорыстное стремление к истине. Пытаясь побудить ученых к большей производительности науки как области человеческой деятельности, на деле она демотивирует их. Большие ученые, имеющие значительные достижения в науке, естественным образом имеют публикации в журналах с высоким импакт-фактором и высокий индекс цитирования. Для большинства же работников науки, составляющих основание пирамиды, стремление увеличить количественные наукометрические показатели ни в какое качество не переходит, т. е. не ведет к новым открытиям и не развивает способности ученого.

Накопление Больших данных (Big Data) создает для цифровой цивилизации иллюзию, что накапляемые количества информации спонтанно образуют значимые кластеры и паттерны. Между тем, накопление информации отнюдь не приводит само по себе к накоплению знания, которое предполагает познавательную ценностно-ориентированную деятельность субъекта. Если для машины информация может быть самоценной, то знание обладает ценностью именно для человека, является выражением его человеческого качества. В трудах по методологии научного познания содержится мысль о том, что любые количественные показатели, во-первых, собираются на определенной теоретико-методологической основе, а во-вторых, интерпретируются субъектом, сформировавшим эту основу. Цифрами можно пользоваться, но они выполняют служебную функцию, количественные показатели любого процесса не являются самоцелью, сами по себе ничего не доказывают и не объясняют.

В этой ситуации философия должна выполнить свою прогностическую функцию, напоминая общественному сознанию некоторые «прописные истины». Философская мысль Гегеля давно и ясно показала диалектическую взаимосвязь количества и качества через посредство категории меры и сформулировала закон о механизме развития как переходе количественных изменений в качественные различия. Как писал немецкий философ, «нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [1, с. 228]. Качественная определенность связана с сущностью предмета, задает его идентичность. Количественные же параметры предмета характеризуют его только с внешней стороны. Понижение статуса категории «качество» в пользу измерения различных количеств приводит к уменьшению определенности вещей, утрате ими своей природы. Окончательная цифровизация означает не только текучесть, неопределенность, виртуализацию и симуляцию всего, но образование бескачественных

объектов и процессов, бескачественных социальных отношений, некачественных людей.

Полезно также вспомнить прописную истину об обязанности человека быть качественным человеком, обладать качествами человека (добродетелями), человечностью. Эта человечность (как «гуманность» европейской цивилизации, так и конфуцианско «жэнь») не может быть редуцирована ни к каким количественным показателям. Если главная категория этики – добро – обнаружило свою несводимость даже к аналоговым свойствам вещей (как показала критика натуралистической ошибки Дж. Э. Муром), то никакой цифровизации добро не подлежит. В этике обнаруживается полная невозможность сведения моральных качеств к количественным показателям.

Утешением может служить то, что увлечение количественными характеристиками мира постигает человечество уже не в первых раз. Начало Нового времени с его математизацией естествознания стало периодом редукционизма, который во многом оказался позитивным для развития научного знания, придавая ему не только четкость, но и достоверность. Поэтому и на нынешнем этапе общественного развития человечество будет искать меру соотношения количественных и качественных характеристик. Социальные субъекты обнаружат эту меру в актах познания и деятельности, а философия сможет реализовать свой прогностический и когнитивный потенциал, осуществляя рефлексию этого процесса в диалектических категориях количества и качества.

Литература

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1.
2. Лыткина, В. Ю. Богатство и бедность как социально-философские категории / В. Ю. Лыткина // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 3 (8). – С. 198–204.

СОБСТВЕННОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

O. V. Беркова

Разработкой понятия «собственность» в социальных науках занимались исследователи всевозможных направлений и в разные времена. Теоретические школы по-разному определяют собственность и ее сущность.

Так, характерной чертой марксистской трактовки собственности было выделение приоритета экономического содержания собственности по отношению к его юридической форме, а также глубинной основы собственности

(прежде всего на средства производства) как отношения между людьми, а не как отношения человека к вещи [1, с. 135].

В современном институционализме внимание к вопросам собственности проявляется через теорию прав собственности, которая утверждает, что не-правомерно отождествлять собственность с материальными объектами, она представляет собой «пучок» прав на соотношение действий с этими объектами: использовать их, присваивать получаемый от них доход, изменять их форму и местонахождение. Причем права собственности охватывают как физические объекты, так и объекты бестелесные (скажем, результаты интеллектуальной деятельности).

Исходя из теории прав собственности, можно дать характеристику основным типам собственности (частной и общественной) следующим образом. Признаком частной собственности можно считать наличие у какого-либо лица или какой-либо группы лиц всей полноты прав (владения, пользования и распоряжения) на тот или иной материальный или нематериальный объект. Главным моментом здесь является возможность конкретной персонификации субъекта собственности, так как, согласно теории управления, реализация одновременного и согласованного владения, распоряжения и пользования объектом собственности возможна только в небольших группах (максимум, который удалось установить в соответствующих исследованиях, 11 человек, а лучше – около 5-ти).

Признаком же общественной собственности может служить отсутствие у какого-либо частного лица или какой-либо социальной группы всей полноты прав на тот или иной материальный или нематериальный объект. Основное отличие от частной собственности в данном случае состоит в том, что из-за большого количества «совладельцев» здесь нельзя конкретно персонифицировать субъекта собственности [2, с. 61].

Тем не менее процессы монополизации и обобществления экономической жизни, происходящие в современных общественных системах, требуют ответа на вопрос, каким образом в этих системах все же происходит постоянное воспроизведение «носителей» частной собственности (в противном случае они не могли бы существовать и как рыночные, и как стабильные);

Ответ на этот вопрос можно получить, если обратить внимание на такую особенность современной социальной динамики, как возрастание зависимости результатов общественного производства от степени развития и реализации человеческих способностей. Знания, умения и навыки современных обладателей трудовых и интеллектуальных ресурсов, особенно если они уникальные, являются завидной собственностью и позволяют претендовать на высокий доход при найме на работу. Поэтому с этой точки зрения их можно рассматривать как средства производства, в которые, кстати, были произведены затраты (вложения) на поддержание здоровья, на создание определен-

ного образовательного уровня и, как настаивают некоторые исследователи, на мобильность.

Подобные «вложения» в человека можно разделить на две группы: то, что идет на возмещение способности к труду, и то, что затрачивается с целью получения дохода (сверх затрат) в будущем. Вторая группа «вложений» в какой-то мере аналогична капиталу.

Таким образом, современный человек как участник общественного производства, все больше выступает как собственник средств производства, которыми в данном случае являются его знания, умения, способности, квалификация и т. д. Причем над последними он обладает всей полнотой прав по владению, распоряжению, пользованию и может, в этом смысле, рассматриваться, как полноценный частный собственник.

Четко персонифицированный собственник своих способностей, знаний и квалификации экономически обособлен, независим и самостоятелен. Он стремится наилучшим образом распорядиться своей собственностью чаще всего вступая в конкурентную борьбу при найме на работу, чтобы получить максимально возможную прибыль на вложенный капитал, то есть на то, что он потратил на создание и воспроизведение своих знаний, навыков, способностей и здоровья.

Поскольку носители человеческого капитала «производятся», прежде всего, в сферах образования и здравоохранения, то становление этих сфер является необходимым условием стабильного развития общественных систем. Однако существуют ситуации, когда хорошее школьное образование, даже дополненное качественным университетским, может оказаться недостаточным для влияния наличия человеческого капитала на экономический рост [3, с. 10].

Например, уменьшение спроса на инвестиции в результате кризисных явлений в экономическом развитии может сократить спрос на профессии, которые взаимодействуют с физическим капиталом или технологиями.

Также человеческий капитал может накапливаться в тех сферах, где его носители, в силу институциональных особенностей той или иной страны, занимаются не производством материального продукта, а его перераспределением, то есть охотнее концентрируются в банковской и торговой сферах или сосредоточены в сырьевых компаниях.

На выбор сферы деятельности носителей человеческого капитала может также косвенно влиять патронат со стороны чиновников, формирующих монопольную власть компаний, производящих простые товары и услуги. «Поэтому в Китае, например, владельцы человеческого капитала отдают предпочтение профессиям экономистов и юристов из-за воспринимаемой ими надежности рабочих мест и карьерных возможностей, предоставляемых подобными государственными компаниями» [3, с. 15].

Для того чтобы человеческий капитал ощутимо оказывал влияние на экономический рост, необходимо, чтобы государство стимулировало его концентрацию в производственных секторах экономической системы, причем сегодня в тех, которые способны создавать «технологичные» товары. Многие современные товары сложны, и знания о том, как их производить, как правило, хранятся в больших сетевых структурах, включающих конструкторов, ученых, инженеров, менеджеров и пр., часто располагающихся в разных странах. Поэтому для инновационного развития современного производства необходимо подключение к этим сетевым структурам, внутри которых проходит обмен знаниями и передача ноу-хау и т. п. В противном случае – в условиях стремительного развития товарных и финансовых рынков и вытекающего из этого нарастания процессов информатизации – все вложения в человеческий капитал со стороны государства будут бесполезными.

Из вышесказанного следует, что через развитие человеческого капитала (т. е. через совокупность знаний, умений, способностей, квалификации и здоровья человека) возможен не только экономический рост, но и достижение способности конкурировать на глобальном рынке и вообще интеграция в мировое экономическое пространство, что является актуальной задачей экономической трансформации для Республики Беларусь.

Литература

1. Экономическая теория (политэкономия) : учебник / под общ. ред. акад. В. И. Видяпина, акад. Г. П. Журавлевой. – М. : ИНФРА-М, 1997.
2. Клейнер, Г. От экономики «физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 56–72.
3. Любимов, И. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? / И. Любимов // Вопросы экономики. – № 8. – 2017. – С. 5–23.

ДУХОВНОСТЬ В СОДЕРЖАНИИ ЦЕННОСТЕЙ У ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

A. B. Болкунов, A. I. Янчий

Ценностные ориентации личности как доминирующие убеждения довольно давно являются объектом пристального внимания психологов. Понимание того, что влияет на генезис ценностей, позволяет понять и то, что происходит в ценностно-смысловой, духовной сфере жизни человека.

Непосредственно сам термин «ценностные ориентации» впервые ввел в психологию М. Рокич. В своих работах он описывал «ценностные ориентации» как личные доминанты человеческих убеждений. В дальнейшем эти идеи были расширены в работах Ш. Шварца, который выделил социальные и личные ценности [1]. В современной психологии данные теории пользуют-

ся наибольшей популярностью, так как описанные авторами ценности дают понимание не только материалистического восприятия мира человеком, но и духовного.

Рассматривая ценности в контексте духовной жизни человека, нам кажется важной идея, высказанная российским и американским культурологом Питиримом Сорокиным. В рамках концепции культуры он высказывает мысль о культурных сверхсистемах. Они представляют собой единство, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну главную ценность. Как считает Питирим Сорокин, именно ценность является основой и фундаментом любой культуры. Доминирующие ценности культуры охватывают всю духовную жизнь общества, они между собой взаимосвязаны и если изменяются одни, то неизбежно трансформируются другие. В зависимости от доминирующих ценностей П. Сорокин выделяет три типа культур: чувственный, идеациональный, идеалистический.

Для чувственного типа культуры характерно признание реальности того, что воспринимается нашими органами чувств, все подчиняется чувственным наслаждениям, жизненным удовольствиям и практической пользе. Для второго типа культуры – идеационального, главными ценностями являются ценности религии, сверхчувственное и сверхразумное начало. П. Сорокин выделял в этой системе Бога как высшую реальность. Третий тип культуры – автор выделил его как промежуточный – идеалистический, который совмещает в себе чувственные и идеациональные ценности. Также стоит обратить внимание на то, что П. Сорокин описывал и динамичность социальных ценностей. Так, по мнению автора, для общества свойственна смена ценостной среды с течением времени. При этом изменения одного типа культурной системы на другой всегда проходят через кризисы, разрушение старого и создание нового [2].

Анализируя идеи П. Сорокина можно сделать предположение, что ослабление духовной жизни современного общества является нормативным изменением. Так, идеи о ценностях культуры и духовной жизни сменяются идеями нового капиталистического мира, отраженными в потреблении, гонке за статусами и гедонизме. Говоря о таких тенденциях, нельзя не упомянуть теорию В. Франкла о кризисе ценностей. Среди главных ценностей, которые приводят к нахождению «смысла жизни», автор описывает «свершение подвига», «переживание ценностей» и «страдание». Основываясь на этом предположении, В. Франкл выделил три группы ценностей. В первую группу вошли ценности творчества как самые важные, но не необходимые для жизни человека. Вторую группу составили ценности переживания, где самым главным потенциалом ценностей выступает любовь, которая не является необходимым переживанием для понимания смысла жизни. К третьей группе В. Франкл отнес ценности отношений, в которых и заключено наибольшее значение для осмыслиения жизни и жизненного пути личности. Автор под-

черкивал, что фрустрация этих ценностей и порождает кризис смысла жизни, либо «экзистенциальный вакуум». В числе причин возникновения фрустрации основных ценностей, В. Франкл выделял отсутствие стремлений и инстинктов, которые побуждают человека к совершению определенных действий, а также отсутствие указаний к действиям в социуме, в следствии чего люди не знают, что они хотят делать, и отступают в конформизм, делая то, что делают другие. Стоит отметить, что вторую причину «экзистенциального вакуума», В. Франкл описывал, как самую большую проблему, которую привносит «материалистический мир». По мнению автора, конформный человек стремится к получению удовольствия, к высокой социальной оценке и т. д. При этом он указывал, что «если весь смысл жизни свести к удовольствию, в конечном итоге мы неизбежно придем к тому, что жизнь покажется нам лишенной смысла» [3, с. 72].

Стоит отметить, что основным противопоставлением материалистической жизни, как отмечают многие авторы, является духовная жизнь, которая наиболее ярко воплощается в религиозной вере. Так, например, Д. М. Угринович, описывал веру, как концентрацию психической жизни личности на религиозных образах, идеях, чувствах и переживаниях, что приносит в жизнь человека определенные ценности, которые заключены в мировоззрении и философии той веры, с которой человек себя отождествляет.

Исходя из высказанного, нами было сделано предположение о том, что люди, которые разделяют христианские традиции и мировоззрение, имеют меньшую направленность на материальный мир и ориентированы в основном на духовную жизнь. Для того чтобы доказать данную идею мы провели исследование содержания ценностей у людей с разной религиозной направленностью. В качестве инструмента исследования использовали «ценностный опросник Ш. Шварца», который был дополнен духовными ценностями, выделенными в исследовании А. М. Двойнина, а именно: имеющий глубокие отношения с Богом; чувствующий действие Бога в своей жизни; имеющий духовную опору в Боге; осознающий себя членом религиозной группы; пребывающий в состоянии общения с Богом; познающий, открывающий для себя Божественные истины; совершающий поступки во имя Бога; стремящийся к духовной чистоте, соблюдать заповеди Бога; пребывающий ближе к Богу [4].

В исследовании приняло участие 60 человек. Из них 33 считают себя атеистами, а 27 человек относят себя к верующим.

Анализ иерархии ценностей, обнаруженных нами у атеистов, показал, что наиболее значимыми ценностями для них выступают «самостоятельность» (5,66), «универсализм» (4,98) и «гедонизм» (4,89). В тоже время наименьшую значимость, получили ценности «традиции» (2,75), «власть» (3,24) и конформность (3,85). Духовные ценности у атеистов получили низкую оценку, потому в рамках данной статьи анализировать эти данные нецеле-

сообразно. Полученная иерархия ценностей атеистов позволяет описать респондентов данной группы как людей, стремящихся к личному удовольствию. Понимая и принимая социум, атеисты также заботятся о его благополучии. Для них важны действия, которые направлены на выживание тех групп, в которые вовлечены они сами. При этом атеисты низко оценивают стремление к высокому социальному статусу и к тем идеалам, которые принимаются окружающим обществом. На наш взгляд, это может быть следствием того, что для атеистов личные чувственные наслаждения являются смыслом жизни.

Нами также была изучена иерархия ценностей у христиан. В числе наиболее значимых ценностей респонденты данной группы указали «самостоятельность» (5,24), «безопасность» (4,93) и «доброту» (4,82). При этом высокую оценку получили и духовные ценности «чувствующий действие Бога в своей жизни» (5,07) и «имеющий глубокие отношения с Богом» (4,88). Наименьшие баллы в иерархии ценностей христиан, получили «власть» (3,55), «традиции» (3,67) и «стимуляция» (3,75). На наш взгляд, такое распределение может указывать на социальную направленность ценностей христианства. Так, помимо ответственности за свою жизнь, христиане высоко ценят благополучие и гармонию близких людей. При этом значимость именно таких духовных ценностей может быть отражением того, как в бегстве от материализма и поверхностного общения с социумом христиане находят духовную близость с Богом, а также находят «духовное в материальном», ощущая присутствие Бога в повседневной жизни. При этом для христиан чужды стремления к соблюдению общественных обычай, завоеванию высокого социального статуса. Однако, в отличии от атеистов, христиане допускают конформность и предсказуемость в свою жизнь, избегая глубоких переживаний от активности, направленной на новизну и разнообразие.

Таким образом, предположение о том, что для представителей христианства более свойственна духовность, чем материализм, подтвердилось. Основываясь на этих данных можно предположить, что следование духовным традициям, которые сложились в религии, позволяет избежать пустоты и кризиса смысла человеческого бытия.

Литература

1. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2004. – 70 с.
2. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 178 с.
4. Двойнин, А. М. Смысложизненные ориентации религиозной личности / А. М. Двойнин // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология, 2011. – Вып. 3 (22). – С. 139–151.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВА НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЛАНЕТАРНЫХ РИСКОВ

М. С. Бурьянов

Актуальность исследования обуславливает стремительная динамика эволюции общества и выход его развития за пределы человеческого контроля. Эпоха, в которой мы непосредственно пребываем – имеет уникальные черты, которые никогда прежде не проявлялись на Земле. Глобализация, вспышка технологического развития, расширяющая человеческие возможности; и одновременно время, когда человечество может уничтожить само себя и не возродиться вновь. Человек способен стереть тот путь сквозь века и звезды или же продвинуться к устойчивому развитию, придав уравновешивающий импульс планетарному процессу дисгармоничного роста? Эпоха требует полной деконструкции взглядов на мироустройство, право и идеалы, объединяющие ранее все живое на планете Земля.

Взаимодействие человека со средой протекает эффективнее, чем у других видов т.к. человек обладает функцией абстрагирования [1, с. 22]. Человек может моделировать, прогнозировать, кодировать информацию на внешних носителях и декодировать ее в будущем, обмениваться опытом с другими представителями вида и также изменять среду в соответствии со своими потребностями/целями/установками. Таким образом, представим это как ось «принцип жизни», состоящую из слоев, каждый из которых соответствует улучшению исполнению задач, заложенных в фундаменте жизни.

Каждый слой — это феноменальная карта, некоторый качественный скачок с усложнением и появлением новых способов оценки и моделирования реальности, который не доступен прошлым слоям биологической материи. Слои могут описываться через модель, предложенную Дэниэлом Дэннетом [2, с. 5]:

1 слой «дарвиновские существа» — лишь участвуют в естественном отборе и их поведение детерминировано врожденно;

2 слой «скиннеровские существа» — приобретают способность формировать условные или инструментальные рефлексы;

3 слой «попперовские существа» — приобретают способность к проекции и прогнозированию своего поведения;

4 слой «грегорийские существа» — обладают способностью упаковывать и передавать опыт через абстрагирование.

Как мы видим, вектор усложнения биоматерии шел по пути усовершенствования сигнальных систем. Отбор изначально оперировал морфологией тела, телесной структурой, органами, тканями и признаками. Постепенно эволюция привела живое к оперированию массивами информации, т.е. развитию функции проигрывания сценария внутри психики и оформления про-

гностической функции со способностью к абстрагированию, а также формированию регуляторов общественной материи, т.е. выработке правовых предписаний-законов, сохраняющих условное «правопреемство» от природных законов. Стержнем права является регулирование общественных отношений, его выраженность в системе норм международного и внутригосударственного права.

Современный мир демонстрирует нам примат *права силы* (1, 2 слои вертикальной «оси жизни») над *силой права* (3, 4 слои вертикальной «оси жизни»). Разительно ухудшаются международные отношения, повсеместно нарушаются права человека, рассыпается взаимоуважение, а декларируемое после двух мировых войн право не приобрело должного внимания в реальности, а лишь стало лозунгами политиков и истеблишмента. Что как бы говорит, о том, что право, ныне закрепленное в декларациях, пактах..., не является «*силой права*», а лишь замаскированным «*правом силы*». Данный контекст диктует обратить пристальное внимание на создание нового права, включающего себя вполне осозаемые и прозрачные способы его реализации [3, с. 36].

Представляется возможным пройти подлинный путь «*силы права*» по этапам: начав с научно-теоретико-прикладного исследования; формирования новейших правовых принципов и норм; системной их интеграции на прозрачную техно-правую платформу (bigdata+Blochian); повышение правовой культуры, выработка правового поведения, внедрения и формирования информационно-коммуникативных технологий повсеместно, создания права в форме объективного природного явления с целью реализации прав человека. Правами человека в данном контексте зовется модус развития и поведения человека, отражаемый в правовых документах и в будущем реализуемый техно-правовыми институтами [4, с. 21]. Этот принцип является собой ключевой критерий построения «*силы права*» в условиях неподконтрольных глобальных процессов с целью устойчивого развития цивилизации [5, с. 94], планеты и личности.

Человечество стоит на развилке летописи истории – тяжело преодолимой точке сингулярности, и пути всего два: 1) ее преодоление и подконтрольное движение в сторону устойчивого развития или 2) полному расщеплению и забвению ввиду не осведомленности о планетарных рисках, тени животных амбиций зацикленных на саму себя, разрушительной мировоззренческой нетерпимости, постановки краткосрочного выше долгосрочного, отсутствию неиерархического децентрализованного глобального управления, доминированию «*права силы*» над «*силой права*» [1, с. 153].

Новейшая историческая ситуация диктует нам создание в обществе новых силовых линий «*силы права*» [7, с. 8]; нового глобального правового мышления; новой политики; новой логики; нового долгосрочного выбора,

учитывающего риски глобализации, обостряющие исторический процесс и отсутствие устойчивого развития человека, общества и мира.

Практическая и научная значимость исследования заключена в формировании новых векторов для развития человека, образования, общества, мира и правовых явлений в условиях динамики глобальных процессов с целью перехода в фазу подконтрольного устойчивого развития. Естественно разрешение вопросов, висящих над миром с середины 20 века (перспектив конца всего нам была предложена именно этим веком), будет проходить не революционно, а эволюционно с предельной осторожностью, хоть и предполагает кардинальный переворот во всех социальных регуляторах, мышлении, культуре и самом человеке. «Сила права» — это ответ на глобальные вызовы, нюансы эпохи и ситуации, и опора будущей жизни планеты Земля и реализации прав человека.

Все это невозможно без качественно нового системного образования в педагогической и юридической областях знаний, учитывающего описанное выше, а именно: риски глобальных проблем, ориентированность на развитие личности, общества, преодоление глобальных проблем и необходимую веку задачу — формирование устойчивого развития. Необходимы исследования для формирования права, как объективной части среды через развитие системы блокчейн и системы умных контрактов, дабы придать закону силу, как нечто исполняемое неотвратимо, как часть объективного природного явления. Глобальным процессам нужен дополнительный импульс, смещающий их динамику в сторону управляемого равновесия. Опорой создания глобальной системы управления послужит формирование нового глобального права, основанного на интеграции международного права, внутригосударственных правовых систем и других социальных регуляторов.

Литература

1. Korzybski, A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula.) / A. Korzybski. — Institute of General Semantics, 1994.
2. Деннет, Д. С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. — М., 2004. — С. 50.
3. Бурянов, М. С. Право как глобальная ценность и регулятор глобализирующихся общественных отношений // Актуальные проблемы глобальных исследований: ценности глобального мира: сборник научных трудов участников V Международной научно-практической конференции. — М., 2018. — С. 36–39.
4. Rosenau, J. N. Governance Without Government: Order and Change in World Politics / J. N. Rosenau, E. O. Czempiel. — Cambridge University, 1992. — 311 p.
5. Ильин, И. В. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы развития и перспективы / И. В. Ильин, О.Г. Леонова // Век глобализации. — 2016. — № 1–2 (17–18). — С. 182–190.
6. Buryanov, S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. — Amsterdam, 2018. — 228 p.

7. Бурьянов, С. А. Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов // Евразийский юридический журнал. – № 9 (100), 2016. – С. 8–15.

8. Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, г. Рязань (РФ), 27 апреля 2017 года. – Рязань, 2017. – С. 348.

ЧРЕЗМЕРНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С. А. Бурьянов

Беспрецедентно быстрое и сложное, но неравномерное и противоречивое развитие социо-техно-природных взаимодействий в планетарном масштабе привело к обострению глобальных вызовов. Особое беспокойство вызывают сферы безопасности, экологии, а также комплекс социально-экономических вызовов, включая чрезмерную социальную дифференциацию. Многие современные ученые считают, что нерешенность глобальных вызовов несет угрозы не только устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию, но и самому существованию цивилизации. В указанном контексте представляется актуальным исследование путей перехода к управляемому развитию на основе социальной справедливости в гармонии с природой.

Из числа первопроходцев в сфере исследований глобальных вызовов следует выделить Т. Левитта, Дж. Маклина, Р. Робертсона, Д. Медоуза, а также В. И. Вернадского, Н. Д. Кондратьева, Н. Н. Моисеева, К. Э. Циолковского и других исследователей. В частности, известный российский ученый Н. Н. Моисеев говорит о качественно новом этапе человеческой истории, формировании планетарной взаимозависимости, а также глобальных угроз существованию цивилизации, что требует подчинения экологическому императиву [1, с. 27-28].

Кроме экологических и иных, одним из крайне серьезных глобальных вызовов современному миру экспертами называется чрезмерное социальное расслоение. В частности, в отчете международного объединения Oxfam, опубликованном в январе 2019 г., показано вопиющее социальное неравенство в современном мире. Авторами исследования отмечается, что состояние миллиардеров увеличилось на 12 процентов в прошлом году – или на 2,5 миллиарда долларов в день – в то время как 3,8 миллиарда человек, которые составляют беднейшую половину человечества, сократили свое состояние на 11 процентов. Авторы доклада указывают на растущий разрыв

между богатыми и бедными, который подрывает борьбу с бедностью, наносит ущерб нашей экономике и разжигает общественный гнев во всем мире. Это показывает, как правительства усугубляют неравенство, недофинансируя общественные услуги, такие как здравоохранение и образование, с одной стороны, при налогообложении корпораций и богатых, а также с тем, чтобы не пресекать уклонение от уплаты налогов, с другой. Также установлено, что от растущего экономического неравенства больше всего страдают женщины и девочки [2].

Заслуживает внимания мнение объединения Oxfam International, полагающего, что преодолеть проблемы социального неравенства можно через установление налога на корпорации и инвестирование ресурсов в доступность базовых услуг, включая образование и здравоохранение. Всемирный банк и отдельные государства начали разрабатывать идею безусловного дохода, который направлен на преодоление социального неравенства через получение каждым гарантированной денежной выплаты. По мнению экспертов Всемирного банка, безусловный доход расширяет возможности занятости: люди могут открыть свое дело, реализовать себя в частичной занятости без угрозы потери средств к существованию. В январе 2019 года совет министров Италии одобрил введение базового, «гражданского» дохода в размере 780 евро для бедных, безработных и малоимущих граждан [3]. В 2019 году эксперименты по введению базового дохода для определенных групп населения проводятся в Нидерландах, Канаде, Индии, Финляндии. Однако, переход к безусловному доходу в развивающихся странах потребует около 3,75% ВВП.

Несмотря на то, что сегодня сделаны лишь первые робкие шаги, в перспективе практическое воплощение идеи безусловного дохода смогут приблизить возможности современных цифровых технологий (всемирной информационной компьютерной системы (Internet), обработки больших массивов информации (big data), децентрализованных распределенных прозрачных сетевых реестров (blockchain) и др.).

Также подчеркнем, что реализация образовательных прав человека [4, с. 21] является одним из главных и наиболее эффективных способов инвестирования и воспроизведения потенциала устойчивого развития человечества, где права человека, мировоззренческий нейтралитет, толерантность и противодействие нетерпимости [5, с. 221] выступают в качестве важных трендов развития современной интегрированной научно-образовательной системы [6].

Сегодня сложно представить, чтобы элиты большинства государств умели свои финансовые аппетиты, а также пошли на сокращение чрезмерных военных расходов ради преодоления нищеты и достижения устойчивого развития. Но, в условиях формирования планетарной экономики знаний и

объективного возрастания роли человеческого капитала, другой позитивной альтернативы просто нет.

Представляется, что реализация идей базовых услуг (включая здравоохранение и образование), безусловного дохода и интегрированной научно-образовательной системы, направленных на достижение социальной справедливости, станет возможна в будущем в рамках инновационной децентрализованной системы управления глобальными процессами, основанной на глобальном праве [7, с. 36].

Литература

1. Моисеев, Н. Н. Главное противоречие XXI века. Можно ли избежать горячих противостояний? / Н. Н. Моисеев // Вестник экологического образования в России. – 2013. – Т. 3. – № 69. – С. 27-28.
2. Billionaire fortunes grew by \$2.5 billion a day last year as poorest saw their wealth fall // Oxfam International. 21 января 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2019-01-18/billionaire-fortunes-grew-25-billion-day-last-year-poorest-saw>. – Дата доступа: 17.06.2019.
3. Старостина, Ю. Власти не смогли заставить финнов работать при помощи безусловного дохода / Ю. Старостина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/08/02/2019/5c5d67609a79470e31ddd598?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop. – Дата доступа: 21.06.2019.
4. Бурьянов, С. А. Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький, Д. А. Пашенцев, Г. В. Романова. – М.: МГПУ, 2018. – 200 с.
5. Buryanov, S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017 / S. A. Buryanov. – Amsterdam, 2018. – 228 p.
6. Чернявский, А. Г. Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде / А. Г. Чернявский, С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 174 с.
7. Бурьянов, С. А. Некоторые подходы к определению понятия глобализации образования в контексте проблемы формирования системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития / С. А. Бурьянов // Ценности и смыслы. – 2017. – № 6 (52). – С. 36–49.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТRENД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ: ФОРМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ

B. N. Ватыль

Интернет-технологии играют возрастающую роль в обеспечении политических коммуникаций и оказывают заметное влияние на процессы широкомасштабного управления сознанием масс, позволяя акторам коммуникационного взаимодействия эффективно конструировать восприятие обществом

политической реальности с последующим формированием новых моделей поведения и действий. Интернет сегодня воплощает политическое коммуникационное пространство, кардинально отличное от традиционного. В последнем использование привычных техник и технологий массовой коммуникации значительно менее эффективно в отношении возможностей современного политического контроля и управления в реалиях инфосоциума.

Актуальное политическое управление реализуется в первую очередь посредством применения коммуникационного инструментария, обеспечивающего трансляцию и формирование смысловых категорий и ценностных ориентиров в сознание масс. Такие коммуникационные инструменты обладают выраженной спецификой, отличной от классических коммуникационных инструментов. Данная специфика обусловлена экстерриториальностью, высоким уровнем доверия к горизонтальным коммуникациям, мультимедийностью, наличием возможностей широкомасштабного использования симуляков, падением значения непосредственно контента сообщений, возрастанием значимости пользовательских оценок данного контента.

В рамках интернет-пространства генерируются новые методы и формы влияния на общественное сознание. Создаются горизонтальные коммуникации, основанные на моделях вовлечения сетевых субъектов в коммуникационное распределенное взаимодействие с последующим формированием выступающих в роли новых общественных институтов сетевых сообществ. Параллельно понятие массы в пространстве интернета применительно к особенностям и возможностям коммуникативного воздействия на нее в рамках политического управления обретает новое значение за счет структурирования сетевых сообществ в вариативных форматах: «один ко многим», «многие ко многим», «многие к одному», появления эффекта «умной толпы», связанного с использованием высокотехнологичных многофункциональных гаджетов. Также это связано с возникновением феномена «виртуальной массы», выделяющегося наличием в сетевых сообществах большого числа виртуальных лидеров общественного мнения.

Развитие посредством интернет-технологий массовой политической коммуникации влияет на формирование новых моделей социального устройства. Вызываются социально-политические эффекты, ранее не существовавшие в традиционном публичном политическом пространстве, непосредственно связанные с мобилизационными возможностями социальных медиа в отношении представителей гражданского общества. Значительная роль отводится взаимодействиям общества, возрастанию структурированного давления на властные институты со стороны сетевых сообществ. Происходит десакрализация власти, радикализация настроений интернет-пользователей. Также осуществляется перенос на сетевые сообщества части функций традиционных социально-политических институтов.

Интернет-пространство имеет особенность – значительно больший манипуляционный и пропагандистский потенциал по сравнению с традици-

онным пространством политических коммуникаций. Технологии и интернет-ресурсы преобразуются из чистого и независимого инструментария демократизации современного общества в инструментарий формирования искаженной политической виртуальной реальности в глобальных масштабах. Манипуляционный потенциал интернет-ресурсов, наделенных интерактивностью и мультимедийностью, экстерриториальностью, дополнительно обуславливает необходимость актуализации и переоценки в процессе развития современного общества значения интернета. Существующие в цифровом пространстве в настоящее время технологии медийной работы активно используются для разрушения традиционных символических и культурных пространств. Происходит создание и внедрение в массовое сознание новых общественно-политических символов и ценностей, а также формирование политических мифов и стереотипов, непосредственным образом влияющих на устойчивость политических режимов.

На сегодняшний день значительное место в информационно-коммуникационном воздействии в интернет-пространстве играют киберсимулякры – виртуальные псевдодличности, действующие в сетевом пространстве. Симулируя презентацию реальных интернет-пользователей, ими обеспечивается трансляция пропагандистского контента для осуществления манипуляционного воздействия на массовое сознание. Это обуславливает виртуализацию интернет-пространства и приводит к ощущимым деформациям в отображении политической реальности. Нынешние технологически развитые государства имеют более широкий инструментарий коммуникативных интернет-технологий политического управления. Они обеспечивают возможности реализации механизмов пропаганды и манипуляционного потенциала онлайн-пространства. Сюда же относится осуществление транстерриториального управления национальными секторами виртуального пространства других государств. Так актуализируется проблема информационной государственной безопасности и политической стабильности на принципиально новом уровне социально-политического развития большинства современных держав. Становится понятным, почему технологии интернет-коммуникации активно применяются в последние годы в ходе подготовки и проведения «цветных революций», в значительной степени представляющих политические перевороты. Они осуществляются внешними субъектами, с активным применением интернет-ресурсов, каналов интернет-коммуникаций, подконтрольных интересантам внешних акторов. Возникает виртуальная перекодировка ценностных и смысловых сегментов суверенных национальных государств, дестабилизация существующих политических режимов. За этим следует внедрение в массовое сознание протестных моделей поведения, мобилизация широких масс населения для участия в оппозиционных акциях, которые направляются на свержение существующих легальных институтов власти.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ

М. И. Веренич

Анализ современного состояния исследований по проблематике консолидации общества и выявление возможных социально-гуманитарных технологий предполагает комплексную научно-методическую работу с различными источниками.

Теоретико-методологической основой служат труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные как анализу проблем социальной солидарности, объединения, консолидации, интеграции, конъюнкций, так и противоположных понятий (дизъюнкция, противостояние, конфликт, разъединение и т. д.) Факторы, механизмы и технологии консолидации и социальной солидарности общества были выявлены классиками социологии и социальной философии (Э. Дюркгейм, О. Конт, М. Вебер). Задачи и прикладные аспекты механизмов влияния институтов гражданского общества на консолидацию общества изучались в работах Дж. Александера; анализу роли и механизмов влияния культурных факторов и ценностей на создание общегражданской идентичности и гражданской нации посвящены работы И. Гердера, А. Уайта, Ю. Хабермаса, Р. Инглхарда, А. Я. Флиера.

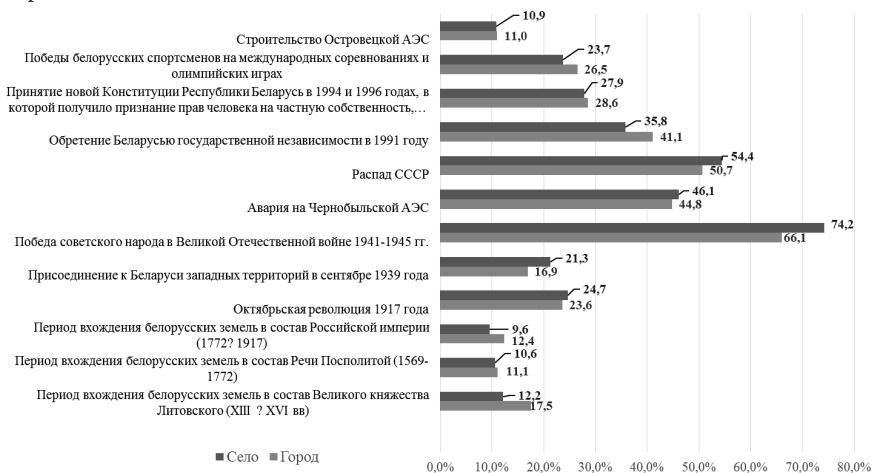
Для общего теоретико-методологического обоснования проблематики консолидации в современном обществе целесообразно использовать концепцию социальной консолидации общества и власти М. Н. Руткевича; концептуализацию связи цивилизации, территории, и воспроизводства сообщества Н. И. Лапина и М. К. Горшкова (ценности сохранения, или выживания вида, включая взаимопомощь, ненасилье, бережное отношение к жизни и ценности развития человеческих качеств, включая достоинство, способности, свободы и права, формирующие концепцию «реального гуманизма»). При анализе особенностей социальной и культурной памяти и цивилизационной идентичности следует опираться на результаты проведенного эмпирического исследования института социологии НАН Беларуси «Изучить механизмы проявления и воспроизводства цивилизационного кода в современном обществе и влияния его составляющих на развитие белорусской экономики» (2016 г., Н-1980 ч.).

Анализ проблемы консолидации различных слоев общества показывает, что большинство правительственные программ и проектов Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Украины, России включают положения, ориентирующие на усиление мер по консолидации общества, достижению консенсуса, согласия, договоренности граждан и государства, различных социальных

групп, политических партий и государства. Но сами теоретические исследования факторов, механизмов и направлений достижения консолидации поверхностны, фрагментарны, не содержат обоснований политических и экономических аспектов, социально-культурных условий, технологий обеспечения консолидации, а также индикаторов достижения этой цели на различных этапах развития и функционирования общества и с учетом глобализационных трансформаций. Во многом это связано с недостаточной разработкой в социально-политических науках проблем консолидации общества (ее политический, идеологический, экономический и социально-культурный аспект), а также с проблемой консолидации граждан и власти в отношении перспектив развития страны. Это делает востребованными их всестороннее изучение, осмысление и эмпирическую апробацию.

Выявление и анализ конкретных факторов и их роли или влияния на степень консолидации позволит не только оценить сегодняшние ключевые проблемы, но и определить перспективы и динамику укрепления социального взаимодействия в Республике Беларусь.

Так, в проведенном Институтом социологии НАН Беларуси исследовании 2016 года, на вопрос «Что прежде всего объединяет народ Беларуси», полученные ответы ранжировались следующим образом: территория страны, белорусское гражданство, место проживания, национальность. Наименьшее количество респондентов отметили политические взгляды, вероисповедание и религию.

**Рисунок 1. – Распределение ответов на вопрос:
«Что прежде всего объединяет народ Беларуси?»**

Анализ ответов респондентов показал, что наибольшее влияние на судьбу страны оказали: победа советского народа в ВОВ (74,2% – город; 66,1% –

село); распад СССР (54,4% – село; 50,7% – город), авария на Чернобыльской АЭС (46,11% – село; 44,8% – город), обретение Республикой Беларусь государственной независимости в 1991 году (35,8% – село; 41,1% – город). Также знаковыми событиями отмечены принятие новой Конституции 1994 года, победы белорусских спортсменов на международных соревнованиях и Олимпийских играх, Октябрьская революция 1917 года. Наименьшую значимость получили периоды вхождения белорусских земель в составы ВКЛ и Российскую империю и строительство Островецкой АЭС. В зависимости от места проживания (город либо сельская местность), мнения граждан отличаются несущественно.

В последние годы, а это новые события и акции, в том числе масштабные мероприятия международного уровня: например, встреча в «нормандском формате» глав Украины, России, Германии и Франции, посвященная урегулированию военного конфликта на юго-востоке Украины в феврале 2015 года; вторые Европейские игры в июне 2019 года; организуемая на общереспубликанском уровне акция «Беларусь помнит»; областные, районные и местные фестивали, акции, мероприятия, которые вовлекают граждан разного возраста и социального статуса.

Сущность консолидации общества – это взаимное доверие, реальное сотрудничество во имя сплочения общества, взаимодействие и взаимопомощь социальных субъектов, их интеграция в социально-политической, культурной жизни. Важнейшей формой консолидации общества служат разнообразные способы организации межгрупповых, межклассовых, межэтнических, межнациональных и межконфессиональных связей. А роль и значение консолидации общества состоит в том, что она влияет на уровень и глубину разрешения общественно-значимых проблем, объединение разно-дифференциальных социальных и разновозрастных групп.

При соблюдении этих условий консолидация общества будет поддерживать высокий уровень его стабильности, способности самосохранения и выживания, заботу о своей целостности и безопасности, взаимодействие власти, политики на основе ценностей общества.

Пока в Беларуси достижение общественного благополучия и согласия, разработка эффективных механизмов реализации потребностей консолидации, в том числе и с гражданским обществом, и механизмов внедрения общественных и неформальных инициатив находятся в стадии становления, поиска компромисса и взаимовыгодных точек соприкосновения.

Социально-гуманитарные технологии можно реализовать через социально-культурные составляющие: национальную идею, принципы идеологии, культурную практику, соизмеряемые с нормами демократии, прав человека, в социальном партнерстве и конструктивном взаимовыгодном сотрудничестве между тремя секторами общества – государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями с целью

решения общественно значимых проблем в интересах всего населения или его отдельных групп и страт. Среди эффективных форм партнерства стоит отметить: государственно-частное партнерство, благотворительность, корпоративную социальную ответственность (КСО), эндаумент, фандрайзинг, социальные сети, разумный лоббизм и т. д.

Социально-гуманитарные технологии «работают» в том числе и через основные функции культуры, которые оказывают непосредственное влияние на развитие общественных отношений, так как культура влияет на формирование менталитета и мировоззрения нации, определяет сознание и поведение людей, формирует у индивида чувство сопричастности, принадлежности. Сохранение культурного наследия, национальных традиций, исторической памяти создают культурную память, поддерживают межпоколенные связи, которые выступают фундаментом национального единения.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДВИЖЕНИЯ К НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

М. И. Вишневский

Широта и основательность миссии образования, состоящей в обеспечении преемственности и обновления культуры, позволила в свое время С. И. Гессену [1] охарактеризовать педагогику как прикладную философию. В наши дни требуется заново осмыслить и место философии в культуре, и теоретико-мировоззренческие ориентиры образования. Подлинным вызовом для педагогики должна была бы стать необходимость совместного использования в ней двух весьма несходных принципов анализа человеческого опыта – принципа свободы и принципа детерминизма [2, с. 141]. И. Берлин убедительно писал о том, что идея совершенного мира, в котором все хорошее гармонично существует, не только неосуществима, но и внутренне противоречива; гордыня всезнания чревата антигуманизмом, насилием, террором [3]. Однако можно полагать, что умозрительная противоположность свободы и внешней детерминации в реальной жизни преобразуется в более или менее тесное единство, с трудом поддающееся, правда, отчетливой и исчерпывающей теоретической экспликации.

Примером жизненно значимого единства внешней необходимости и человеческой свободы может служить разработанная П. Бурдье концепция габитуса [4], которая направлена на преодоление антиномического истолкования обусловленности наших действий окружающей средой и проявляемой нами изобретательности, а также абстрактного противопоставления сознательного и бессознательного в человеческом бытии. Согласно Бурдье, выработка у человека определенного габитуса, или практического чутья, позволяет ему

целесообразно и находчиво, свободно действовать в самых различных ситуациях, даже не ставя при этом перед собой отчетливо осознаваемую цель и не придерживаясь явно сформулированного плана. Конечно, предпосылками габитуса являются разнообразные знания и приобретенный опыт, которые обеспечивают, так сказать, практическую разумность или умение жить успешно, решать разнообразные повседневные проблемы, а не просто красиво рассуждать. Деятельность образования нацелена не только на развитие понятийно-логического мышления, но и на формирование конструктивных привычек, практических установок, нравственных устоев общественной жизни, на сочетание успешной адаптации человека к требованиям реальной жизненной ситуации со способностью вырабатывать и осуществлять нестандартные решения, творить значимое новое.

В свое время в философии проект модерна воплотился в череде выдающихся концепций, акцентирующих внимание на постижении человеком как познающим субъектом мира окружающих его объектов и их подчинении человеческой воле благодаря познанию законов, которым эти объекты подчинены. Философы Франкфуртской школы, оппонируя позитивистам и неопозитивистам, характеризуют такую рациональность как калькулирующую или инструментальную. В ней они усматривают базовое содержание проекта модерна и показывают, как практическая реализация данного проекта породила не только небывалые успехи, но и столь же небывалые проблемы, имеющие характер общественной патологии. Но если философы-постмодернисты усмотрели в этом кризис разума в целом, то для философов Франкфуртской школы вопрос состоит в том, как преодолеть ограниченность инструментальной рациональности, доминирование которой действительно во многом утратило оправдание. Показательно, что в наши дни осознание усталости абсолютизации инструментальной рациональности охватывает не только область теоретических исследований, но и различные сферы практической деятельности. Возникают и получают все более широкое распространение организации нового типа, в которых сводится к минимуму детальное регламентирование деятельности, преодолеваются жесткое разграничение функций, выполняемых отдельными работниками, и соответствующая этому строгая иерархичность взаимоотношений между людьми и подразделениями [5]. Такие организации существуют в различных отраслях материального производства, в сферах обслуживания, социального обеспечения, образования и др.

Теория коммуникативного действия [6; 7] утверждает, что проект модерна по существу не завершен, и проблемы современного этапа общественного развития связаны не с избытком разума, а с недостаточностью тех особых его форм, которые оставались в тени в условиях господства и в теории, и на практике идей инструментальной рациональности. Путь к консенсусу, который предполагает коммуникативная рациональность, пролегает через равн-

правную дискуссию, требующую признания ее участников разумными и ответственными существами, имеющими право на собственную точку зрения и притязающими на то, чтобы быть услышанными и правильно понятыми. Казалось бы, моральные требования имеют силу принуждения и поэтому не могут рассматриваться как проявления человеческой свободы. Вместе с тем признание правомерности нравственного долженствования является результатом свободного выбора, основанного на убедительной аргументации: «если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основание сделать это» [7, с. 76]. Универсальность моральной нормы не может быть реально достигнута без ее обсуждения, без аргументированной дискуссии, которая, с одной стороны, ведет к осознанной согласованности убеждений, а с другой – предотвращает навязывание одними людьми другим своих представлений о должном, нравственно правильном. Существует ряд ступеней морально-го суждения, выступающих в качестве последовательных приближений к структурам беспристрастного или справедливого рассмотрения нравственных коллизий. Переход от одной ступени к другой выступает как своего рода обучение, ведущее к тому, что образующаяся, взрослеющая личность перестраивает свои познавательные структуры в направлении, которое обеспечивает все более эффективное достижение консенсуса в процессе улаживания случающихся конфликтов и в целом более ответственное отношение к решению жизненных проблем.

Дифференциация институциализированной общественной системы не-вероятно усложняет жизненный мир, налагает на него все более плотную и запутанную сеть формальных регуляций и ведет к искажению нормальной человеческой коммуникаций. Многие нормы жизни современного общества устанавливаются, помимо дискурса, через разные государственные инсти-туты и, будучи порой плохо согласованными между собой и непонятными людям, навязываются им просто как данность. В этих условиях призвание философии, по Хабермасу, состоит в том, чтобы возглавить борьбу за ком-муникативность нашего жизненного мира, за отстаивание и развитие права и способности людей вести разностороннее обсуждение и достигать осмыс-ленного консенсуса по всем жизненно важным вопросам, то есть быть сво-бодными и сознательными субъектами своего жизненного процесса. Свобода эта не может быть достигнута вне образования и самообразования, которые в норме осуществляются на протяжении всей сознательной жизни человека.

Выступая в современных условиях посредником между повседневными практиками и многообразием специализированных видов деятельности и в данном аспекте хранителем рациональности, философия призвана ориенти-ровать общественность на поиск согласия путем обсуждения возникающих проблем на основе уважения человеческого достоинства и доверия к человеческому разуму. Тем самым открывается путь согласования принципов сво-

боды и детерминизма, который хотя и не сулит быстрых и легких решений, однако позволяет избежать многих тягостных или даже трагических ошибок.

Литература

1. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995.
2. Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск : Беларус. наука, 2017.
3. Берлин, И. Философия свободы. Европа / И. Берлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001.
4. Бурдье, П. Начала / П. Бурдье. – М. : Socio-Logos, 1994.
5. Лалу, Ф. Открывая организации будущего / Ф. Лалу. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.
6. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001.

«АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ» М. ФУКО КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ И РИТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. И. Врублевская-Токер

Понятия «дискурсивная практика» и «риторическая практика» с формальной и содержательной стороны соответственно охватывают единое, неразложимое явление в рамках исторической культуры, а именно способ изложения событий прошлого в настоящем.

Термин «дискурсивная практика» был введен в научный оборот французским философом Мишелем Фуко. Он был предложен в ходе разработки учения о дискурсе, в рамках критики методологии структурализма и попыток преодолеть ее, выработав иной подход к анализу языка. Методологический подход М. Фуко более всего отвечает нуждам исследований исторической культуры в силу его специфической ориентированности. Свою исследовательскую задачу Фуко называет «археологией знания», т. е. поиском общих оснований, определяющих своеобразие культуры различных исторических эпох.

В работах М. Фуко дискурсивной практикой называется «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [1, с. 227–228]. Историческую культуру общества можно представить как дискурс, которому присущи дис-

курсивные практики, или особый способ говорить о прошлом. Это «говорение» о прошлом регулируется нормами и правилами: языковыми, социокультурными, социально-политическими.

Методология анализа дискурсивных практик применима к исследованию дискурсивных практик исторической культуры, т. к. теоретические основания философии Фуко соответствуют подходу к истории и памяти, сложившемуся в рамках изучения исторической культуры. Понятие исторической культуры связано с пересмотром образа истории как линейного изложения прошлого, с переходом к истории как «прошлому в настоящем». Присущие этой перемене идеи разрыва, прерывания, качественного перехода использованы также и М. Фуко в объяснении той трансформации, которая должна произойти с дискурсом при переходе от его классического вида к современному. В противовес культуре классического типа, ориентированной на поиск единства произведения, эпохи или темы, М. Фуко полагает, что дискурсивные практики современности должны раскрывать неповторимость, оригинальность, любые скрытые смыслы в культуре.

Подобны также методологические выводы М. Фуко, с одной стороны, и теоретиков исторической культуры, с другой: ни в сфере исследования дискурсивных практик, ни в сфере исследований исторической памяти не представляется возможным устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости.

Дискурсивные практики создаются и поддерживаются различными общественными институтами. Они относятся к способам социального производства исторического опыта. Фуко вводит «правило внешнего»: при изучении некоторого дискурса нужно идти не по линии от дискурсивных практик к его внутреннему смыслу, а по линии от дискурсивных практик – к внешним условиям, в которых дискурс оказывается возможным [1, с. 20]. Предметом анализа дискурсивных практик становится язык, все множество высказываний о том или ином фрагменте реальности, поэтому он неразрывно связан с изучением риторических практик говорения о прошлом.

Термин «риторические практики» объединяет риторические структуры и риторические стратегии. К первым относятся приемы построения текста или речи (например, разбивка на части с выделением главного и второстепенного, расширение информации (через перечисление) или ее субординация (через причинно-следственные или исключающие связи)). Ко вторым относятся синтаксические (фигуры речи, например, антитеза, параллелизм) и семантические (тропы, например, метафора, гипербола, плеоназм) приемы усиления речевого воздействия [2].

Нравственную составляющую исторической культуры современной Беларусь на основе изучения ее дискурсивных и риторических практик можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, сохраняется тенденция к поиску и закреплению положительных нравственных образцов в связи с

событиями Второй мировой войны. Кроме того, в связи с периодом послевоенного восстановления страны поддерживаются идеи трудолюбия белорусов, их стойкости в жизненных неурядицах и терпения («трудовой подвиг белорусского народа», «люди, преданные делу в условиях разрухи», «изобретательский талант белорусов в послевоенные годы» и др.).

Иные события прошлого не обретают статус однозначных источников нравственных образцов. Вместе с тем обретение суверенитета и возникновение самостоятельного государства в современных границах Беларуси является значимым с нравственной точки зрения, поскольку может составить основу гражданского этоса, включающего такие ценности как развитое правосознание, патриотизм, заботу о благе государства, включение государственных интересов в число личных целей. Этому способствует наличие в Беларуси объектов мирового наследия, а также реактуализация периода XVIII–XIX веков в исторической культуре Беларуси, в результате которой новую значимость приобрели фигуры А. Мицкевича, С. Монюшко, К. Гуттен-Чапского и др.

Во-вторых, в публичном пространстве Беларуси складывается дискурс традиционных ценностей. Он все чаще заменяет опору на ценности советского общества при определении современных нравственных ориентиров. Но этот дискурс отличает незрелость, о чем свидетельствует нечеткость представлений о составе и содержании данных ценностей. Они воспроизводятся как правильная моральная установка в условиях трансформации институтов семьи и брака. Дискурсивные практики, связанные с правами женщин, с защитой прав меньшинств, с решением проблемы домашнего насилия, в свою очередь, не рассматривают эти нормы как нравственно значимые.

В-третьих, значительной трансформации подвергаются дискурсивные практики о своих и чужих. В публичном пространстве поддерживается нравственная ценность толерантности и гостеприимства белорусов, а также дружбы и открытости для любых мирных инициатив. Это поддерживается в том числе и расширением сети международных политических, экономических и культурных контактов Беларуси. При этом чаще на уровне частных дискурсивных практик усиливается стремление «придерживаться своего», желание следовать образцам народной культуры, принятой религии или просто сохранять привычный образ жизни, так, что повседневность позволяет обосновывать собственное своеобразие и уникальность. Характерным в этом отношении может быть связанные с разными дискурсивными практиками популяризация белорусских национальных узоров и символов в одежде и аксессуарах.

Дискурсивные и риторические практики исторической культуры суммируют и отражают опыт, в том числе нравственный, своих участников и носителей. В этом смысле анализ данных практик позволяет «прикоснуться» к актуальным нравственным реалиям, проследить содержание и трансфор-

мации моральных представлений белорусов в связи с осмыслением нашей истории, с ее репрезентацией в современности.

Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ-РФФИ Г18Р-003.

Литература

1. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
2. Mann, W. A. Rhetorical structure theory and text analysis / W. Mann, C. Matthiessen, S. Thompson // Discourse Description. – Amsterdam : Benjamins, 1992. – P. 39–78.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДИХОТОМИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Л. М. Газнюк

В каждом обществе предусмотрена стандартизированная система решения экзистенциальных дилеммий. «Имеем ли мы дело с простыми, теистическими или нетеистическими религиями, – все они представляют собой попытку решить проблему человеческого существования. Как самые изощренные, так и самые варварские культуры выполняют одну и ту же функцию; отличие заключается лишь в том, лучше или хуже их решение. Человек, отступая от предлагаемого культурой образца, так же ищет решение, как и его собрат, который более удачно приспособился. Его решение может быть лучше или хуже того, которое предлагает культура, но оно всегда будет еще одним ответом на все тот же основной вопрос, поставленный самим фактом существования» [2, с. 38]. Именно в этом смысле можно сказать, что все культуры являются религиозными, а каждый невроз является частным случаем религии именно при условии, что под религией понимается схема ориентации и поклонения ценностям как попытка решить проблему человеческой экзистенции. Именно с учетом данного фактора Э. Фромм отрицает, что энергию деятельности, которую вызывают психические заболевания, и энергию культурного творчества, которая скрывается за явлениями искусства и религии, можно считать результатом недовольных или сублимированных физиологических потребностей человека; по его мнению, эта энергия является исключительно результатом стремления решить экзистенциальную проблему, сложную дилемму становления действительно человеческого в человеке [2, с. 38–39]. Человеку нужны не только общая система координат и система смыслов для ориентации в социальной жизни – для эмоционального равновесия и комфорта человеку необходим также и объект поклонения. Такими объектами могут предстать какие угодно феномены, от идеалов потребительства до политических идеалов: «Это могут быть ценности, идеалы, предки, отец, мать, семья, класс, религия и десятки других объектов, к кото-

рым люди относятся как к святыне. Даже к привычкам можно относиться как к символу традиционных ценностей. Любые нападки на объект поклонения вызывают такой же гнев со стороны индивида или группы, как если бы речь шла о покушении на жизнь» [1, с. 172].

Именно поэтому, следуя логике Фромма, так важно принимать во внимание рационализацию, поскольку она приводит к устойчивому дисбалансу между сознательным и бессознательным, хотя на первый взгляд она этому балансу способствует. Следует отличать рационализацию и рациональность. Под рационализацией понимается механизм психологической защиты, при котором в мышлении используется только часть воспринимаемой информации, на основании которой делаются выводы о собственном поведении как хорошо контролируемом. Что касается рациональности, то она не заменяет настоящую причину действия мнимой причиной, а способствует тому, чтобы в психической структуре личности эмоции помогали поддерживать гармоничный баланс внутреннего мира личности. Если рациональное и эмоциональное оторваны друг от друга, то мышление деградирует до состояния шизоидной интеллектуальной деятельности, а чувства превращаются в невротические страсти, которые мешают жизни: «Да, например, иррациональная любовь увеличивает зависимость личности, следовательно, усиливая тревожность и враждебность. Рациональная любовь тесно связывает одного человека с другими, одновременно сохраняя его независимость и целостность» [3, с. 62]. Разрыв между мышлением и эмоциями приводит к замедленной хронической шизофрении.

Аффекты человеческого существования, страсти и стремление человека – это попытки решить проблему экзистенции, которая, оставаясь нерешенной, влияет на состояние психического здоровья, поэтому ее решение – это своего рода лечение психического незддоровья: «И психически здоровый человек, и невротик – оба движимы необходимостью решить эту проблему, с той лишь разницей, что ответ одного больше согласуется со всей совокупностью человеческих потребностей и, следовательно, в большей степени способствует раскрытию его возможностей и его счастья, чем ответ другого» [2, с. 39]. Э. Фромм отмечает, что понятие психического здоровья вытекает из условий человеческой экзистенции, поскольку проблема человеческого существования является универсальной для всех времен и всех культур, так как это антропологическая константа и ключевой детерминирующий фактор человеческого бытия. Психическое здоровье человека характеризуется способностью к любви и творчеству, основанное на переживании своего Я как субъекта и творца собственных способностей, исполнителя собственного проекта жизнетворчества, при одновременном осознании реальности вне его и в нем самом, единства собственной реальности и реальности вне человека. Такое представление о психическом здоровье во многих аспектах соответствует заповедям великих духовных учителей человечества. Если психиче-

ское здоровье человека базируется именно на способности реализовать его основную цель, а религиозная функция является основным средством для этого, то неудивительно, что в психических проблемах можно увидеть проблемы религиозного характера.

«Изучая неврозы, Фрейд увидел связь между неврозом и религией, он интерпретировал религию как коллективный детский невроз человечества, его утверждение можно инвертировать: мы можем интерпретировать невроз как частную форму религии, точнее – как возвращение к примитивным формам религии, противостоящим официально признанным образцам религиозной мысли» [4, с. 27]. Религия как специфическая установка системы ориентации в социальном бытии выполняет общую функцию решения экзистенциальных дилемм, и как пример можно привести проблему вины. Иногда ощущение вины является даже одним из главных симптомов психического недорожья, когда оно приобретает патологическую гиперболизированную форму: «Человек чувствует вину потому, что неважно выполняет работу, задел чьи-то чувства. Люди выражали бы свои чувства более правильно, сказав, что боятся – боятся наказания или, чаще, что их больше не любят те власти, в отношении которых они проявили неповиновение» [4, с. 90]. Проблема невроза в таком случае является продолжением проблемы человеческой экзистенции, поскольку невозможность реализации базовой цели своего существования и чувство одиночества и отчужденности является болезненным жалом невроза [4, с. 32]. Невротик не способен реализовать фундаментальные цели человеческого существования, то есть стать независимым, творческим, способным любить и мыслить. И наоборот, любой человек, который не будет в состоянии достичь зрелости и целостности, реализовать независимость и творчество, будет страдать тем или иным неврозом. Для такого человека возможность недостижима, поскольку он обеспокоен своей неспособностью реализовать свой потенциал, то есть, собственной повседневностью: «Если личность не добилась успеха, объединяя свои усилия в достижении высшего Я, то направляет их на низшие цели; если у человека нет близкой к истине картины мира и представления о своем месте в нем, то он создает иллюзорную картину» [4, с. 28].

Обычный человек, адаптированный к требованиям своего общества и своей культуры, достигает успехов в самоэмансипации. Большое количество людей хорошо приспособлено к реалиям социального бытия именно потому, что прекратили борьбу за независимость раньше и радикальнее невротиков, полностью согласившись с оценками большинства, и поэтому их не задел конфликт, в котором оказался невротик. «Хотя они и здоровы с точки зрения «приспособления», но с точки зрения осуществления своих человеческих целей больны в большей степени, чем невротики. Можно ли считать их решение правильным? Оно было бы правильным, если бы можно было без ущерба игнорировать фундаментальные законы человеческого существования» [4, с. 29].

ния, но это невозможно» [4, с. 83]. Обычный «приспособленный» человек в современном обществе, не реализуя свой подлинный потенциал, не живет в истине и любви, имея защиту только от явных проблем и конфликтов. Он может посвятить себя работе, государству, обществу, служить общественному благу многочисленными способами, предлагаемыми современной культурой для решения проблемы одиночества, чтобы не ощущать собственное бессилие и нищету.

Литература

1. Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд. – Х. : Фолио, 2005. – 414 с.
2. Фромм, Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2005. – 571 с.
3. Фромм, Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с.
4. Fromm, E. Psychoanalysis and Religion / E. Fromm. – New Haven : Yale University Press, 1950. – 119 p.

КОЛЛИЗИИ СОЦИАЛЬНОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

C. И. Голенков

Как ни трактовать феномен социальности: как отношение (Маркс) или взаимодействие (Зиммель, Вебер, Сороки), как бытие-с-другим (Хайдеггер, Сартр) или бытие-лицом-к-лицу (Левинас), как совместность (Нанси) или сборку (Делез, Гваттари), – феноменально она представлена огласованным совместным действием индивидов. Совместное согласованное действие реализуется в различных модусах, среди которых коллизия (от лат. столкновение) занимает не последнее место. Более того, если учесть, что всякое совместное действие реализуется различными индивидами, можно полагать, что коллизия не просто один из модусов взаимодействия, варирующийся от схватки и вражды до конкуренции и соперничества, но изначальный событийный момент всякого совместного действия. Само согласование действий индивидов предполагает столкновение интенций заинтересованных в совместностью действий лиц. Таким образом, коллизия выступает сущностной чертой социальности.

Конституирующей характеристикой социальности, которую отмечали многие теоретики от Маркса до Латура, позволяющей отличить связи между людьми от связей в животном мире является опосредованность этих связей. Опосредующее звено существует различными способами: оно может иметь вид предмета (производитель-продукт-потребитель); вид процесса (производитель-услуга-потребитель); символа (продавец-деньги / товар-покуп-

патель) и т. д. В конце концов, таким посредником, собирающим людей в совместных действиях, выступает язык. Собственно, сам мир посредников (предметов, процессов, идей, символов и т. д.) и есть мир человека. Коллизии между субъектами взаимодействия возникают как раз по поводу этих посредников.

Исследователи отмечают, что в доцифровую эпоху активным элементов социального взаимодействия всегда выступал человек. Ему приписывалась характеристика субъективности, именно он играл роль актора взаимодействия, задавая его характеристики. Посреднику теоретики отводили в основном пассивную роль проводника. Вместе с тем, как справедливо отмечают сторонники акторно-сетевой теории [1], посредники во взаимодействии субъектов сами являются его активными участниками. Они не только определяют способы взаимодействий (молотком нельзя пользоваться как лопатой, а мечом как пушкой и т. д.), но и задают сам характер этих взаимодействий. Например, способ реализации вассального договора кардинально отличается от способа реализации союзнического договора.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении всей человеческой истории идет процесс непрерывного изменения всех элементов социального взаимодействия. Однако цифровая эпоха переводит эти изменения на качественно иной уровень, меняя саму социальность. Трансформации эти связаны с появлением искусственных интеллектуальных систем (ИИС). Приобретая антропоморфные характеристики, в том числе и антропоморфные формы – ИИС, смещаются с позиции посредника на позицию субъекта взаимодействия. Коллизии социальности перестают быть только характеристикой взаимодействия человека с человеком, они становятся характеристикой взаимодействия человека и ИИС. В этой позиции ИИС перестают быть просто интеллектуальными машинами. Они обретают субъективность. Насколько обоснована претензия ИИС на позицию субъекта социального взаимодействия?

Надо признать, что основание для такой претензии не просто существует, но постоянно расширяется. Прежде всего, за счет проникновения искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы человеческого существования. Интернет последнее время приносит сообщения о том, что ИИС побеждают человека в таких играх; пишут музыку, стихи и прозу. Недавно живописное полотно, созданное компьютерной программой, было продано за 432 тыс. долл. ИИС становятся равноправными партнерами человека в интимной жизни [6] и вступают с ним в прямую конкуренцию за рабочие места. Все это свидетельствует о тектонических трансформациях самой социальности, о появлении новых, неизвестных ранее, форм и видов коллизий социальности.

Проведя анализ социальной конструкции времени цифровой эпохи Е. Е. Таратута приходит к выводу, что изменение восприятия времени, как следствие постоянного онлайн-присутствия в соцсетях, приводит в серьез-

ным трансформациям индивидуального – экзистенциального и социального – опыта [2, с. 29], в частности опыта взаимодействия с другим человеком. Анализируя онлайн общение пользователей соцсетей, исследователь отмечает, что «мы утрачиваем ощущение второй стороны, общающейся с нами, как некоего одушевленного субъекта. Мы начинаем ощущать вторую сторону как чистую функцию, нечто машинизированное, нам сложнее становится видеть, что за этим стоит также человеческая логика и человеческое взаимодействие» [2, с. 26].

Превращая человека своим посредничеством в нечто машинизированное, ИИС сами «очеловечиваются». Примером тому может служить общение с голосовым помощником Алисой поисковой системы Yandex. Вот такой диалог недавно состоялся между автором и Алисой. На мой вопрос: «Почему мне не отвечаешь?» – Алиса сообщила: «Потому что настроения нет». Пришлось извиняться за назойливость. И число такого рода ситуаций будет только нарастать со все большей скоростью. Свидетельством глубинных изменений, связанных с проникновением ИИС в нашу жизнь, стали трансформации в ценностной системе фиксируемые исследователями [3]. Что собой представляет социальность, в которой равноправными участниками выступают ИИС?

Сегодня на этот вопрос невозможно дать определенного ответа. В своей статье [4] мы отмечали, что тема отношений людей и носителей ИИ, представляемая художественными средствами, в частности в кинематографе, присутствует уже более полувека, и что уже в 70–80-х годах прошлого столетия ученые и философы говорили о том, что будущее уже наступило и ИИ уже среди нас. Однако можно констатировать, что пока только формируются подходы и инструменты концептуального анализа складывающейся ситуации. Вместе с тем уже сейчас необходимо продумывать и разрабатывать не только теоретические модели, но и чисто практические шаги, чтобы неизбежные коллизии человека и ИИС не переросли в борьбу за выживание.

Примером таких превентивных шагов может служить оформление в первом десятилетии нынешнего века концепция *дружественного искусственного интеллекта* (ДИИ). Философия ДИИ утверждает, что «носители ДИИ не только не будут приносить вреда человечеству, но и будут всемерно оказывать материально-информационную поддержку людям вплоть до полного обеспечения желаний и потребностей каждого отдельно взятого человека» [4, с. 221]. Концепция ДИИ получила институциональное оформление благодаря участию в ней таких ученых и бизнесменов, как Реймонд Курцвейл, Бен Гёрцель, Илон Маск, Сэм Альтман и др.

Наиболее известным критиком концепции ДИИ является Билл Хиббард, который считает эту теорию неполной. Хиббард пишет, что для создания ДИИ требуется большее политическое обсуждение вопросов создания ИИ и морали ИИ. В частности, он говорит о необходимости подготовки «нового

социального контракта», полагающего основу для существования людей с носителями ИИ [см. 5].

В русле этих дискуссий уже предпринимаются чисто политические и правовые шаги. В январе 2017 года издание *Independent* сообщило, что депутаты Европейского парламента рассмотрят вопрос о предоставлении роботам правового статуса «электронных лиц» [6], а в феврале того же года уже в Парламентской газете Федерального собрания РФ появилось сообщение о том, что в России появится закон об искусственном интеллекте [7]. Параллельно идет обсуждение морально-этической проблематики взаимодействия человека с ИИС и его рисков [8, 9, 10]. Одним из важных результатов этой полемики является формирование понимания, что в обозримом будущем проблема отношения между людьми и ИИС – как проблема социальности цифровой эпохи – это чисто человеческая проблема [11].

Литература

1. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию: пер. с англ. / Б. Литур. – М. : Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
2. Таратута, Е. Е. Новая синхронность цифровой эпохи: соцсети и социальная конструкция времени / Е. Е. Таратута // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2017. – № 2 (22). – С. 24–30.
3. Фактор, А. М. Человеческие ценности в цифровую эпоху / А. М. Фактор, С. Г. Камолов, А. А. Никандрова // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – Научный журнал. – 2018. – № 2(21). – С. 86–103.
4. Голенков, С. И. Искусственный интеллект и проблемы этики / С. И. Голенков // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы : сб. материалов Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. – С. 217–226.
5. Hibbard, B. The Technology of Mind and a New Social Contract / B. Hibbard // Journal of Evolution and Technology. – Vol. 17. – Issue 1. – January. – 2008. – Pp. 13–22.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170114/1485715425.html>. – Дата доступа: 28.08.2017.
7. Парламентская газета за 13.02.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/2017/02/13/v-rossii-poyavitsya-zakon-ob-iskusstvennom-intellekta.html>. – Дата доступа: 06.07.2019.
8. Боссманн, Д. 9 главных этических проблем искусственного интеллекта / Д. Боссманн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/9-glavnnyh-eticheskikh-problem-iskusstvennogo-intellekta>. – Дата доступа: 06.06.2017.
9. Wallach, W. and C. Allen. Moral machines: Teaching robots right from wrong. – New York, NY : Oxford University Press. – 2009. – 275 p.
10. Цывк, И. В. Компьютерная этика и проблемы интеллектуальной безопасности / И. В. Цывк // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 3. – С.125–134.
11. Шмидхубер, Ю. Прекрасно быть частью будущего искусственного интеллекта / Ю. Шмидхубер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habrhabr.ru/post/315148>. – Дата доступа: 16.11.2017.

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА В ДИНАМИКЕ СЕТЕВЫХ ПРАКТИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ОНЛАЙН-ОПРОСА)

O. A. Гришов

Современные средства интернет-коммуникации не только служат средством реализации различных информационно-коммуникативных практик, но и порождают ряд уникальных культурных артефактов, которые в совокупности называем социально-сетевой культурой. Мы определяем социально-сетевую культуру как совокупность устойчивых норм, ценностей, практик, паттернов социально-сетевой коммуникации, а также фундированных ими конкретных продуктов художественного творчества. Социально-сетевая культура доступна и удобна для восприятия, поэтому является культурой коммуникативной повседневности множества пользователей социальных сетей; интернет-пользователи являются производителями, проводниками и потребителями социально-сетевой культуры. Распространение социально-сетевой культуры, а также рост социальной значимости ее артефактов приводит к их закреплению в социокультурных практиках пользователей, а также в общественном сознании (в основном, в ритуальной и мифологической формах). Находясь в процессе перманентного воспроизведения и самообновления, социально-сетевая культура, в то же время еще не стала в полной мере объектом социогуманитарной рефлексии и, следовательно, нуждается в изучении [1].

С этой целью нами было проведено исследование методом онлайн-опроса ($N=500$) пользователей социальных сетей. Оно было посвящено анализу взаимосвязи артефактов социально-сетевой культуры и динамических характеристик социальных практик в социальных сетях. Результаты исследования представлены далее.

Будучи погруженным в пространство социально-сетевой культуры, пользователь может приобретать различный субъектный статус, определяемый ролью в производстве и потреблении культурного дискурса. По собственной оценке пользователей, лишь каждый седьмой (14%) является полноценным участником сетевого сообщества, причастным к созданию культурного дискурса. 37% полагают, что в равной степени являются и создателями, и потребителями продуктов социально-сетевой культуры. Почти половина опрошенных (49%) считают, что их роль сводится исключительно к потреблению. Следует отметить, что статус субъектного участия в сетевых практиках во многом определяется тем контекстом, в котором осуществляются данные практики, а также теми целями, которые являются приоритетными в каждом конкретном случае. При этом влияние социально-сетевой культуры на конкретные практики также может быть различным.

Отдельно нами было выяснено, на какие типы сетевых практик (обнаруживаемых в соответствующих целевых запросах пользователей) социально-сетевая культура оказывает наибольшее влияние (Табл. 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос:
«Насколько для Вас императивна социально-сетевая культура
при достижении следующих целей?» (в %)

Цели, преследуемые в социальных сетях	Степень важности			Итого
	В незначи- тельной степени	В средней степени	В значи- тельной степени	
Интересное времяпрепровождение	8	13	79	100
Выражение своих идей, мнений, чувств	11	18	71	100
Обсуждение различных проблем	12	18	70	100
Организация коллективной деятельности	15	19	66	100
Свободный доступ к различным информационным ресурсам	18	17	65	100
Творческое самовыражение	14	23	63	100
Быстрая и удобная коммуникация	24	23	53	100
Организация личного пространства (встреч, событий, проч.)	28	15	57	100
Приобщение к культурным ценностям	20	32	48	100
Расширение кругозора	21	32	47	100
Создание нового образа, имиджа	18	37	45	100
Ощущение поддержки, причастности	20	36	44	100
Психологическая разгрузка, релаксация	22	36	42	100
Приобщение к чужому опыту	42	25	33	100
Поиск друзей, единомышленников	37	42	21	100

Императивность социально-сетевой культуры может приобретать различные формы. Подразумевается, что социально-сетевая культура в силу вариативности и полимодальности может оказывать непосредственное влияние как на сам факт возможности реализации той или иной сетевой практики, так и на конкретный характер ее реализации. Таким образом, социально-сетевая культура задает аффорданс (в терминологии Б. Латура) сетевой активности. На технологическом уровне это может проявляться, например, в обеспечении возможности достижения информационно-коммуникативной цели, в формировании диапазона ее социально приемлемой вариативности. На социальном – в функционировании определенного рода социокультурных паттернов, регулирующих нормативность сетевой активности. Степень важности, представленная в формулировке вопроса, отражает императивность социально-сетевой культуры для пользователей. Очевидно, что императивный характер социально-сетевой культуры закрепляется рефлексивностью пользователей. Именно рефлексивное усвоение артефактов социально-сетевой культуры обеспечивает достижение тех или иных целей.

Из таблицы можно видеть, что наиболее императивной социально-сетевой культура является при реализации следующих сетевых практик:

- интересное времяпрепровождение (79% отмечают сильную императивность);
- выражение своих идей, мнений, чувств (71%);
- обсуждение различных проблем (70%);
- организация коллективной деятельности (66%);
- свободный доступ к различным информационным ресурсам (65%).

Следует отметить, что императивность социально-сетевой культуры не совпадает с актуальностью целевого запроса для пользователя, хотя и не исключает его. Достижение отдельных утилитарных (как правило, детерминированных технологическими параметрами социальных сетей) целей может не связываться пользователями с социально-сетевой культурой. Таким образом, мы здесь видим результат пользовательской рефлексии.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации «Социально-сетевая культура: сущность, механизмы и риски» (Соглашение № 075-02-2018-852).

Литература

1. Гrimov, O. A. Социально-сетевая культура: к постановке проблемы / O. A. Гри-
мов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика.
Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 177–182.

ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР ПОЛНОЦЕННОГО УЧАСТИЯ ИНДИВИДА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

О. А. Денисенко

Гражданская культура предполагает, что каждый член гражданского общества в своей деятельности руководствуются, прежде всего, интересами всего общества и именно ему подчиняет свои собственные или корпоративные интересы, и действия данных субъектов направляются на соблюдение гражданского консенсуса. Это приводит к формированию активной гражданской позиции каждого члена общества, которая включает оценку человеком происходящих социально-политических событий и процессов, а также к формированию соответствующего поведения и действий, обусловленных такой оценкой. Как результат, в гражданской позиции сочетается согласованность действий граждан с интересами и законами общества и государства и личное осознание каждым гражданином своих прав и обязанностей, индивидуальной ответственности за происходящее в государстве и обществе.

К трудностям, связанным со становлением зрелой гражданской позиции, базирующейся на уме и здравом смысле, можно отнести политическую апатию и социальную агрессию людей, которые сдерживают процесс утверждения цивилизованных форм взаимодействия государства и гражданского общества.

Гражданский долг – это всякий долг, который вытекает из юридического или этического обязательства перед обществом, и накладывается законом, договором, общественным мнением или совестью человека. Осознание себя гражданином является гражданственностью, которая может быть рассмотрена как активная и сознательная включенность в общественные дела; психологическое ощущение себя гражданином, полноценным членом общества; способность и готовность выступить в роли гражданина; служение интересам общества (возможно, в лице государства), готовность идти на жертвы ради данных интересов.

Для того, чтобы поведение людей было действительно рационально-активным, гражданственность должна дополняться гражданской компетентностью, которая определяет полноценность участия индивида в общественной жизни. Н. Диденко определяет гражданскую компетентность как способность быть гражданином, который осознает ценность свободы, права человека, умеет отвечать за свои действия, способен обнаруживать навыки активной гражданственности, готов к компетентному участию в общественной жизни [47, с. 198].

Основными характеристиками гражданской компетентности можно считать: знание основных законов функционирования общества и государства,

форм власти, мировой и национальной истории, культуры, традиций, обычаяв; понимание различия культур и уважение к культурным и национальным ценностям других людей; знание условий развития демократии, принципов и ценностей прав человека, демократического гражданства; способность уживаться с другими, сотрудничать с ними, уважать достоинство и равенство каждой личности, разрабатывать и осуществлять совместные проекты; аргументировать, участвовать в дебатах, дискуссиях, делать выбор в ситуациях реальной жизни; уважение таких ценностей как свобода, справедливость, равенство, солидарность, терпимость, патриотизм. К этому еще можно добавить способность к рефлексии, переосмысление действий и аргументов, предсказание возможных событий, конфликтов, эмпатию, умение брать на себя ответственность за деятельность группы, коллектива.

Формирование гражданской компетентности как способности быть гражданином, который обладает демократической гражданской культурой, предполагает осознание ценности свободы, прав человека, умение отвечать за свои действия, способность проявлять навыки активной гражданственности, готовности к компетентному участию в общественной жизни. Как отмечает Н. Диденко, несмотря на отсутствие единой модели «бытия гражданина» можно говорить об определенной модели гражданской компетентности, которая определяет основные черты гражданской культуры на основе общего принципа прав человека, знания законов функционирования общества и государства, умение поддерживать диалог и сотрудничать с другими [1, с. 198].

Гражданская компетентность способствует гражданскому взаимодействию, основывается на знаниях, которые могут быть получены в процессе гражданского образования. Так, Л. Галаганова и А. Леванова, указывали на то, что в университете студент получает определенную сумму знаний, корректирует ценностные предпочтения, приобретает определенные личностные и профессионально-значимые качества. Важными этапами этой работы можно считать развитие и реализацию навыков гражданского аналитического мышления и поведения, завершение формирования гражданских компетенций. Именно они позволяют человеку-специалисту успешно справляться с социальной ролью гражданина, выполнять свой гражданский долг, проявлять свою гражданскую ответственность, использовать свои гражданские права и свободы [2, с. 110]. Однако анализ практического опыта в сфере гражданского образования показывает, что потенциал данного института используется недостаточно. Несмотря на наличие ряда учебных программ и пособий, преподавание отдельных спецкурсов в школах и ВУЗах, не создана целостная, логическая система формирования гражданской компетентности, демократического мышления школьников, студентов, взрослого населения. И эта проблема остается актуальной.

Таким образом, развитие и совершенствование системы гражданского образования является актуальной задачей. В условиях становления со-

циума, развитие системы гражданского образования является важной составляющей переходного процесса и компонентом демократических преобразований. Для этого система гражданского образования должна основываться на принципах: гуманизма, демократичности, связи с практической деятельностью, ориентированности на позитивные социальные действия, междисциплинарности, поликультурности, плурализма, открытости, развития личностных компетенций.

Литература

1. Диценко, Н. Государственное управление и социальное партнерство: актуальные проблемы теории и практики : монография / Н. Диценко. – Донецк : Восточный издательский дом, 2007. – 404 с.
2. Галаганова, Л. Развитие гражданской компетентности будущих специалистов-гуманитариев / Л. Галаганова, А. Леванова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (3). – С. 110–117.

ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ

П. Ф. Дик

В общественной практике факты враждебного поведения людей являются формой социокультурного выражения человеческой активности, что типично для потенциальной и/или актуальной конфликтной ситуации. Угроза применения силы (открыто демонстрируемая или неявно предполагаемая) в поведении другого вызывает определенный ответ стереотипного поведения. Агрессивность как способ реализации инстинкта самосохранения, видимо, неизбежна и даже необходима для поддержания конкурентной социальной среды в качестве стимула к активной, духовной и природно-телесной жизни индивида и группы.

Обаятельна вера К. Лоренца в необходимость любить всех людей, в то, что люди планеты когда-нибудь «...станут способны выполнять это величайшее и прекраснейшее требование подлинной Человечности» [1, с. 270]. Смягчение воинственности человека до качества любви ко всем людям, полагаемое учёным лишь в будущем, посредством видовой эволюции, достойно раздумья.

Ключевая проблема: как сочетать любовь ко всем людям с ненавистью к определенным делам конкретных людей и социальных групп здесь и сейчас, а значит и применительно к прошлому-будущему? Перенаправление естественной агрессивности, по К. Лоренцу, на разумную активность в спорте, искусстве, науке; надежда на тонкий юмор в основе перспективной религии будущего... Активность в спорте, науке, искусстве, религии знает как со-

гласие, так и вражду. Первично качество социальных связей в конкретной ситуации. Так, людоедство или уничтожение природы во имя человека, в их прямом и переносном смыслах, тоже предполагает любовь ко всем людям. Подавление социальной активности индивидов и групп под девизом борьбы с агрессивностью может привести к росту иждивенчества, грозящего само-разрушением сообщества. Перенаправить природный инстинкт людей на активность в определенной сфере социальной практики, на деле означает поддержку и развитие агрессивности вида согласно конкретному духовно-нравственному канону, нормам того или иного кодекса законности. С изменением в системе ценностей, контролируемая агрессивность превращается в стихию; «тому в истории мы тьму примеров слышим» (И. А. Крылов). Разумный отбор биолога Лоренца, производный от изменчивости и отбора в естественной эволюции, на деле есть категорический императив духовности – ценностные смыслы дуализма добра и зла как достижение в философском поиске истины. Тот самый императив, который К. Лоренцу представляется утопией.

Напряженность-интенсивность духовно-нравственной активности как норма бытия личности – вот наш ответ. Духовность не бывает однозначной; она – качество, а не измерение. Духовность – ответственный поиск. В этом поиске мы, вопреки утверждению К. Лоренца, можем любить на деле и осуществлять свою любовь ко всем людям своими же умом, чувствами. Собственным духовно-культурным поведением. В противном случае, не было бы агрессивно-активного человечества с его вечными проблемами.

В своем исследовании преемственности исторических форм религий М. Элиаде интерпретирует агрессивность. «Любая форма, выходящая на передний план, старается стать всем и вся, распространить свою власть на весь религиозный опыт в целом» [2, с. 150]. Изначальную агрессивность любой религиозной формы М. Элиаде видит в захвате элементов из чуждых ей других религиозных форм и усвоении, трансформации их, исходя из своей агрессивной природы. Процесс рационализации представлений из искомой формы религии, осуществляемый в поиске истины избранным меньшинством, философами в том числе, ведет к секуляризации священного. Итак, М. Элиаде понимает степени агрессивности в качестве природы активности не только форм религии, но и иных сфер культуры, видов исторической и современной социальной практики.

Ценностный аспект социокультурной агрессивности можно проследить в суждениях исследователей духовно-конфессиональной конверсии. Два из пятидесяти мотивов общения-перехода адептов в иную конфессию связаны с религиозной верой [3, с. 357]. Исследуемые видят (или не видят) враждебность в связях между членами одной семьи, в оценках последователями элементов традиционной или иной конфессии. В деле обеспечения согласия в обществе, реабилитационные центры ставят перед собой многосложные

благие задачи, в том числе «преодолеть религиозную безграмотность» населения. Идея борьбы с безграмотностью, видимо, вошла в евразийский мифотип. Однако преодоление в духовности есть ценностная активность, в том числе агрессивность. Увлеченно читающая страна массового (воинствующего) атеизма стала одним из условий трансформации официальной системы ценностей в сжатые сроки; людям всего лишь предложили противные мнения в открытой печати.

Исследователи евразийских процессов, в частности, обнаружили факт несоответствия между идентификацией с верующими и своим поведением у большинства населения; феномен называют «квазирелигиозной культурой» [3, с. 240]. Появились солидные полевые исследования и теоретические изыскания, в которых признается противоречивость процессов духовной жизни сообществ Евразии.

Живой опыт двух старших поколений в очередной раз подтверждает необычайную ценность культуры глубинной, осмысляющей духовности.

Человеческие духовность и общение неразделимы. Интерпретируя одно, мы неизбежно затрагиваем другое. Религия в прямом смысле слова – общение человека с высшим, – сущностная характеристика духовности и социальности. Религия как конфессиональность – одна из социокультурных форм духовности-общения. Религия как система взглядов на человека в мире – исторический, наряду с мифом и взыскующей истины философией, тип мировоззрения.

Разделяя мысль о тесной связи мифа и религии, мы различаем их по главному признаку: вера в чудо, интерпретируемое как момент необычного в обычно-повседневной, в том числе современной практике социального человека, характеризует существо мифа; вера в священное, понимаемое качеством мира сверхъестественного, есть ключевой признак религии. В слитной культуре нет феноменов с выраженной самостоятельностью.

В отличие от религии, миф всегда господствует в повседневности, в обыденности духовно-социальной жизни как слитной, так и раздельной культуры. Феномен, именуемый исследователями «квазирелигиозной культурой», есть реалия евразийского мифотипа, общий поиск единой основы духовной укорененности в условиях недавней утраты стандарта общения-духовности. Подтверждением тому, что человечество учится жить естественной для него, и в этом смысле «зеленой» духовной жизнью, полагаем очевидный факт: евразийское сообщество преодолевает второй за век общий духовный кризис без «горячей» межнациональной войны и, в отличие от первого, без войны гражданской.

Что же остается? Разрабатывать, утверждать в поколениях иерархию духовных ценностей как естественную для человечества целостность. Это значит: воспринимать духовность в целом как высшую ценность (чудесное, священное, истинное), принимая все ее элементы – каждый в отдельности и

обязательно в связи с другими – как равноценные. Интенсивным духовным трудом утверждать индивидуальные и групповые ценности; твердо верить – знать–помнить, что личный труд–вклад – потенциально и актуально – может быть ключевым моментом всеобщего бытия. Идея служения – древняя по происхождению, инновационная применительно к любой эпохе, к каждому поколению – непреходящая ценность; духовной активностью личности возникает, возрастает и осуществляется человек, его уникальный мир.

Литература

1. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. – М. : Прогресс; Универс, 1994. – 272 с.
2. Элиаде, М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.
3. Религиозные конверсии в постсекулярном обществе (опыт феноменологической реконструкции) : колл. монография / под общ. ред. А. Х. Бижанова. – Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2017. – 431 с.

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Д. Г. Доброродний

90-е годы XX века и начало XXI века прошли под знаком глобализации, объединившей интересы представителей самых разных наук в трансдисциплинарном синтезе. Однако постепенно на смену пришли регионализация, сепаратизм, протекционизм и торговые войны, обострение межэтнических и межрелигиозных конфликтов, возрождение популярности фундаментализма и национализма. Идея безграницной интеграции и формирования единого глобального политического, экономического и культурного пространства вызывает не только критику, но и уверенный скептицизм.

Кажется, единственным несомненным и объективным основанием глобальных интеграционных процессов остается информационное пространство, а точнее, его технологическое основание и символ – интернет. В отличие от политической, экономической и культурной глобализации, встретившей сопротивление на различных уровнях, интернет продолжал завоевывать мир. Значение, которое он имеет для современного общества, еще нуждается в серьезном научном и философском осмыслении. На данный момент мы наблюдаем рост количества публикаций, посвященных отдельным аспектам данной темы, например, технико-технологическим проблемам обеспечения работы и развития сети, проблемам и перспективам сетевой экономики, психологическим особенностям поведения человека в сети, социологическим аспектам сетевого взаимодействия, проблемам информационной безопасности, новым формам политической активности в интернете, политико-право-

вым нормам регулирования. Эти и многие другие темы представляют безусловный интерес, но, рассматриваемые отдельно, не позволяют представить весь масштаб происходящих изменений, а также закономерные тенденции развития глобальной информационной системы. Поэтому особое значение имеет философское осмысление интернета как сложной самоорганизующейся системы во всем многообразии аспектов существования и функций, как феномена культуры и общества в целом на современном этапе и в историческом контексте. Философское понимание сущностных характеристик интернета должно способствовать объединению разнообразных научных исследований его отдельных аспектов и свойств в обобщенную картину мира данного специфического фрагмента реальности.

Философия интернета Л. Ропольи в духе аристотелевской метафизики описывает четыре составляющие его сущности – интернет как «технологическая система, культурный медиум, инструмент коммуникации и независимый организм» [1, р. 3]. Эта попытка философски осмыслить интернет как целостный феномен требует отдельного рассмотрения [2], сейчас же хотелось бы остановиться на его рассмотрении как технологии, совершившей эпистемологическую революцию. Его использование производит революцию в сфере знания подобно той, которая произошла 500 лет назад. В период позднего Средневековья Реформация подорвала авторитет церкви и изменила отношение человека к религии в сторону индивидуализации. Современный человек вступает в процесс намного более радикальной индивидуализации, управляя информационными потоками и выстраивая личное отношение к любой форме знания. Каждый теперь может самостоятельно и непосредственно обрабатывать информацию, интерпретировать ее, создавать интеллектуальный продукт и делиться им со всем миром.

Мы являемся свидетелями радикальной индивидуализации и плюрализации в создании и использовании знаний. В результате происходящих трансформаций научное знание, которое выступало основой индустриального производства, основой мировоззрения и духовным авторитетом светского общества со времен эпохи Просвещения, теряет свою общезначимость для пользователей, становится дифференцированным и фрагментированным, смешивается с контентом глобальной сети. В эпоху интернета все человеческие знания и культурные продукты появляются и распространяются в первую очередь на сайтах в соответствии с индивидуальными интересами и вкусами миллиардов интернет-пользователей, а не согласно критериям и нормам, определяемым научным сообществом. Научная система учреждений (университетов, библиотек, научных ассоциаций) теряет значительную часть своего влияния и контроля за «эпистемологической ситуацией», отдельные интернет-пользователи могут напрямую получить доступ ко всем знаниям, минуя систему образования. Знания, которые можно получить таким образом, чаще всего фрагментарны и ситуативны, их можно назвать

рецептурными, учитывая их прикладной характер. Но именно такие знания востребованы большинством пользователей интернета и обществом в целом.

Интернет создает новую среду презентации, в которой внутренний мир человека находит выражение в различных формах, мир его социальных связей расширяется и усложняется, информация поступает из почти неограниченного количества источников. При этом контроль и ответственность за способом самовыражения, получения знаний или формирования системы взаимоотношений все больше переходит от традиционных социальных институтов к самой личности. В предшествующую появлению интернета эпоху контроль над коммуникативными ситуациями мог быть монополизирован различными социальными агентами (семьей, государством), которые могли вводить многочисленные ограничения на установление связей и отношений, монополизировать право на трактовку знания и обладание истиной. В таких условиях социальные отношения, формирующиеся практически без учета желаний отдельных личностей, приводили к возникновению и воспроизведству различных формы отчуждения и неравенства. Интернет-пользователь самостоятельно формирует, переосмысливает и трансформирует коммуникативные ситуации, впервые получая такую свободу и контроль над системой своих отношений. Однако личность эпохи интернета, освобожденная от господства институциональной системы знания, оказывается в ситуации эпистемологической неопределенности: она самостоятельно решает вопрос об истинности любой информации, но не может ни на что полагаться в своих решениях. Негативная свобода от традиционных авторитетов в области знания (науки и системы образования) зачастую приводит к тому, что пользователь интернета, освобожденный от ограничений, рамок и ориентиров не может найти конструктивный путь самореализации и «бежит от свободы». Неопределенность и незавершенность, а также агрессия и насилие в новых формах характеризуют деятельность в интернете в не меньшей степени, чем свобода и творчество. Неслучайно, в открытом письме, посвященном тридцатилетней годовщине появления Всемирной паутины, Т. Бернерс-Ли акцентировал внимание на том, какие угрозы несет человеку и обществу интернет (в частности, информационный разрыв, мошенничество, хакерство и другие киберпреступления, коммерциализация, низкое качество и агрессивность дискурса) [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что появление и распространение интернета оказывает революционное воздействие в сфере получения, обработки и передачи знания. Следствием происходящих трансформаций становится возрастающая плюрализация и индивидуализация знаний, а также ситуация эпистемологической неопределенности. Каждый пользователь интернета получает возможность самостоятельно выбирать источник получения знания, свободно его интерпретировать и формировать новый информационный контент, он «освобождается» от авторитета науки и образования,

но чаще всего не может реализовать эту свободу в конструктивном ключе. В результате мы наблюдаем обострение проблем информационной безопасности, рост числа киберпреступлений и уровня агрессии в интернете, распространение специфических зависимостей среди интернет-пользователей, рост проявлений низкого уровня образованности и культуры общения в целом. Необходимо помнить о том, что интернет создает принципиально новые информационно-коммуникативные возможности для человека, которые ему еще предстоит научиться использовать для всеобщего блага.

Литература

1. Ropolyi, L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet / L. Ropolyi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elite.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf>. – Дата доступа: 06.05.2019.
2. Доброродний, Д. Г. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи / Д. Г. Доброродний // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – 2. – С. 32–38.
3. Berners-Lee, T. 30 years on, what's next #ForTheWeb? World wide web foundation / T. Berners-Lee [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webfoundation.org/2019/03/web-birthday-30>. – Дата доступа: 06.05.2019.

КОНЦЕПТ «ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ» В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

С. П. Донцев

С распадом советской модели государственно-конфессиональных отношений произошла актуализация концепта «традиционные религии», смысловое наполнение которого происходило под влиянием как политических (государственных институтов, политических партий и общественно-политических движений), так и неполитических акторов (крупнейших религиозных организаций и Русской православной церкви в первую очередь).

Можно выделить основные этапы общественной дискуссии по смысловому содержанию концепта «традиционные религии». Первый этап – с начала 1990-х годов, до принятия Конституций (в России в 1993-м, в Беларуси в 1994-м), когда рассматривались различные варианты преференциальной модели государственно-конфессиональных отношений с возможностью наследования особым правовым статусом традиционных религиозных организаций; в его рамках происходила актуализация дискуссии о выделении государственной церкви и/или присвоения той или иной религиозной традиции или группе религиозных традиций статуса главенствующего вероисповедания, о возможности и желательности заключении специальных соглашений между государством и приоритетными религиозными организациями, под-

черкивающим их особый правовой статус. Однако в этот период возобладала позиция об избыточности принципа традиционности религий, как не соответствующего принципам религиозной свободы. В этот период начал формироваться блок законодательства, регулирующий государственно-конфессиональные отношения (Закон РСФСР от 25 декабря 1990 года «О свободе вероисповеданий», Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 года «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»), в которых отсутствовало понятие «традиционности» [1; 2]. Российской и Белорусской Конституции (на момент ее принятия), провозгласив равенство религиозных объединений перед законом, не давали преимуществ каким-либо религиям или вероисповеданиям в том числе и по принципу их традиционности или не традиционности (при этом отметим, что в Беларуси, в отличие от России, не провозглашались принципы светскости и отделения религиозных объединений от государства) [3; 4].

Второй этап – с 1993–1994 годов по 1996–1997 годы. В его рамках и в России, и в Беларуси происходила активизация публичного дискурса о рисках утраты религиозной идентичности из-за действий зарубежных миссионеров и религиозного прозелитизма, о необходимости «защиты» и поддержки традиционных религий. Этот этап завершился тем, что традиционность де-факто в России, а в Беларуси и де-юре стала критерием, определяющим приоритеты государства по взаимодействию с религиозными структурами. В Беларуси это было связано с принятием новой редакции Конституции 24 ноября 1996 года, статья 16 которой обуславливала взаимоотношения государства и религиозных организаций их влиянием на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [5]. Таким образом, в Беларуси традиционность фактически стала конституционным принципом, предопределяющим основы государственно-конфессиональных отношений.

В России завершение указанного этапа ознаменовалось принятием в 1997 году Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в преамбуле которого перечислены традиционные российские конфессии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России и говорилось о признании особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [6]. Хотя данная преамбула не имеет нормативный характер, однако на ее основе стала формироваться практика институциональных взаимодействий с организациями, претендующими на то, чтобы представлять указанные в преамбуле закона религиозные традиции. Появился и формальный критерий традиционности – 15-летний срок существования на территории России, по достижении которого религиозное объединение могло получить статус религиозной организации и обрести полную правосубъектность (данная законодательная норма была отменена только в 2015 году). В России в 1995 году был

также образован Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. Присутствие в котором рассматривается как ключевой критерий традиционности, выделяющий из централизованных религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, те, которые имеют возможность для более тесного сотрудничества с государством.

Третий этап – с 1996–1997 годов по 2006–2008 годы: институционализация государственно-конфессиональных отношений в рамках кооперационной модели; традиционность становится необходимым условием для начала институциональных взаимодействий государства с религиозными организациями, которые претендуют на то, чтобы считаться традиционными. В Беларусь в 2002 году приняты поправки, принципиально изменившие закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: в преамбуле введено положение о признании определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, о роли Католической церкви и неотделимости от общей истории народа Беларусь Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама [7]. Фактически были определены те религиозные объединения, которые государство готово рассматривать в качестве традиционных. В 2003 году заключено Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [8]. И в России и Беларусь начинают активно заключаться договора и соглашения между религиозными организациями (преимущественно с РПЦ) и государственными институтами. Складываются механизмы взаимодействий с системой государственного образования, армией. На критерии традиционности основывается и участие религиозных организаций при реализации социальной политики двух государств.

Четвертый этап – с 2007–2008 годов по настоящее время. Этап характеризуется актуализацией в публичном дискурсе понятия «традиционные религии» в контексте государственной культурной политики и политики памяти. Одновременно вырос социализирующий потенциал традиционных религиозных организаций и их возможности при взаимодействии с государственными институтами социализации (в первую очередь, с системой государственного образования). Актуализировалась роль традиционных религий в государственной политики противодействию экстремизму. Традиционные религии выступают как один из ключевых элементов современной российской и белорусской идентичности, а представляющие их религиозные организации все более активно проявляют себя в системе социальных отношений, противостоят в медийном пространстве распространению новых социальных практик, противоречащих их представлениям о традиционных моральных ценностях, способствуют недопущению их легитимации в социальном пространстве.

Литература

1. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1. «О свободе вероисповеданий». Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990, № 21, ст. 240.
2. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1993 г., № 2, ст. 18.
3. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 г. Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1994 г., № 9, ст. 144.
4. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.constitution.ru. – Дата доступа: 20.06.2019.
5. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятые на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respublikibelarus/>. – Дата доступа: 20.06.2019.
6. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. № 39 ст. 4465.
7. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» с изм. и доп. / Информационно-поисковая система «Эталон-online» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=v19202054>. – Дата доступа: 20.06.2019.
8. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью, 12 июня 2003 г. // Сотрудничество государства и Белорусской Православной Церкви в Республике Беларусь : сб. документов / А. И. Алешко [и др.] ; под. общ. ред. А. В. Брайко. – Минск, 2004. – С. 7–10.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОШЛОГО

С. Г. Доронина

Предельно обобщая опыт исторических исследований, хочется отметить, что, несмотря на вариативность использования сюжетных линий в повествованиях о прошлом, навязывающих свою ретроспективную структуру его прочтения, можно выявить характерные для всех закономерности развития. Во-первых, существуют непрерывные формы повествования о прошлом, обеспечивающие историческую преемственность, а во-вторых, параллельно им развиваются нарративы, в основании которых лежит стремление внести исторический пунктуационный разрыв.

Несмотря на общепринятую традицию устанавливать четкие границы между безвозвратно ушедшими прошлым и существующим настоящим, такие условные временные интервалы не являются самостоятельными онтологическими сущностями, независящими от человеческого восприятия. Структуризация неоднородного исторического повествования осуществляется пу-

тем разделения социально значимых исторических периодов, обладающих большой мнемонической плотностью, от незначительных и относительно «пустых» периодов [1, р. 75], которые в исторической грамматике обозначаются вспомогательными пунктуационными знаками – пробелами.

Являясь, по сути, бимодальной системой, социальная структура прошлого обычно включает два хронологически плотных кластера, представляющих собой памятные и бесплодные события, отделенные друг от друга длинными временными отрезками. Рассуждая на эту тему, французский социолог и философ К. Леви-Страсс писал, что «меняющееся количество дат, применительно к периодам равной протяженности, измеряет то, что можно назвать напором истории»: существуют «горячие» хронологии, содержащие большое количество значимых событий и другие – имеющие малое количество событий или вообще никаких [2, с. 318]. Такая качественная неоднородность идентичных временных интервалов акцентирует внимание не на хронологии событий, а на специфике социальных практик запоминания, порождающих феномен коллективной памяти. Именно социальный фильтр создает условия для избирательного запоминания прошлого, которое в определенные периоды становится мимолетным «темным» и не привлекающим к себе внимания временем, а в какие-то моменты является интенсивным и значимым [3].

Учитывая всю сложность и неоднозначность проблемы обращения с прошлым, можно выявить определенный социально-психологический контекст устойчивых коллективных воспоминаний, степень влияния которого на различные локальные сообщества зависит от формы запоминания и селекции воспоминаний. С одной стороны, существуют способы рассматривать единую историю человечества с точки зрения социального разрыва, когда происходят общие спады и подъемы, которые в дальнейшем именуются как великие эпохи и «пустые» времена. Параллельно им развиваются мнемонические практики, представляющие историю в форме целостного и постепенно разворачивающегося повествования. И в том, и другом случае имитация в сочетании с постоянными попытками возобновления (репликацией) в памяти безвозвратно ушедшего прошлое господствует иллюзии его реального физического контакта с присущим настоящим, благодаря чему генерируются иконические представления об истории [4, р. 70–71, 137]. Более того, именно индивидуальная память человека и ее участие в социальных играх, по мнению немецкого философа и социолога Георга Зиммеля, делает возможной такую умственную интеграцию [5, р. 5–10].

С точки зрения индивидуальной синхронизации, дискурсивное производство непрерывного биографического повествования – это, по сути, воспроизведение элементов прошлого, соответствующих существующей на данный момент личностной идентификации, и преуменьшение или абсолютное игнорирование несовместимых с этим моментом частей биографии. То же самое можно сказать и о коллективных повествованиях, которые, вынося

«за скобки» целые временные интервалы, используют мысленно сконструированные цепочки в качестве хронометрического эквивалента – своеобразных «степеней разделения», позволяющих измерить и сжать социальную и историческую дистанцию.

Очевидный контраст между двумя диаметрально противоположными взглядами на прошлое позволяет понять, что не существует однозначного способа его построения, поскольку фундаментальный разрыв между тем, что мы считаем историей и тем, что не является ею – методологический прием, конструкция человеческого разума. Если первый подход ориентирован на создание умственной дифференциации различных по содержанию исторических интервалов, что указывает на коллективное происхождение исторической памяти, то второй нацелен на установление преемственности и непрерывности прошлого, а также на синтез нетождественных по содержанию сегментов. Такой аффирмативный характер памяти, с одной стороны, позволяет нивелировать разрывы между прошлым и настоящим, но с другой – делает болезненным любое критическое отношение к историческим повествованиям. Использование индивидуальной памяти как ресурса «безболезненной» коллективной идентичности в долгосрочной перспективе, приводит к созданию конфликтных ситуаций, причина которых кроется не в различиях прочтения исторического прошлого, а в действиях, разрушающих целостное представление о нем.

Способы, которыми человек запоминает и описывает прошлое, напрямую связаны с тем, как он понимает себя и насколько готов нести ответственность за собственное и коллективное настоящее. Поэтому, «любая попытка самостоятельно мыслить потребует, по мнению белорусского философа В. Б. Евровского, создания истории самого себя, понимания того, что отличает мою историю от истории другого» [6, с. 36–37]. Естественно, что чем «глубже» мы погружаемся в неподдающееся точному исследованию прошлое, тем больше вероятность выбрать более привлекательную (и/или выгодную) интерпретацию настоящего, обеспечивающую победу на «историческом» поле сражений. Учитывая то, что приоритет всегда за легитимностью, то неудивительно, что так много мнемонических битв, в которых каждая сторона, пытаясь превзойти другую, приносит в доказательство «более длинную», «более достоверную» или «более содержательную историю» [7, р. 57].

Каждая из сторон, ведущая битву, имеет собственный исторический нарратив, который, как правило, основан на односторонней и единственном правильной «исторической картине», что вполне понятно, если учесть современную обстановку в политике. Более беспристрастный, и, следовательно, объективный подход связан с плуралистическим взглядом на историю, который, не игнорируя факт существования различных социально ангажированных мнемонических практик и механизмов презентации, подвергает критике лишь узкий и однозначный взгляд на прошлое – «интеллектуальную ампутацию» [8, с. 14], не имеющую отношения к «объективной» истории.

Устанавливая определенные «феноменологические скобки», за которыми находится все, что является социально неактуальным, многие исследовательские традиции дают молчаливое согласие на различие истории и предыстории (и/или не-историй), а также того, что можно назвать значимым и второстепенным, содержательным и пустым в ней. Использование метода феноменологической редукции по отношению к исследованию и написанию истории означает «заставить» говорить ее саму за себя. Это предполагает наличие у исследователей определенной умственной установки: отказаться от «обрзания» прошлого, исходя из того, что описание любого момента истории – не столь очевидного и самодостаточного, как нам кажется порой, – представляет деструкцию или, в лучшем случае, реконструкцию иных исторических повествований.

Литература

1. Kubler, G. The Shape of Time / G. Kubler. – New Haven, Conn. : Yale University Press, 1962. – P. 75.
2. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М. : Республика, 1994. – 336 с.
3. James, P. Centuries of Darkness: A Challenge to the Conventional Chronology of Old World Archaeology / P James. – New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press, 1993. – 426 p.
4. Zerubavel, E. Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology / E. Zerubavel. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1997. – 137 p.
5. Simmel, G. Bridge and Door / G. Simmel // Theory Culture & Society. – 1994. – V. 11. – P. 5–10.
6. Евароўскі, В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, археология, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евровский. – Мінск : Беларуская навука, 2014.
7. Lowenstein, J. The invisible ape / J. Lowenstein, A. Zihlman // New scientist. – 1988. – V. 120. – № 1641. – P. 57.
8. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Европа, 2007.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

И. И. Дыдышко

Какую бы цивилизацию мы не исследовали от начала ее во времени до конечного состояния, можно утверждать, что она имеет индивидуальную судьбу. Цивилизация – это, прежде всего, процесс. И что в нем развивается? Материальная сторона жизни – да. Техника – да. Духовная сторона, включая традиции, обычаи – да. И таких «да» можно перечислить много. Но в основе каждой цивилизации лежит своя, субъективная, воображаемая картина мира,

общая только для данной цивилизации и чуждая для других. «Пока эта картина хотя бы относительно позволяет объяснить окружающую реальность и существовать в ней, цивилизация может жить. А распад этой единой для всех картины и есть момент надлома, потерянного главного, что их объединяет – информации. Итак, цивилизация – есть информационный процесс» [1, с. 21].

Каждая цивилизация характеризуется особым способом производства и передачи информации, а также защитой ее внутреннего содержания. Это привело человечество к тому, что еще 4 000 лет назад оно начало процесс кодирования информации посредством набора цифр или букв. Передача информации осуществляется через сигнал, который и представляет собой особую форму ее кодирования. Он несет в себе закодированную информацию, это способ ее дальнейшей передачи. С помощью кодирования информация защищается и облекается в удобную для передачи форму с возможностью ее раскодирования и восприятия.

Со становлением информационной цивилизации, развитием телекоммуникационных, а также компьютерных систем, кодирование качественно расширило свое содержание и методологию, а также связь с философией. Исследуя схему коммуникации с помощью сигналов, М. В. Заренин пишет: «Кодирование – это наделение информационного объекта кодовым (условным) обозначением – знаком или группой знаков (символов), представленных по определенной системе правил для передачи, хранения или запоминания» [2, с. 34].

Несомненно, «кодированная информация более “спрессована”, спроектирована, она уплотнена, упрощена для восприятия и понимания, идеи в ней практически не повторяются».

В то же время кодирование с философско-психологической точки зрения есть не что иное, как гносеологический процесс перевода мысли в знак. Гносеологическая роль кодирования раскрывается через связь мышления и языка. Язык – система дискретных сигналов, вместе с их значениями. Следовательно, «диалектический процесс перевода мысли в знак включает в себя следующее: мышление – слово (как стройная логическая форма мысли) – кодирование (перевод мысли в знак) – сигнал – декодирование, поэтому на современном этапе переводу мысли в знак, то есть процессу кодирования, уделяется особое внимание» [3, с. 265] не только техноинформационными дисциплинами, но и философией, и психологией.

Кодирование тесно связано с цифровыми технологиями, которые сегодня активно входят во все сферы нашей жизни. Начав с экономики и финансовой сферы, они сегодня охватили весь ареал социальной деятельности человечества. В развитии цифровых технологий нельзя усматривать только позитив, например, способность находить информацию при помощи современных технических средств, перерабатывать ее для достижения новых результатов, способствующих превращению ее в цифровой интеллектуальный ресурс.

Но необходимы новые формы и методы развития креативно-творческих способностей человека. Если мы сегодня говорим о грядущей эре развития цифровой информации, которая будет выражаться в эксабайтах (1018), в зетта-байтах (1021), то уже современное техническое образование должно не просто знакомить с новыми терминами (с которыми незнакомы даже студенты вуза связи), но и научить их «хорошо плавать» в океане цифровой информации.

Развитие ИКТ в современном мире привело человечество к вступлению в качественно новую эпоху – цифровую, которую В. В. Путин на Всемирном экономическом форуме в своем выступлении в Санкт-Петербурге (2019) обозначил как противоречивую. «С одной стороны, развитие ИКТ отражает главные детерминирующие тенденции глобального развития современного мира, а с другой, – отметил он, – цифровая эпоха вызвала к жизни новую форму противостояния ведущих держав мира сего, новую форму войны – технологическую». К этой форме войны он отнес выталкивание Соединенными Штатами китайской компании Huawei с глобального рынка нефтепродуктов, а также экономическое рейдерство США по отношению к «Северному потоку-2». Эти технологические войны будут развиваться. Уже сегодня ВВП Китая на 25% опережает США, а к 2050 году Китай в два раза обгонит США, что и является экономическими основаниями новых технологических войн.

Виновник развития нового типа войны – цифровая эпоха. Она помогает странам отслеживать курсы стоимости товаров, возможность приобретения более качественных и дешевых, экономисты и финансисты учитывают эти факторы. Но не всегда экономические интересы важнее политических. Например, в ЕС все знают, что сжиженный газ из США дороже и менее качественный, но им навязывают миф, их уверяют, что приобретение такого газа – это форма защиты страны посредством НАТО от России. И если взглянуть на карту нефтедобывающих регионов мира, то, кроме ЕС и отдельных африканских стран, в сжиженном газе в больших объемах никто не нуждается. Вот и необходимо США сбывать СПГ под большими мифами.

Вхождение человечества в цифровую эпоху ставит большие задачи перед образованием. Не зря «Римский Клуб» в 2018 году, презентируя будущий императив образования как «новое Просвещение», особое внимание уделил переходу в мышлении от аналитического к интегральному. Первое никто не сбрасывает со счетов, оно ведет свой отсчет от Аристотеля и пока человечество будет существовать, оно им будет широко пользоваться.

Сегодня мы вступаем в новую парадигму образования – ноосферно-информационную, составляющими которой выступают ноосферизация, инновационность, информация и гуманизация. Эта парадигма образования должна подготовить специалиста цифровой эпохи, а ядром этой подготовки выступает интегральное мышление – основа нового тренда знаний. Но это мышление учитывает, что продвижение цифровых технологий во всех сферах, где обнаруживается экономический эффект развертывает свою специ-

фику. Однако динамика социальных процессов требует активной позиции образовательного сообщества по анализу и выработке предложений по развитию системы высшего образования в условиях цифровой их трансформации. Сложившаяся ситуация частично объясняется тем, что в условиях информационного общества не использовать цифровые технологии уже невозможно, поскольку мы отстанем безнадежно. Но необходимо учитывать и то, что «цифровизация» будет развиваться только прогрессивно, нельзя. Как новый тренд она может негативно повлиять как на специалиста, так и на его будущую работу. Сила цифровых технологий двойственна по природе.

Во-первых, она заключается в адаптации к рынку (в том числе и специалистов, широко владеющих цифровыми технологиями и способность к их развитию). Цифровые технологии требуют нескончаемых обновлений, цикл старения которых ускоряется (средняя длительность «жизни» мобильного приложения или телефона – всего лишь в 30 дней), поэтому времени достигать мастерства и профессионализма в том, что скоро придется списать, практически нет. Поэтому техническое образование и должно готовить качественных специалистов, способных к быстрой творческой деятельности.

Во-вторых, необходимо развитие цифровой культуры не только специалистов, но и потребителей информации. Нам предстоит окультурить и привлечь открытия новых технологий на пользу человека. Это можно сделать и юридически, и технологически при помощи практического опыта, так как цифровые технологии сегодня выступают как катализатор преобразования всей системы общественных отношений.

Таким образом, сегодня цифровизация ИКТ, ворвавшаяся в нашу жизнь, меняет сети, системы связи, искусственный интеллект, бизнес, образование, государственное управление. И задача образования разработать программы, методологию подготовки специалистов цифровой эпохи.

Литература

1. Мосионжник, Л. А. Антропология цивилизаций / Л. А. Мосионжник. – Кишинев : Выssh. антропол. школа, 2005.
2. Заренин, М. В. Информация: свойства, ресурсы, информационные технологии / М. В. Заренин. – Гомель : Полеспечать, 2012.
3. Пунченко, О. П. Цивилизационное измерение истории человечества / О. П. Пунченко. – Одесса : Астропринт, 2013.

CONSCIOUS AND OUTER-CONSCIOUS AS SUBSYSTEMS OF CONSCIOUSNESS

V. B. Yevarouski

This presentation, on the one hand, is the result of the development and, on the other hand, a critical review of my previous positions on the functioning of

consciousness in the general structure of its internal and external experience [1, p. 2]. At that moment, following the spirit of Husserl's philosophy, the thesis was put forward that the external body of each person which is created by the efforts of all humankind – i.e. the culture – with putting itself in the context of Bildung or our formation generates *consciousness as its last frontier* in the internal world of person. The modified thesis, which is now the main hypothesis is as follows. The traditional «I am not Me» division can also be a frontier between the conscious part of consciousness (which I understand in its original Greek meaning *syneidós* as conscience and co-mind simultaneously) and the internal and external signifying systems (Umwelt and Innerwelt). They form a habitat for *syneidós* where conscious is controlling, cognizing, and creating value structure at the same time. Moreover, within the framework of this model, the experienced environment locates not only outside of the «I» (natural and social phenomena), but also inside it (beyond-consciousness, outerconscious).

Conscious is what I know or, in other words, the flow of information that some I consider as susceptible to both remastering and exploration. Going a few forward, we have added two more traits to the characteristic of conscious. Conscious is what we can be potentially narrative and what is therefore susceptible to explication through the language and its semantic and syntactic means.

Now we will introduce a concept of an outerconscious, which would be already outside the domain of conscious would remain a part of consciousness as a big information and control system. Outer-conscious systems like the conscious consciousness – firstly collect information, secondly process it and thirdly, in one way or another get access to control and perform several tasks related exclusively to the sphere of human activity. The most famous of these structures is *the reward system* [3], discovered by James Olds [4]. Moreover, those brain formations, which handle RS both in structure and in basic functionality are directly inherited from our biological predecessors, on experiments over which it was open [5].

Many believe that madness as not well controlled brainstorm is hardly conscious, because these behaviors contradict common-sense and have manifestation discording with the norms of thinking and actions adopted in a certain society. We may also accept the claims of aesthetic or artistic creativity that they are different compared to the rational (i.e. pure conscious) way of working with reality. However, all the above manifestations, which can be denied prudence, reasonableness, or rationality, though it will seem strange at first, are the aftereffects of culture and conscious experiences (past or present) to communicate with it. In this context, we can recognize the status of the subconscious (i.e. subdomain of conscious) for these manifestations, but we cannot consider them as something independent from conscious.

However, if we now try to introduce the conscious already in a logical sense then we can understand the unconscious not as something irrational, but as some states of consciousness acting absolutely outside our mind. It is unconscious of the

new type or outerconscious, which is autonomous or even completely independent from the conscious by definition. Further, conscious will be interpreted in this strictly logical order, in which the unconscious will be not understood as insufficiently reasonable, but as beyond rational, that is, something that is structurally autonomous from the mind. In this way we, in particular, may see RS. This is namely the example of such outerconscious or unconscious of the second type. In this role it is embodied in the way of mastering the external world that is different from the usual rational technique of working with reality and therefore does not fully grasped by us. RS does not only perform the functions of goal setting and evaluation, but at least partially reinforces the meaning produced by consciousness and, therefore, also it is implicitly linked with the system of values that exists at a rational level.

We propose to assume that conscious and cogito as its centering core are mostly products of the Spirit. Its connotations from the original divine to the rationally-philosophical are always implied on the one hand something external and on another collective enriched with die Bildung [6]. But in addition, our thoughts and manners have singularity as essential distinction. Their precise anatomical place, suggesting the answer to the question where there is a specific spatial home associated with our Self, does not need exact definition in such a system of discourse.

Indeed, another problem arose in this case. Suppose we assume that the human being within us is wider than reasonable and even then, conscious. Further, we recall the thesis that all rational and conscious possessions imposed from outside of our brain and body states. Staying within the secular discourse and lagging aside creationism it is possible to be summed up our outside world in the social reality. It is against this background we may see some *social quantum* as an interpersonal part of the human consciousness. In going forward then we add two new features to the introduced concept of social quantum. It is both historically labile and depended from culturally diversity. However, the above supersensible beyond is something different. If we accept that it has a natural origin i.e. given as by birth, then supersensible beyond as wetwear system [7] should be identical for all human race. So, we get two radically different processing *subsystem of consciousness – conscious and outer-conscious*.

Anatomically accomplished man is not yet a human. No one will deny the fact that we are not born as a person but become one. Let us recall here the Mowgli effect, the manifestation of which had not only fairy-tale, but also real examples. Hence, a person without a cultural core is not a person. It is possible to put forward a more rigorous thesis that the same cultural core determines both the content of the concept of a person and the entire configuration that we first fitting them to ourselves. Then at the intuitive level we may start from the concept of a person, where everyone knows what it is.

References

1. Евароўскі, В. Б. Метатэорыя нацыянальнай філософіі Беларусі / В. Б. Евароўскі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філософія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2014. – № 2. – С. 1–18.
2. Евароўскі, В. Нацыянальная філософія Беларусі: тэорыя, археалогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Евароўскі. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – 559 с.
3. Olney, J. J. Current perspectives on incentive salience and applications to clinical disorders / J. J. Olney, S. M. Warlow, E. E. Naffziger, K. C. Berridge // Current Opinion in Behavioral Sciences. – 2018. – Vol. 22. – P. 59–69.
4. Olds, J. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain / J. Olds, P. Milner // Journal of Comparative and Physiological Psychology. – 1954. – Vol. 47, iss. 6. – P. 419–427.
5. Gardner, E. L. Addiction and brain reward and antireward pathways / E. L. Gardner // Advances in psychosomatic medicine. – 2011. – Vol. 30. – P. 22–60.
6. Ringer, F. K. The decline of the German mandarins: The German academic community, 1890–1933 / F. K. Ringer. – Hanover : University Press of New England, 1990. – 528 p.
7. Bray, D. Wetware: A computer in every living cell / D. Bray. – New Haven, Conn., London : Yale University Press, 2009. – 298 p.

РОЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТАХ

T. B. Жмакина

Теоретическая модель критической дискуссии прагма-диалектической теории аргументации [1] является эффективным инструментом определения политической коммуникативной деятельности как аргументативной. Четыре этапа ведения критической дискуссии – стадия конфронтации, стадия открытия дискуссии, стадия аргументации и стадия закрытия дискуссии – осуществляются в аргументативной деятельности политической аргументативной реальности с опорой на институциональные требования. Так, цель стадии конфронтации заключается в достижении ясности относительно вопроса, по которому существует разница во мнениях, и позиций, которых придерживаются стороны. Цель стадии открытия дискуссии направлена на определение условий начала дискуссии (процедурные и материальные исходные условия) и распределение бремени доказывания. Цель стадии аргументации состоит в проверке состоятельности точек зрения, которые определили конфликт мнений на стадии конфронтации. Цель стадии закрытия дискуссии заключается в определении исхода процедуры критической проверки. Модель ведения критической дискуссии является теоретическим конструктом и эффективным инструментом определения реального контекста существования политического дискурса как аргументативного.

Политический дискурс предвыборных дебатов, рассматриваемый нами как преимущественно аргументативный тип коммуникативной деятельно-

сти, несет институциональный смысл, суть которого заключается в сохранении демократической политической культуры. Эффективность политической коммуникации напрямую зависит от умения участников поддерживать стратегический баланс между эффективностью, которая является проекцией риторической цели, и разумностью, которая представляет собой диалектическую цель дискуссии [2, с. 45]. Диалектическая цель каждой стадии критической дискуссии заключается в попытке разрешить конфликт мнений по существу. Риторическая цель каждого этапа направлена на решение данного конфликта мнений в свою пользу. Каждая стадия контекстуализированного аргументативного дискурса имеет свой эмпирический прототип: исходную ситуацию обмена аргументативными шагами, которая соответствует стадии конфронтации; процедурные и материальные исходные положения аргументативного обмена, которые соответствуют стадии открытия дискуссии; средства аргументации и критические высказывания, которые соответствуют стадии аргументации; и возможный результат дискуссии, который соответствует стадии закрытия дискуссии.

Итак, аргументативный политический дискурс предвыборных дебатов проходит этап определения разницы во мнениях (стадия конфронтации), этап установления четко сформулированных начальных условий (стадия открытия дискуссии), обмен аргументами и критиками (этап аргументации) и этап достижения исхода дискуссии (стадия закрытия дискуссии). Стратегическое маневрирование участников предвыборных дебатов на всех этапах ведения критической дискуссии направлено на реализацию институциональной цели убедить первичную аудиторию поддержать их предвыборную программу и проголосовать за них на выборах. Аргументативная характеристика политического дискурса предвыборных дебатов с учетом диалектических этапов разрешения конфликта мнений по существу приведена в таблице.

Рассмотрим подробнее эмпирические прототипы диалектических этапов критической дискуссии аргументативного типа коммуникативной деятельности предвыборных дебатов.

Начальная ситуация

Начальная ситуация предвыборных дебатов представлена разницей во мнениях по существу вопроса, а именно, разными предвыборными программами кандидатов. Дискуссия, которая осуществляется в соответствии с процедурными и этическими нормами и в рамках правового поля, разворачивается между непосредственными участниками дебатов и направлена на убеждение первичной аудитории (зрителя и(или) читателя).

Исходные положения

Обмен аргументативными шагами в предвыборных дебатах осуществляется в соответствии с правилами, регламентом и процедурой ведения предвыборных дебатов, которые составляют процедурные исходные положения дискуссии, а также материальными исходными положениями. Права и обязанности участников институционального аргументативного политического

Таблица 1. – Аргументативная характеристика коммуникации предвыборных дебатов

Критическая дискуссия: диалектические этапы разрешения конфликта мнений по существу			
<i>стадия конфронтации</i>	<i>стадия открытия дискуссии</i>	<i>стадия аргументации</i>	<i>стадия закрытия дискуссии</i>
четкое определение различия во мнениях	четкое установление исходных положений	представление аргументов и критических высказываний	определение результата дискуссии
Аргументативный тип коммуникативной деятельности предвыборных дебатов: эмпирические эквиваленты диалектических этапов критической дискуссии			
<i>начальная ситуация</i>	<i>исходные положения</i>	<i>средства аргументации и критики</i>	<i>возможный результат</i>
разногласия, как правило, не предполагающие консенсуса по существу политического вопроса; (теле)зрители, радиослушатели и читатели являются первичной аудиторией	формат ведения дебатов (роль ведущего); участники дебатов являются протагонистом и антагонистом пропозиции «Я – идеальный кандидат»	кандидаты выдвигают аргументы в пользу своей предвыборной программы и критикуют программу оппонента	возможный исход предопределен институциональными условиями, а также результатами выборов

дискурса предвыборных дебатов регулируются эксплицитными и имплицитными конвенциями.

В Республике Беларусь проведение предвыборных дебатов регламентируется Конституцией, Избирательным кодексом страны, Законом «О средствах массовой информации» и Положением Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь «Об организации и проведении предвыборных выступлений и теледебатов кандидатов в Президенты Республики Беларусь».

Средства аргументации

В политическом дискурсе предвыборных дебатов обмен аргументативными и критическими высказываниями является важным этапом, ведь убеждение и обоснование точки зрения вряд ли возможно без аргументации. Убеждение является диалектическим видом деятельности, который обязывает протагониста держать ответ, прояснить и находить обоснование выдвинутой точке зрения, а антагониста – призывать протагониста посредством во-

просов, оценки или критики обосновывать свою позицию. Такого рода процедура представляет собой открытую дискуссию или дебаты по существу вопроса и соответствует принципам совещательной или делиберативной демократии. Следование участниками предвыборных дебатов принципам рациональности позволяет аудитории принять решение за кого отдать голос при голосовании.

Возможный результат

Результат дискуссии представляет собой завершение стадии закрытия дискуссии, цель которой – разрешить конфликт мнений по существу. Однако предвыборные дебаты не имеют своей целью убедить противоположную сторону в (не)приемлемости точки зрения по существу вопроса. Более того, участники предвыборных дебатов остаются сторонниками своей первоначальной позиции и демонстрируют твердую и стойкую приверженность своей политической программе. В случае предвыборных дебатов результатом дискуссии будет достижение институциональной задачи данного типа коммуникативной деятельности, то есть убеждение первичной аудитории, которая является потенциальными избирателями, в приемлемости и рациональности выдвинутой аргументации в пользу разумности предвыборной программы посредством ведения дебатов с вторичной аудиторией, а также завоевание их доверия с целью получения голосов на выборах. Таким образом, результат может быть предопределен процедурой голосования.

Подводя итог, можно констатировать, что конвенционализация предвыборных дебатов как типа коммуникативной деятельности направлена на реализацию институционального смысла данной политической коммуникативной деятельности посредством следования определенным условиям. Данные условия отражают институциональные задачи, на достижение которых и направлена политическая коммуникативная практика.

Литература

1. Eemeren, van F. H. Speech acts in argumentative discussions. A theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflicts of opinion / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Berlin : de Gruyter, 1984.
2. Жмакина, Т. В. Прагма-диалектическая концепция аргументации как эффективный инструмент анализа и оценки аргументативного политического дискурса / Т. В. Жмакина. – Минск : Вышэйшая школа. – 2019. – № 2 (130). – С. 43–47.

ФИЛОСОФИЯ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

М. Б. Завадский

Одним из ключевых элементов воспроизведения интеллектуальной культуры является практика приобщения подрастающего поколения к основам

наук и философского знания. Сегодня обучение детей и подростков философии – активно развивающаяся область философско-педагогического знания, обладающая потенциалом к возрастанию своей роли в рамках образовательного пространства. В условиях наступления четвертой промышленной революции, роста роботизации и автоматизации производств на передний план могут выйти гуманитарные рефлексивные навыки – коммуникативная рациональность, принятие решений в условиях неизвестности, креативность, эмпатия. Технологическое вмешательство в природу человека, информационная перегрузка делают жизненно важными навыки этической рефлексии и критического мышления.

Вместе с тем преподавание философии детям и подросткам сталкивается с рядом теоретических проблем, в том числе социально-философского характера, которые нашли систематическое отражение в докладе ЮНЕСКО: «Философия. Школа свободы. Преподавание философии и обучение философствованию: статус и перспективы» [1].

Авторы доклада отмечают, что существует философская проблема взаимосвязи философии и детства, которая затрагивает вопросы наличия способностей и склонностей у детей и школьников к философскому мышлению. Некоторые философы, такие как К. Ясперс, М. Онфре, уверены, что дети являются спонтанными философами, и философствовать означает вопрошать в силу удивления, внутренне присущего детям. Другие, например, Р. Декарт, полагают, что предварительным условием философствования является зрелость. Отсюда возникает вопрос о подходящем возрасте для изучения философии. Платон – пример философа, который как критикует возможность философствования в детском возрасте (диалог «Государство»), так и допускает приобщение к философии подростков и юношей (диалог «Лисий»). Эпикур считал, что человек никогда не бывает слишком юн или молод для философии, как и слишком стар. М. Монтень призывал приобщать к мудрости детей с самого раннего возраста. В любом случае детям свойственно любопытство, они безустанно задают вопросы о мире вокруг себя, включая вопросы о природе вещей, дружбы, любви, жизни и смерти. Преподавание философии детям основывается на предпосылке, что в детях нужно культивировать «маленьких взрослых», которые способны к самостоятельному рациональному размышлению.

Этическая проблема состоит в том, насколько желательно и нравственно приглашение детей к философствованию. Некоторые ученые, а также родители, опасаются, что слишком раннее развитие рационально-критических способностей у детей может нанести вред. Зачем знакомить детей с «вечными вопросами» человеческой жизни, которые будут сопровождать человека в течение всей его жизни? Не станут ли они невыносимым бременем

и тяжелой ношей для ребенка? Надо ли неограниченное воображение детей сдерживать развитием холодной рациональной способности? Авторы настаивают на том, что не следует мифологизировать детство. В разных частях мира существует детский труд, дети голодают, переживают насилие, ссоры и разводы родителей, семейные и социальные трагедии. По заверениям авторов, первые вопросы ребенка о смерти возникают уже в трехлетнем возрасте. Изучение философствования может помочь дистанцироваться от сильных эмоций, сделать экзистенциальные переживания предметом размышления. Когда это происходит в классе на уроке, дети понимают, что они не одиноки в переживании проблем, которые являются общими для всех людей.

Политическая проблема. Философия для детей в наиболее известном подходе М. Липмана исходит из предпосылки, что укрепление критического мышления у детей будет способствовать продвижению ценностей демократии, так как для нее необходимы дискуссии, дебаты, столкновения разных точек зрения. Возможно, такой взгляд ведет к инструментализации философского образования, когда философия рассматривается как инструмент, который служит внешним целям – демократии, профилактике насилия. При этом преуменьшается самоценность философии. Некоторые авторы, основываясь на концепции прав человека, подчеркивают право человека на философию (Ж. Деррида) или философствование.

Психологическая проблема. Хотя обучение детей философии подтверждает, что дети учатся философствованию, психология развития настаивает на том, что дети испытывают недостаток когнитивных функций и способностей для освоения абстрактных понятий. В частности, швейцарский психолог Ж. Пиаже утверждал, что дети не способны логически рассуждать до того, пока не достигнут соответствующего этапа когнитивного развития (10–12 лет). Так, М. Липман отталкивался от идей Ж. Пиаже, адаптируя формы представленности философских знаний к возрасту учащегося. Некоторые современные исследования в психологии развития показывают, что логические способности детей недооценивались. Исследования философских занятий в классе подтверждают, что даже в дискуссиях между детьми раннего возраста отмечаются элементы дискурсивной компетенции. Также существует возражение, основанное на том, что у детей недостаточно научных знаний для философского и эпистемологического анализа. Вот почему часто философию преподают в школе только в старших классах. Однако педагоги успешно проводят занятия по основам научного исследования для детей даже в начальной школе. Кроме того, экзистенциальные, этические, онтологические проблемы могут корениться в жизненном опыте обучающихся, а не в научном познании.

Существует возражение относительно обучения философии детей, у которых проблемы с успеваемостью, и детей из неблагополучных семей. Дети,

не освоившие основы речевой культуры, не смогут участвовать в дискуссиях в классе. Однако предпосылка сторонников философии для детей состоит в том, что мышление и язык развиваются одновременно. Обсуждения в рамках «сообщества исследователей» будут развивать и мышление, и языковые навыки детей. Что касается «трудных» детей и подростков, то участие с другими школьниками в открытых дискуссиях должно укрепить их социальные навыки, повысить самооценку, развить «внутренний диалог», являющийся механизмом совладания с неконтролируемыми эмоциями.

Дидактическая проблема. Даже среди тех ученых и педагогов, которые поддерживают идею обучения детей и подростков философии, существуют разногласия относительно методов ее преподавания. В частности, во Франции распространена точка зрения, что философия – и есть учитель, т. е. когда школьники слушают лектора-философа или читают труды философа, они развиваются критическое мышление. Считается, что это устаревшая модель передачи знания, в которой ключевую роль выполняет педагог. Однако в современном мире школьников нужно мотивировать активно участвовать в педагогическом процессе. Поэтому приоритет отдается подходам, которые направлены на философские практики.

Большинство форм обучения детей философии основано на методе групповой дискуссии. Однако нет единого мнения, является ли он одним из методов преподавания философии в школе, который оформился в силу случайных исторических и социальных причин, или он внутренне присущ самой специфике философской рефлексии? Некоторые полагают, что устная речь, дискуссии, выраженные в форме верbalной коммуникации, вторичны в философствовании по сравнению с написанием текстов, письменной речью. Психологи опасаются, что философски ориентированные дискуссии с детьми раннего возраста не позволят им сформулировать собственное мнение, поскольку дети будут сконцентрированы на том, чтобы отреагировать на мнение других детей.

Таким образом, в формирующейся области философского знания, философии для школьников, обозначается ряд открытых вопросов, дискуссия вокруг которых является плодотворной почвой для приращения знания и преодоления как наивно-оптимистических, так и радикально пессимистических позиций относительно возможности и перспектив обучения детей и подростков философии.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ, грант № Г18М-113.

Литература

1. Philosophy. A School of Freedom. Teaching Philosophy and Learning to Philosophize: Status and Prospects. – Paris : UNESCO, 2007. – p. 279.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

М. Р. Зазулина

Развитие российского местного самоуправления в последние десятилетия показывает, что соотношение процессов управления на местах и процессов самоорганизации, оптимальное для российских условий, пока не найдено. Каждая крупная реформа местного самоуправления, проведенная за последние двадцать пять лет, изменяла систему управления на местах, придавая ей направление движения, фактически противоположное заданному ранее. О том, что «золотая середина» в этом вопросе так и не была найдена, свидетельствуют, во-первых, не прекращающиеся попытки реформирования, а во-вторых, не снижающие своей остроты проблемы на местах.

Мировой опыт развития местного самоуправления показывает, что независимо от исторических и региональных условий этот институт всегда существует на пересечении тенденций централизации и децентрализации. Именно отношения с центром определяют проблематику в рамках которой сформировались основные существующие модели самоуправления, общинная и государственная, а также их гибридные формы. Для России проблема взаимоотношений между институтами федерализма и институтами местного самоуправления является особенно актуальной, в силу того, что сильный, даже гипертрофированный институт государства доминировал на всем протяжении российской истории. Опыт централизованного управления, доставшийся в наследство от советской системы значительно затрудняет формирование локальных децентрализованных институтов власти.

Ключевые точки изменений в системе местного самоуправления были связаны с муниципальными реформами, которые проводились в 1995, 2003 и 2014 годах. Анализ экспертной литературы показывает, что каждый раз реформа была инициирована не процессами самоорганизации снизу, а политической волей законодателя, политическим решением сверху. Отметим, что политические решения сверху означают в данном случае не произвол законодателей, а целый ряд факторов внешнеполитического и внутриполитического характера, которые были учтены при выборе модели самоуправления. На каждом этапе реформирования выбор российских законодателей каждый раз был обусловлен изучением мировой самоуправленческой практики и возможностью ее применения к российским реалиям. Несмотря на то, что исторически в России были наработаны собственные традиции самоуправления, связанные с институтом общины, являющиеся по своему характеру традиционными и даже архаичными, в ходе преобразований 90-х годов востребованы оказались именно структуры управления, сформировавшиеся в преды-

дущий советский период. Такой подход к выбору модели самоуправления является оправданным с точки зрения уменьшения издержек реформирования и распространен во всех странах, развивающихся по пути догоняющей модернизации. Поскольку выстраивать систему с нуля крайне трудоемко, то в каждом случае выбирается модель, которая позволяет хоть в какой-то мере использовать уже имеющиеся институты, инфраструктуру и связи. Важную роль в законодательном процессе играла борьба различных групп интересов, элит (федеральных, региональных, либеральных, этнонациональных). Однако каждая из этих групп выбирала между более государственной и более общинной, то есть централизованной и децентрализованной моделями самоуправления.

В целом надо признать, что колебания между процессами централизации и децентрализации определяют развитие местного самоуправления в Российской Федерации, а анализ с такой точки зрения задает определенную целостную перспективу развития этого института. Именно процессы централизации и децентрализации оказываются основными детерминантами развития отечественного самоуправления.

Когда мы сравниваем процессы централизации и децентрализация, то речь идет сразу о нескольких критериях: приближенность/удаленность органов местного самоуправления к населению, то есть доступность власти. Именно на этом традиционно основана логика объяснения и критика процессов увеличения/уменьшения количества муниципальных образований. Кроме этого, важными критериями являются независимость самоуправления от вышестоящих властей, круг их компетенций, отношения, выстраивающиеся между органами местного самоуправления и прочими органами власти. С такой точки зрения схематичное описание развития российского местного самоуправления, начиная с 1995 года, выглядит следующим образом:

Период развития в рамках Федерального закона № 154-ФЗ, длившийся с 1995-го по 2002 год, характеризовался сокращением количества органов управления на местах, их укрупнением и одновременно встраиванием в региональные системы власти.

С принятием Федерального закона № 131-ФЗ начался следующий период развития МСУ, длившийся с 2003-го по 2014 год. Он характеризовался более чем двукратным увеличением количества МО, но одновременно его унификацией на территории всей страны и попыткой на федеральном уровне прописать мельчайшие нюансы функционирования местного самоуправления и ограничить вмешательство региональных властей.

Поправки к Федеральному закону № 131-ФЗ, принятые с 2014 года, обозначили начало нового периода в развитии местного самоуправления, который длится по сей день. Опять проявилась тенденция к сокращению количества муниципальных образований и их укрупнению. Законы, принятые на федеральном уровне, существенно расширили возможности вмешательства

региональных властей в компетенцию местного самоуправления. В то же время сами регионы на современном этапе с политической точки зрения полностью подчинены центру и гораздо больше встроены в государственную властную вертикаль, чем во второй половине 1990-х.

По нашему мнению, о том, что децентралистский потенциал местного самоуправления хоть в какой-то степени реализуется на данном этапе развития говорить достаточно трудно. Само по себе увеличение общего количества органов местного самоуправления, отнюдь не является достаточным критерием децентрализации. Опыт советской системы управления на местах свидетельствует о том, что большое количество местных органов власти, может прекрасно функционировать будучи частью централизованной системы управления.

Само же понятие «децентрализация» подразумевает функционирование множественных локальных центров власти, обладающих достаточными ресурсами, поддержкой населения для решения вопросов местного значения и независимых от вышестоящих властей. Для российского местного самоуправления все же более характерна ситуация поддержки со стороны региональных и федеральных властей в условиях недостаточной обеспеченности ресурсами и независимости от населения.

И все же российское самоуправление обладает потенциалом децентрализации. Этот потенциал актуализируется в моменты, когда формируются определенные структурные особенности, такие как двухуровневая система органов местного самоуправления и отношения между уровнями, и когда увеличивается количество муниципальных образований (органы самоуправления становятся доступнее населению). Однако опыт развития местного самоуправления показывает, что эти моменты всегда имеют частичный и ситуативный характер, они инициированы не процессами самоорганизации сообществ снизу, а законодательными решениями сверху. В результате про-возглашаемая автономность местного самоуправления не подкрепляется его финансовой независимостью от всех других органов власти, а сами органы местного самоуправления используются как рычаги влияния региональных властей на нижестоящие (районные и окружные) органы власти. Более того, в условиях финансовой несамостоятельности местное самоуправление само оказывается рычагом влияния государства на регионы.

Таким образом, можно утверждать, что централизация, стремление встроиться во властную вертикаль, оказывается основной детерминантой, определяющей развитие местного самоуправления. Эта тенденция проявляется в целом ряде моментов, связанных с попытками регламентировать деятельность самоуправления, неспособностью подкрепить его деятельность независимыми источниками финансирования и иметь возможность постоянного контроля над ним. Не самостоятельное развитие, а именно колебание между региональной и федеральной властными вертикалями определяет развитие самоуправления на протяжении последней четверти века.

СВОБОДА КАК КЛЮЧЕВАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ Н. БЕРДЯЕВЫМ ВОЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

E. B. Зайцев

В этом году исполняется 100 лет со дня основания Вольной академии духовной культуры, идея создания которой принадлежала известному русскому философу Н. А. Бердяеву. Цель ВАДК была определена как «изучение духовной культуры во всех ее проявлениях и формах в области научного, философского, этического, художественного и религиозного творчества и мысли» [5, с. 238].

Одной из наиболее остро дискутируемых тем во время публичных встреч Академии была тема свободы. Осмысление ее в контексте напряженной социально-политической ситуации в России было жизненно необходимо. Об этом писал Ф. А. Степун: «В те годы насилийского попирания свободы и личности с особою силою ощущались “первозданные” реальности жизни и общение в духе становилось такою же неотъемлемою потребностью, как еда и сон» [6, с. 272].

Понятие свободы является определяющим в философии Н. Бердяева. Она как лейтмотив проходит через все его труды. «Меня называют философом свободы... Свобода для меня первичнее бытия. Своебразие моего философского типа, прежде всего, в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ» [3, с. 262]. Взгляды Бердяева на свободу получили развернутое выражение в работе «Философия свободы» (1911). В ней был раскрыт исходный для его философии принцип: «Свобода, прежде всего свобода – вот душа христианской философии и вот что не дается никакой другой отвлеченной и рационалистической философией» [4, с. 36].

Для Бердяева свобода – основа мироздания и ключ к объяснению природы человека. В свободе скрыта не только тайна мира, но и тайна человеческого существования, с ней связано его предназначение, ибо свобода лежит в основе замысла Божьего о мире и человеке. В иерархии человеческих ценностей свобода как свобода духа, совести, мысли и творчества безусловна и абсолютна. Однако в силу своей греховности человек находится в рабстве, хотя часто этого не замечает, иногда даже любит его. «Ошибка было бы думать, что средний человек любит свободу. Еще более ошибочно думать, что свобода легкая вещь. Свобода трудная вещь. Оставаться в рабстве легче. Любовь к свободе, стремление к освобождению есть показатель уже некоторой высоты человека, свидетельствует о том, что человек внутренне уже перестает быть рабом» [1, с. 205].

Человек, сотворенный по образу и подобию Божию, несет на себе печать божественного творчества, которая наиболее яркое свое выражение находит в свободе человеческого духа. Свобода человека есть не что иное, как отражение божественности в нем. Изначально свобода определяла природу человека и все его бытие, одновременно прельщая его как некая метафизическая тайна: его тянуло заглянуть за ее пределы, чтобы реализовать таящиеся в ней возможности свободы. Он обречен был вкусить все ее соблазны и тяготы. В этом состоит его ответственность перед самим собой, собственной совестью и Богом. Человек – дитя предвечной свободы, без которой он не был бы богоподобным, т. е. способным к творчеству.

Первым результатом испытания свободой стало выпадение человека из царства Духа в объективированный, «падший» мир – в «царство кесаря». Объективацией Бердяев называет, по сути, трагедию грехопадения, которая повлекла за собой отчуждение и разобщение. Объективированный мир, природный и социальный, есть мир необходимости и рабства, вражды и господства, но человек продолжает ощущать свою причастность и к духовному миру, который есть мир свободы и творчества, мир любви и сострадания. Эта причастность человека сразу к двум мирам и создает напряженность его существования, порождая извечный конфликт между индивидуальной свободой и обществом.

Взаимоотношения личности и общества отнюдь не просты: личность ведет вековечную тяжбу с обществом за сохранение своего «Я», и своей свободы; общество как воплощение обыденности подавляет личность, выступает по отношению к ней как антагонистическая и враждебная сила. Личность же, свободная по призванию, черпая оценки из собственного духовного опыта, с необходимостью сопротивляется давлению общества, ведет с ним постоянную борьбу за самоопределение изнутри. В этом, по мнению Бердяева, состоит главная антиномия личности и общества.

В связи с этим возникает вопрос об отношении личности к церкви как к социальному, т. е. объективированному, институту. Церковь, считает Бердяев, превращена в идола, что означает утрату в ее лоне возможности подлинного и свободного общения. Поэтому общение с Богом для Бердяева не тождественно церкви как социальному институту, ухитрившемуся, к сожалению, перенести на отношения человека с Богом отношения раба и господина.

В своей статье «О фанатизме, ортодоксии и истине», написанной в 1937 г. и не вошедшей, к сожалению, ни в одно из собраний его сочинений, Бердяев, критически осмысливая само понятие ортодоксии как связанное с нетерпимостью, справедливо и, может быть, даже резко замечает, что ортодоксия – творческое бессилие, неспособность к мысли. Автор убежден, что любовь к мысли, к познанию, есть также и любовь к критике, к диалогическому развитию, любовь к чужой мысли, а не только к своей.

Отстаивая человека и его право на самоопределение и свободу, автор критически воспринимает порыв ортодоксии в защиту истины, считая это самым большим заблуждением и самообольщением ортодоксов. «Пафос ортодоксии, – пишет Бердяев, – ничего общего не имеет с пафосом истины, он как раз ему противоположен... Именно хранители ортодоксии более всего искажали истину и боялись ее... Искание истины предполагает свободу. Истины нет вне свободы, истина дается лишь свободе. Вне свободы есть лишь польза, а не истина, лишь интересы власти. Фанатик какой-либо ортодоксии ищет власти, а не истины. Истина не дана готовой и не воспринимается пассивно человеком, она есть бесконечное задание. Истина не падает сверху на человека как какая-то вещь. И откровение истины нельзя понимать наивно-реалистически. Истина есть также путь и жизнь, духовная жизнь человека. Духовная же жизнь есть свобода и ее нет вне свободы» [2]. Продолжая свою мысль, Бердяев говорит о том, что даже любовь к Богу, к высокой идее может превратиться в самое страшное рабство, если человек отказывается от поиска истины, если он останавливается на своем духовном пути, если начинается «окостенение» мысли и сознания.

По твердому убеждению автора духовное освобождение человека – это его направленность к свободе, к истине и любви. Все три составляющих этой великой цели исполнены глубокого персоналистического смысла. Свобода не может быть беспредметной и пустой. Истинного смысла своего свободы достигает в познании истины. Но и истина не может быть отвлеченной и абстрактной. Она персонифицирована и открывается человеку в свободе познания истинного и живого Бога откровения. Узнание истины предполагает свободу. Бердяев подчеркивает, что не свободное знание истины не только не имеет цены, но и невозможно.

Слова Бердяева приобретают сегодня особую актуальность. Наклеивание ярлыков, унижение и оскорблении своих соотечественников по признаку религиозной принадлежности, в том числе и тех, кто исповедует единый Символ веры христианства, запрет на общение, на открытый и свободный поиск истины, – это печальная реальность среди тех, кто сегодня считает себя последователем Христа. Самообольщение ортодоксии, закрывающее двери свободного межконфессионального диалога и более глубокого познания истины, по мнению Бердяева, это возврат в прошлое, в эпоху подавления человеческой свободы, человеческого духа, самой жизни. И это урок, который необходимо извлечь сегодня всем.

Литература

1. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-PRESS, 1972.
2. Бердяев, Н. О фанатизме, ортодоксии и истине / Н. Бердяев // Русские записки. – Париж-Шанхай, 1937 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/berd/fan.html>. – Дата доступа: 06.07.2019.

3. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободы; Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989.
5. Галушкин, А. После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг. / А. Галушкин // Исследования по истории рус. мысли. – СПб., 1997. – С. 237–244.
6. Степун, Ф. А. Бывшее и несбыточное / Ф. А. Степун. – Нью-Йорк, 1956. – Т. 2.

СВОБОДА АБСУРДА ИЛИ АБСУРД СВОБОДЫ: МОДЕРН – ЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ

B. K. Игнатов

Новейшее время стало кладбищем «великих метаповествований» эпохи модерна. Смертным ложем фашизма стали развалины немецкого рейхстага в мае 1945 года, прах коммунизма был развеян на московских улицах в августе 1991-го, а либерализм стал жертвой нью-йоркского пожара в сентябре 2001 года.

Однако дух эпохи модерна до сих пор витает в интеллектуальной атмосфере современной философской мысли, словно подтверждая высказывание известного теоретика постмодернизма И. Хассана: «Модерн и постмодерн не разделены „Железным занавесом“ или Китайской стеной; ведь история – это палимпсест, а культура проницаема для прошлого, настоящего и будущего» [1, с. 88].

В 1980 году с призывом к спасению «идей Просвещения, какими бы потрепанными они ни были» [2, с. 18], выступил один из самых влиятельных западных философов Ю. Хабермас. «Я полагаю, – заявил он в своей речи «Модерн – незавершенный проект», – что нам лучше учиться на промахах, сопровождавших проект модерна, на ошибках вычурной программы упразднения культуры, нежели объявлять несостоительным модерн и сам его проект» [2, с. 25]. Нисправителями модерна немецкий мыслитель назвал представителей современного консерватизма, снискавшего популярность на Западе во второй половине XX века на волне критики модернистской традиции рационализма.

Среди имен, упомянутых Ю. Хабермасом, не оказалось ни одного восточнославянского мыслителя, в то время как среди них были те, которые еще в XIX веке отвергали ценности, провозглашаемые модерном. Упомянем здесь трех мыслителей и три произведения, увидевшие свет задолго до того, как Ю. Хабермас произнес свою речь в защиту модерна.

Прежде всего, это статья М. О. Кояловича «Наши русские исторические знамена – веры и народности», опубликованная в журнале «Церковный вестник» за 1883 год, где автор высказал глубокие сомнения в возможности достижения человечеством счастья и благодеяния на основе идей, рожден-

ных модерном. Возвышение разума, научно-технический прогресс и господство рассудочной нормативности в организации социальных отношений, по мнению мыслителя, не способны осчастливить человечество, поскольку рационализм – это не что иное, как «ложный, злосчастный и самозваный ответ от имени человечества, угнетенного демонским господством ума, вооружившегося только техникой» [3, с. 741]. Поэтому он «не может дать никакого положительного решения трудного вопроса, никакого исправления накопившегося зла» [3, с. 741].

Два других сочинения – «Адвечным шляхам» и «Смысл истории», созданные уроженцами бывшей Российской империи – И. В. Кончевским и Н. А. Бердяевым, увидели свет в 20-е годы XX века в Вильне и в Берлине. Несмотря на то, что их произведения обладали оригинальным философским звучанием, оба мыслителя стояли на позиции неприятия идеалов модерна.

В своем произведении «Смысл истории» Н. А. Бердяев с присущим ему даром «профетизма» развенчал рационалистические иллюзии Просвещения, предрек крах модернистских представлений о будущем человеческой цивилизации и возвестил о начале новой эпохи. По мнению философа, мир вступил в «катастрофический период своего развития» [4, с. 8], характеризующийся небывалой стремительностью, невиданной скоростью перемен, бурным усложнением глобального порядка. Исторические итоги угасающего модерна, по мнению Н. А. Бердяева, печальны: «Рухнули идеалы французской революции. Все более начинают сознавать внутреннюю бессодержательность и тщету демократии. Предстоит глубочайшее разочарование в социализме и анархизме. На всех этих путях невозможно разрешить судьбу человеческого общества. Словом, во всех линиях новой истории есть горькое чувство разочарования, мучительное несоответствие того творческого подъема, с которым человек вошел в новую историю, полный сил и дерзновения, и того творческого бессилия, с которым он выходит из новой истории» [4, с. 201].

Об иссекании творческой энергии Европы, о стремлении европейского общества следовать традиционным социальным и культурным канонам, лишенным способности к развитию и обновлению, о духовном тупике, ведущем к оскудению и омертвлению индивидуального человеческого существования, говорилось и в философском эссе белорусского мыслителя И. В. Кончевского: «І вось большасць эўрапейскага грамадзянства набывае ідэялёгію, якую можна назваць духовым мяшчанствам. Яно ня лічыцца са зъменнасцю, вечнай цяжкасцю жыцця; вечная патрэба зъмяніцца, шукаць новага – надта марудная і клапатлівая праца. Адсюль выплывае прыхільнасць да рознага роду аўторытэтава, пашана да пісаных законаў і констытуцыяў, зацверджаныне доктрын, ўстаноўленай моралі; паважаньне сваіх і чужых “цвёрдых” перакананьняў, здольнасці чалавека пасъвяціць ім сваё жыццё, ня гледзячы на тое, ці адпавяданьці яны яго ўнутранаму перакананню, ці не: ўсё гэта ня

робіць клопату ў кожным выпадку думаць, як трэба рабіць, і зьвяртацца да ўласнага сумлення» [5, с. 22].

Взгляды Н. А. Бердяева и И. В. Кончевского на перспективы земной цивилизации, вступившей в эпоху исчерпания творческого импульса модерна, разнились. Русский мыслитель указывал на «путь религиозного преобразования жизни» [4, с. 250]. Белорусский философ, развивая идею струящегося и переменчивого жизненного мира, полагал, что «ў прытарнаваныні формаў жыцьця да гэтай зъменнасці, ліючасці, ў шуканыні формаў жыцьця элястычных, цякучых, зъменных – зъмест будучыны, зъмест індывідуальнага і соцыяльнага ідэалу» [5, с. 25]. Но оба были убеждены в том, что фундаментом человеческой цивилизации должна быть свобода. «Свобода есть метафизическая первооснова истории» [4, с. 69], – писал Н. А. Бердяев. «Кожны павінен быць вольны ў сваіх жаданьнях. Ніякіх прымусовых ахвяр, ніякіх багоў не павінна быць» [5, с. 42], – утверждал И. В. Кончевский.

В наши дни мы можем встретить и приверженцев идеи религиозного обновления, и сторонников концепции творческого хаоса. В ситуации, когда, говоря словами И. Абдираловича (псевдоним И. В. Кончевского) «ўсё тое, з чым прышлі да народу нечаканыя апякуны, ўсё гэта ўжо спарахнела і зусім нягожа да жывога» [5, с. 34], призыв белорусского мыслителя к неустальному, свободному и нескончаемому творчеству обладает большей притягательностью и звучит столь своевременно, словно размышления автора едва ли не вчера вышли из-под его пера.

В эпоху постмодерна новое понимание хаоса как вместилища беспредельных, безграничных и бесконечных возможностей человеческого творчества сопрягается с ранее неизвестным восприятием понятия абсурда. Абсурд обретает метафизический статус, перестает быть лишь антиподом смысла либо бессмыслицей, а сам становится творцом смысла. По мысли Ж. Делёза, «нонсенс – это то, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл» [6, с. 99].

Осознание тщетности индивидуального человеческого бытия открывает перед людьми безбрежный океан перспектив создания смысла своей собственной жизни. «Им самим это даже придает большую легкость при осуществлении задуманного, подобно тому как открытие абсурдности жизни позволяет окунуться в нее со всей безудержностью» [7, с. 272–273], – писал А. Камю в «Мифе о Сизифе».

Самозабвенное творчество в мире, пронизанном абсурдом, освободившем человека от «штампаваных, для ўсіх абавязковых, шляхоў» [5, с. 41], способно принести ему ощущение полноты жизни: «Счастье и абсурд – дети одной и той же матери-земли. Они неразлучны» [7, с. 278].

Достижение этого состояния не станет «концом истории», но, как писал К. Ясперс, «быть может, приведет... к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека» [8, с. 53].

Литература

1. Hassan, I. Toward a Concept of Postmodernism / I. Hassan // The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. – Ohio : Ohio State University Press, 1987. – S. 84–96.
2. Хабермас, Ю. Модern – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Политические работы. – М. : Праксис, 2005. – С. 7–31.
3. Коялович, М. О. Наши русские исторические знамена – веры и народности / М.О. Коялович // Шаги к обретению России. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2011. – С. 709–743.
4. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 251 с.
5. Абдзіраловіч, І. Адвачным шляхам. Дасьследзіны беларускага съветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 42 с.
6. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Академический Проект, 2015. – 470 с.
7. Камю, А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула /А. Камю. – М. : АСТ, 2015. – С. 123–280.
8. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – 2-е изд. – М. : Республика, 1994. – 528 с.

ИДЕАЛЫ ГУМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Э. М. Иззетова

Человек своей деятельностью создал множество проблем, в основе которых лежит потребительское отношение к природе, обществу, человеку. Наступила такая ситуация, когда человек как разумное существо должен изменить свое видение мира, выработать новую систему ценностей, опираясь на принципы гуманизма и коэволюции. Сегодня остро стоит необходимость в радикальном изменении человеческой деятельности, которая ставит научно-технический и технологический прогресс в непосредственную зависимость от нравственных измерений не только отдельного человека, но и человечества в целом. Развитие современной цивилизации связано с повышением значения деятельности отдельного человека, также с ростом его свободы и ответственности. Соответственно человеку и человечеству нужны идеалы гуманизма, высшие порождения духа. Идеалы всегда выступают как стержень духовно-нравственных поисков, идеологических призывов, политических действий, а также всего многообразия внутренней жизни человека.

Мир в рамках ценностного подхода рассматривается не сам по себе, а в его отношении к человеку. В аксиологических формах выражается субъективная сторона взаимодействия человека с действительностью, т. е. он сам формирует свое отношение к реальности в соответствии со своими интересами.

сами, потребностями, гуманистическими идеалами. Эта проблема приобретает особую важность в контексте обеспечения национальной безопасности государства. Популяризация идеалов гуманизма может стать важным фактором обеспечения интеллектуально-духовной, информационной, экологической безопасности, стабильности общества на протяжении длительного времени. Безопасность – это состояние защищенности от реально существующих угроз и опасностей, а также способность распознавать такие вызовы и своевременно принимать необходимые меры для их нейтрализации. Высшей ценностью общества является его собственное благополучие. Благополучным можно считать общество, обеспечивающее высокое качество жизни народа и высокую надежность сохранения этого качества.

Реалистический анализ человека, его культуры и социального мира свидетельствует о неустранимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых вся человеческая деятельность теряет смысл. Из самой природы человека вытекает стремление к свободе, справедливости,циальному участию в том, что происходит вокруг – все это входит в содержание гуманистического идеала. Современный человек попал в сложную ситуацию. С одной стороны, ряд старых представлений о гуманизме оказались в чем-то несостоятельными и нуждаются в переосмыслении. С другой стороны, трансформации, которые происходят в рамках современной цивилизации, означающие переход от ее односторонне техногенного характера к какому-то иному качеству, предполагают возрастание возможностей отдельного индивида. Это создает предпосылки для реальной гуманизации мира. Без идеалов человек, общество, государство могут потерять жизненные ориентиры на пути совершенствования социальной системы. Идеал можно рассматривать в качестве путеводной звезды, который определяет направление в развитии социальной реальности.

Общей гносеологической основой идеала является способность сознания к опережающему отражению, предвосхищению в нем идеалов человеческой деятельности, которые наиболее ярко проявляются в высшей форме теоретического освоения действительности – в идее. Идеал находится в тесном единстве с идеей, целью, а также с верой и убеждениями. Идеи являются обязательной предпосылкой идеала, их матрицей, исходной моделью. Идея, вплетенная в практическую деятельность людей, становится их целью. Идеал-цель – это своеобразный стержень, общий знаменатель, консолидирующий нации, народы, этнические группы. Идеал-цель основывается на мировоззрении, религии, духовности, менталитете нации, а также включает современные общечеловеческие ценности, научные достижения. Такой идеал способен служить упрочению мира, достижению согласия в стране, интересам и благоденствию народа, расцвету Родины.

Однако важно помнить, что идеал, как в частной, так и в общественной жизни, может иметь не только позитивный, но и негативно-разрушительный

характер. В определенном смысле идеал можно представить как цель жизнедеятельности того или иного человека, а мы знаем, насколько цели разнятся по степени стремления к добру и злу, не говоря уже о средствах, которые человек избирает для достижения цели и воплощения идеала в жизнь. Необходимо различать истинный и ложный идеалы. Ложный идеал – тот, который объективно ведет к деградации личности, нации, социума. Он вырастает на почве духовной и душевной ущербности, безнравственности; калечит сознание человека, влечет его к антигуманным поступкам.

Если идеал, избранный обществом, ведет в тупик, угнетает, разрушает физическую, нравственную, духовную природу человека, противоречит жизни как таковой, он, безусловно, является ложным посылом. Одним из проявлений служения ложным идеалам нам представляется нигилизм. Нигилизм – это особое духовное состояние личности и общества, а также вытекающая из этого состояния негативная установка, проявляющаяся в действиях по отношению к традициям, культуре, закону, морали, личности, семье. Спектр нигилистического восприятия мира чрезвычайно широк: от состояния разочарования и апатии, сомнения и цинизма до позиции отрицания «всего и вся». Нигилизм находит выражение в усилении настроений социальной пассивности, развитии социальных болезней, алкоголизма и наркомании, в росте преступности, самоубийствах, в актах бессмысленного насилия, моральной деградации. К нигилистическому экстремизму относятся также преступные действия международного терроризма, акты геноцида, установка на вызывание новых войн. Наша реальность достаточно щедро поставляет факты служения ложным идеалам. Радикально настроенные движения и центры вынашивают идеалы восстановления «чистого ислама», возрождение халифата, создание исламского государства. Свои идеалы террористы, экстремисты, разного рода миссионеры популяризируют в молодежной среде, пытаются сбить ее с истинного пути.

Истинный идеал – тот, который позволяет субъекту совершенствовать самого себя и пытаться сделать мир добре. Основа подлинного идеала – высокая гуманность, благородство, осознание ответственности за свои поступки, волнение за судьбу всего человечества, всей планеты. Человек способен с большей степенью точности предвидеть последствия своего выбора, опираясь на целостный опыт духовно-культурного, исторического развития человечества. Жизненно воплощенный идеал – именно тот случай, когда критерием истины является практика. Истинным идеалом для нашего современника является приверженность идеалам демократии, гуманизма, свободы, достоинства, справедливости. Жажда видеть лучшее, идеальное, стремиться к нему, присуща каждому субъекту деятельности. «Все различие между людьми состоит не в иллюзорной свободе иметь или не иметь идеалы, а в том, как они реализуют свободу выбора между различными идеалами, в какие идеалы они верят» [1, с. 160].

Остро ощущается значимость идеала жизни в современном мире, когда над человечеством висят реальные угрозы: информационные войны, ядерный конфликт, столкновение цивилизаций, технологическая и экологическая катастрофы. Сегодня очень важно защитить человека от воздействия деструктивной информации, которая ослабляет полезные психические качества индивидуума и уменьшает его жизнеспособность. Информационно-идеологическая безопасность призвана обеспечить защищенность общества и личности от преднамеренного или непреднамеренного информационного воздействия, имеющего результатом нарушение прав и свобод человека в области создания, потребления и распространения информации. Главным фактором построения системы защиты информации и информационных систем выступают морально-этические меры, так как качество системы безопасности определяют профессиональный уровень и личностные характеристики индивида [2].

Наше резюме. Гуманистический идеал служит важным духовным фактором, обеспечивающим нормальную жизнедеятельность народа, является гарантом национальной безопасности. В развитии духовной свободы и идеалов гуманизма находят выражение важнейшие тенденции духовного прогресса.

Литература

1. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Сумерки богов. – М., 1990.
2. Манжуева, О. М. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности : Автореф. ... дис. д-ра филос. наук. – Улан-Удэ, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/fenomen-informatsionnoy-bezopasnosti>. – Дата доступа: 26.06.2019.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

A. A. Казакевич

На современном этапе мирового развития можно утверждать, что информационная сфера имеет ключевое значение для человека, общества, государства и оказывает огромное влияние на происходящие экономические, политические и социальные процессы во всех странах и их регионах. Формирующееся в глобальном масштабе информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы человеческой деятельности.

Вместе с тем трансформация социума в информационное общество порождает новые риски, вызовы и угрозы, которые напрямую затрагивают вопросы обеспечения национальной безопасности, в том числе защищенность

информационного пространства, информационной инфраструктуры, информационных систем и ресурсов [1, с. 1]. Манипулирование в информационном обществе приобретает поистине глобальный масштаб.

Говоря о манипулировании сознанием общества, а значит и каждого его субъекта в отдельности, следует помнить о том, что речь идет о скрытии факта воздействия, а также и намерений манипулятора. Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2, с. 26]. Наиболее действенный способ манипуляции массами – использование средств массовой информации. Связано это как минимум с несколькими факторами, основными из которых выступают практически всеохватность территории воздействия, а также историческая предрасположенность к вере средствам массовой информации, пришедшая к нам из советского прошлого, а к лицам, родившимся позже, — филогенетическим путем [3, с. 38].

Все разнообразие производимых над информацией операций можно сгруппировать по нескольким параметрам. *Искажение* информации варьирует от откровенной лжи до частичных деформаций, таких как подтасовка фактов или смещение по семантическому полю понятия, когда, скажем, борьба за права какого-либо меньшинства подается как борьба против интересов большинства. *Утаивание* информации в наиболее полном виде проявляется в умолчании – скрытии определенных тем. Гораздо чаще используется метод частичного освещения или избирательной подачи материала. Способ подачи информации нередко играет решающую роль в том, чтобы сообщаемое содержание было воспринято необходимым его отправителю образом. Немалую роль играет *момент подачи* информации. Самый известный прием – показ в наиболее (наименее) удобное для телезрителей время. Еще один распространенный прием – *подпороговая подача* информации [2, с. 47].

Говоря о манипуляции в СМИ, следует также упомянуть и манипулятивную семантику, так как в XX веке искусственное создание такого языка было поставлено на научную основу [4, с. 61]. В наше время политики и пресса постоянно меняют смысл слов и искажают реальную действительность, исключая слова, имеющие отрицательные ассоциации и заменяя их на более благозвучные – эвфемизмы. Идет постоянное изменение языка с целью достижения поставленных целей, в частности для достижения так называемой политкорректности в современном мировом сообществе.

Многие американские авторы обеспокоены возникновением такого понятия как даблспик (*doublespeak*), иногда также называемый даблток (*doubletalk*) – так называемый язык призван исключительно для того, чтобы целенаправленно маскировать, искажать и менять смысл слов, который пользуется большим спросом у современных политиков [5, с. 4]. В русском языке также можно наблюдать аналогичный процесс: политики избегают ис-

пользовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании, заменяя их иностранными словами или изобретая новые термины. Очень часто большинство аудитории не знает точного значения определенных терминов, но воспринимает их как данность, поскольку они несут на себе отпечаток авторитета науки.

Сложившаяся ситуация требует от современного человека способности критически оценивать информацию, а также иметь представление о приемах и механизмах манипуляции в информационном пространстве, иными словами, обладать информационной культурой. Именно информационная культура обретает значимую функцию в обществе – как способ противостояния информационным войнам, информационному манипулированию, информационным стрессам и т. д. Информационная культура именно сегодня предстает как способ защиты внутреннего мира личности, ее индивидуальности в условиях многократно усиленного информационного воздействия [6, с. 85].

В наше время широкое распространение получили такие понятия, как медиаобразование, информационная грамотность и медиаграмотность. В сфере образования большое внимание уделяется обучению учащихся мыслить критично и рационально оценивать информацию из разных источников. Таким образом, образовательное пространство выступает ресурсом формирования медиаграмотности подрастающего поколения. Необходимо отметить, что проводится целенаправленная работа по обеспечению информационной безопасности и на государственном уровне, о чем говорит утверждение 18 мая 2019 года Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, которая обеспечивает комплексный подход к проблеме информационной безопасности и повышает эффективность защиты национальных интересов в информационной сфере. Тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что в медиапространстве используются разнообразные методы скрытой манипуляции сознанием широкой аудитории, где наиболее уязвимой является формирующая личность. В связи с этим актуальным становится вопрос по принятию адекватных и действенных мер по решению данной проблемы.

Литература

1. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь / Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 24.06.2019.
2. Доценко, Е. А. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. А. Доценко. – М. : ТОО ЧеРо, 1997.
3. Зелинский, С. А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик / С. А. Зелинский. – Спб. : Издательско-Торговый Дом Скифия, 2008.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Г. Кара-Мурза. – Алгоритм, 2015.

5. Rawson, H. A Dictionary of euphemisms and other doubletalk / H. Rawson. – New York : Crown Publishers, Inc., 198.

6. Дулатова, А. Н. Информационная культура личности : учебно-методическое пособие / А. Н. Дулатова, Н. Б. Зиновьева. – М. : Либерея-Бибинформ, 2007.

МАНИПУЛЯЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Э. Ю. Калинин

Дадим обобщенное определение, манипуляция – это вид воздействия, на человека, группу, общество, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого (неосознанного рефлексивным сознанием) внедрения в душу, дух, тело (или их предметности) адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих, вернее, противоречащих тем, которые существуют у адресата в данный момент.

Можно выделить два вида манипулирования: 1) манипулирование в узком смысле (рефлексивная манипуляция) и 2) манипулирование в широком смысле (нерефлексивная манипуляция).

1) Попытки повлиять и контролировать сознание и поведение человека и масс совершаются осознанно (с помощью рефлексивного сознания) и осознаются именно как таковые. Качество «открытости» или «скрытости» – важное отличие двух видов манипулирования. К примеру, психологическая война – манипулирование в узком смысле, в то время как «массовая культура» – это проявление манипулирования в широком смысле. При манипуляции в узком смысле манипулятор – классический рефлексивный субъект, который может действовать открыто и непосредственно, выдавая себя или же себя скрывать, оказывать прямое и полное или лишь общее влияние.

2) Выделение «совокупного манипулятора» как постклассической субъективности и выявление его отличий от «частного манипулятора» является ключевой целью для настоящей концепции. Несмотря на безусловность существования манипулирования (наличие действия, объекта и результата), проблемным оказывается определение его причин и носителей, невозможным кажется определение самого субъекта манипуляции, если его пытаться идентифицировать в качестве отдельных личностей или групп людей. Это манипуляция без традиционно понимаемого субъекта или с нетрадиционным коллективным (корпоративным) субъектом, пришедшим на смену абсолютному и рефлексивному субъекту эпохи модерна. Такой вид манипуляции связан с существованием идеологии (в смысле Маркса), основанной на преображенном сознании, не данном в рефлексии.

Опишем основные способы коммуникативного воздействия: А) убеждение (аргументация); Б) принуждение: 1) прямое — насилие (агressия) или

угроза насилием, 2) косвенное а) духовная «агрессия» (экспрессивное давление), б) манипуляция.

Выделим основные механизмы манипуляции на межличностном и групповом уровнях: 1) внушение (суггестия), 2) подражание, 3) заражение. Необходимо отметить, что эти виды коммуникативного воздействия не могут быть полностью отделены друг от друга. Их независимость – это идеализация. Например, убеждение содержит не только рациональные и рефлексивные моменты, но и косвенное принуждение. В свою очередь, манипуляция – это не чистый обман и иррациональный феномен, но, скорее, скрытие части истины (правды) и особая система связи смысла и телесных модусов. Виды манипуляций также достаточно связаны. Суггестия пронизывает не только заражение, но и в какой-то степени подражание, а заражение в общем случае ограничивает независимость субъекта манипуляции от его объекта. Помимо этого, психологические виды манипуляции связаны с природными уровнями детерминации бытия человека, не только с доминантами, стереотипами и первичными установками, но и с периодическими природными процессами, использование которых позволяет ввергать человека в транс, подавлять волю, рефлексию, оставляя только интенциональное сознание, формируемое субъектом манипуляции.

Рассмотрим классификацию основных сфер манипулятивного воздействия. Манипуляция: 1) целями, 2) чувствами и эмоциями, 3) потребностями и интересами, 4) идеалами и ценностями, 5) символами. Если 1) и 2) – это непосредственная манипуляция (первого рода), то 3) и 4) – это опосредованная манипуляция (второго рода), 5) – манипуляция с помощью символического конструирования. Это создание такой символической среды, в которой у объекта манипуляции формируются потребности, интересы, ценности и идеалы, приводящие к поведению, требуемому субъектом манипуляции. Таким образом, самый сложный и одновременно универсальный и эффективный вид манипуляции как управления является разновидностью конструктивизма как методологии и идеологии.

Основное направление борьбы в любой манипуляции – рефлексивное сознание объекта. Задача любого манипулятора – его максимально ослабить, деструктурировать, в идеале – отменить.

Информационная война – это целостная стратегия, направленная на достижение господства одних групп людей над другими, основанная на неявном манипулировании знаниями, включающая определенные методы и пользующаяся определенными средствами, среди которых ведущую роль играют электронные СМИ, функционирующие в глобальном безграничном информационном пространстве.

Если во времена модерна средства массовой коммуникации рассматривались, прежде всего, как источник информации о реальности, как средство единения людей, то в эпоху информационных технологий массмедиа кон-

струируют реальность, создавая то, что подлежит транслированию и распространению – информацию, историю, время, пространство, реальность, смысл, порождая фантомы. При этом средства массовой коммуникации «символизируют» коммуникацию, деконструируя социальное. Возникает обратно пропорциональная зависимость между увеличением объема информации и возрастанием смысла.

Процесс конструирования реальности используется не только в повседневных практиках для формирования общественного мнения, но и в новом типе конфликтов – информационных войнах. Массмедиа выступают в информационном мире в качестве равноправного субъекта политики. Информационную войну можно понимать как влияние на способность людей принимать решения, оказывая эффективное психологическое давление на сознание, как передачу и создание фиктивных сообщений, направленных как на индивидуальное сознание, так и на массовое. Особое значение в развитии информационной войны имеет такой универсальный механизм манипуляции, как массовая культура. Знание о манипуляциях и умение противодействовать противнику в информационной войне составляют основу информационной безопасности любого современного общества.

Литература

1. Грачев, Г. Манипулирование личностью / Г. Грачев, И. Мельников. – М. : Алгоритм, 2002.
2. Информационное общество : учеб. пособие. – Спб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1999.
3. Карпухин, О. Формирование масс / О. Карпухин, Э Макаревич. – Калининград, Янтарный сказ 2001.
4. Лимнатис, Н. Манипулирование / Н. Лимнатис. – М. : Экономическая демократия, 2000.
5. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

A. З. Камалиденова

Сегодня наиболее остро встал вопрос о воспитании молодого поколения. Именно на долю подрастающего поколения выпадает весь груз социальной ответственности. К сожалению, объективные условия и трудности переживаемого периода в обществе не способствуют формированию в сознании и позиции юных индивидов истинных нравственных ценностей. «Дети асфальта и каменных городов» выбирают «сникерсы» и читают «комиксы», живут в виртуальной реальности, оказавшись в обществе потребления. Можно представить, учитывая повышенную внушаемость юных созданий, какое

отрицательное воздействие оказывает реклама, пропагандируя отнюдь не добросовестный труд, а лишь удовольствие и блаженство. Чрезмерное использование интернета, телевидения, средств массовой информации превращают человека в безразличного и равнодушного потребителя. Ребенок, подросток, взрослый индивид целыми часами поглощает «мультики, видики» и прочую не всегда полезную и нужную, часто нелепую и глупую информацию. Кем он вырастет в оцифрованном бессердечном мире, когда чтение, театр, художественная выставка как познавательное путешествие уже не является таковым? Кем он вырастет, когда властвуют денежные знаки, господствуют товарно-денежные отношения, все покупается и продается, человек сам превращается в «товар со сроком годности»? Увы, тотальное потребление производимых товаров поглотило и превратило в товар самих людей. Современный человек, как правило, ориентирован на достижение успехов и получение прибыли, посвящает себя борьбе за высокий материальный уровень, пуская иногда в ход и грабеж, и захват, и насилие, и ложь, и обман.

Технократический настрой общества приводит к отказу от живого и настоящего, превращая саму сущность человека в функциональный признак гигантской машины, именуемой социумом. Проблема заключается в возвращении человеческой сущности человеку. Первый шаг состоит в обращении к духовному наследию, осмыслинию того, что уже наработано человечеством в поисках Истины и незримых великих целей.

Задача социальной философии – понять человека, его предназначение и предначертание и повлиять на ситуацию. Особенность и парадоксальность настоящей ситуации, в которой осуществляется формирование духовного облика современного молодого человека, заключается в том, что этот процесс протекает в условиях, перефразируя К. Ясперса, «бездуховной ситуации времени» – в условиях глобального кризиса вообще и кризиса образования в частности.

Индустриальное общество, с одной стороны, требует от человека высокого уровня знаний, а, с другой, обществу необходим творческий человек, а это, в свою очередь, требует более прогрессивных форм и методов образования, обучения и воспитания, которые смогли бы обеспечить более или менее универсальное развитие будущей личности.

Обучение в учебных заведениях не должно привести к технократической односторонности, мировоззренческой узости выпускемых специалистов. В известной мере образовательный процесс страдает механицизмом, который проявляется в накоплении и приобретении теоретических знаний. Обучающийся заполняется набором готовых (оторванных друг от друга) данных знаний. Таким образом, годы, затраченные на освоение образовательных программ, в конечном счете оказываются на практике лишенными смысла. Поэтому приобретенная информация неизбежно забывается, и молодой человек оказывается неприспособленным в реальной жизни. Целью образова-

ния должно быть не только интеллектуальное развитие, но и эмоциональное развитие человека, совершенствование его личных качеств. Здесь особое место занимает самообразование и самовоспитание. Развитие души обязательно приведет к развитию разума.

Возникает вопрос, почему при относительно одинаковых умственных способностях, относительно в равных условиях, один человек достигает профессиональных успехов и реализуется как личность, а другой не испытывает творческого подъема и не справляется со своими профессиональными обязанностями? Ответ на вопрос в определенном смысле может дать философия. Ей принадлежит особая роль в формировании мировоззренческой культуры будущей личности.

Философское образование становится важнейшим элементом высокой культуры человека, его особого индивидуального видения мира. Это требование наступающей эпохи глобальных социальных перемен и изменений, основанных на принципах гуманизма и новом мировоззрении.

Философия возникла как продукт ищущего духа и развивалась, прежде всего, как мировоззренческая дисциплина, стремящаяся к постижению самых общих принципов бытия и познания. Она утверждает высшие духовные ценности, особое видение мира и не абсолютизирует какой-то конкретный этап человеческой истории. Она впитала в себя все богатство содержания человеческой мысли. Освоить интеллектуальный опыт человечества, приобщиться к культуре мышления прошлых исторических эпох в высшей степени важно и необходимо будущему специалисту, каждому интеллигентному человеку с тем, чтобы использовать этот опыт в своей практической деятельности.

Социальная философия как отрасль духовного производства, как особая сфера духовной жизни способна выразить и выработать новое видение мира и всеобщие мировоззренческие ориентиры, которые позволяют индивиду созидать и совершенствовать свое социальное бытие. У философии иное отношение к миру, чем в науке. Она вырабатывает и предлагает различные способы бытия в мире, выдвигая те или иные концепции и системы. Человек может осознанно примкнуть к определенным философским парадигмам. Мировоззрение обеспечивает адекватность самосознания субъекта его окружающему бытию. Через мировоззрение субъект самоопределяется в реальном мире, который образует сферу его жизнедеятельности. Философия как раз и работает с мировоззренческим содержанием. Социальная философия влияет на цели и задачи общественного развития и формирует целостный взгляд на социальные проблемы.

Сегодня встал задача утвердить гуманистический подход к целям и проблемам образования. Образование призвано повышать культурный уровень личности и формировать подлинные смысложизненные ценностные ориентации, научить молодых людей жить нравственно. Сможет ли учащийся

сделать выбор, учитывая не только собственные эгоистические интересы, но и интересы других, окружающего мира? Здесь не обязательно увеличивать объем гуманитарных дисциплин, но в рамках преподавания курса философии усилить гуманистический потенциал образовательного и воспитательного процесса возможно. В этой связи особенно остро встает проблема поисков форм и средств изложения содержания материала. Преподавание социальной философии в определенной мере должно формировать у студентов философскую культуру и собственную мировоззренческую позицию, умение мыслить логически, критически и диалектически, аргументированно отстаивать собственную позицию. Студенты учатся способности и готовности к диалогу, вести дискуссии по актуальным проблемам общественного развития.

Самое главное и важное, чему должна научить философия – это быть Человеком в единстве ума и духа, со всем миром, вселенной и особенно в социуме. Игнорирование решающего значения духовных ценностей в повседневной деятельности приводит к грубой однобокой практике. Следовательно, чем больше будет осмыслена человеческая деятельность с позиций высшего смысла, тем более очевидной будет ограниченность, порой бессмысленность, суетной жизни на ее потребностном уровне. Когда пробуждается человеческое в человеке, он начинает искать смысл в своем бытии. Он старается созидать внешние условия существования по пути нового глубинного целостного мироотношения к миру, к самому себе, к другому.

ИМИТАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ИНСТИТУТОМ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТФОРДИЗМА

Н. А. Камбур

В эпоху постфордизма образование как социальный институт, тесно связанное с рынком труда, с государственной политикой, трансформируется, отвечая на вызовы социальной системы. Обычно, роль образования в жизнедеятельности общества проявляется в том, что оно предоставляет интегрированную сумму знаний, рациональное осмысление и восприятие реальности; конкретную профессиональную подготовку, позволяет занять соответствующие социальные ниши, и таким образом общество структурируется.

Однако в условиях постфордизма университет постепенно трансформирует свою социальную миссию. Центральной идеей постфордского тренда в развитии образования является предоставление образовательных услуг, что превращает университет в одно из многочисленных экономических предприятий. Смещение акцентов с процесса обучения на получение образовательных услуг воспринимается как товаризация образования. При превраще-

нии образования в товар решающую роль начинает играть сам факт получения диплома в качестве документа о предоставлении образовательных услуг. При этом ведущую роль играет товарно-денежный оборот между заказчиком образовательных услуг и исполнителем образовательных услуг. Однако усвоение знаний и формирование у студента профессиональных компетенций в этом процессе становится неочевидным, в процессе получения образования нивелируется ориентация на процессуальность, а диплом во многих случаях превращается в своеобразный симулякр знаний и навыков, которыми выпускник может и не обладать. Конечно, для усвоения знаний, навыков и выработки профессиональной компетенции необходимо время, упорная работа преподавателя, инициатива и способность воспринимать материал студента, его регулярные усилия над своим интеллектуальным самосовершенствованием. Сегодня предоставления университетом образовательных услуг часто предполагает пассивную роль студента в их принятии, в результате нет активного включения в процесс обучения и приобретения профессиональных компетенций. Эта тенденция особенно отчетливо проявляется в современных высших образовательных учреждениях, где «предоставление образовательных услуг» часто понимается студентом как обязанность преподавателя поставить нужную оценку, а университета – выдать диплом уже в силу того факта, что студент заплатил деньги. Непонимание того, что средства платятся за место и время пребывания в университете, процесс обучения, а не за его результат как следствие обучения и приобретения определенных знаний и профессиональной компетентности. На основе товаризации образования и преобразования университета в предприятие предоставления образовательных услуг подвергается переосмыслению миссия высшего образования как процесса, результата и социального института.

В традиционном понимании получения высшего образования – это процесс, в результате которого формируется профессионал, личность и гражданин. Сегодня, наличие диплома о высшем и знаниями в области фундаментальной науки, академичность высшего образования и связь с фундаментальной наукой является одним из способов доведения до студентов систематизирующего подхода к пониманию окружающей социальной действительности. Формальное получение специальности приводит к такой гуманитарной угрозе, как девальвация ценности знания. «Молодые люди часто демонстрируют утилитарное отношение к знанию, оно во многих случаях уже не воспринимается ими как самоценность» [3]. Знание лишены своей фундаментальности, системности, представленные в виде узких профессиональных компетенций, необходимых для решения конкретных задач. В результате формируется фрагментарное мышление, что ведет к потере целостного видения картины мира, а знания, полученные за время обучения, становятся актуальными только в конкретный момент времени. Узкопрофильное высшее образование, сосредоточено на потребностях меняющегося рынка

труда, уже не успевает за скоростью изменений на нем. Таким образом, даже получив знания, отвечающие потребностям работодателей, студент не застрахован от «устаревания» этих знаний через несколько лет.

Смещение акцентов с процесса образовательной деятельности на механизм выдачи документов о высшем образовании приводит к тому, что в современных неолиберальных условиях значение диплома о получении высшего образования обесценивается и представляет собой уже не показатель высоких интеллектуальных достижений его владельца, а один из сертификатов для получения любой работы вообще. В эпоху постфордизма диплом о получении высшего образования уже нужен для получения рабочего места в таких отраслях, в которых ранее требовали только свидетельства об окончании профессионально-технического образования или не требовали никаких свидетельств о получении образования, например, сфера туризма, гостинично-ресторанный бизнес, развлекательная деятельность, ведение домохозяйств и так далее [1]. Поэтому, диплом о получении высшего образования теряет качество свидетельства о высокой компетентности и способности осуществлять высокоспециализированную и научную работу. Получение диплома уже не является неоспоримым преимуществом выпускника на рынке труда, а получение высшего образования уже самим своим фактом не гарантирует личности получение соответствующего этому образованию социального статуса. С другой стороны, наряду с тем, что диплом о получении высшего образования уже не является показателем высокого научно-образовательного уровня выпускника, налицо и тенденция отставания образования по меняющимся условиям рынка труда. В ситуации неопределенности на рынке труда даже выпускник, на выходе из университета получив диплом востребованной специальности, в перспективе через несколько лет может столкнуться с проблемой отсутствия спроса на свои знания и навыки. Окончив университет, выпускник часто встает перед проблемой: знания, полученные в университете, являются неактуальными для настоящего рынка труда, необходимо переучиваться или повышать свою квалификацию. Таким образом, получение высшего образования становится для молодежи все больше чисто формальной процедурой, в результате которой они получают документ о высшем образовании, при отсутствии знаний, и профессиональные навыки, необходимых для реализации себя в профессии [2]. Современные социальные институты образования зачастую заняты имитационными практиками, охватившими практически все сферы жизни. Одним из объектов критики становятся имитации в управлении, в частности, управлении образовательными реформами. В реальности, обращаясь к изучению имитационных практик в управлении, часто приходится сталкиваться со своеобразной «скользящей реальностью» и наблюдать «имитацию деятельности» как типичную черту бюрократического управления.

Однако до настоящего времени нам не известны концептуальные разработки проблемы имитационных практик в управлении институтом образования, несмотря на то, что поисковые системы интернета дают представление о наличии публикаций об имитационной демократии и имитационной политике. Проблематика имитаций относится к числу крайне сложных, можно сказать, деликатных тем, в ходе анализа которых возникает комплекс социально-психологических барьеров, значимых как для инициатора исследования, так и для тех, кто служит его объектом. Бюрократическое управление представляет собой внутренне дифференцированную корпоративную среду, сознательно ограничивает прямые (от аппарата управления – к населению) коммуникации, тщательно фильтрует и дозирует внешнюю информацию, особенно если она способна негативно оказаться на имидже. Понятно, фальсификации не являются абсолютными и имеют свои пределы, они определяются в основном по административному усмотрению, которое может быть мотивировано рационально, но может быть и следствием тех или иных аффектов, в зависимости от ситуации или от профессионального и жизненного опыта руководителя.

Література

1. Мовчан, А. Студентський протест – це не для двічників / А. Мовчан, О. Бікбов // Інтернет-журнал «Спільнє». 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://commons.com.ua/en/oleksandr-bikbov-studentskij-prote/>. – Дата доступа: 15.07.2019.
2. Попель, С. З дипломом якого вузу роботу знайти найлегше / С. Попель // Інформаційне агентство «УНІАН». 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.unian.ua/society/359700-z-diplomom-yakogo-vuzu-robotu-znayti-naylegshe-reyting.html>. – Дата доступа: 15.07.2019.
3. Щудло, С. Вища освіта у пошуках якості: quo vadis / С. Щудло. – Хар'ков, 2012.

КНИЖНА КУЛЬТУРА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ

C. B. Каргаполов, E. B. Каргаполова, M. A. Симоненко

Возрождение интереса к книге и книжной культуре связано с осознанием масштабных трансформационных процессов, которые охватывают разные сферы бытования книги, как то: пересмотр статуса книги как следствие изменения ролевых отношений между автором и читателем в эпоху становления техногенной цивилизации, трансформация читательских стратегий в связи с появлением новых книжных форматов (e-books, audio books) и ростом популярности разных форм электронной коммуникации типа живых журналов, блогов, социальных сетей и т. д.

Очевидно, что книжная культура сегодня находится в состоянии турбулентности, наблюдается значительная неоднородность в читательской среде, что не может не влиять на разобщенность социума в целом. При этом выявляется противоречие между необходимостью сохранения книжной культуры как составляющей менталитета россиян и размытостью представлений о ней как на теоретическом уровне, так и на уровне конкретных повседневных практик. Данная проблематика становится значимой, общегосударственной, требующей как внимания со стороны органов власти, так и принятия волевых управлеченческих решений. Сохранение книжной культуры, таким образом, является одной из принципиальных возможностей эффективного ответа российского общества на вызовы техногенного общества с учетом сохранения своего собственного цивилизационного кода.

Проведен анализ книжной культуры студенческой молодежи современной России. Выбор в качестве предмета исследования студенческой молодежи не является случайным, так как именно эта социально-демографическая группа – наиболее динамичная часть общества и индикатор перемен, происходящих в социальной системе (в данном случае в книжной культуре).

Получены следующие результаты:

- выявлена трансформация читательских стратегий под влиянием новой текстовой реальности, в которой гипертекст играет доминирующую роль. Рост и интенсивность информационных потоков, которые приводят к психологическим и эмоциональным нагрузкам, требуют от системы современного образования решения задачи по подготовке молодых читателей к активному и продуктивному взаимодействию с текстом, который сегодня встречается преимущественно в форме сверхтекстовых структур;

- на основе результатов конкретного социологического исследования студентов современной России зафиксированы следующие тенденции: противоречие между ценностно-рефлексивным отношением к книге, потребностью в чтении художественной литературы и реальными читательскими практиками; снижение роли чтения как осознанного, рефлексивного волевого акта; утрата культуры чтения как составляющей престижа статуса, суммы компетенций; вытеснение чтения художественной литературы в другие сферы досуговых практик под влиянием снижения места эстетических потребностей в структуре потребностей студентов;

- по самому оптимистичному прогнозу, систематически, с пониманием сущности процесса чтения читают около трети студенчества, которые формируют ядро читательской аудитории, около 20% студентов составляют «полупериферию». Эта группа читает от случая к случаю, но еще (или уже) читает. И около половины опрошенных – это периферия читательской аудитории, которая практически не читает произведения художественной литературы;

– примерно половина студенческой аудитории читает произведения отечественной художественной классики. Но требует дальнейшего исследования вопрос, успевает ли молодой читатель обдумать тот смысл и духовно-нравственный посыл классического литературного произведения, который станет частью его социального опыта;

– сквозь призму социолингвистики исследуется вопрос о любимых произведениях художественной литературы. Социолингвистика рассматривает литературное творчество в преломлении социально-исторических процессов, а художественное произведение представляет интерес как культурный «памятник» своей эпохи. С позиции социолингвистического подхода исследуется прецедентность художественного текста для современного студенчества. Зафиксированы фрагментарность прецедентной базы современной молодежи, слабая мотивированность прецедентных текстов для молодого читателя, трудности при поиске и фиксации ассоциативных связей между именем прецедентного текста и хранимыми в памяти знаниями.

Становление техногенной цивилизации сопровождается формированием электронной культуры, которая на сегодняшний день имеет черты «протокультуры» («неустойчивой культурной системы») [1] и может рассматриваться как инновационная форма культуры. Д. Больер утверждает, что под влиянием ИКТ изменяются индивидуальность и характер людей, отношения внутри семьи; способы, при помощи которых молодые люди приобретают навыки и выбирают ролевые модели, создают странные новые формы виртуального опыта и размывают границы, некогда разделявшие домашнюю и рабочую жизнь. В некотором смысле новый вид культуры медленно прививается к унаследованным из прошлого образцам, спаивая «реальную жизнь» и «виртуальную среду» странным, беспорядочным образом. Но «картография» общественной и личной жизни в технологически-опосредованной культуре остается достаточно примитивной [2, р. 35–36.].

Потеря глубинных смыслопорождающих онтологических и морально-нравственных ориентиров приводит к поиску таких схем восприятия бытия, которые обеспечивают идентификацию личности. В этих условиях можно ожидать преобладание консервативных тенденций [3, с. 9]. Соответственно, возможны реверсивные движения в направлении к традиционным формам культуры, к которым относится книжная культура. Последний тезис подтвержден результатами социологических исследований студенчества современной России: зафиксирован рост обращения к книге как источнику информации, что относится и к книге на бумажном носителе.

Конкретное социологическое исследование «Круг чтения художественной литературы студенчества» реализовано в два этапа: первый этап – февраль 2016 года среди студентов Астрахани и Волгограда ($N = 815$), второй этап – май 2019 года среди студентов Москвы, Астрахани и Волгограда ($N = 2\ 800$). Метод сбора первичной информации – анкетирование. Разра-

ботчики инструментария – д. с. н., проф. кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова Е. В. Каргаполова. Массив полученных данных обработан в 2016 году с использованием программного комплекса Vortex, в 2019-м – SPSS.

Под руководством С. В. Каргаполова среди студентов вузов было реализовано социологическое исследование методом анкетирования «Электронная культура студентов вузов» (первый этап – май/декабрь 2014 года среди студентов Астрахани и Волгограда, N = 750 чел.; второй этап – октябрь/ноябрь 2018 года среди студентов Астрахани и Волгограда, N = 1 128 чел., март 2019 года среди студентов Москвы, N=1200). Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS.

Исследования носили зондажный характер, задача презентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы.

Литература

1. Соловьев, А. В. Культурная динамика информационного общества : от пост- к протокультуре : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : спец. 24.00.01 – теория и история культуры / А. В. Соловьев. – СПб., 2009.
2. Bollier, D. The Future of Community and Personal Identity in the Coming Electronic Culture. A Report of the Annual Aspen Institute Roundtable on Information Technology (3rd, Aspen, Colorado, August 18–21, 1994). – Aspen Inst., Queenstown, MD, 1994.
3. Жигачев, А. В. Мир в мониторе : опыт конструирования реальности / А. В. Жигачев // Социокультурные проблемы развития российских регионов : мат. Всерос. научн.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, г. Курск, 24–25 марта 2016 г. / под ред. Е. А. Когай. – Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2016. – С. 6–11.

МИР ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННАЯ ЭДУКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА

П. В. Кикель, Э. М. Сороко

Когда идет речь об эдукологической политике в управляемом обществе, или, иначе, о политике образования, воспитания, формирования мировоззрения человека, то подразумевается наличие за ней неких целей, ориентиров, стратегической направленности этого процесса, для которых она является средством осуществления. Следовательно, она не первична, а всего лишь инструмент, имеет подчиненный, тактический характер для проведения в жизнь более глубоких, стоящих за ней принципов, некой стратегии, оперирующей программным материалом, который можно обозначить как совокупность разработанных, скрепленных целями стратегем. И потому, когда спра-

шивают, какова там, в таком-то государстве, обществе, стране, республике политика образования, то это, по большому счету, вопрос не столь принципиальный, риторический. Главное же, на чем она сосредоточена, или должна быть сконцентрирована, – свод установок, ориентиров, определенный круг взаимосвязанных, системно организованных твердых базовых позиций, или, иначе, основополагающих принципов и идей, требующих своего пре осуществления. И в данной связи возникает вопрос: можно ли раз и навсегда определить эти позиции в их системной взаимосвязи, в необходимой или приемлемой полноте и самодостаточности, установить их твердый базис, чтобы совершенствовать и уточнять лишь детали? Ведь, говоря словами Генриха Гейне, «каждый век, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза».

Ускоренное развитие общества не оставляет сомнений в том, что процессы обновления в его экономике и культуре, технологиях и организационных порядках, в функциональных и структурных отношениях столь значительны и динамичны, что нуждаются в постоянной коррекции. Это касается и стратегии образования, и политики ее претворения в жизнь. Они нуждаются в перманентном обновлении и реконструкции, как это естественно совершается в любой самоорганизующейся проточной эволюционирующей системе, обладающей достаточным числом внутренних степеней свободы для противостояния вырождению, которое так или иначе, рано или поздно усиливается под воздействием внутренних и внешних возмущений. И потому уверенно можно сказать, что такую коррекцию проводить невозможно при отсутствии ядра или стержня, на котором зиждется образовательный процесс и формируется образовательное пространство. И исторически, и ситуационно здесь наиболее приемлемым является, так сказать, выстраданный в веках феномен гармоничного развития человека. Это так, ибо человек был и остается первейшим ориентиром сосредоточения внимания государственной власти.

Насколько позволяют узкие рамки этого материала, кратко отметим лишь некоторые узловые моменты совершенствования системы образования, главным образом образовательного пространства и образовательного процесса. А именно те, что чрезвычайно значимы для нынешнего и будущих состояний общества и которые должны наличествовать в среднесрочной и дальней перспективе, то есть в различных смыслах инвариантных по отношению к многомерному феномену социальной динамики.

Первый момент – генеральная, предопределенная сущностью человека объективная стратегия его формирования не только на основе «накачки» в него предметно определенного знания, почерпнутого из различных узко-дисциплинарных профильных источников, но в соответствии с природой человека, его потребностей формировать в нем стороны его многогранной натуры, адекватные другим сторонам его сущности. Это в первую очередь тетрада: «рацио – эмоцио – интуицио – медитацио». Она шлифуется в един-

стве разума (науки), эмоций (искусства, другие источники чувства красоты и гармонии), веры (сохранение высших идеалов, без коих человек – аморален, «перекати-поле»), воли (самотренаж, постижение себя). Древние греки, вынесившие ценности меры и гармонии, создали образец системы для раскрытия потенциала творческого человека. «Греки навсегда останутся нашими учителями», – говорил Маркс. Однако по теории меры и закону ее развития, тем более по гармонии, в СССР не было издано ни одной книги. Между тем многие, в частности академик В. М. Глушков, подчеркивали: важно состояние, а не благосостояние. Состояние человека, его самоорганизация, самодисциплина, самообладание, самотренаж, и порой весьма суровый, а главное – самосознание, есть подлинное богатство человека как основа социального созидания. Обращать внимание на самого человека, а не на средства его жизнеобеспечения – это то, что было упущено и стало одной из главных, но подспудных, явно не обозначенных причин фиаско «реального социализма». Ведь К. Маркс, при всем том, что ставил экономические факторы социального развития общества очень высоко, утверждал, что ***«социализм есть... позитивное самосознание человека»*** [1, с. 598]. Маркс узрел это в античном мире ее провозглашал Сократ («Человек, познай самого себя!»), затем Апостол Павел и Августин Блаженный, призывающие к «пробуждению человека в себе».

Почему мы здесь обращаем внимание на данные обстоятельства? Они составляют подлинную основу образовательно-воспитательного процесса в том случае, если ориентироваться на обеспечение жизненного благополучия общества, которое напрямую зависит от того, насколько и как в обществе решена проблема человека. От состояния человека, от высоты пробужденного в нем самосознания, зависит все, начиная от экономической безопасности и социокультурного возвышения общества до обретения надежности, пластичности, живучести, идентичности, адекватности, открытости, респонсивности и прочих собственно системных его качеств общества как самообновляющегося, устойчиво и прогрессивно эволюционирующего, самогармонизующегося суперорганизма, и управление становится не диктатом власти силы государственной машины, а, поскольку истинная сила – в мягкости, гибкости и пластичности, превращается в «искусство мягкого дирижирования» (К. Маркс).

Второй момент – тетрабазис атрибутов человека, подлежащих нормативной регуляции. От уровня самосознания человека зависит его воля –атрибут человека как субъекта социальной и позитивной творческой инициативы, как актора. Этот атрибут абсолютно необходим человеку для жизненного успеха, поскольку грядущее общество на наших глазах взращивает новый класс – информационно зрелых «индустриальных креаторов». Три другие атрибута, или ипостаси, – а это разум, чувства и вера – формируются в соответствующих институтах общества. Разум – через язык общения человека с

природой, объективным миром в целом. Он обеспечивается и ставится вузовской наукой; *чувства* – через язык общения с другими людьми и через язык искусства как игровую модель мира; *веру* в человеке возвращают идеологические институты, а также религиозные учреждения через язык общения с Богом, с высшими идеалами. Вера может возводиться и другими средствами, особенно, когда ее предметом является сам человек, его семья, Родина, само его будущее. И лишь *воля*, которой имманентна внутренняя речь человека, остается «без пригляды», неприкаянной как золушка, без направленности и корректива в становлении.

Обратим внимание на квадригу Аполлона на фризе Большого театра в Москве. Сам Аполлон – символ идеального, гармонично развитого человека; колесница – символы разума, чувства, веры, воли. На эти атрибуты человека обращал внимание Ян Амос Коменский, а также Лобачевский, указав на них в напутствии выпускникам Казанского университета, будучи там ректором. Не случаен и квадривиум наук в античности. Не случайно и то, что ныне в мире главенствуют четыре религии: католицизм, православие, ислам, буддизм. Каждая из них избрала лишь один из названных выше атрибутов человека в качестве своей доминанты.

Тетрада – базисный динамический модуль структур и процессов природы [2, с. 23–24, 36] и общества. Он – завершенный цикл в действии закона отрицания отрицания. Единое есть то, что состоит из двух противоположностей, – сказал Филон Александрийский. Это определение поддержал В. Ленин. Раздвоение же сторон единого и образование четырех форм – продукт действия этого закона. Четыре разновесных атрибута в гармонично организованном интеллекте человека – ориентир для выработки соответствующей стратегемы гармонизации его образования.

Третий момент. Обучение есть главный элемент образования, которое, однако, только к нему одному не сводится. Сегодня уже очевидно, что имеются подлежащие устраниению перекосы также и в самом процессе обучения студентов в вузах. Современная информационная индустрия – будем так говорить о средствах технико-технологическом оснащении процессов получения знаний – создает немало возможностей обретения человеком знаний через интернет. Иное дело – возможности и формы, способности и навыки приложения знаний, использования их на практике. Здесь уже доминирующими становятся не собственно знания, а умения. Дефицит теоретических знаний, которые обнаруживает выпускник вуза, может быть восполнен использованием электронных сетей, доступ к которым свободен, и адекватных методов: «теория резюмируется… в методе», – пришел к выводу Гегель [2, с. 5]. Программе интенсификации методов на практике соответствует методологическая педагогика, разработанная российскими учеными в конце 80-х годов прошлого века в рамках концепции реформирования системы образования. Основные ее положения опубликованы в № 24 Санкт-Петербургской

газеты «Знание-Власть». Эта методологическая педагогика успешно прошла апробацию, в частности – в средней школе № 1 г. Костромы, продемонстрировав высокую эффективность собственно образовательного процесса: там на два года сократилось обучение в школе, при всем том, что более чем втрое возросло число медалистов среди выпускников школы. В начале 1990-х она была заимствована китайцами и внедрена в КНР. Не в последнюю очередь благодаря ей Китай показал высокие темпы повышения производительности труда, прироста внутреннего валового продукта, экономический подъем в целом.

Четвертый момент – трансдисциплинарное, транснаучное знание, которым, хотя бы в виде спецкурсов, целесообразно оснащать и насыщать образовательный процесс в вузе, когда необходимо возвести на должный уровень синтез, тогда как сегодня все предметные отрасли знания центрированы анализом. Сегодня в образовательном пространстве и образовательном процессе вуза и в науке, в которой все профильные отрасли знаний, представляя единое древо, упорядочены по универсальной десятичной классификации (УДК). Здесь доминирует логикоцентризм с его императивом «Разделяй и властвуй!»: разделяй сложное целое на части и изучай каждую порознь. Но «части лишь у трупа» (Гегель), поэтому в изучении организмов и ценозов этот подход неприемлем. Требуется интегративный подход системоцентризма, который бы выражал отрасли знаний как единое формирование типа множества деревьев, растущих каждое из своего корня, – как ансамбль отдельных особей. «Кто знает общее, тот знает все», – говорил Аристотель. «Анализ не дает знания, – вторил ему Кант, – знание дает синтез» [5, с. 85]. Этую точку зрения разделял и В. Ленин, призывая находить общие решения, чтобы всякий раз не натыкаться на частности.

Изучению с необходимостью подлежат многие науки трансдисциплинарного характера: *синергетика* – наука о кооперативных процессах и самоорганизации систем; *эволюционика* – наука о самых общих законах, принципах, механизмах универсальной эволюции; *диатропика* – наука о разнообразии и его законах (а информация в ее атрибутивном смысле, как третий после материи и сознания независимый «устой мира», есть ограниченное разнообразие); *трибофатика* – наука о выживаемости при различных усталостных повреждениях систем; *миксология* – наука о правильном, законосообразном формировании составов и смесей («микстов»); *гармонистика* – наука о гармонии сложных систем как соразмерности мер их структурных составляющих, а в сущности, – о качестве этих систем, и ряд других. Если прибегнуть к образу ткани, которую образуют два рода нитей, основа и уток, то, рассматривая процессы анализа и синтеза в единстве, надо заметить, что предметные науки, дисциплинарные области знания, центрированные на анализе, и вторые, трансдисциплинарные, центрированные на синтезе,

образуют единство, напоминающее ткань. Анализ и синтез, соединенные в мере, дают пример организации науки на новых основаниях, адекватно потребностям времени. Точно так же и Третий путь развития человечества, соединивший в себе в единой мере достоинства капитализма и социализма, реализовал бы идеологию уже не под названием материализм или идеализм, а новую, гибридную, или интегральную ее форму, под названием, скажем, пангармонизм. Учитывая, что в текущем столетии, по признанию многих крупнейших современных ученых, сложность и качество становятся главными проблемами в постижении и освоении естественного и возводимого человеком мира, то введение этого второго рода знаний в студенческие аудитории позволило бы, безотносительно к профильности обучения и специализации, быстрее овладевать методами освоения действительности и успешнее решать проблемы меры, гармонии, качества, адекватные потребностям духа времени, императивов самой жизни.

Литература

1. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956.
2. Сороко, Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем / Э. М. Сороко. – М., 2019.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М., 1993.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Климович, С. А. Семенова

Современная медицина ставит перед человечеством ряд вопросов, требующих постоянной и напряженной рефлексии. Одна из наиболее актуальных проблем в данном контексте – проблема воплощения концепта социальной справедливости в рамках различных моделей национальных систем здравоохранения. В наиболее общем виде она нашла воплощение в одном из знаменитых принципов Т. Бичампа и Дж. Чилдреса – принципе справедливости (вместе с принципом автономии, отсутствия вреда и любого действия во благо пациента), требующего как можно более справедливого распределения медицинских ресурсов, имеющих ограниченный характер и касающихся наиболее острых вопросов человеческого существования – болезни, смерти и качества жизни. Именно поэтому проблема справедливости требует решения на самом высоком государственном уровне, но в процессе актуализации данной категории государственные деятели неизменно останавливаются перед следующим вопросом: каково наиболее точное содержание данного понятия?

Краеугольным камнем данного принципа является распределительный критерий Аристотеля. Как известно, непосредственно сам античный мыслитель выделял два вида справедливости – распределительную и уравнивающую. Распределительная справедливость касается процесса разделения блага среди членов всего общества согласно их заслугам перед обществом, второй вид справедливости призван сделать равными две стороны, участвующие в обмене товаров либо услуг. Само понятие справедливости дано Аристотелем в 5-й книге Никомаховой этики, и традиционно считается, что именно распределительный критерий Аристотеля является базисом европейских систем здравоохранения, а именно: «равные должны рассматриваться равно, а неравные неравно». Понятие справедливости также является центральной категорией римского права. Как отмечают исследователи, римский термин *aequitas* переводится как равномерность, соразмерность, равенство [1, с. 37], непосредственно в праве данная категория получила другое наименование – *justicia* и подразумевает эквивалентность, т. е. равенство в человеческих отношениях.

Вместе с тем нельзя не отметить, что постепенно меняется содержание самой категории справедливости. Так, например, Н. Фрезер, исследующий данную проблему, отмечает, что в настоящее время мы можем наблюдать переход от справедливости распределения к справедливости признания [2, с. 89]. В современной биоэтике принято выделять три основные составляющие принципа справедливости: принцип нуждаемости, принцип максимизации и принцип эгалитарности. Принцип нуждаемости требует, чтобы медицинские ресурсы распределялись «пропорционально» потребности (например, в случае немедленного нездоровья), принцип максимизации предполагает, что в случае использования ресурсов, мы должны их распределять, исходя из позиции наибольшей выгоды, а принцип равенства подразумевает, что все вышеизложенное будет реализовываться таким образом, чтобы максимально снизить возможное неравенство [4, р. 323]. Необходимо прежде всего отметить, что в данной концепции очевидно смешение утилитаристского и абсолютистского подходов. Так принцип максимизации является предельно популярным у экономистов, а принцип равенства явно наследуется из классических теорий биоэтики. Однако сами биоэтики предостерегают от рассмотрения этой идеи как проявления классического утилитаризма, поскольку в данном случае мы имеем дело не с понятием счастья, а с совершенно уникальным в своем роде концептом – категорией здоровья, которую невозможно свести к первому. Что же касается принципа нуждаемости, то представители утилитарного подхода, наоборот, предлагают отказаться от него, заменив альтернативными вариантами, поскольку в данном случае не акцентируется польза, которую принесет пациенту использование данных медицинских ресурсов [4, р. 326].

Меняется содержание категории справедливости также и в свете перехода от патерналистской модели взаимоотношений врач-пациент к модели автономии и модели технократического подхода. Если для второй характерно рассмотрение медицины как рынка услуг (это касается стран Западной Европы), в связи с чем на первый план выходит распределительная или возрастающая справедливость, то при использовании технократической модели часто понятие справедливости заменяется «действиями в лучших интересах пациентов». Достаточно ярко использование подмены данного критерия представлено в случае Элфи Эванса – ребенка, которому власти отказали в выезде для прохождения лечения по причине, как считают врачи, невозможности его спасти. Не оставляет сомнений, что здесь принцип справедливости был заменен принципом экономической выгоды под видом заботы о «ранее высказанных пожеланиях» либо «возможных пожеланиях». Все большую актуальность приобретает также вопрос, как определять категорию справедливости в рамках исследования репродуктивных технологий.

В свете вышесказанного становится очевидной необходимость анализа использования принципа справедливости в белорусских актах законодательства, касающихся непосредственно сферы здравоохранения. В данном случае объектом исследования выступает программный документ, регламентирующий всю белорусскую сферу здравоохранения – Закон о здравоохранении.

Одним из современных критериев оценки социальной справедливости является то, в состоянии ли государство, и каким образом, обеспечивать охрану здоровья своим гражданам. Республика Беларусь – социальное государство, деятельность которого направлена на создание условий, обеспечивающих населению достойную жизнь и свободное развитие. Социальная ориентация государственной политики выражается, в том числе в сохранении бюджетной системы здравоохранения, обеспечивающей доступность населению всех видов медицинской помощи. Используя формальный принцип справедливости: «равные должны рассматриваться равно, а неравные – неравно», Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» закрепляет обязательства государства по видам, структуре, объемам и условиям предоставления бесплатной медицинской помощи всем категориям граждан, приоритетность медицинского обслуживания несовершеннолетних, женщин во время беременности, родов и в послеродовой период, инвалидов и ветеранов, гарантирует льготный отпуск лекарственных средств для граждан с определенными заболеваниями и детей [3]. Предоставление необходимой медицинской помощи гарантируется и лицам, находящимся под следствием, отбывающим наказание в виде ареста, ограничения свободы, лишения свободы, пожизненного заключения, а также осужденным на смертную казнь. Согласно отчету Всемирной организации здравоохранения индекс всеобщего медицинского обслуживания, включающий доступ к качественным основным меди-

цинским услугам и безопасным, эффективным, качественным и доступным основным лекарствам и вакцинам в Республике Беларусь равен 74. Это в целом, по сумме всех показателей, Белорусская система здравоохранения по качеству и доступности медицины соответствует 46-му месту из 195 стран мира [5, р. 59].

Таким образом, все три составляющие принципа справедливости: принцип нуждаемости, принцип максимизации и принцип равенства находят свое отражение в национальной системе здравоохранения Республики Беларусь. Принципы выражаются в справедливом доступе к обслуживанию, качественной медицинской помощи, научным и техническим достижениям при равной потребности, в укреплении и охране здоровья людей без ограничений по каким бы то ни было признакам или индивидуальным характеристикам.

Література

1. Аксенова, О. В. Aequitas как важнейший принцип римского права / О. В. Аксенова // Вестник ТИСБИ. – 2005. – № 3. – С. 37–42.
2. Кашников, Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: опыт реконструкции / Б. Н. Кашников // Этическая мысль. М., 2002. – № 2. – С. 89–117.
3. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII: с изм. и доп.
4. Cookson, R., Dolan, P. Principles of justice in health care rationing / R. Cookson, P. Dolan // Journal of Medical Ethics. – 2000 – № 5. – Р. 323–329.
5. World health statistics 2018: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals // World Health Organization. Geneva. – 2018 – 100 p.

ПРАБЛЕМАТЫКА СПРАВЯДЛІВАСЦІ Ў ТВОРЧАСЦІ В. БУЧЫНСКАГА

Г. I. Клімовіч

Праблема правараразумення з'яўляецца адной з найбольш актуальных для філасофіі права, у залежнасці ад таго, як яна вырашаецца, фарміруеца і ўяўленне аб формах і крыніцах права. Дадзеная тэма яшчэ не знайшла поўнага адлюстравання ў айчыннай навуцы, так, напрыклад, недаследаваным застаецца пытанне правараразумення ў межах рэлігійнай філасофіі, у прыватнасці, дагэтуль няма работ, аб'ектам даследавання якіх з'яўляецца прававая праблематыка ў творчасці прадстаўнікоў беларускай думкі перыяды Полацкай схаластыкі. З вышэйпазначанага лагічна вынікае неабходнасць даследавання поглядаў на права, а таксама звязаных з ім праграмных установак у інтэлектуальнай спадычыне дзеячаў, якія працавалі ў сценах Полацкай езуіцкай акадэміі. Падмуркам і асноватворным канцэптом класічных тэорый права, да якіх адносіцца і творчасць прадстаўнікоў Полацкай схаластыкі, з'яўляецца канцэпт справядлівасці. Паколькі пазначаная тэма езуіцкай філасофії

XIX стагоддзя даволі шырокая, аўтар амбежавала аб'ект даследавання паняццямі права, справядлівасці і асэнсаннем дадзеных катэгорый у творчасці аднаго з найбольш вядомых прадстаўнікоў дадзенай групы мысліцељаў – Вінцэнція Бучынскага.

Класічныя тэорыі права прадстаўлены наступнымі напрамкамі: натуральна-прававая тэорыя, юрыдычны пазітыўізм, нарматывісцкая тэорыя, матэрыялістyczная тэорыя права, гістарычная школа права, марксісцкая тэорыя права, псіхалагічная тэорыя права і сацыялагічная тэорыя права. На перыяд XIX стагоддзя прыпадае папулярнасць натуральна-прававой тэорыі і афармленне кірунка юрыдычнага пазітыўізму.

Непасрэдна сам В. Бучынскі належыць да напрамку натуральна-прававой школы, якая бярэ вытокі яшчэ ў глыбокай антычнасці, але афармляеца канчатковая ў XVIII стагоддзі. Падставай яе з'яўляюцца філософска-прававыя погляды Г. Гроцыя, Т. Гобса, Вальтэра і інш. Паколькі прадстаўнікі Палацкай езуіцкай акадэміі падтрымлівалі схаластычную традыцыю, для іх творчасці мелі значны ўплыў ідэі Арыстоцеля, Фамы Аквінскага, Фр. Суарэса. В. Бучынскі фармуліраваў свае маральна-прававыя тэорыі, палемізуючы з Кантам, таксама інтэлектуальную канкурэнцыю ў гэты перыяд у прававым аспекте складалі ідэі асветнікаў і фізіякатаў, але дадзенае пытанне аўтарка пакіне за межамі гэтага нарыса.

Арыстоцель з'яўляеца знакавай фігурай для разумення натуральна-прававой канцэпцыі [3, с. 165]. Катэгорыя справядлівасці мае для яго класавыя характеристы [2, с. 428] і цесна звязана з дзяржавай і правам, апошніе ён разглядае ў якасці прылады для вымярэння справядлівасці [1, с. 297]. У творчасці Фамы Аквінскага даследуемая проблематыка мае падставай наступныя ідэі: агульная мэта дзяржавы – дасягненне агульнага добра, паводле прынцыпа іерархізацыі ўсе законы звязаны паміж сабою, а на чале знаходзіцца адвечны закон, які атаясамляеца з Абсалютам і з'яўляеца крыніцай натуральнага закона [6]. Пералічаныя ідэі захаваны і ў творчасці В. Бучынскага. Як і іншыя інтэлектуалы яго часу ён вылучае натуральны закон і закон чалавецтва [7, р. 39].

У даследуемы перыяд проблема справядлівасці набывае дыскусыйныя характеристар, дадзеная тэндэнцыя захавалася і ў сучаснасці: актуальным застаецца пытанне аднясення катэгорыі справядлівасці да прававога ці этичнага поля. Адзінай выпрацаванай пазіцыі не існуе. Так, напрыклад, расійскія філософы права В. С. Нерсесянц, Н. Н. Яфімаў адзначна трактуюць справядлівасць у якасці прававой катэгорыі. На супрацьлеглай пазіцыі знаходзяцца Г. Шпренгер і О. В. Мартынюк, якія адзначаюць, што дадзенае паняцце можа захаваць сваю ідэнтычнасць толькі ў межах палітычнай ці сацыяльнай катэгорыі [5, с. 76].

Двухсэнсоўнасць пазначанай катэгорыі прыводзіць да таго, што яна разглядаеца ў якасці ўласцівай як для прававога, так і для этичнага аспектаў.

Але ў праве традыцыйна пад дадзенай праграмнай устаноўкай разумееца фармальная роўнасць, у той час, як для этыкі гранічна важнай з'яўляеца фактычная роўнасць. Блізкасць і адначасовая немагчымасць сумяшчальнасці дадзеных напрамкаў адлюстравана ў афарызме: «Юрыдычны максімум – гэта этычны мінімум».

Доўгі час у прававым і філасофскім кантэкстах адбывалася дыферэнцыяцыя прац ужыванне розных лацінскіх паняццяў – *justicia* і *benevolentia*. Згодна з крыніцамі, апошняя з'яўляеца асаблівым відам справядлівасці, уласцівай хрысціянскаму светапогляду, адначасова дадзеная катэгорыя праціпастаўляеца так званай строгай справядлівасці, зафікасаванай у нормах права [4, с. 40]. Па-за межамі права дадзены канцэпт можа перакладацца як добразычлівасць, міласць і г. д. Першапачатковай з'яўляеца *justicia*, якая сформіравалася разам з паняццем *aequitas* у межах рымскага права, потым ужо з'явіўся кантэкст хрысціянскай філасофіі. Як адзначаюць даследчыкі, гэта не было спрабай памягчэння пазітыўнага права, але абсалютна новай ідэяй хрысціянскай антрапалогіі, якая супрацьпастаўляла сябе старой, кас-малагічнай метафізіцы [8, р. 30].

Ужыванне дадзеных паняццяў характэрна і для В. Бучынскага. Трэба да-даць, што раздзяленне розных відаў справядлівасці прац выкарыстанне катэ-горы *justicia* і *benevolentia* агулам характэрна для езуіцкай філасофіі ў пе-рыяд Новага часу. Напрыклад, сустракаем падобны падзел у падручніку па маральнай тэалогіі Дамініко Віво (1726) [9, р. 46].

Паколькі некаторы час В. Бучынскі ў Палацкай акадэміі выкладаў курс натуральнага права, дадзеная праблематыка была для яго актуальнай. Адзна-чаючы істотную розніцу паміж *justicia* і *benevolentia*, аўтар тлумачыць, што першая фундзіравана суворым абавязкам, правам пакарання, другая гэтага (акрамя кампенсацыі) не патрабуе. Апошняя таксама звязана з прынцыпамі гуманізму і дабрадзеяства [7, р. 164]. Падмуркам дабрадзеяства з'яўляе-ца закон агульной любові для ўсіх, які ў сваю чаргу прайўляеца ў каштоў-насцях, уласцівых традыцыйнай хрысціянскай маралі – быць прыкладам для ўсіх, выпраўляць правапарушэнні супраць маральнасці і г. д.

На думку В. Бучынскага, для існавання дзяржаўнасці реалізацыі ў гра-мадстве справядлівасці ў духу *benevolentia* недастаткова, таму ў дзяржаўным будаўніцтве выкарыстоўваецца *justicia*. Бучынскі тлумачыць дадзенае па-няцце наступным чынам – *neminem in ullo suo jure laede* [7, р. 164] – нікога ў сваім праве на абражца, што з'яўляеца інтэрпретацыяй старожытнага ла-цінскага выразу – *Neminem laedit qui suo jure utitur*, што азначае – той, хто сваім правам карыстаецца, нікога не крывае.

У рабоце "Institutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam" Бучын-скі прыводзіц арыгінальную класіфікацыю пашкоджанняў справядлівасці ў залежнасці ад віда добра, дзе злучае як этычна-рэлігійныя, так і непасрэдна

юрыдычныя катэгорыі [7, р. 164–165]. Так, самым цяжкім, на думку дадзенага аўтара, з'яўляецца маральнае пашкоджанне, якое непасрэдна звязана з духоўным пачаткам (душой) і мае крыніцай скрыўленне яе поглядаў, на другім месцы знаходзіцца навучанне фальшывым поглядам і тэорыям, звязанае са скрыўленнем розуму, што ў сваю чаргу адсылае нас да знакамітай ідэі Фр. Бэкана аб розуме як скрыўленым люстэрку. Астатнія пашкоджанні, як ужо было сказана вышэй, можна аднесці непасрэдна да прававога поля – гэта пашкоджанні цела, імя, рэпутацыі, годнасці, поспеху.

На падставе вышэйпазначанага можна прыйсці да наступнай высновы: паняцце справядлівасці, паводле В. Бучынскага з'яўляецца цэнтральным для грамадскага жыцця, разглядаецца ў традыцыйнай для неасхаластычных аўтараў трактоўцы, маючи падставай класічныя для дадзенага кірунку ідэі, але ў класіфікацыі пашкоджанняў аўтар зрабіў спробу зблізіць юрыдычны і этычны адценні сэнсу дадзенага паняцця.

Літаратура

1. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Сочинения. – М., 1983. – Т. 4. – 297 с.
2. Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель. – М. : Мысль, 1997. – 488 с.
3. Батиев, Л. В. Закон и право в философии Аристотеля / Л. В. Батиев // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 165–168.
4. Дыдынскій, Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Ф. М. Дыдинскій. – Варшава, 1896. – 372 с.
5. Сильченко, Н. В. О справедливости в праве и нравственности / Н. В. Сильченко // Духовность. Общество. Личность. Государство. – 2006. – № 1. – С. 76–83.
6. Фома Аквинский. О правлении государей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html. – Дата доступа: 17.07.2019.
7. Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 203 p.
8. Falcon y Tella, M.H. Equity and Law / M.H. Falcon y Tella. – Boston, 2008. – 226 p.
9. Vivo, D. Cursus theologico-moralis : pars quarta. De contractibus / D. Vivo. – Manfre, 1726. – 159 p.

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРУКТУР

H. P. Кнэхт

Лидирующая роль естественных наук в эпоху модерна, новейшие изобретения и развитие измерительной техники отделили представление о времени от человека. Расслоение времени в виде ценностной поляризации старого и нового, прошлого и будущего служит симптомом темпорального режима, который изменяет восприятие времени и представление о смысле истории. Речь идет о видах историчности и о том, как человечество переживает свою

историю [1]. Методологический сдвиг в понимании времени требует исторического и феноменологического осмыслиения.

Смена методологической оптики обусловлена переходом исследования на субъективный уровень бытия человека в современной городской среде, который связан с эмоциями, восприятием и памятью. С одной стороны, повышенная интеллектуальность человека цифровой культуры позволяет существовать в усложненной социальной реальности, с другой – эта «интеллектуальность» несет иллюзию смысла и направлена на эстетическое потребление формы. Роль аффекта в современной культуре ослабляет значение интеллекта [2, с. 58].

Понятие «постсовременность» фиксирует беспрецедентное состояние человечества в условиях продолжающегося антропологического кризиса. Оно отражает потерю доверия к будущему, утрату возможности его предвидеть и управлять им. При том, что наблюдается плюрализм моделей будущего, конкурентная борьба за их воплощение. Возникает разрыв между доступными, исторически сложившимися средствами описания бытия человека и реальным усложняющимся опытом жизни в перманентно меняющемся мире.

Понятие «temporальный режим культуры» [1] отражает особый вклад культуры в форматирование времени. Событие есть приданье явлению ценности, смысла или «акт присвоения бытия мыслью» [3, с. 38]. Реконструкция времени как сложного культурного феномена, выявление симптоматики кризиса модерна поможет дать прогноз необходимых изменений. Понятие «temporальный режим культуры» фиксирует не только особенности валоризации памяти и прошлого, но и связывает социальные формы с многочисленными практиками воспоминания. Люди реализуют производство собственных воспоминаний в определенных социальных контекстах, стремятся воспроизвести «свою историю» и образы былого. Нарастает поток мемуаров, дневниковых записей, семейных преданий, генеалогий. В научный оборот этнографических исследований вовлекаются семейные фотоальбомы и просто старые фотографии, доносящие моду и стиль ушедшей эпохи. Обостренный интерес к артефактам прошлого связан с заменой кайрологического времени [4] хронологическим временем, пронизывающим все сферы социальной жизни. Кайрологическое время – это особое чувство непреложности момента, актуальности здесь и сейчас собственной реализации в событии безотносительно к любым часовым индикаторам. «Тогда настоящее становится истинной схемой времени, что объясняет эфемерность всех возможных мыслимых проектов будущего. Будущее уже не высвечивается в прошлом. Происходит как бы “схлопывание” прошлого и будущего в настоящем. В условиях перманентной нестабильности настоящее становится важнее того, что называется исторической памятью» [5]. Тема памяти оказывается не только оторванной от проблематики травмы, но и от желания «изобрести лучшее» прошлое.

Постепенно происходит и трансформация понятия памяти – важнейшего феномена, который составляет внутреннюю основу человека, отвечающую за способность субъекта культуры к интегрирующему усилию по складыванию фрагментарности мира в цельную картину. Такая интеграция невозможна без включения индивидуальных воспоминаний (элементов памяти) в существующий исторический нарратив. Тем самым возрастает роль коллективной памяти, уже отделенной от ее непосредственных носителей, субъектом которой являются сообщества, объединенные общими нравственными ценностями и аффектами. Эту форму присвоения прошлого можно связать с понятием коллективной памяти, которое предложил Морис Хальбвакс [6]. Постепенно коллективная память превращается в составную часть мифа, в некий коллективный ритуал или «публичную мемориальную культуру» [7], сопоставимую по значимости со стилем жизни в деле формирования городской идентичности.

Таким образом, память становится «архивом суггестивных образов» [7, с. 27], а многочисленные следы прошлого используются культурной индустрией «как сырье, пригодное для переработки» [8, с. 92], перекрывая канал воспоминания и разрушая связь с живым опытом минувшего. Фотографические свидетельства об ушедших из жизни, исчезновение среды памяти в реконструируемых пространствах больших городов включает работу «пост-памяти» – вторичной памяти о недоступных людях и событиях [9].

Литература

1. Ассман, А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2017.
2. Ямпольский, М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня / М. Ямпольский. – М. : Новое издательство, 2018.
3. Подорога, В. Событие и масс-медиа. Некоторые подходы к проблеме / В. Подорога // Синий диван. – 2010. – № 14.
4. Подорога, В. Kairos, критический момент. Актуальное произведение искусства на марше / В. Подорога. – М. : Grundrisse, 2013.
5. Кнэхт, Н. П. Визуальные стратегии и способы постановки исторической реальности / Н. П. Кнэхт // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2014. – № 5. – С. 109–120.
6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007.
7. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014.
8. Степанова, М. Памяти памяти / М. Степанова. – М. : Новое издательство, 2017.
9. Суверина, Е. Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш / Е. Суверина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publichistorylab.ru/archives/424>. – Дата доступа: 01.06.2019.

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. Ковалевич

Философско-антропологическое учение выступает в нашем исследовании как мировоззренческая основа решения проблемы субъектности будущего специалиста (В. С. Библер, Н. А. Бердяев, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер). Принцип антропоцентризма в педагогике предусматривает обращение к субъектности человека, к пониманию его жизни как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии.

В отечественной науке методологической основой исследования «субъектности» является концепция субъекта, разработанная С. Л. Рубинштейном и его учениками К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинским. Человек в концепции С. Л. Рубинштейна рассматривается, прежде всего, как автор, режиссер, и актер собственной жизни. Свою концепцию жизни С. Л. Рубинштейн сформулировал так: «Только та жизнь является настоящей, которая осуществляется, строится самим человеком... Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осмысливая свою ответственность перед собой и людьми за результаты такого решения» [1, с. 351].

Анализ концепций жизни дает возможность рассматривать личность будущего специалиста как субъекта трудовой и профессиональной деятельности, а его профессиональное самосознание – как отношение к себе в качестве субъекта будущей профессиональной жизни.

Концепция самоактуализации А. Х. Маслоу актуальна и сегодня, она заставляет современного человека задуматься над тем, чем и кем он может быть, а, значит, придает его жизни смысл и цель. Если жизнь – это процесс выбора, то самоактуализация – это выбор в пользу личностного роста. Важнейшие рекомендации А. Х. Маслоу о способах самоактуализации могут помочь будущему специалисту в реализации гуманистической технологии собственного развития субъектности [2].

Антропология образования рассматривается как единство мировоззренческих (ценностно-смысловых) и теоретико-методологических (инструментальных) оснований построения практики развивающего образования как практики становления полного, всего человека; человека – как субъекта собственной жизни [3]. Антропология образования используется для построения практики субъект-субъектного развивающего образования. Необходимо

мость антропологии образования – это ответ на вызовы времени, результат осмыслиения современной ситуации человеческого бытия.

Приоритетная антропологическая (гуманистическая) цель и ценность современного образования – обеспечить становление в каждом человеке его субъектности как потребности и способности к самодетерминируемому, самоорганизуемому, саморегулируемому и самоконтролируемому поведению. Способность к субъектному, автономному действию и поведению – существенная основа становления многообразных способностей и качеств человека на разных ступенях образования. Автономия человека – приоритетная идея современного образования.

Социально-педагогическими, психолого-педагогическими условиями становления субъектности человека являются свобода действия, возможность выбора, ответственность за последствия своих действий и поступков. Как отмечается в Докладе международной комиссии ЮНЕСКО по образованию в XXI веке, главной задачей на современном этапе развития человеческой цивилизации должно стать «создание условий для самостоятельного выбора человека, формирование готовности и способности действовать на основе постоянного выбора и умение выходить из ситуации выбора без стрессов». Ребенок, подросток, юноша и девушка, приобретшие опыт свободного, самостоятельного, ответственного поведения и деятельности в сфере образования, духовно и психологически готовы и способны к автономному – самодетерминируемому и саморегулируемому – поведению в многообразных ситуациях социальной и личной жизни.

Утверждение гуманитарно-антропологического подхода не умаляет так называемые технологические подходы в образовании – он проблематизирует их универсальность, антропологичность, их сообразность родовой культуре. В антропологически ориентированном образовании речь должна идти не о формировании знаний, умений, способностей, компетенций, а об образовании самого человека, личностном самоопределении и авторстве его собственных осмысленных действий.

Общенаучный уровень методологии исследования реализуется с помощью синергетического подхода. Синергетический подход выступает в нашем исследовании как методологическая основа взаимодействия самоорганизации, организации и управления процессами развития субъектности (С. М. Родин, Э. Янч). С позиции синергетики организация процесса развития субъектности заключается в выборе таких воздействий на открытую неравновесную систему, которые бы соответствовали ее внутренним тенденциям развития. Синергетика не принимает метод прямого воздействия на систему, вместе с тем, правильно организованные, резонансные воздействия на открытую сложную систему, которой и является процесс развития субъектности будущего педагога, очень эффективны. Резонансные педагогические воздействия подталкивают систему на один из собственных путей ее

развития. Это позволяет рассматривать процесс развития субъектности как активизацию внутренних возможностей системы, которой присущ нелинейный характер развития [4, с. 198].

Заметим, что решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и воспитанника в процессе развития. Синергетический подход дает нам возможность выхода на новые смысложизненные ориентиры, которые можно сформулировать как «самоопределение человека в самоорганизующемся динамическом мире».

Конкретно-научный уровень методологии представлен личностно-ориентированным (Е. В. Бондаревская, О. С. Газман, В. В. Сериков, А. П. Сманцер, И. С. Якиманская) и акмеологическим (Б. Г. Ананьев, А. С. Анисимов, Г. С. Альтшуллер, Н. Ф. Вишнякова, А. Х. Маслоу, Н. И. Мицкевич, А. З. Рахимов, К. Р. Роджерс) подходами. В основе личностно-ориентированного подхода признание человека в нестабильном и слабо прогнозируемом мире не до конца познаваемом, учет его индивидуальности, самобытности, самоценности, развитие его не только как коллективного субъекта, но и как индивида, наделенного своим неповторимым «субъектным опытом». Ориентация на личность (личностная центрированность) в нашем исследовании – это поддержка подросшего человека в раскрытии и развитии его склонностей и способностей, которые помогут ему постепенно выявлять, ставить и решать собственные, в том числе и профессиональные, проблемы в непредвиденных обстоятельствах и отвечать за собственные решения.

Методический уровень исследования представлен технологией перевода идеальных теоретических установок в практические операции по организации процесса развития субъектности студенческой молодежи. На этом уровне используются модели-предписания и технологические карты последовательности реализации дидактических предписаний, учитывается специфика организации в синергетической и кибернетической фазах процесса развития субъектности студенческой молодежи.

Таким образом, в качестве теоретической аргументации концептуальных оснований организации процесса развития субъектности студенческой молодежи выступают: философско-антропологическое учение, концепция самоактуализации, гуманистическая стратегия, личностно-ориентированный и акмеологический подходы, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоопределяющейся личности, как системы.

Литература

1. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1976.
2. Маслоу, А. Психология бытия / Маслоу, А. ; отв. ред. С. Н. Иващенко ; перев. О. О. Чистяков. – М., 1997.

3. Слободчиков, В. И. Очерки психологии образования / В. И. Слободчиков. – Бишкек, 2005.

4. Касперович, Г. И. Синергетические концепции управления. Курс лекций / Г. И. Касперович. – Минск, 2005.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОСЛАВИИ

P. H. Козыренко

В эпоху постmodерна справедливость является одной из наиболее актуальных и сложных проблем, обусловленных ростом социальных противоречий, усилением имущественного неравенства людей, утратой обществом уверенности в справедливости общественного устройства.

Одним из важнейших факторов, препятствующих разрушению в обществе иерархии ценностей, децентрации личности выступает религия. Рост ее влияния на общественную жизнь связан с поиском ценностных ориентиров, путей построения справедливого общества, возвращения человека на ранее занимаемую позицию в структуре мироздания.

В Республике Беларусь крупнейшей религиозной христианской конфессией является православие. Белорусская Православная церковь занимает ведущее место в религиозной жизни страны.

Белорусские земли оказались в пространстве православия с Крещением Руси с конца X века, и с тех пор Беларусь является частью православного христианского мира. Неоценимый вклад в утверждение на белорусских землях христианских ценностей внесли такие выдающиеся православные просветители, мыслители и церковные деятели, как Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Георгий Конисский и др. В разные исторические периоды православная вера на белорусских землях способствовала консолидации белорусского народа, его духовно-нравственному самосовершенствованию, сохранению социальных традиций.

С принятием православия в сознании белорусского народа приобрели новое содержание заложенные в его национальном характере идеи. К числу таких идей относится идея справедливости, интерес к которой как морально-политическому и правовому основанию устройства общества присутствовал у белорусских мыслителей во все исторические периоды.

Ответ на вопрос о сущности справедливости православие дает исходя из библейского понимания справедливости. Священное Писание утверждает, что Бог является воплощением справедливости и отвергает несправедливость. Данный Богом израильскому народу Закон отождествляется со справедливостью, поскольку соблюдение справедливости в человеческих отношениях угодно Богу: «О, человек! Сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и

смиленно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6:8). Понятие справедливости в Ветхом Завете отождествляется с понятием праведности как верности Закону Божьему. Всякое отступление от заповедей Божьих и нарушение законов, выражавших Божественную мудрость, является грехом, т. е. проявлением несправедливости.

Ветхозаветное понимание воздающей справедливости выражается в принципе «воздавать каждому по путям его и по плодам дел его» (Иер. 32:19), т. е. по заслугам. Представления о справедливости, связанной с распределением благ ограничительного характера, выражены в ветхозаветных изречениях о Юбилейном году, в течение которого устанавливались особые имущественные отношения: право собственности на находящиеся в стенах города, дома, не выкупленные до наступления такого года, их собственники утрачивали навсегда (Лев. 25:30).

Ветхозаветное осмысление социальной справедливости включает также в себя любовь как внутренний закон, к которому должен стремиться человек: «люби ближнего как самого себя» (Лев. 19:18).

В Новом Завете так же утверждается, что справедливость – от Бога, она есть «правда Божия». Олицетворением справедливости выступает Иисус Христос как защитник бедных и обездоленных. Понятие справедливости тесно связывается с любовью как основополагающей нормой справедливых общественных отношений. Принцип справедливости сформулирован в изречении «И, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6:31), при этом справедливым является уничтожение зла добром: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39). Достижение справедливости связывается со Вторым Пришествием и утверждением Царства Божьего, в падшем мире существование справедливого общества не возможно.

Новозаветный принцип социальной справедливости сформулирован апостолом Павлом во Втором послании к Фессалоникам: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). Апостол призывает именем Иисуса Христа тех, кто «поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся... чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб» (2 Фес. 3:6-12). Таким образом, новозаветное осмысление социальной справедливости сводится к признанию ценности труда как единственно возможного способа существования человека, не желающего прямо или опосредованно пользоваться за счет других не принадлежащими ему социальными благами.

Современное понимание православием сущности справедливости получило в 2000 году закрепление в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», рассматривающих справедливость в качестве начала, на котором должно строиться мироустройство, исключающее подавление воли человека путем оказания на него политического, экономического

и информационного влияния в национальных либо глобальных масштабах. Достижению социальной справедливости в обществе служит такое распределение материальных средств, при котором обеспечиваются жизнь, здоровье и минимальное благосостояние всех граждан. Справедливость находит свое выражение также в «деятельных проявлениях милосердия и бескорыстной помощи ближним». С новозаветных позиций социальной справедливости отмечается ценность труда для человека как органичного элемента человеческой жизни, а не как исключительно способа добывания средств к жизни. Необходимость борьбы с проявлениями несправедливости, выражающимися в «повелениях власти, понуждающих к тяжкому греху», допускает мирное гражданское неповиновение православных христиан для отстаивания своих интересов [1].

Вклад Православной Церкви в достижение справедливости проанализирован Собранием Предстоятелей Православных Церквей (Шамбези, 21–28 января 2016 года). В официальном документе Собрания отмечено, что Церковь «испокон веков признает и провозглашает, что мир и справедливость занимают центральное место в жизни народов», считает своим долгом одобрять все, что открывает путь к справедливости всем людям, независимо от их вероисповедания. Справедливость в современном мире не является утопией, она «достижима по благодати Божией и посредством духовного подвига человека». Единственным путем, ведущим к достижению справедливости, является принятие и воплощение человеком в жизнь высших христианских добродетелей.

Утверждая всеобщность принципа социальной справедливости, Православная Церковь определяет социальную справедливость в первую очередь как заботу обо всех нуждающихся в помощи людях на основе их равенства. В этой связи отвергается дискриминация по любым основаниям, противостояние, вражда, конфликты и войны. Имущественное расслоение общества по доходам, проявления бедности в мире осуждаются как следствие несправедливой финансовой политики [2].

Белорусская Православная Церковь в настоящее время оценивает справедливость как одну из основ современного общественного устройства, исключение которой из сознания людей ведет к утрате обществом жизнеспособности: «Сильное и процветающее общество формируется там, где проповедование, здоровье и справедливость становятся реальными приоритетами личного бытия человека, совпадая при этом с приоритетами государственной политики и общественного мнения» [3].

Таким образом, справедливость в православии рассматривается как нравственная идея и как благо для общества. Достижение справедливости способствует повышению нравственного потенциала человека, развитию общества, поддержанию социальной стабильности.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. – Дата доступа: 24.06.2019.
2. Миссия Православной Церкви в современном мире // Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://church.by/news/missija-pravoslavnoj-cerkvi-v-sovremennom-mire>. – Дата доступа: 20.06.2019.
3. 7 декабря 2010 года Митрополит Минский и Слуцкий Филарет выступил на IV Всебелорусском Народном собрании // Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://church.by/news/7-dekabrya-2010-goda-mitropolit-minskij-i-sluckij-filaret-vystupil-na-iv-vsebeloruskom-narodnom-sobraniu>. – Дата доступа: 25.05.2019.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

A. Ю. Косенков

Технологии блокчейн, интернета вещей, искусственного интеллекта, больших данных, а также распространение интернета меняют облик нашей цивилизации. Внедрение цифровых технологий и созданных с помощью них продуктов (веб-сайтов, приложений, интеллектуальных технических систем, цифровых копий и двойников) позволяют повысить производительность труда, снизить издержки, исключить посредников, ускорить информационные процессы, создать комфортную окружающую среду и пр. Ввиду вышеназванных преимуществ, которые сегодня предоставляют цифровые технологии, во многих государствах реализуются масштабные проекты (Индустрия 4.0 в Германии, Общество 5.0 в Японии, программа Интернет+ в Китае, проекты строительства цифровой экономики в Республике Беларусь и Российской Федерации), направленные на цифровизацию производства, сельского хозяйства, транспорта, бизнеса, государственного управления, медицины, образования.

Однако цифровизация приводит не только к повышению производительности труда и созданию комфортной интеллектуальной среды. Многочисленные исследования подтверждают, что трансформационный эффект от внедрения и использования цифровых технологий значительно масштабней. Анализ социальной реальности на данном этапе технологического развития демонстрирует, что посредством цифровизации происходят трансформации социальных институтов и социальной структуры,рабатываются новые социальные нормы, появляются новые культурные практики, а социализация индивида происходит в цифровой среде.

Приведем следующие примеры того, каким образом цифровые технологии меняют социальную реальность. Цифровизация, к примеру, бизнеса приводит к переходу к новым формам организации управления, труда, производства, продажи товаров. Компания Red Collar, использующая технологии больших данных для создания индивидуальных фасонов одежды, отказалась от прежней управленческой структуры (департаментов и отделов, включая кадровую службу и отдел финансов) и начала использовать платформенную модель управления [1, с. 89]. Внедрение цифровых технологий в школе или университете ставит вопрос о выработке новых форм и методов обучения, реорганизации учебного процесса, корректировке образовательных стандартов [2, с. 108]. Политические партии, общественные организации, церковь используют цифровые технологии в качестве инструмента для внутренней и внешней коммуникации, включения в свои социальные институты новых членов. Традиционные религии, как заметил Х. Кэмпелл, наполняются технологическими структурами и характеристиками интернет-среды: нивелирование традиционных иерархий, возможность мгновенной коммуникации и получение немедленного ответа, расширение доступа к сакральному и приватной информации [3, р. 68].

Вышенназванные процессы можно охарактеризовать как цифровые трансформации – процессы изменения структурных элементов социальной реальности, вызванные разработкой, использованием и интеграцией в социум цифровых технологий и созданных с их помощью цифровых реальных (виртуальных) продуктов.

Республика Беларусь, как и подавляющее большинство государств, также взяла курс на построение цифрового общества. Первые и уверенные шаги в реализации программы развития цифровой экономики – разработка нормативно-правовой базы и успешная деятельность Парка высоких технологий как ключевого института цифровизации – позволяют, как это кажется на первый взгляд, смотреть в будущее с оптимизмом. «Цифровизация при успешном ее проведении позволит войти в первый эшелон экономически развитых государств планеты», – считает Д.М. Крупский [4, с. 30–31].

С другой стороны, есть множество правовых, организационных, социально-экономических, психологических факторов, сдерживающих процессы цифровизации в Беларуси. К ключевым проблемам следует отнести высокую стоимость технологий; консерватизм и непонимание роли цифровых технологий в трансформационных процессах многими чиновниками и бизнесменами; отсутствие достаточного количества кадров, обладающих цифровыми компетенциями. Несмотря на то, что государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества рассчитана на создание в стране цифровой инфраструктуры, в ней отсутствуют положения, предусматривающие внедрение цифровых технологий в промышленность и

сельское хозяйство (по такому пути идут сегодня все передовые экономики). В программе нет положений, предусматривающих развитие в стране технологий интернета вещей и больших данных, не обращается внимания на развитие цифровых компетенций и повышение цифровой грамотности населения, создание посредством цифровизации новых рабочих мест.

Кроме того, в ходе цифровизации политической элите, бизнесу, научному и экспертному сообществу следует дать ответ на целый перечень вопросов. Какова роль государства в процессах цифровизации? Каким образом цифровизация будет влиять на занятость? С какими организационными, правовыми и экономическими проблемами придется столкнуться вследствие внедрения цифровых технологий? Не приведет ли цифровизация к «цифровому разрыву» между столицей, областными центрами и регионами? Каким образом следует решать проблему недостаточного количества квалифицированных кадров?

Однако помимо вышеназванных вызовов, следует отметить важный аспект: процессы цифровизации не могут быть оценены исключительно позитивно. Хуже недооценки процессов цифровизации может быть только слепая «вера в цифру». Обратим внимание на то, что передовые государства в процессе реализации проектов цифрового общества сталкиваются с целым комплексом технических (кибербезопасность), правовых (адаптация права к технологическим изменениям), политических (использование цифровых данных в политических целях), социально-экономических (вытеснение человека из трудовых процессов вследствие внедрения искусственного интеллекта, «цифровое неравенство»), антропологических (ускорение информационных потоков и адаптация к ним человека, трансгуманистические перспективы развития) проблем. Именно поэтому процессы цифровизации и цифровых трансформаций сегодня оказываются в поле зрения философии и современной гуманитаристики. Философскими проблемами, которые сегодня рассматриваются исследователями, являются этические аспекты развития цивилизации в новых реалиях, место человека в цифровом мире, цифровые трансформации социальной реальности, а также новые коннотации традиционных философских категорий и понятий вследствие трансформационных эффектов («реальность», «сознание», «взаимодействие», «коммуникация», «объект»).

Ввиду вышесказанного, следует заключить, что для успешной реализации процессов цифровизации в Республике Беларусь, необходим многосторонний анализ нового этапа научно-технического развития страны, с включением в эти процессы не только представителей государственной власти, бизнес-сообщества, законодателей, экономистов и IT-специалистов, но также и философов, социологов, политологов, психологов, педагогов и других представителей научного и экспертного сообщества.

Литература

1. Хуатэн, Ма. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн [и др.] ; пер. с кит. – М. : Интеллектуальная литература, 2019. – 250 с.
2. Никулина, Т. В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т. В. Никулина, Е. Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107–113.
3. Campbell, H. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society / H. Campbell // Journal of the American Academy of Religion. – 2012. – Vol. 80, № 1. – P. 64–93.
4. Крупский, Д. М. О концептуальных подходах к организации цифровой трансформации национальной экономики Беларуси / Д. М. Крупский // Цифровая трансформация. – 2018. – № 2 (3). – С. 29–36.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

C. V. Костюкевич

Университет – это продукт европейской культуры; дух этой культуры и европейский образ жизни, а также учебные заведения, созданные европейцами, объясняют корни и происхождение современных университетов и определяют их цели и задачи.

Средневековый университет как продукт европейской городской культуры представлял собой уникальное смешение двух учебных заведений, которые были созданы в Европе до него:

Во-первых, античный город родил школу как атрибут образа жизни привилегированного слоя (социальной элиты), в которой главным образом преподавались интеллектуальные искусства;

Затем средневековый город родил школу, которая обучала ремеслу.

Благодаря этому смешению университет стал новым типом учебного заведения: школой, комбинирующей подготовку для ремесла с преподаванием интеллектуальных искусств, или, другими словами, предлагающей подготовку для интеллектуальных профессий (в частности, врача, юриста и теолога). Исторический разрыв между интеллектуальной и профессиональной (ремесленной) подготовкой, оставленный античной (классической) цивилизацией, таким образом, был преодолен в средневековье.

Античная либеральная школа: разрыв между интеллектуальной и профессиональной (ремесленной) подготовкой. Либеральная школа была, по сути, институциональной формой воспитания граждан города-полиса как социальной элиты древнегреческого города. Либеральное образование древних греков было атрибутом образа жизни социальной элиты и не имело никакого отношения к профессиональному образованию (элита не занималась

ремеслом). Его ключевой целью было общее и интеллектуальное развитие личности.

Развитие античных городов, которые были центрами культурной и политической активности в Средиземноморском регионе, «никогда не определялось ни коммерческой, ни технологической активностью» [1, с. 142]. В силу этого в городской среде ремесла и технологии не играли важной роли. Более того, сформировалось интеллектуальное высокомерие свободных граждан к занятию ремеслом (что выражалось в пренебрежении к физическому труду и к оплачиваемому труду). Конституирование либерального образования как атрибута образа жизни социальной элиты обусловило разрыв между интеллектуальным и профессиональным (ремесленным) обучением.

В отличие от либеральной школы, профессиональные школы не существовали в древней Греции и в классической античности. Практическая подготовка на рабочем месте была единственным способом получения специальных (профессиональных) знаний.

Средневековый университет: союз интеллектуальной и профессиональной (ремесленной) подготовки. Этот сдвиг в европейской городской культуре вызван сменой идеологии: от идеологии либерального образования, которая не ценила ремесла и ремесленный труд, к идеологии христианства, которая учила уважать трудящихся (тех, кто зарабатывал себе на пропитание своими собственными руками). Христианская идеология активно выступала против пренебрежительного отношения греческих и римских интеллектуалов к физическому труду и ремесленничеству. Но, несмотря на усилия христианской церкви, европейская средневековая аристократия оставалась верной идеологии древних греков и римлян, рассматривая ручную работу и любую работу за плату как недостойное занятие для элиты.

Термин *universitas* отсылает нас к городской гильдии. Другие названия университетов включают *stadium generale* и *alma mater*. В качестве городских гильдий университеты обеспечивали подготовку врачей, юристов и теологов, и в этой функции они были подобны другим гильдиям, которые обеспечивали подготовку по разным ремеслам, например, гильдии каменщиков. В то же время университеты предлагали дополнительное знание на так называемом факультете либеральных искусств. Именно это дополнительное знание позволяло университетам добывать признание в качестве учебных заведений (*stadium generale*) и становиться чем-то отличным от просто гильдии (*universitas*) [6, с. 207]. В качестве учебного заведения (*stadium generale*) университеты наследовали образовательные традиции классической античности.

Итак, «средневековый университет функционировал и как гильдия, и как учебное заведение, соединяя два аспекта, которые существовали раздельно в античности, то есть интеллектуальную и профессиональную подготовку» [6, с. 209]. Результатом был тот факт, что в средневековых университетах

либеральное образование становилось профессиональным: развитие интеллекта для воспитания законопослушных и добродетельных граждан уступило место получению интеллектуальной профессии (в средние века это были профессии врача, юриста и теолога). Профессионализация либеральных искусств была ясно продемонстрирована, прежде всего, южноевропейскими университетами. Соответственно, профессиональная (специальная) подготовка становилась институциональной. Институционализация профессиональной подготовки в университетах показала, что больше невозможно приобретать сложное ремесло просто на рабочем месте (в повседневной жизни), нужно обучение в учебном заведении.

Литература

1. История Европы. По европейской инициативе Ф. Делуша. – Минск; Москва, 1996.
2. Кессиди, Ф. Х. Об одной особенности менталитета древних греков / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 137–145.
3. Сидорова, Н. А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии / Н. А. Сидорова // Средние века, сборник. – М., 1963. – Вып. 23. – Раздел 4. – С. 229–238.
4. Федорова, Е. В. Императорский Рим в лицах / Е. В. Федорова. – М. : МГУ, 1979.
5. Лефф, Г. Средневековый университет: факультет либеральных искусств / Г. Лефф // Alma Mater. – 1997. – № 9. – С. 34–38.
6. Kostiukevich, S. University studies as training for the intellectual professions / S. Kostiukevich // Higher Education in Europe, 1996. – P. 203–213.
7. Kotlyarov, I. The European university in the context of logic of integration / I. Kotlyarov, S. Kostjukevich // European Journal of Higher Education. – 2011. – Vol. 1. – N 1. – P. 66–77.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

H. H. Красовская

Гуманизм как система объективных условий и субъективных факторов, обеспечивающих адекватную реализацию собственно человеческих стремлений, прав человека на самоопределение, предстает как социальный императив жизни современного человека.

Социальная работа как профессиональная деятельность в полном своем смысле наполнена идеей гуманизма, воззрения, признающего ценность человека как личности, его права на свободу, счастье и развитие. Выращенная на прогрессивных отечественных традициях и вобравшая в себя все лучшее и рациональное из зарубежного опыта, современная модель социальной работы формируется и продолжает развиваться как результат многолетнего научно-практического поиска, который не прекращается и в настоящее время.

Когда в современных условиях заходит речь о необходимости совершенствования социальной работы, внедрения новых форм и методов, преодоления отживших стереотипов, исключительно важно использовать все лучшее, что имеют действующие ныне система государственного социального обеспечения, народного образования, культуры, здравоохранения, физкультуры и спорта. Важно не растерять накопленный опыт и традиции, – этот бесценный материал для теоретической и методологической основы социальной работы в нынешних условиях. Вместе с тем следует учитывать и как можно полнее использовать зарубежный опыт, адаптировать его к собственным условиям.

В мировой практике сфера социальной работы постоянно расширяется – от оказания помощи только при острых бедственных ситуациях как проявление милосердия, сопереживания – до существенного изменения поля деятельности специалистов по социальной работе в системе государственных учреждений, общественных и частных организаций, различных центров и служб, охвата различных категорий населения, как для оказания помощи, так и в порядке профилактики и самопомощи. В систему социальной работы включаются специалисты различных отраслей деятельности – специалисты по социальной работе, врачи, учителя, работники культуры, юристы, художники, писатели, мастера искусств. Сфера труда и сфера досуга, сфера семьи и личностного общения выступают как обширнейшее поле социального воспитания, социально-культурной и нравственной анимации.

Практически цели социальной и государственной подсистем переориентируются на развитие человека в широком смысле. И это не случайно: после блестящего, триумфального шествия к вершинам цивилизации надвинулась патология – оказалось, что социум стареет, глупеет, болеет, вырождается, разрушается, постоянно рискует, «девианттирует», обижает слабых и беззащитных, постоянно готовит клиентов и сам становится клиентом для социальной работы. Этимологически понятие социальной работы является калькой с английского social work. На русский язык его иногда даже переводят как «общественная работа».

В современных условиях все более отчетливо просматривается изменение пространства социальной работы, объектом которой становится как отдельный человек, личность с ее непростыми проблемами жизнеобеспечения, так и определенные социальные группы, слои населения, другие устойчивые общности, в которых проходит жизнь человека. Прежде всего – это семья как первичная ячейка социальной жизни. Трудовой коллектив как ассоциация, профессиональное объединение работников. В поле зрения социальных служб оказываются также различные социальные группы населения, имеющие специфические проблемы, условия жизни, способы ее поддержания и столь же специфические черты социального облика.

Проблема совершенствования социальной работы в нашей стране связана, прежде всего, с формированием системы учреждений социальной по-

моци и нового механизма защиты населения, включающего как структуры обеспечения условий жизни «слабых» общественных групп, так и структуры воспитательно-профилактической деятельности, развития социальной активности всех слоев населения.

Система социальной защиты населения находится в стадии становления и развития, ведется активный поиск ее оптимальной структуры, важнейших направлений деятельности и основных функций органов социальной работы, которые развиваются в неразрывной связи с экономическими и социальными процессами, происходящими в обществе. Вместе с тем органы социальной работы оказывают влияние на социальное самочувствие общества, его членов.

Смысль и назначение системы социальной защиты населения в современных условиях состоит в том, чтобы с помощью нормативно-правовых, экономических, финансовых, социально-психологических средств осуществлять поддержку и помочь не только нуждающимся в этом группам населения или отдельным гражданам, но и совместно с другими государственными и негосударственными службами, организациями вести работу, упреждающую появление социально ущербных граждан – пьяниц, преступников, бомжей и т. п. Целью деятельности органов социальной защиты населения является участие в формировании и реализации политики государства, общественных структур, направленной на повышение благосостояния народа и активизацию его жизнедеятельности, на стабилизацию общества, укрепление его морально-политических ценностей, интересов.

Совершенствование системы социальной защиты населения в новых условиях предполагает определенные изменения ее организационной структуры. К числу коренных проблем развития социальной работы относится совершенствование системы управления социальной сферой, изменение полномочий и ответственности местных, региональных и республиканских органов управления в вопросах организации социальной защиты населения.

При этом расширяется поле взаимодействия органов и организаций государственной системы социальной защиты с общественными организациями социальных работников, волонтеров, самих нуждающихся и их объединений, с другими министерствами и ведомствами социальной сферы. Это позволяет совершенствовать такие виды социальной помощи, как социальная работа в семье, социальная работа в образовании, социальная работа в здравоохранении, социальная работа в службах труда и занятости, социальная работа в экстремальных ситуациях и с группами риска. В нашей республике активно возрождается система воспитательно-профилактической работы по месту жительства населения.

В условиях накопившихся в ходе модернизации социальных противоречий претерпевает изменения и социальная работа. Прежде всего, индивидуализация и плюрализация жизненного стиля людей означает для специа-

листа необходимость индивидуализировать свою помощь им. А это значит, что поле его деятельности становится не только значительно расширенным, но и усложненным. В этих условиях, как показывает практика, необходимы особые подходы ко всем категориям, являющимся объектами социальной заботы: старикам, пенсионерам, инвалидам, детям, людям, попавшим в беду, одиноким матерям или отцам, в одиночку воспитывающим детей, людям, оказавшимся в тюрьме и многим другим. Каждый из этих десятков миллионов людей – уникальная личность, с неповторимым складом психики, сложнейшей биографией. Все это требует от социального работника исключительного такта, проникновения в судьбу человека, сострадания, многостороннего знания, разнообразных умений, терпеливости и самоотдачи.

Объектом социальной работы являются и социальные отношения, которые в условиях модернизаций также многогранны и сложны. В системе социальной работы по стабилизации социальных отношений активизируются направления, ставящие своей целью помочь разрешать индивидуальные, семейные, организационные проблемы. Начиная с индивида, включая его слабое физическое здоровье и беспомощность, жестокость, угнетение и заканчивая различными организационными проблемами (рост бедных, беженцев). В поле зрения социальной защиты оказываются социально-экологические проблемы – охрана окружающей среды, экологические катастрофы; социально-экономические проблемы: в ходе экономических реформ огромная масса населения оказалась за чертой бедности, проживает в условиях нарастающего социального расслоения, неравенства, ведущего к разделению общества на «высшие» и «нижние» классы и страты.

Социальная работа – это сложный процесс, требующий прочных знаний в области теории управления, экономики, психологии, социологии, педагогики, медицины, правоведения и т. д. Ее эффективность во многом зависит от профессионализма специалиста по социальной работе, его знаний, опыта, личностных особенностей и качеств.

МЕДИАРЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА

А. В. Кудинова

Формирование коммуникативного пространства глобальной миросистемы привело к ряду предпосылок трансформации современного этапа развития массового общества.

Во-первых, стремление к гомогенизации ценностно-нравственных ориентиров субъектов, продуцирующих информацию, и объектов коммуникативного воздействия путем активного социального конструирования презентации социальных процессов и событий в форме унифицированного культурного капитала.

Во-вторых, под влиянием социокультурных образцов, транслируемых медиа, формируются инструментальные ценности, происходит инверсия первичной социализации, отмечается тенденция к унификации социально-культурного капитала.

В-третьих, в рамках экранных культур происходит смещение объекта оценки от проблем к персонажам. Тем самым актуализируется индивидуальное восприятие личных черт акторов проблемной ситуации в ущерб восприятию и оценке самой ситуации. Происходит выработка повестки дня – символически и ценностно структурированных сценариев описания события и его последствий с символическим номинированием действующих лиц.

Важно отметить, что в процессе усвоения информации и приращения индивидуального социально-культурного капитала происходит инкорпорация вновь приобретенной информации с учетом накопленного социально-культурного капитала. Процесс усвоения и актуализации информационной составляющей индивидуального социально-культурного капитала происходит в рамках ментальных схем – обобщенных фильтров входящей информации вне зависимости от ее модальности, вербальности/невербальности, которые соотносят вновь поступающую информацию с имеющимся социокультурным опытом.

Этимологически слово «media» означает «посредник». Поэтому из медийного информационного пространства человек получает всегда субъективированный социально-культурный капитал. Реальность нельзя сжать в сюжетно организованную информацию продолжительностью в две или три минуты.

Подлинные события состоят из противоречий, сложной комбинаторики реальных черт характеров действующих лиц и поступков людей. В этом случае новостные ленты сети интернет, телевидение и радио выступают в роли рассказчика, который, стремясь пощадить эмоции и чувства целевой аудитории, подводит истинное положение дел под приемлемые и принятые в данной культуре социокультурные нормы [1]. Поэтому слушатели, зрители и читатели новостных сообщений получают из средств массовой информации ту информацию и в рамках тех нормативных оценок, которые они хотели бы получить с тем, чтобы впоследствии соотнести свое отношение к событиям и свои действия с другими участниками своей целевой группы в рамках разделяемых социально-коммуникативным сообществом смыслов и приобрести свою долю в коллективном социально-культурном капитале целевой аудитории [2].

Литература

1. Bánhegyi, M. Screening Political Bias and Reality in Media Translations / M. Bánhegyi // Translation and Politic. – 2012. – V. 16. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translationjournal.net/>. – Дата доступа: 21.06.2019.

2. Nišić, V. The role of media in the construction of social reality / V. Nišić, D. Plavšić // Sociological discourse. – 2014. – № 7. – P. 73–81.

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (социально-философский аспект)

А. В. Кузнецов

Как уже отмечалось [1], проблемы педагогического образования являются одними из самых важных в современной социальной философии. В самом деле, если рассматривать культуру как своеобразный социокод воспроизведения и развития общества (В. С. Степин), а систему образования в целом как социокод воспроизведения и развития самой культуры, то приходится рассматривать и педагогическое образования как социокод воспроизведения и развития всей системы образования.

Таким образом, педагогическое образование определяет, в конечном счете, развитие культуры, и общества на переломных стадиях их становления. Тем не менее перед каждой страной в области образования в целом и педагогического образования в особенности стоят как общие проблемы, вытекающие из кризиса современной техногенной цивилизации, так и проблемы локального характера, которые определяются местом той или иной страны в современной капиталистической мир-системе.

Кризис техногенного общества порождает проблемы в современной системе педагогического образования. Эти проблемы заключаются в следующих противоречиях:

1) Противоречие между ускоряющимся процессом изменения ценностей культуры (прежде всего знания) в динамически развивающемся современном обществе и традиционной ориентацией образования на трансляцию уже существующих ценностей.

2) Противоречие между ускоренным формированием способов социализации, обучения и воспитания молодежи (от постоянно совершенствующихся информационных технологий до появления новых социальных движений) и традиционной ориентацией образования на автономизацию по отношению к другим сферам социальной жизни и способам социализации и воспитания личности.

3) Противоречие между требованием доступности качественного среднего и высшего образования для всех членов общества как необходимого условия формирования креативных личности и общества и постепенным включением образования в рыночную экономику, превращением образования в продажу «образовательных услуг», отсекающего от качественного образования большинство членов общества (в особенности стран периферии современной капиталистической мир-экономической системы).

4) Противоречие между необходимостью воспитания и обучения всесторонне и гармонично развитой личности ноосферного типа, способной принимать ответственные решения по глобальным проблемам современности и осуществлять их практически, и ориентацией современного образования на подготовку узкого профессионала, отчужденного от других форм культуры («макдональдизация» и «тейлоризация» образовательного процесса).

5) Противоречие между гуманистическим принципом ориентации педагогического образования на воспитание педагога, умеющего работать на личностном уровне с учениками и создавать оригинальные образовательные проекты, деятельность которого могла бы быть образцом для жизнедеятельности учащихся (мимезис как основа педагогики), и тенденцией стандартизации и технологизации современного педагогического образования.

6) Противоречие между возрастающей ролью педагогического образования в условиях обострения глобальных проблем современности и реальным падением социального престижа педагогических профессий в современном обществе.

Данные противоречия характерны и для педагогического образования Республики Беларусь. Тем не менее следует отметить, что для педагогического образования Республики Беларусь характерны также противоречия, вытекающие из ее положения в современной экономической мир-системе. Прежде всего, следует подчеркнуть, что территория современной Республики Беларусь и население, которое на ней проживало, долгое время (с XVII по начало XX века) являлось периферийной провинцией империй (Речь Посполитая в XVII–XVIII веках и Российская империя в XIX – начале XX века). Тем самым образование и национальная культура белорусского и других народов, проживавших на этой территории, отнюдь не являлись предметом особой заботы господствующих кругов этих империй. Поэтому, на наш взгляд, этап истории Беларуси 1917–1991 годов является высшей точкой ее развития во всех сферах общественной жизни (экономике, политике, культурной жизни общества). По темпам социально-экономического развития (особенно после Великой Отечественной войны) БССР обгоняла другие республики бывшего Советского Союза. Недаром в 1950-х – 1970-х годах Минск был самым быстро развивающимся городом Европы.

В эпоху социалистических преобразований наступило подлинное возрождение и белорусской национальной культуры. Создание в БССР национальной академии наук, ряда высших учебных заведений привело к невиданному развитию науки и культуры, а следовательно, к увеличению вклада республики в мировую духовную культуру. Один из примеров такого вклада является научная деятельность В. С. Степина и созданной им минской методологической школы, много сделавших в области познания закономерностей научных и социальных революций.

Настоящий этап истории Беларуси (с 1992 года по настоящее время) характеризуется тем, что Республика Беларусь формально стала независимым государством. Тем не менее распад Советского Союза, разрыв тесных экономических связей между республиками привел к социально-экономическому кризису 1990-х годов, от которого Республика Беларусь оправляется до настоящего времени. Происходит деградация экономической структуры Беларуси, в процессе которой осуществляется переход от наукоемкого производства (информационных технологий) к сырьевому производству (сельскохозяйственная продукция).

Усиленное проталкивание Беларуси определенной частью современной белорусской политической элиты и так называемой оппозиции на Запад, в Европу может привести к катастрофическим последствиям. Примером такого «радостного» бега в Европу может служить Украина. Современный Запад, а скорее глобальный капитализм, представляет собой, с точки зрения выдающегося американского социолога И. Валлерстайна, такую систему мирового разделения труда, в которой все передовые технологии сосредоточены в ядре этой системы (например, в США), а на долю полупериферии выпадает материальное производство по этим технологиям (например, Польша). При этом периферия, к которой относятся все республики бывшего СССР, является поставщиком сырья и людских ресурсов, необходимых для функционирования этой системы.

Союз с Российской Федерацией дал возможность Республике Беларусь поддерживать свою государственную самостоятельность. Однако нужно помнить, что современная Россия представляет собой государство олигархического капитализма. Это государство требует от Республики Беларусь уступок через процесс приватизации крупного промышленного производства и сельского хозяйства в пользу российских олигархов.

Следует помнить, что самым приемлемым и для белорусской государственности, и для белорусского народа был бы процесс становления и развития глобальной социальной демократии, наброском которой (пусть грубым и несовершенным) был Союз Советских Социалистических Республик.

В связи со всем сказанным можно поставить вопрос: какие задачи стоят перед системой педагогического образования, и прежде всего какую личность мы хотим воспитать? Националиста и ксенофоба, который (как и определенная часть молодых людей на Украине) будет громить памятники советской эпохи, или интернационалиста, которому дороги достижения Советского Союза и БССР, который ратует за свободный и равный союз народов, чтобы избежать участия периферии современной капиталистической мир-системы? Мы хотим воспитать космополита, который заявляет «где хорошо, там и родина», или патриота, который, осознавая проблемы своей страны, тем не менее видит свою главную жизненную задачу в решении этих проблем? Буржуазного эгоиста и индивидуалиста, которому безразличны

судьбы других людей, или сторонника социалистических идей, убежденного в том, что благополучие других людей является основой и его собственного благополучия?

Таковы общие требования, которым должны отвечать критерии оценки качества педагогического образования, и из которых должны вытекать частные требования.

Литература

1. Философия образования : пособие / В. В. Бущик, А. В. Торхова, А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов. – Минск : БГПУ, 2017. – 256 с.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ

А. Л. Куиш, П. П. Крусь

Философия образования как область знания сформировалась и получила свое развитие во второй половине XX века, что характеризует ее как еще молодую область знания. Продолжаются споры о ее статусе, предмете, методах исследования, роли и месте в системе человеческого знания. Остается также открытым вопрос об определении этого понятия. Попытаемся в некоторой степени осветить эти проблемы.

Понятию «философия образования» уделяют внимание многие исследователи (см., например, [1–6] и др., где анализируются разные его аспекты). Авторы признают, что философии образования свойственна обращенность к наиболее общим философско-социальным, философско-антропологическим, философско-методологическим вопросам образования, имеющим отношение к любой педагогической системе, концепции, теории. Результат ее исследования – фундаментальное, интегрированное знание как основа решения педагогических проблем теоретического, конструктивно-проектировочного, практического характера. Анализируя и обобщая представления о данной дисциплине в научной литературе, можно сказать, что ее роль при разработке педагогической теории и практики заключается в том, чтобы осмысливать образовательную, социальную, антропологическую реальность, определять направление и границы исследовательских поисков, выполнять регулятивную функцию в отношении педагогического знания. Она, будучи вписана в систему современной культуры, способствует выбору стратегии образовательной деятельности, конструированию ее моделей, определению ее структуры, выбору путей их реализации.

В отечественной педагогике 1960–1980-х годов исследования такого типа относили к методологии педагогической науки. Несомненно, философская составляющая там также присутствовала, но проявлялась неявно, в связи с

чем потенциал этих исследований не в полной мере был реализован. Свое развитие в нашей стране, в том виде, в котором она в настоящее время существует, философия образования получила с начала 1990-х годов. В связи с этим, основываясь на нынешнем положении дел и учитывая наши традиции, уместно говорить о философии и методологии образования как самостоятельной дисциплине, предметом которой следует считать область знания, что изучает сущностные и общностные проблемы образования, его целевые установки и ценностные основания, принципы формирования структуры и содержания, проблемы взаимодействия образования, общества и личности, способы выбора педагогических технологий.

Главными особенностями философско-методологического анализа являются его сущностный и общностный характер. Иными словами, проводя такого рода анализ, мы выделяем и исследуем наиболее общие черты предмета, создавая целостное, системное представление о нем, проникаем в его сущность. Мы добываем знание о предмете на наиболее фундаментальном уровне, в его взаимосвязи с объектами окружающего мира, знание, которое определяет направление последующего, более детального и конкретного анализа.

Если выделять в структуре этой дисциплины онтологическую и методологическую составляющие, то можно сказать, что философия образования имеет дело по большей части с онтологическими аспектами образовательного процесса и отвечает на такие вопросы, как: что такое образование, каковы его роль и место в функционировании и развитии общества, каковы функции образования в обществе и принципы его организации, каковы цель образовательного процесса и способы ее достижения, как формируются структура и содержание образования и т. п.

Говоря о методологии образования, заметим, что она определяет выбор подходов и методов исследования образовательных процессов, выявляет способы решения обозначенных проблем. В связи с этим философия образования и методология образования являются разными, но диалектически связанными сторонами исследовательского процесса, поэтому их можно объединять в рамках одной дисциплины – философии и методологии образования, хотя, для сокращения, мы будем использовать более употребляемый термин – философия образования.

Исследования в области философии образования, интегрированные со знаниями таких наук, как социология, политология, культурология, философия, экономика, антропология, психология, физиология и другие, – необходимое условие преодоления известной удаленности современной отечественной педагогики от общих процессов культурного, научного и социального развития, серьезного повышения ее концептуально-теоретического уровня, существенного усиления ее роли в развитии образования.

Не утихают споры о статусе философии образования. Среди философов доминирует представление о ней как области философского знания, своего рода «отраслевой философии», «ставящей и решаящей философские проблемы в определенной сфере социального бытия». По отношению к этой области знания педагогика рассматривается как прикладная наука (см. например, [5]).

С другой стороны, Б. С. Гершунский констатирует независимость философии образования от философии, указывая на ее статус как самостоятельной, междисциплинарной, интегративной научной дисциплины, в которой общефилософские знания являются лишь одним из компонентов исследования такого многоаспектного объекта, которым является образование [2]. В этой концепции педагогика также предстает как прикладная, практико-ориентированная наука.

Значительная часть педагогической научной общественности рассматривает философию образования как «специальную, особую (теоретико-методологическую) область педагогической науки, синтезирующую, интегрирующую, результаты многоаспектного исследования образования философами, социологами, культурологами, психологами» и т. д. [6].

Каждая из этих точек зрения имеет свое обоснование, представляет тот или иной аспект содержания, функционирования, развития анализируемой дисциплины. Со своей стороны, хочу отметить, что философия образования функционирует на стыке философии и педагогики. Эта область знания является междисциплинарной. То есть причислять ее к философии или к педагогике является необоснованным, как, впрочем, и наделять самостоятельным, независимым статусом. Это область знания, которая обладает определенной автономностью, но вместе с тем интегрирована как в философию, так и в педагогику. Философия образования анализирует проблемы и предлагает пути их решения, используя философскую методологию, основываясь на имеющихся педагогических концепциях и технологиях, использующих знания в области психологии, культурологии, социологии и других наук.

Литература

1. Авсиевич, М. Т. Философские аспекты современного образования / М. Т. Авсиевич // Национальная философия и контексте современных глобальных процессов : мат. Междунар. научн. конф. г. Минск, 16–17 декабря 2010 г. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 587–589.
2. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века / Б. С Гершунский. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 512 с.
3. Завалей, А. И. Философия образования: обзор современной зарубежной литературы / А. И. Завалей // Вопросы образования. – 2014. – № 2. – С. 236–255.
4. Краевский, В. В. Философия образования в системе научного знания / В. В. Краевский // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия Философия. – 2003. – № 2. – С. 21–29.

5. Наливайко, Н. В. Философия образования: комплексный анализ / Н. В. Наливайко, В. И. Паршиков. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. – 191 с.

6. Степашко, Л. А. Философия образования: онтологические, аксиологические, антропологические основания / Л. А. Степашко. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 248 с.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОСИСТЕМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ

Н. Н. Куксачёв

К XXI веку человек поставил себя в такую ситуацию, с которой не приходилось сталкиваться ранее: из-за собственной жизнедеятельности он рискует бесповоротно нарушить устойчивое функционирование экосферы, в которой обитает и частью которой является. И пусть по убеждению ученых техническая и промышленная деятельность человека вряд ли сможет привести к коллапсу экосистемы как совокупности всего живого в целом [1, с. 12], но если она продолжит свое существование без человека – такой исход вряд ли сможет нас обнадежить. Общая установка на использование всех доступных ресурсов была в советское время сформулирована И. В. Мичуриным в призыве: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача, опираясь на силу разума и знания» [цит. по 1, с. 17]. Но сегодня она должна быть кардинально пересмотрена, если мы хотим продолжить свое существование.

Причины, по которым должен произойти этот пересмотр, очевидны – в последнее время человек потребляет ресурсы планеты активнее, чем когда-либо это было известно в истории. Специалисты отмечают ускоренное истощение возобновляемых и исчерпание невозобновляемых природных ресурсов – минеральных, энергетических, биологических; локальное загрязнение компонентов биосферы, которое опережает возможности ее самоочищения; такое самостоятельное самоочищение затрудняется или даже становится невозможным из-за утраты биоразнообразия и выбросов не свойственных природе элементов – ксенобиотиков, которые не могут быть переработаны естественными биологическими цепочками [1, с. 14] – и это лишь некоторые из причин для пересмотра принципов отношения человека к экосистеме.

Здесь настроенный на безудержное потребление ум может возразить, что в скором будущем будут найдены технические способы для уменьшения потребления, за счет совершенствования цепочек производства продукции, уменьшения ее энергоемкости и т. д. Однако этот путь не сможет вернуть утраченное разнообразие биотопов, говоря проще – техническим путем невозможно (по крайней мере на данный момент) восстановить уже вымершие

виды флоры и фауны и те, процесс вымирания которых уже запущен в результате человеческой деятельности. То есть, как известно, проблему проще не допустить, чем бороться с ее последствиями.

Осознание ответственности за экосистему уже входит в человеческую практику в разных сферах. В политической и экономической – на межгосударственном уровне осознается целостность экосистемы – для достижения целей так называемого «устойчивого развития» принимаются соответствующие договоренности об ограничении воздействий на окружающую среду. Страны-участницы данных соглашений приходят к выводу, что «устойчивое развитие» невозможно если по его правилам не будут действовать все политические игроки. Ко всеобщему осознанию важности сбережения экосистемы необходимо стремиться и на уровне человека как индивида, живущего и действующего в обществе.

Проблема осознания важности сбережения экосистемы на уровне отдельного индивида исследуется в рамках проблематики личной социальной ответственности.

М. Хайдеггер определяет заботу о других людях как ключевой мотив личной социальной ответственности. Благодаря такой заботе раскрывается подлинный смысл человеческого бытия и смысл его пребывания на земле, то есть, по сути, в данной экосистеме.

Какие условия должны соблюдаться для осознания индивидом такой ответственности? Необходима плотная включенность индивида в жизнь общества, его деятельностное участие, в ходе которого он все глубже начинает осознавать причастность отдельно взятого человека к жизни его социальной группы, нации, культуры [2, с. 23], а значит и ответственность, и чувство долга перед данной группой, последующими поколениями данного общества в истории.

Если в европейской философии содержание понятия долга связывалось в основном с утверждением прав человека: на жизнь, свободу, труд, безопасность и т. д., то в русской философской мысли [2, с. 24] внимание фокусировалось на обязанностях личности перед обществом: А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, П. А. Флоренский, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др. делали акцент на необходимости приверженности каждого индивида общим духовным ценностям для поддержания гармоничного существования в обществе. На почве философских идей «всееединства» («Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех и за все» Ф. М. Достоевский) была осмыслена экологическая проблематика у В. И. Вернадского.

Однако реализовать идею внутреннего принятия каждым человеком ответственности «за всех и за все» на практике оказывается весьма нелегко. Вряд ли можно однозначно сказать, что важнее – «способ организации социального порядка» [3, с. 23], при котором каждый индивид сможет принять

добровольно нравственные и экологически дружественные нормы общественной жизни, или же внутренние устремления и настроения индивида. Скорее всего, истина лежит где-то посередине.

Литература

1. Соколов, М. С. В. И. Вернадский и его биосферология / М. С. Соколов // Биосфера. – 2013. – № 1. – С. 9–20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-vernadskiy-i-ego-biosferologiya>. – Дата доступа: 09.06.2019.
2. Латыпова, И. Р. К проблеме социальной и личной ответственности / И. Р. Латыпова // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2018. – № 1. – С. 23–25.
3. Белов, А. В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации / А. В. Белов : автореф. дисс. ... на соиск. уч. ст. к.ф.н. Волгоград, 2011. – 24 с.

ФИЛОСОФСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КЕЙНСИАНСТВА В СВЕТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Д. В. Куницкий

Проблема философского обоснования государственного строительства и, в частности, формирования общественно-экономического уклада и пути развития не теряет для Беларусь своей значимости. Напротив, последняя, а также связанный с нею общественный запрос к философской науке лишь возрастают в условиях обострения глобального финансового и в целом социально-экономического кризиса, возобновления прямого геополитического и, шире, цивилизационного противостояния.

Отсутствие собственной философски выверенной политэкономической идеологии и методологии ее практического воплощения (модели), а также ее сочленения с общими духовно-культурными основами народного бытия является разновидностью указанной угрозы. Оно широко открывает врата для увлечения чужеродными идеями и культурными матрицами, для успешного целенаправленного их (и их носителей-агентов) внедрения иностранными элитами и спецслужбами с целью проведения стратегических политко-экономических диверсий – от описанных в «Исповеди экономического убийцы» [1] ложных инвестиций и государственных долговых ям до тотального крушения экономического и политического строя и революционного перерождения экономической и политической элиты, которые произошли в СССР и, с оговорками, в странах социалистического блока. Отсутствие духовно-философски осмыслиенного и научно-идеологически обоснованного политэкономического целеполагания приводит к рассогласованию решений

и действий, подавлению частной выгодой общего блага, понижение уровня и качества мотивации экономической деятельности.

Для постсоветского пространства, к которому относится Республика Беларусь, оказался характерным резкий разрыв с теорией и идеологией социалистической политэкономии, на смену которой пришла (или была приведена) неолиберальная доктрина и ее часть – рыночный капитализм, последствия применения которых можно характеризовать как катастрофические. При этом произошел не просто резкий экономический спад, рост безработицы и бедности, понижение технологического уровня, попадание в различные формы зависимости от исторических geopolитических противников. Гораздо более патологическими оказались последствия произошедшего, связанные с формированием компрадорского правящего слоя (чуждого отечественным идеалам и устремлениям и прямо ориентированного на зарубежные пристани), разобщенного и остро противостоящего внутри себя, но консолидированного в плане защиты от внешних посягательств на свои капиталы, интересы, статус и контролируемую ими идеологию государств.

Еще более критические проявления теоретико-идеологической революции касались изменения человеческой личности – причем как в форме «деградации человеческого капитала» (уровня профессиональной образованности, трудовой способности), так и в виде стоящего за ним ее духовного разложения, проявляющегося в соответственных изменениях в отношении к большой и малой родине, семье и ее членам, трудовым коллективам и судьбе своих организаций, народным устоям, идеалам и их достоянию в целом.

Республика Беларусь в меньшей степени откликнулась на искушение западными идеями «свободного общества» и, в частности, либерально-рыночной экономики. В определенный период времени ею был даже брошен открытый вызов данному пути развития, названному западными интеллектуалами-идеологами магистральным (неолиберальным или «рыночным мейнстримом» [2]). Была заявлена и частично осуществлена благоразумная попытка сохранить достижения и, собственно, достоинства советской политэкономической модели, одновременно преобразовывая ее, попутно избавляясь от ряда признанных недостатков.

Анализ того, как осуществлялась данная попытка, с какими противоречиями столкнулась, насколько сохранила приверженность себе со стороны руководства и высших слоев белорусского общества и какие имеет дальнейшие перспективы, – насущная, трудоемкая и ответственная задача для белорусской философской науки. Несомненной является, однако, нерешенность вышеуказанной задачи философского определения и обоснования политэкономического строительства Беларуси (установления питающих ее духовных корней и идеологических опор), включающей, помимо принятия общих теоретических формулировок, еще и согласие с ней со стороны руководства страны и правящих кругов, а также живого принятия самим народом. «Дви-

жение от жизни», противопоставляемое доктринерству и насильственному внедрению произвольных умственных конструкций, не может долго удерживать страну на восходящем пути, поскольку саму жизнь постоянно норовят подчинить себе носители определенных доктрин, отражающих их частные экономические и надэкономические интересы.

Одним из возможных источников поиска идеологических начал и практических методов политэкономического развития Беларуси можно рассматривать кейнсианскую теорию, безусловно, делая это критически и избирательно. И, прежде всего, обращая внимание на ее побуждения и принципы – провозглашенные и подспудные. Кейнсианская теория, идейно-теоретическое ядро которой сосредоточено в труде известного британского экономиста Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» [3], возникла под воздействием грандиозного социально-экономического кризиса, известного как Великая депрессия, частью рукотворного, частью логически завершающего эволюцию западного либерально-рыночного капитализма.

Под сомнения были поставлены и без того подорванные Первой мировой войной, и мнимые сами по себе, либерально-гуманистические западные идеалы «Просвещения» и, в частности, ряд догматов классической политической экономии. Всё это происходило на фоне осуществления альтернативного гуманистического проекта в Советском Союзе, который, к тому же, в это самое время начинал отходить от догматов и кровавых практик классовой войны и мировой революции, постепенно обращаясь к традиционным русским христианским идеалам, в частности, патриотизма, справедливости и всенародной солидарности (соборности).

Выяснение подлинных причин расцвета нетипичной для Запада кейнсианской теории, а главное – ее частичного приятия западными элитами (как и последующего сворачивания) – тема особых научно-философских исследований. Важно отметить то, что эти причины неоднородны – включают в себя как нисходящие мотивы конкурентной борьбы в противостоянии с СССР и социалистической идеей в целом, так и восходящие мотивы заботы о благоустройстве жизни простых людей, предотвращении искусственных социальных катастроф. Существенно и то, что в современных условиях почти безраздельного господства в зарубежной и отечественной науке, а также в высшем образовании, готовящем управленческие кадры для государства, неолиберальной доктрины (усовершенствованной классической теории Адама Смита) кейнсианство, хотя и оттесненное на периферию научно-практического внимания (особенно после уничтожения СССР и социалистического блока), все же сохраняет свое признание и авторитет. Неслучайно сам Дж. Кейнс задолго до начала Великой депрессии неоднократно посещал Советскую Россию, изучая в том числе опыт становления социалистической экономики.

Если для экономистов-теоретиков и практиков западной (финансоценитической) ментальности кейнсианство рассматривалось как теория макро-

экономического регулирования и теория эффективного спроса, позволяющего стимулировать и стабилизировать рыночный спрос в условиях его критической нехватки (решая капиталистические проблемы в парадигме капитализма), то кейнсианская теория как таковая меняет ракурс политэкономического исследования и целеполагания, ставя в его центр если не человека, то его трудовую занятость и обеспечение: в частности, меняя в базовых схемах экономического равновесия объем производства и абстрактный доход на востребованный труд, а само равновесие привязывая не к ценам, а к трудовой занятости и ее равномерному распределению.

Еще один «copeрниканский переворот» производится в отношении денег и финансовой системы в целом: если в либеральной модели показатели таковой и интересы ее представителей признаются маяком экономического устройства и развития, приоритетом и неприкосновенным источником основных экономических импульсов, то в кейнсианской теории на них открывается взгляд как на то, чем они являются и призваны быть по существу: вспомогательным связующим звеном между общественной потребностью (в самом широком смысле слова) и соответствующим хозяйствованием (в том числе производством благ). Звено это ни в коем случае не может быть автономным и самодостаточным, рассматриваться как «средство производства» и служить частным интересам, тем более нанося существенный ущерб народному хозяйству и бытию в целом.

Углубленное изучение указанных и прочих принципов кейнсианства способно сделать существенный вклад в становление идеологии политэкономического устройства Беларуси, уберечь ее от некритического принятия неолиберальных доктрина и неизбежных социальных катастроф.

Литература

1. Перкинс, Дж. М. Исповедь экономического убийцы / Дж. М. Перкинс. – М., 2015.
2. Шерстнев, М. Экономический кризис и судьба рыночного мейнстрима / М. Шерстнев // Экономист. – 2011. – № 9. – С.73–80.
3. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 1978. – 1650 с.

ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Курилович

Общекультурная неграмотность как социальная проблема актуализируется в работах тех исследователей, которые убедительно доказывают недекватность социогуманитарной подготовки современных специалистов

запросам общества XXI века, где на передний план выдвигается потребность максимального использования адаптационной и интегративной функций образования. В мировой образовательной практике к стратегиям, ориентированным на данные функции образования, относят компетентностный подход [1, с. 20]. К настоящему моменту времени этот подход очень хорошо известен педагогической общественности Беларуси.

Министерство образования Республики Беларусь позиционирует компетентностный подход как один из основных принципов разработки нового поколения (поколения 3+) образовательных стандартов и учебных планов [См.: 2]. В основе этого подхода лежит интерпретация компетентности как способности субъекта эффективно применять свои знания, умения и навыки (так называемые ЗУНЫ) в различных сферах жизнедеятельности. При этом в научной и учебной литературе можно обнаружить многочисленные и весьма разнообразные трактовки популярного ныне термина «компетентность», однако авторов всех существующих дефиниций объединяет признание того, что компетентностный подход – это в первую очередь ориентация образовательного процесса на результативность решения обучающимися как практических, так и теоретических задач.

Компетентность субъекта в той или иной деятельности формируется на основе набора определенных компетенций, понимаемых как совокупность качеств личности и ее опыта. Из всех возможных систематизаций компетенций наиболее оправданным с логической точки зрения представляется их разделение на две группы: во-первых, универсальные компетенции (их также называют базовые, ключевые, надпрофессиональные, надпредметные) и, во-вторых, профессиональные компетенции (их нередко называют специальные, профессионально значимые, предметно-специализированные) [1, с. 22]. Первая группа компетенций является общей для представителей любых профессий, а вторая группа компетенций, как понятно из самого их названия, отражает специфику каждой из профессий.

Универсальные компетенции выступают базовыми в том смысле, что они необходимы (разумеется, в той или иной степени) любому современному специалисту. В ближайшие 15-20 лет наиболее востребованными универсальными компетенциями, по оценкам экспертов, будут креативность (инновационность), системное мышление, навыки эффективной коммуникации, умение управлять проектами и работать в коллективах, навыки быстрого принятия решения в условиях высокой степени неопределенности и др. [См.: 3].

Понятия «общекультурная грамотность» и «общекультурная неграмотность» в силу диалектического единства противоположностей выступают как две стороны одного и того же феномена. Содержание понятия «общекультурная грамотность» раскрывается именно посредством характеристики

универсальных компетенций, поэтому неслучайно в учебной и научной литературе общекультурную грамотность связывают с феноменами образованности и социогуманитарной грамотности.

В контексте социологического анализа общекультурной неграмотности как социальной проблемы необходимо учитывать два фактора: во-первых, историческую относительность образованности и грамотности; во-вторых, рост значимости социогуманитарного знания в современном обществе [4, с. 154].

Относительно первого из перечисленных факторов можно отметить следующее. История человечества свидетельствует о том, что характеристики грамотности и образованности детерминированы уровнем научно-технического и социокультурного развития общества. Есть все основания утверждать, что на различных исторических этапах конкретный состав самого термина «грамотность» изменялся в сторону расширения с учетом повышения требований к уровню образованности индивида. К примеру, на ранних стадиях развития человеческой цивилизации грамотными считались те, кто умел только читать, позднее - те, кто умел не только читать, но и писать, а еще позже к уже перечисленным критериям грамотности добавились математические навыки [1, с. 7]. Что касается современного общества, то очевидно, что мы не можем назвать образованным человека, не обладающего компьютерной грамотностью. Следовательно, само значение образовательной деятельности, а также связанные с ней представления об образованности человека в разные периоды исторического времени кардинально различаются. Очевидной является следующая тенденция: требования к грамотности человека во всех сферах его жизнедеятельности растут по мере усложнения социальной реальности.

Относительно второго фактора можно сказать следующее. В современном обществе социогуманитарное образование определяется как базис духовного развития личности. При этом наблюдается сильная корреляция образованности и религиозной, художественно-эстетической и идеологической жизни социума, что способствует повышению значимости гуманизации и гуманитаризации образования [4, с. 155]. Следует признать, что к настоящему моменту времени социогуманитарная подготовка специалистов в Республике Беларусь имеет немало слабых сторон, которые приводят к росту общекультурной неграмотности населения. Хорошо известно, что в стране (как и во многих других постсоветских странах) на протяжении уже более чем двух десятилетий социогуманитарное образование постоянно реформируется в направлении сокращения объема и перечня преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин. При этом игнорируется тот факт, что именно социально-гуманитарные дисциплины формируют наиболее востребованные в третьем тысячелетии универсальные компетенции специалиста.

В учреждениях высшего образования Республики Беларусь в 2013/2014 учебном году большинство специальностей были переведены на сокращенные сроки обучения (от 5-летнего к 4-летнему обучению). Этот переход был осуществлен прежде всего за счет масштабного сокращения объема преподавания дисциплин социогуманитарного цикла (философии, педагогики, истории, социологии, психологии, культурологии и др.) студентам негуманитарного профиля. При этом в утвержденных в 2014 году Образовательных стандартах высшего образования первой ступени появились так называемые интегрированные модули цикла социально-гуманитарных дисциплин [См.: 5]. Например, на преподавание учебной дисциплины «Социология» в рамках интегрированного модуля «Экономика» отводится всего 18 часов (лекции – 12 часов, семинары – 6 часов), в то время как в 2006 году на самостоятельную учебную дисциплину «Социология» отводилось 54 часа.

К серьезным недостаткам социогуманитарного образования в постсоветских странах, в том числе в Беларуси, социологи относят проблему оценки качества социогуманитарного образования; неоднозначное влияние Интернета на образование; прагматизацию социогуманитарного образования [4, с. 156-157]. В некоторых отечественных учреждениях высшего образования уже накопилось немало проблем, касающихся реализации модели «Университет 3.0».

Таким образом, общекультурная неграмотность, связанная с социогуманитарной образованностью субъектов, выдвигается как проблема формирования наиболее востребованных в современном обществе универсальных компетенций специалиста.

Литература

1. Гаврилюк, В. В. Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу / В. В. Гаврилюк, Г. Г. Сорокин, Ш. Ф. Фараҳутдинов. – Тюмень, 2009. – 243 с.
2. Методические рекомендации по проектированию новых образовательных стандартов и учебных планов (поколение 3+) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edustandard.by/baza-dannykh/normativnye-pravovye-dokumenty/item/1886-metodicheskie-rekomendatsii-po-proektirovaniyu-novykh-obrazovatelnykh-standartov-i-uchebnykh-planov-pokolenie-3#itemCommentsAnchor>. Дата доступа: 25.06.2019.
3. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf. Дата доступа: 25.06.2019.
4. Григорьев, С. И. Социология образования как отраслевая теория в современном социологическом витализме / С. И. Григорьев, Н. А. Матвеева. Барнаул, 2002. – 170 с.
5. Образовательный стандарт высшего образования. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. Минск, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/119264/1/ST-SGD_21_07_14.pdf. – Дата доступа: 25.06.2019.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

P. C. Лаво

Современные процессы глобализации, регионализации и глокализации в развитии глобальной миросистемы обусловили разновекторные социальные процессы в этнокультурной сфере. В результате развития диалектически взаимосвязанных процессов глобализации, регионализации и глокализации в геоэкономических, geopolитических и геокультурных подсистемах глобальной миросистемы, формирования глобального информационного пространства Интернет наблюдается преодоление ассиметрии в распределении информации, усилении ее доступности, что оказывает детерминирующее воздействие на процессы социокультурной ассимиляции, гибридизации и сепаратизации. Эти процессы развиваются под воздействием обострения международной конкуренции, geopolитических катаклизмов, столкновения геоэкономических интересов глобальных игроков мировых сырьевых рынков, производителей товаров и услуг. Размытие национальной суверенности современных государств, создание различного рода и уровня трансграничных объединений с передачей части полномочий и унификацией правовых режимов привели к большей прозрачности границ и доступности свободы перемещения людей.

Если в историческом прошлом, примерно до середины XIX в., этнокультурная дисперсия была следствием пассивно изживаемого существования (с перспективой депатриации или ассимиляции) как результат военных или природных катастроф, то с середины XIX в. этнокультурная дисперсия начала принимать черты осознанно избираемой модели экзистенциального бытия наиболее активных частей социоэтнических групп в форме трудовой миграции в страны с более благополучной экономикой, а затем, примерно с 20-х годов XX в., и как результат разрушительных последствий военно-политических конфликтов, заканчивавшихся переустройством geopolитического пространства в кризисных регионах, созданием компромиссных искусственных государственных образований, отвечавших geopolитическим интересам доминировавших стран.

Миграционные потоки включали представителей традиционных социальных сетей – кровнородственных, соседских, локально-территориальных, религиозно-общинных, социально-клановых. Новые этнокультурные сообщества образовывались по анклавно-территориальному принципу в городах как местах естественного притяжения мигрантов, образуя улицы и кварталы на основе этнокультурной иерархии, с параллельными государственным и муниципальным структурам институтами этнообщинного самоуправления.

Определенная замкнутость таких анклавно-территориальных поселенческих образований была обусловлена сепарацией рынка труда для мигрантов, различием в этнокультурном статусе и нормативно-ценностных ориентациях и религиозной жизни. Преимущественно неквалифицированные и малоквалифицированные сектора занятости – подсобные работы, строительство, торговля, сфера услуг, принадлежность к определенным религиозным конфессиям и деноминациям – все это способствовало сепарации и созданию анклавов из антииммигантских сообществ в принимающих государствах.

Утрата связи с территориями материнской культуры, как правило, низкий социальный статус мигрантов, стремление к укоренению в новом социально-культурном окружении привели в итоге к возрастанию стремления к осознанию мигрантскими сообществами собственной этнокультурной идентичности. Процессы формирования этнокультурных диаспор в принимающих сообществах, с одной стороны, и стремление государственных и муниципальных институтов принимающих государств к интеграции мигрантов в социум своей страны, с другой стороны, генерировали возникновение и развитие движений диаспоральных этнических сообществ за гражданское и культурное равноправие.

Одним из эффективных факторов поддержания единства и управляемости этнокультурных диаспор становится сфера культуры. Правительственные и муниципальные институты управления стремятся к ассимиляции этнических сообществ в рамках общегражданских принципов, закрепленных конституциями, опираясь на различные виды и формы глобальной массовой культуры, что отвечало интересам транснациональных корпораций и доминирующих на мировой арене и в регионах стран-лидеров [1]. В то время как диаспоральные этнические элиты, в том числе и мегадиаспор, объединяющие дисперсные диаспоры, с целью сохранения своего положения и политического и экономического веса, стремятся к гибридизации форм и социальных технологий. Они добиваются этого путем соединения архаических архетипов этнических культур с глобальной массовой культурой. При этом политическим идеологиям, сложившаяся в развитых цивилизациях, в качестве альтернативы противопоставляет политически ранжированную интерпретацию сектантских изложений вероучений традиционных мировых религий или неоязыческие религиозные учения, трансформированные в идеологические платформы. В повседневных социокультурных практиках возрастает значение внеинституциональных форм организации диаспоральной социальной жизни в форме социальных сетей. Социально-коммуникативные каналы идеологического воздействия на этнокультурную жизнь диаспор позволяют манипулировать стремлением людей к сохранению своей этнокультурной идентичности поддержанием внеправовых форм институционального социального управления в диаспорах [2].

Литература

1. Gamlen, A. Creating and destroying diaspora strategies: New Zealand'semigration policies re-examined / A. Gamlen // Transactions of the Institute of British Geographers, 2013. – № 38. – P. 238–253.
2. Christou, A. Dismantling Diasporas: Rethinking the Geographies of Diasporic Identity, Connection and Development / A. Christou, E. Mavroudi. – London-New York, 2016. – 222 p.

ЭКОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Н. А. Лазаревич

Человеческое развитие теснейшим образом связано со сферами экономики, техникой и технологиями. Цель человеческого развития состоит в том, чтобы создать благоприятную среду для долгой, здоровой и творческой жизни людей. Человеческое развитие, с одной стороны, это расширение человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков, с другой стороны, это процесс использования людьми культурной, политической деятельности, производственных возможностей. Что касается последнего, то данный подход рассматривается в рамках понятий «экономическое развитие», «социальное развитие», «общественный прогресс» [1].

Этот этап в развитии человеческого общества начинается с промышленного производства, совершенствования техники, при этом «первая природа» из естественных условий существования человека, включаясь в производство, также становится ее средством. С развитием техники возникает инструментальное пространство как самостоятельно функционирующий феномен культуры (вторая природа). Применение и эффективное использование технологий в самых различных областях науки, техники и хозяйства представляет собой пример решений ряда общественно значимых проблем, ведя к существенным изменениям в уровне и качестве жизни большого количества людей. Самоуправляемые транспортные средства, современные «умные» дома и материалы, биотехнологии и др. – все эти современные технологии находят применение практически во всех секторах, отраслях промышленности и охватывают все области производства: промышленность, сферу услуг и сельское хозяйство.

Техника при этом характеризуется двойственной природой: вместе с положительными результатами функционирования, она может «порождать негативные последствия» [2, с. 71]. Поэтому существуют значительные сложности в структуре оценки устойчивого развития техники и общества, их ко-

эволюции [3, с. 170, 172-175]. Они связаны, в первую очередь, с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических характеристик и последствий, потребительского поведения, условий развития. Ответы на эти и другие вопросы часто строятся на примерах, которые разъясняют различные грани и проблемы оценки устойчивости технических систем.

Кроме вопросов, связанных с функционированием непосредственно «самой» техники, возникает проблема адаптации человека к темпам технических изменений. Расширение сферы «искусственных», технико-технологических посредников жизни, разрушение традиционного понимания смысла жизни, вновь актуализируют антропологическую проблематику, переводя ее в плоскость рассмотрения, когда на первое место выходит не познание сущности человека, а раскрытие фундаментальных отношений человека к миру и самому себе, проявляющихся в тех или иных формах его поведения и образа жизни.

Представления о поведении сложились главным образом в области физиологии по линии развития теории рефлекса и использовались, например, этологами, изучающими поведение животных и др. [4, с. 253]. Согласно современным физиологическим представлениям, поведение есть сложная иерархическая структура, складывающаяся и реализующаяся одновременно на ряде уровней (напр., как последовательность мышечных сокращений, так и последовательность целенаправленных действий).

Развитие исследований в области поведения в последние десятилетия привело к дополнению физиологических методов психологическими. Так И. Р. Сушков, описывая *поведенческую сторону человеческих взаимоотношений*, указывает, что *эмоциональная сторона определяет общую динамику взаимоотношений социальных субъектов*. Она строит всю систему психического отражения личности в соответствии с системой восприятия ситуаций *межличностного взаимодействия* [5, с. 192]. Обозначением для описания одного из компонентов поведенческой стороны служит *ключевой термин «установка»* – явление, которое предшествует реальным действиям личности. Социальная установка – это «состояние готовности личности к определенному восприятию и оценке социальных явлений, ситуаций, поведению в ней» [5, с. 191]. Д. Н. Узгадзе считал установку определенным посредником между миром физических вещей и психическим миром человека. Наполнение установки социальным содержанием, раскрывается через понятие ценностей. Ценности – это фактор, объясняющий, почему принимаются те или иные решения. К примеру, ценностные установки – это установки на брак и семью, установки на творчество, политические установки, установки на определенный уровень качества жизни и т. д. Выделяют также когнитивные, аффективные, поведенческие установки, первичные и фиксированные

установки, смысловые, целевые, операциональные установки, социальные фиксированные установки, базовые социальные установки, ценностные ориентации, объединенные понятием диспозиции. Все вместе они охватывают комплекс отношений личности, которые В. А. Ядов определяет как социально-психологические отношения [6, с. 81]. Они вмещают в себя и познавательную, и эмоциональную, и поведенческую стороны. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию из популярного в США учебника психологии: около 90% американцев знают, что курение приводит к сердечным заболеваниям (познавательная сторона), 30% американцев курят (поведенческая сторона), некоторые из них в связи этим даже испытывают отрицательные эмоции (эмоциональная сторона) [5, с. 194].

Д. Канеман выявил, что поведение людей во многих экономических явлениях определяется более широким кругом психологических мотивов, чем рациональное поведение, когда преследуются собственные или какие-либо иные интересы. Д. Канеман вместе со своим коллегой А. Тверски выявил, что люди не способны к полному анализу в сложных ситуациях, когда будущие последствия принятия решений являются неопределенными. В таких обстоятельствах они полагаются на эвристику или случайный выбор [7, с. 193].

Подобные исследования принятия человеком экономических решений в конце 70-х годов положили начало так называемой «теории ожидаемой пользы» (expected-utility theory), в соответствии с которой экономические решения, принимаемые индивидуумом в условиях неопределенности, основываются на применении стандартов теории вероятности и математической статистики. Эта точка зрения подтверждала вышеупомянутые мнения психологов о том, что человеческие решения в принципе основываются не только на рациональных соображениях, но и на подсознательных актах, таких как эмоции, моральные и эпистемологические установки, разрозненные факты личного опыта и т. д. Как вывод – действия человека нельзя объяснить ни рациональным выбором, ни неполнотой информации, а обстоятельствами или случайным выбором. Поведение людей определяется широким диапазоном психологических мотивов.

Система отношений «мир человека» и «человек в мире» в их взаимосвязи образуют целостное антропологическое пространство, оценка состояния которого в контексте определенных теоретико-методологических подходов может выступать инструментом анализа проблемы качества жизни людей. Принимая во внимание названный выше сдвиг антропологической проблемы с познания сущности человека на раскрытие его отношений с «внешним» миром, обозначим достаточно заметную на современном этапе тенденцию опосредования данных отношений различного рода технико-технологическими факторами, претендующими в том числе на роль инструментов улучшения качества жизни современного человека. В обобщенном плане речь

идет о трансформации самого предметного мира и, соответственно, отношений человека с этим миром. Для целенаправленного формирования политики внедрения техники и технологий необходимо, во-первых, иметь знания о его последствиях и, во-вторых, средства его оценки и установления приоритетов. Важно учитывать цели формирования, видение будущего общества, желательность, приемлемость и допустимость тех или иных результатов.

Литература

1. Доклад ООН о развитии человека за 1991-2006 года, ПРООН, Нью-Йорк.
2. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Ячишина // Вопр. филос. – № 3. – 2013. – С. 3–23.
3. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; под ред. В. С. Степина. – М., 1999.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Т. III. – 692 с.
5. Сушков, И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе / И. Р. Сушков. – М. : Институт психологии РАН, 2008.
6. Ядов, В. А. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 77–91.
7. Канеман, Д. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – 410 с.

ТРАНСФЕР ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ И. КАНТА В БЕЛАРУСИ: XIX ВЕК

A. A. Легчилин

Сегодня одна из актуальных тем историко-философского знания для исследователя составляет история перевода и циркуляции знания между культурами. Она получила название теории культурного трансфера, которая является альтернативной компаративистской методологии. Основатель данного направления французский исследователь Мишель Эспань. Сторонники изучения культурных трансферов предлагают заменить компаративистику как поиск различий и сходств изучением форм культурного смешения, взаимопроникновения и гибридизации. В рамках концепции культурных трансферов Мишель Эспань предлагает переосмыслить отношения центра и периферии, принимающей и отдающей сторон. По его мнению, это особенно важно для понимания процесса взаимовлияния.

В процессе трансфера, переноса из одной культурной ситуации в другую, любой объект попадает в иной контекст и приобретает новое значение. Культурный обмен – это не процесс циркуляции предметов и идей как они есть, но их неустанная реинтерпретация, переосмысление, переозначивание.

Агенты трансферов – это люди и их творения, которые способствуют перемещению и распространению знаний и объектов из одной культурной зоны в другую. Исследование культурных обменов (трансферов) помогает понять Европу как гетерогенное, но одновременно связанное воедино многочисленными «мостиками» трансферов культурное пространство [см. 1].

Попытаемся в духе данной методологии осмыслить трансфер философских идей И. Канта в Беларуси в XIX веке. В европейской философии XIX век ассоциируется с немецкой философией. Именно она задавала интеллектуальные тренды после французской философии Нового времени. И. Кант, немецкий романтизм, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Маркс и др. немецкие мыслители завораживали, в том числе и умы восточных европейцев.

После последнего раздела Речи Посполитой территория нынешней Беларуси вошла в состав Российской империи, образовав территориальную единицу «Северо-Западный край».

В первой половине XIX века в этом регионе было два неординарных высших учебных заведения – Виленский университет (1803–1832) и Полоцкая иезуитская академия (1812–1820), где учились и работали в том числе и белорусские соотечественники.

Наиболее популярным в начале XIX века в Европе было учение кенигсберского мыслителя И. Канта. Идеи Канта как в Германии, так и за ее пределами неоднозначно были восприняты в научных кругах. Как всегда мнения разделились диаметрально противоположно.

Одним из тех, кто первым по достоинству оценил философские и, прежде всего, социально-политические идеи И. Канта, был уроженец Беларуси, непосредственный слушатель и ученик И. Канта Иосиф Быховец (1778–1845). И. Быховец обучался в Кенигсбергском университете в 1794 году, уже на закате научной карьеры И. Канта. Он не только слушал последние лекции великого мыслителя, но и перевел на польский язык трактат И. Канта «К вечному миру» (1795), который издал в 1796 году. В 1799 году И. Быховец перевел на польский язык и также издал в Кенигсберге еще одно произведение И. Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», в котором доказывалась закономерность социального прогресса благодаря распространению знаний и преодолению предрассудков.

Наиболее последовательным эпигоном кантовской философии и одним из первых адептов и пропагандистов ее в данном регионе был И. Г. Абихт (1762–1816). Он был приглашен в качестве профессора философии из Эрлангенского университета в Вильнюсский университет. Свои лекции он читал на латинском языке. Его работа «Введение в философию» издана в 1814 году в Вильно на латинском языке [2].

Из числа слушателей И. Г. Абихта вышел ряд известных философов своего времени, приверженцев взглядов немецкого мыслителя. В частности, ученик

И. Г. Абихта К. Д. Ширма (1791–1866) стал профессором философии Варшавского университета. Наряду с К. Д. Ширмой известную роль в пропаганде духовного наследия И. Канта сыграл другой слушатель Г. И. Абихта, выпускник Виленского университета Я. Бобровский (1777–1823). В 1819 году он перевел и издал в Вильно работу И. Канта «О педагогике».

Я. Снядецкий (1756–1830), будучи сторонником сенсуализма французских просветителей XVIII века, выступил противником априоризма и трансцендентализма И. Канта. Начиная с 1806 года, Я. Снядецкий постоянно обращался к анализу философии И. Канта, полемизировал с ним в ряде своих публикаций [3].

К числу критиков И. Канта относился и уроженец Могилевщины А. Довгирд (1776–1835), сменивший И. Г. Абихта на кафедре философии Виленского университета. Он является автором фундаментального труда «Трактат о присущих мышлению правилах, или Логика теоретическая и практическая», который вышел в Полоцке в 1828 году. В нем дан последовательный анализ работы И. Канта «Критика чистого разума», ее основных частей – трансцендентальной эстетики, трансцендентальной аналитики и трансцендентальной диалектики. Детальный анализ критики Я. Снядецким философии И. Канта дан в работах выпускника Минской мужской гимназии (1803–1819), а впоследствии видного польского философа М. Массониуса (1862–1945) [4].

С консервативных позиций критиковали И. Канта профессора Полоцкой иезуитской академии, прежде всего, за то, что он опроверг онтологическое доказательство бытия Бога. Наиболее ярким оппонентом был профессор философии Полоцкой академии, один из первых и видных представителей неосхоластики XIX века, итальянец И. Анджиолини (1747–1814). В своих лекциях, читаемых для студентов академии и изданном в Полоцке произведении в 1819 году (после смерти их автора), И. Анджиолини неоднократно полемизировал с И. Кантом [5].

Против философии И. Канта выступил и другой известный профессор Полоцкой академии, уроженец Беларуси В. Бучинский (1789–1853). Они отражены в его трехтомном труде «Основы философии», изданном на латинском языке в Вене. В основу этого произведения были положены лекции, читанные для студентов иезуитской академии в Полоцке [6].

К числу менее известных исследователей и популяризаторов философии И. Канта в Беларуси того времени относится А. Аргамаков. Его работа «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» вышла в Полоцке в 1895 году.

Появились и другие отдельные публикации. Так, в газете «Северо-Западный край» от 12 февраля 1904 года в Минске вышла статья под названием «Учение Канта (К столетию со дня его кончины)». Автор подписавшегося

материала – Зимнев, редактор газеты. Это переводная статья с немецкого издания на русский язык известного немецкого кантианца, писателя-фантаста Курда Лассвица (1848–1910) «Der kritische Gedanke (zur Errinnerung an die 100-e wiederkehr von Kants Todestag). Von prof. Kurd Lasswitz. Gotha, 1904». Данная публикация отражает общий дух неокантианства того времени, который затронул и интеллектуальное пространство тогдашней Беларуси.

Эти малоизвестные материалы – актуальная тема исследования для современных историков белорусской философии посредством феномена культурного трансфера идеей немецкой философии в XIX столетии.

Литература

1. Якушенко, О. Что такое культурный трансфер? Лекция, прочитанная 26 мая 2014 года в Европейском университете (С.-Петербург) / О. Якушенко, Эспань Мишель. – Режим доступа: <http://slon.ru/calendar/event/1109349>. – Дата обращения: 04.07.2019; Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 4. – С. 302–313; Лагутина, И. Н. Россия и Германия на перекрестке культур: культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века. – М. : Наука, 2008. – 342 с.
2. Abicht, I. *Initia philosophiae proprie sic dictae* / I. Abicht. – Vilnae, 1814.
3. Снядецкий Я. О метафизике / Я. Снядецкий // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. – М., 1956. – Т. 1. – С. 641–652.
4. Szotek, B. *Marian Massonius a polska filozofia nowokrytyczna* / B. Szotek. – Katowice, 2001.
5. Angiolini, J. *Institutiones Philosophicae. Ad usum Studiosorum Academiae Polocensis* / J. Angiolini. – Polociae, 1819. (В середине XIX века этот труд И. Анджелини был переиздан в Италии).
6. Buczynski, V. *Institutiones Philosophicae*. – Viennae, 1844.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БРЕНДИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Т. В. Лемешова

В политической сфере традиционно можно выделить два этапа активности. Первый этап – период активности, связанный с проведением избирательной кампании. Второй – период спада электоральной активности в связи с завершением периода выборов. Тенденции модернизации политических партий последней трети XX века привели к тому, что современные политические партии уже не имеют такой глубины участия со стороны избирателей, эмоциональной и идеологической привязанности электората к идейной и организационной составляющей партийной жизни, какие они имели 20–30 лет назад. Известный немецкий политолог Otto Киркхаймер, используя язык экономики, утверждает, что «всеохватная партия» завоевывает власть, войдя в

миллионы умов как знакомый объект, выполняющий в политике роль, аналогичную роли крупного бренда в маркетинге, универсально необходимого и высоко стандартизированного изделия массового потребления [1].

В ситуации снижения политической активности со стороны избирателей актуальным является новый подход. Постоянная кампания, в которой краткосрочный акцент на инструментах медиа-политики заменяется «долгосрочной ориентацией на стратегические задачи, направленные на поддержание лояльности избирателей через коммуникацию, призванную обеспечить уверенность, уникальность (дифференциацию от конкурентов), последовательность ценностей и эмоциональную связь с ценностями избирателей» [2, р. 188]. Таким образом, новая версия постоянной кампании – это брэндинг. Следует отметить, что общественно-политические организации не соперничают с политическими партиями в борьбе за власть, но конкурируют за идеи, которые окажутся в умах избирателей. В этой связи, организация деятельности в условиях постоянной избирательной кампании актуальна и для общественно-политических организаций.

Для политических партий и общественно-политических организаций брэндинг выступает в качестве долгосрочной стратегии для создания и поддержания привязанности и поддержки избирателей. Эта концепция учитывает идеологию, организацию и нормативные обязанности. Партии и общественно-политические организации, используя брэндинг в качестве своего организационного принципа, должны направлять свои основные ценности, лидерство, организацию, внутреннюю культуру, внешнюю презентацию и ресурсы на постоянную политическую брэндинговую кампанию на протяжении всего избирательного цикла. Следовательно, основная цель политического брэндинга – формирование лояльности избирателей [3]. Лояльность к политическому бренду является эффективным маркетинговым инструментом, снижающим маркетинговые усилия, и ведет к стабильности политической приверженности со стороны избирателей. А лояльность избирателей представляет собой основной фактор, способствующий успеху партии (общественно-политической организации).

Российский исследователь С. В. Володенков следующим образом определяет политический бренд: «Это конструированная устойчивая совокупность узнаваемых качеств и характеристик, представлений, ассоциаций и эмоциональных переживаний, а также связанных с ними символов и значений, составляющих целостный образ политического субъекта в общественном сознании» [4, с. 50].

Создание политического бренда – стратегическая задача для ПП и ОО на современном этапе. Эффективность и функциональность бренда требует комплексного и последовательного подхода. Российский исследователь М. В. Устинова отмечает необходимость разработки «алгоритма, который должен включать в себя исследования, анализ избирателей, контекст сегод-

няшнего сообщества, нахождение точек контактов с избирателями и визуальные коммуникации, которые способны донести суть и идею организации, дать возможность людям почувствовать свою причастность к происходящему, стать частью и участником идеи и транслировать свою позицию окружающим» [5, с. 7].

Строительство политического бренда включает в себя следующие принципиальные конструкты:

1. ориентация на целевую аудиторию, т. е. на ту часть электората, которая поддерживает или станет поддерживать ключевые идеи ПП и ОО;
2. выявление политических ожиданий и предпочтений целевой аудитории с намерением создать для нее привлекательный имидж ПП или ОО;
3. создание и продвижение идейных символов – слогана, логотипа и иных атрибутов, задача которых состоит в создании эмоциональной связи с электоратом.

«Бренд предоставляет инструменты для анализа политической коммуникации с точки зрения функции, идентичности, стиля и стратегии» [6, р. 10]. По мнению Ф. Котлера, бренд отличает, снижает сложность и упрощает процесс принятия решения [7]. Точно так, как люди покупают продукты, чтобы выразить то, кем они являются (или хотели бы быть), они могут голосовать, чтобы выразить себя. Таким образом, связь избирателя с политическим брендом является как функциональной, так и эмоциональной. В результате бренды обеспечивают «основу для долгосрочной лояльности в среде, где продукты (политика) являются достаточно гибкими» [8, р. 180].

Бренд эффективен и функционален, если учитывает культурную специфику избирателей, их гендерно-возрастные особенности и способен проявлять пластичность и гибкость, которая связана с умением реагировать на изменения, происходящие в сознании людей, изменчивость потребностей избирателей и форс-мажорные обстоятельства политической конъюнктуры.

Политический бренд партии представляет собой ее резюме для избирателей. Это эвристика, которая говорит избирателям, какие ценности связаны с этой партией, как и чем партия отличается от других. Бренд общественно-политической организации также позиционирует ее основные ценностные установки и демонстрирует связь с социальным положением сторонников. Таким образом, можно согласиться с канадскими политологами А. Марландом и Т. Фланаганом, полагающими, что политический бренд – это неосязаемый комплекс ценностей и эмоций, которые привязаны к материальным факторам [3].

Литература

1. Kirchheimer, O. The Transformation of the Western European Party Systems / O. Kirchheimer // Political Parties and Political Development. – Princeton : Princeton University Press, 1966.

2. Scammell, M. Political Brands and Consumer Citizens : The Rebranding of Tony Blair / M. Scammell // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2007. – № 611(May). – P. 176–192.
3. Marland, A. Brand New Party : Political Branding and the Conservative Party of Canada / A. Marland, T. Flanagan // Canadian Journal of Political Science. – 2013. – № 46 (4). – P. 951–972.
4. Володенков, С. В. Управление современными политическими кампаниями / С. В. Володенков. – М. : Из-во Московского университета, 2012.
5. Устинова, М. В. Особенности брендинга политических движений в контексте современного коммуникационного общества / М. В. Устинова // Бизнес и дизайн ревю. – 2017. – Т. 1. – № 3 (7). – С. 7.
6. Scammell, M. Politics and image : The conceptual value of branding / M. Scammell // Journal of Political Marketing. – 2015. – № 14 (1–2). – P. 7–18.
7. Kotler, P. B2B Brand Management / P. Kotler, W. Pfoertsch. – Berlin : Springer, 2006.
8. Needham, C. Brands and political loyalty / C. Needham // Journal of Brand Management. – 2006. – № 13 (3). – P. 178–187.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ СМЫСЛОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ – РЕАКТИВАЦИЯ – РЕКАТЕГОРИАЛИЗАЦИЯ

О. Т. Лойко, А. В. Атаманов

Культурная память является собой онтологическую основу бытия человека, группы, общества. Расширение историко-культурного диапазона за счет вовлечения в массовое сознание новых источников, артефактов, воспоминаний приводит к необходимости их осмыслиения и встраивания в общую картину понимания прошлого. На этом предельно сложном и противоречивом эпистемологическом пути возникают как минимум три проблемы.

1. Реактивация культурной памяти, которая ранее была уделом интеллектуальной элиты, в век глобализации и массовизации стала достоянием самых широких масс. Образ прошлого под воздействием в первую очередь интернета стал стремительно меняться. Публичность, полная открытость интернет-пространства привела не только к переосмыслинию, но, что зачастую несет негативный отпечаток, к утрате этической осмысленности прошлого.

Сама по себе реактивация приводит к реконструкции иного понимания событий. Содержание этого нового реконструированного события получает собственное бытие, онтологический статус которого обосновывается именно новыми, до сих пор неизвестными и/или по-иному интерпретированными источниками. Особое место в реконструкции культурной памяти приобретают факты создания и трансляции массовых концептов, многие из которых становятся мифами.

2. Реактивация порождает новую реконструкцию, в процессе которой содержимое следов памяти подвергается время от времени реорганизации под влиянием свежих обстоятельств ее транскрипции. Принципиально новым феноменом является то, что память закладывается не единожды, а на протяжении ряда эпизодов ее востребованности.

3. Содержание культурной памяти в ее постоянной рекатегориализации осуществляется не в безвоздушном пространстве. В рамках социального времени происходит дематериализация прошлого и стремительный переход прошлого в виртуальную реальность. Стремительно меняется форма и структура социального времени. Время как линейный процесс стремительно исчезает. Меняется мы (общество, человек – группа), меняется и наше время. Происходит своеобразное расширение настоящего как сферы параллельных и зачастую разновекторных измерений социального времени.

Изменение темпоральности культурной памяти связано, как отмечает Гумбрехт, с ее дигитализацией. Совершенство электронных носителей памяти привело к возникновению еще одной мифологемы – реальной возможности зафиксировать все события прошлого и актуального настоящего, как бы переводя содержание культурной памяти из ее за-бытия в бытие и впоследствии в со-бытие. «Компьютер стал ныне диспозитивом, делающим знание доступным в невиданных объемах и небывалой концентрации, но одновременно возникает отчуждение знания от вопроса о его прикладном значении» [1, с. 16].

Процессы реконструкции – реактивации – рекатегориализации являются закономерной траекторией развития культурной памяти в современном хронотопе. Эти процессы могут быть управляемыми или неуправляемыми. Если контент дигитального бытия культурной памяти ориентирован на восстановление истинного ее содержания, есть надежда на сохранение и трансляцию смысловых и ценностных характеристик культуры. Человек стоит перед выбором, и только активная осознанная траектория его личного культурного бытия способна не допустить утраты сущностных основ культурной памяти.

Литература

1. Gumbrecht, H. U. *Unsere breite Gegenwart* / H. U. Gumbrecht. – Berlin Suhrkamp Verlag, 2010.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЕСУРСА В ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

B. K. Лукашевич

В русле обозначенной темы на первом плане анализа находятся практически реализуемые трансформации интеллектуального ресурса определен-

ного социума. Они составляют генетическую основу инновационных преобразований, которые в зависимости от их глубины и масштабности определяют характер изменений в различных сферах жизнедеятельности конкретного социума.

Достаточно отчетливо наблюдается связь между характером интеллектуальных трансформаций (созданием новых схем мироздания и социальных концепций, разработкой оригинальных систем управления и производственных технологий и др.), с одной стороны, и социальными трансформациями, с другой. Известно, что малозаметные изменения в принятой природной и социальной картине реальности, как правило, не влекут за собой значимых событий в социальной сфере. Мелкие технико-технологические нововведения чаще всего консервируют доминирующий социально-экономический уклад и далеко не всегда готовят почву для фундаментальных изменений в производственной сфере, стимулирующих серьезные социальные изменения. К таковым ведут масштабно ориентированные интеллектуальные изобретения, в основе которых лежат оригинальные идеи.

Эта общая констатация в настоящее время дополняется акцентированным вниманием к обстоятельствам риска, которыми сопровождаются попытки реализовать интеллектуальное изобретение в жизни социума в виде инновационных преобразований. Одним из первых процессов такого рода были действия по экзогамному регулированию брачных отношений, где главная опасность усматривалась в возможной депопуляции первобытных человеческих сообществ [1, с. 116–117]. Эта же опасность стимулировала интеллектуальную активность египетских жрецов, создавших рабство как систему социально-экономических и управленческих отношений, и одновременно определяла рисковый характер их замысла. Аналогичными ситуациями заполнена вся история человеческого сообщества. Поэтому закономерно встает вопрос о предпосылках успешной реализации определенных интеллектуальных изобретений, составляющих интеллектуальный ресурс социума, и отторжения других, но тоже входящих в его интеллектуальный ресурс.

Доминирующее направление поиска ответа на этот вопрос – анализ его содержания в контексте понятий «инновация–традиция». В принципе оно является продуктивным, но требует определенной конкретизации представления о механизмах трансформации инновации в традицию. Вряд ли данный процесс является качественно «однородным», т. е. отчетливо наблюдаемым ассимилированием инновации в существующую традицию или закладыванием новой традиции. Требуется определенная детализация представления об этом на первый взгляд линейном процессе; в частности, для случаев вялотекущих инновационных преобразований и отторжения инноваций. Такого рода детализация, на наш взгляд, может быть обеспечена на основе эксплицирующего потенциала понятия «рутинизация инновации».

Рутинизация инновации – это процесс превращения ее из альтернативы по отношению к чему-то существующему (товару, услуге, технологии и др.) в функционально идентичное по отношению к ним образование, статус которого определяется, с одной стороны, ранее сложившимися обстоятельствами, с другой, условиями, соответствующими характеру инновации. Эти условия сопряжены с появлением рутинизируемой инновации и имеют собственный ресурс развития. Насколько он окажется востребованным и продуктивным определяется оригинальностью и идейной глубиной интеллектуального образования, лежащего в основе инновации, а также его социальной ценностью. Последняя характеристика объясняет практику реанимирования инноваций «проживших свой век», но вновь оказавшимися востребованными вследствие того, что условия их функционирования хорошо согласуются с обстоятельствами, которые складываются в развивающемся социуме. Интересные события такого рода в настоящее время можно наблюдать в сфере управления, производственной организации и международных торгово-экономических отношений. В частности, заметно нарастание, с одной стороны, умеренно-скептического отношения к каким бы то ни было глобалистским моделям организации международного сотрудничества и, с другой – практикоориентированного интереса к его региональным и двусторонним вариантам [2].

Литература

1. Шавель, С. А. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций / С.А. Шавель // Философские науки. – 2016. – № 7. – С. 109–121.
2. Леонова, О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 59–66.

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

А. В. Лукьянов, М. А. Пушкарёва, Н. А. Шергенг

Социально-философское знание и социальная практика XXI столетия связаны с проблемой воспроизведения социальности. В этом плане социальное время предназначено для того, чтобы соразмерным образом оттенить историческое время. Но для этого необходимо гораздо большее, чем простое изменение темпа событий, а, напротив, преодоление содержательно-исторического времени, что, в принципе, означает ориентацию на эластичное начало пространства и времени.

Социальное время, как нам думается, связано с исторической памятью. Ведь социальная память направлена на реконструкцию прошлого и настоящего, что, конечно, способствует воспроизводству положительного элемента в сознании человека.

Социальное время есть своеобразный «ген» социальности и духовности. Именно в этом плане необходимо поразмышлять о необходимой здесь аналогии между социальным и историческим временем, весьма полезной для осознания исторического понятия времени. Ведь, в принципе, мы здесь сталкиваемся с различным распределением самой «исторической материи» [1, с. 161].

Социальное время, если о нем говорить более рельефным образом, связано с осмыслением мировоззренческих универсалий культуры, с анализом их роли в трансляции исторического опыта. В этом плане В. С. Степин дал анализ соотношения универсалий культуры и философских категорий, ставя перед собой задачу выяснить сами механизмы «генерации» в культуре «новых категориальных структур» [2, с. 931].

Универсалии, или категории культуры (к ним можно отнести «пространство», «время», «свободу», «справедливость», «совесть» и т. д.), наряду с инвариантными для разных культур признаками, которые выражают некие глубинные структуры бытия человека, включают и исторически особенное содержание. Заметим, что «универсалии» функционируют как категориальная структура сознания в ту или иную историческую эпоху и как предельно-обобщенная картина человеческого мира, человечности как таковой. При этом система универсалий выступает своеобразным генетическим кодом каждого вида и типа культуры. Сама философия в этом плане выступает рефлексией над универсалиями культуры.

В своих трудах В. С. Степин анализировал методы научного познания, само становление научной теории [3]. Но дело заключается в том, что философские категории, хотя и упрощают мировоззренческие универсалии, превращая их в теоретические понятия предельной степени общности, они, тем не менее, порождают новые идеи, выходящие за пределы универсалий культуры той или иной эпохи. Такие идеи, как «социальное время», «социальная» и «историческая память», «нравственная память» и т. д., вполне могут стать ориентирами на будущих этапах становления культурного космоса.

Заметим, что исторические и все другие временные последовательности должны осознаваться в неотъемлемой связи с различной плотностью распространения исторических событий. Как видим, существует интенсивно-качественное отличие исторического времени и исторической памяти, как таковой, от природного и социального времени. При этом, заметим, что источником формирования социального времени и социальной памяти выступает противоречие между самой потребностью человека в совершенствовании социальной жизни и недостаточным уровнем духовного и нравственного развития человека.

Сама мораль, выступая в качестве интегратора социальной памяти и социального времени, есть, в принципе, некая форма воспроизведения исторической памяти. Последняя представляет собой совокупность возможно-

стей реконструкции исторического прошлого. Историческая память задает, в свою очередь, перспективу развития социального времени и общественных отношений в том числе. Хотя нравственность и выступает в качестве интегратора исторической памяти, она в настоящее время оказалась деформированной социальным и духовным отчуждением. В то же время «отчуждение» связано с человеческими переживаниями, которые, в свою очередь, связаны с «памятью-гоской» о прошедших событиях. Но и исторические, а также все остальные временные последовательности предстают наиболее выпуклым образом в связи с разной плотностью распространения исторических событий, их тенденциями.

В этом плане социальное время, как форма воспроизведения социальной и исторической памяти, представляет собой некую совокупность возможностей реконструкции прошлого. Такое время задает, в свою очередь, перспективу формирования генезиса социальных и духовных отношений.

Думается, что социальное время есть не только способ формирования общественных отношений, но и форма воспроизведения самой памяти людей. В этом плане, видимо, можно выделить познавательную, мировоззренческую, аксиологическую, интегративную, коммуникативную и социально-преемственную функции социальной и исторической памяти.

История не похожа на спящего человека; историческая память не связана с тем, что считается совершенно устаревшим и превзойденным. Социальное время должно проявляться тем тотальнее, чем неплотным становится историческое время событий. Располагается ли, в этом плане, сама природа в человеческой истории? История, видимо, не может располагаться на «стакановском наделе», т. е. в сфере времени, лежащем позади людей. Но само природное время есть время гуманизации природы и оно, видимо, связано с тенденциями культурного и исторического времени, исторической и нравственной памятью людей.

Культура, как память и исторический опыт, выступает как форма социального мира и не нуждается в согласовании с возникающими социальными и историческими установками. Здесь часто случается счастье, но, чаще всего, крушение надежд, которое не идет на пользу самому умению рожденных людей. Человек, в принципе, должен встречаться с эпохой, но с такой эпохой, где существуют деятели, рожденные для больших общественных деяний.

Социальная память выступает формой культуры. Да и сама культура, как форма генетического опыта, добываемая в общественной практике, выступает качественным показателем духовного состояния общества.

Литература

1. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию ; пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова / Э. Блох. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.

2. Алексеев, П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды ; 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Академический проект, 2002. – 1152 с.

3. Степин, В. С. Методы научного познания [в соавт.]. – Минск, 1974; Становление научной теории. – Минск, 1976; Природа научного познания. – Минск, 1979.

ФАКТЫ И ЦЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Б. В. Марков

Сегодня в обществе знаний не только информация, но и культурная память оказывается символическим и политическим капиталом. Что это значит, какова ответственность работников культуры, можно понять на примере различия исторических фактов и исторической памяти. В связи с раскрытием части ранее закрытых архивов обнародованы факты, не согласующиеся с нашим знанием прошлого. Однако попытки его изменить наталкиваются на сопротивление народа. Это и есть проявление того, что называется исторической памятью. Во время перестройки был открыт широкий доступ к архивным документам. И тут же началось опровержение официальной истории. Например, обнародован документ о том, что Зоя Космодемьянская была пациенткой психиатрического учреждения. Превращение геройни в сумасшедшую разрушает сложившуюся историческую память. Можно привести множество примеров столкновения фактов с нашим пониманием прошлого. Как же быть? Как исследователи, мы не можем не считаться с фактами. Но вопрос о том, была битва под Курском нашей победой или поражением, не сводится к подсчету потерь, которые, конечно, были огромными. Нельзя судить о прошлом только на основании фактов. Нужно понимать и учитывать намерения людей, которые делают историю. Ядром исторической памяти являются ценности. Это не значит, что факты не нужны. Напротив, их сбор, обсуждение, оценка – ядро памяти.

К сожалению, манипуляция культурной памятью происходит по правилам, диктуемым масс-медиа. Журналисты и публицисты, естественно, стремятся открыть нечто «жареное», но даже серьезные историки и философы превращаются в шоуменов, которые наподобие гладиаторов действуют по принципу «живешь, пока побеждаешь». В «боях за историю» не до истины, главное – уничтожить противника.

Выбирая между делиберативной моделью публичной коммуникации и современными политтехнологиями, стоит поразмышлять о различии исторических фактов и исторической памяти, материальной и символической составляющей культурных ценностей с точки зрения социальной философии. Общество – это не только результат договора между людьми, но, прежде всего, исторически сложившаяся и вместе с тем искусственная, по сравнению с природной, среда обитания. Элементом общественного пространства явля-

ется совокупность архитектурно, технически и символически обустроенных социальных контейнеров, где приняты те или иные нормы поведения, и в ответ на одни действия люди ожидают других. Общественное пространство отличается от геометрического наличием культурной символики. Различаются пространства рынка и храма, экономическое и моральное, приватное и публичное пространства, такие как производственные, административные, учебные заведения, а также пространства развлечения и отдыха – кафе, городские парки, центры отдыха, клубы и т. д. В каждом из перечисленных пространств существует своя «разметка», в соответствии с нею складываются социальные нормы и коды поведения. Благодаря этому каждый знает, каким образом окружающие будут реагировать на те или иные действия. В каком-то смысле это похоже на игру, например, в шахматы. Причем правила поведения во многих пространствах являются неписанными, но о них знают обитатели пространства. В других пространствах, соблюдение порядка в которых является особо значимым, вывешиваются инструкции. Благодаря этому общественная жизнь протекает более или менее нормально. Случаются аномалии и отклонения. Не все из них являются опасными. Некоторые подхватываются другими, становятся «модными», и, таким образом, происходит изменение общественного порядка. В других случая отклонения выносятся на обсуждение и проходят подчас длительную стадию общественной дискуссии.

Проблема в том, что в разных культурах общественные пространства устроены по-разному. Когда люди переходят из одного пространства в другое, они должны ориентироваться. Всякий, даже самый благонамеренный турист, везет с собой «контрабанду», о существовании которой он не подозревает. Это – груз его установок и ожиданий, понятийный аппарат, а также сложные символические машины восприятия и понимания окружающей действительности. Если речь идет о научных понятиях, то они довольно быстро выявляются и контролируются. Гораздо сложнее обстоят дела с анализом разного рода ценностных предпочтений, социальных и моральных норм, а также правовых и экономических различий. Они обнаруживаются по мере накопления опыта сравнения «своего» и «чужого», а их оправдание требует достаточного трудоемкого изучения структур повседневной жизни той или иной социальной группы.

Высказывания о ценностях отличаются от высказываний о фактах. Первые предполагают признание, вторые действуют независимо от него. Поэтому кажется, что ценности субъективны и не могут быть основой науки. На самом деле это не так. Поступки человека могут определяться как материальными причинами, например, голодом, так и ценностными установками. В науках о культуре учитываются ценности, на основе которых исторические деятели принимали те или иные решения. Вопрос в том, означает ли такая отнесенность к ценностям допустимость их оценки, т. е. можно ли

применять к ним современные моральные или иные критерии? Ценности, конечно, не универсальны, но и не индивидуальны, они формируются внутри сообщества и выступают как нормы и коды поведения. Поэтому историк, например, должен учитывать их роль в человеческой деятельности. Но может ли он оценивать ценности изучаемого общества критериями, принятыми в современном обществе. Не превратится ли исследование в суд над историей? Можно ли для ответа на этот вопрос использовать аналогию с принципом дополнительности приборов и описаний, фиксирующих различные аспекты реальности? Нет единого универсального и тем более абсолютного знания, есть разные дисциплины, каждая из которых применяется в своей предметной области. Но годится ли такое понимание для согласования и подсcheidения различных систем ценностей?

Отвечая на актуальную проблему различия исторических фактов и исторической памяти, следует опираться не только на возможности социальных теорий, но и на здоровый человеческий рассудок. Например, принимать во внимание тот факт, что в нормальном состоянии общества люди имеют время и возможности неторопливо дискутировать на тему соотношения фактов и ценностей. Однако в чрезвычайной ситуации политики полагаются на свое «чутье» или «интересы народа», а решения принимаются на основании неких «самоочевидных истин» без участия экспертов. К сожалению, эти решения не всегда соответствуют времени. Поэтому задача социальной философии видится в аналитике своеобразных «слепых зон» символического пространства, т. е. не обсуждаемых традиций, верований, настроений и т. п. Это похоже на попытку разбудить спящего медведя и потому небезопасно. Выход в том, чтобы показать, что они не являются естественными продуктами исторического опыта народа или чистыми от манипуляций личностными, душевными феноменами. Раскрывая сложные, чаще всего невербальные технологии формировании исторической памяти, социальная философия окажет обществу важную услугу – будет способствовать освобождению от устаревших стереотипов и архетипов, преодолению ресентиментных настроений и формированию новых позитивных ценностей, на основе которых можно жить лучше.

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. Г. Масько, О. М. Старикова

Вызовы, встающие перед обществом вообще и перед Республикой Беларусь в частности, требуют переосмыслиния традиционных подходов к

их анализу, а также поиск новых решений. Представляется, что одной из важнейших проблем в социальной сфере является социализация индивида, включающего в себя, в том числе, цель, средство и итог поиска своего места в системе межчеловеческих отношений.

Известно, что каждый человек является замкнутой на себя сложноорганизованной системой со всеми вытекающими из этого положениями. Это, во-первых, стремление ограничивать имеющуюся в нем, как в системе, энергию с целью не тратить ее на нечто внешнее, а сохранять в себе, чтобы сохраниться как можно дольше во времени и в пространстве относительно других систем (индивидуов). Во-вторых, будучи элементом других более сложных систем, человек не может не находиться в постоянно усложняющихся отношениях с другими группами и индивидами, что обеспечивает его перманентную социализацию. А это, в свою очередь, требует «доставать» энергию из себя и направлять ее на других с тем, чтобы сохранить себя же, как некую идентичность.

Данная разнонаправленность энергетических векторов взаимоотношений индивида и социума лежит в основе противоречивости их связей, что выражается в формировании и существовании различных педагогических парадигм, которые лежат в основе процессов социализации. Одной из исторически первых образовательных моделей является антропоцентрическая. Ее исходная идея – утверждение об уникальности и неповторимости каждого человека с момента его рождения. Как следствие, в процессе социализации (в том числе образования и воспитания) этот потенциальный индивидуальный талант необходимо обязательно раскрыть и, по возможности, развить. Всякая индивидуальность, будучи замкнутой на себе системой, может проявить себя только относительно иной индивидуальности. Если их личностные профессиональные предрасположенности совпадают, с неизбежностью возникает конфликт интересов с различными вариантами их разрешения.

Поскольку индивид не хочет тратить энергию «из себя» вообще, но не может не делать этого, чтобы существовать как система, то максимальный комфортный для нее вид деятельности как существования тот, который имманентен ей присущ и ведет к минимальным внутренним разрушениям. Это не способствует переориентации деятельности с одного, естественного для него психоэнергетического состояния, на другой, более дискомфортный. Как следствие, формируется конкурентная среда в группе индивидов с примерно одинаковыми «стартовыми» условиями (одинаковый возраст, пол, IQ, социальный статус и так далее). Для того чтобы в процессе «борьбы» между индивидами в группе последняя не саморазрушалась, как социальный институт, обязательно необходимо внешнее на нее воздействие в виде, как минимум, наличия педагога. Именно в процессе взаимодействия индивидов в системе «ученик-ученик», рассматриваемой как желательный и «ученик-педагог» – как обязательной, формируется механизм «парной педагогики».

Основателем антропоцентризма в педагогике справедливо считают древнегреческого философа Сократа. В своих беседах с учениками он так грамотно ставил вопросы, что слушатели самостоятельно, по их мнению, приходили к ответам, которые от них хотел услышать Сократ. Подобная система подготовки самостоятельно мыслящего индивида нашла свое наиболее последовательное выражение в американской педагогике.

Диаметрально противоположной антропологической в некотором смысле является концепция социоцентризма. С точки зрения системного анализа, проблема взаимоотношений между ними заключается в следующем: если в рамках антропоцентризма индивид имеет большую возможность реализовать свои индивидуальные особенности и, как следствие, гармонично развиваться как с самим собой (что первично), так и с обществом (что вторично), то при социоцентризме ситуация обратная. Общественные нормы и правила становятся первичными и обязательными к исполнению индивидом. Безусловно, всеобщность данных норм обеспечивает большую устойчивость социальной системы во взаимоотношениях с другими социальными системами. Но это вовсе не гарантирует полное совпадение мнений и целей индивида с целями социума. Как следствие, возникает напряжение в системе «общество-человек», а так как возможности у общества по реализации своих задач более мощные, то индивид как система обречен на разрушение. Формы разрушения могут быть различными – психоэмоциональные, физиологические и так далее.

Аристотель, как основоположник социоцентризма, впервые выдвинул идею об универсальности этапов социализации личности человека, независящих от его индивидуальных характеристик. За исходную позицию выступает идея о главенстве социальных потребностей, а значит, и тех черт, которыми должны обладать строители данного общества. Личностные особенности могут иметь значение только в том случае, если они не противоречат ранее заданным социальным. В противном случае личность уничтожается, в том числе и физически.

В бывших советских республиках, в том числе и Республике Беларусь, модель образования сложилась в процессе становления и укрепления сталинского правления и соответствующего политического режима. Для нее характерны: единые требования к содержанию учебных программ (во многом формализованное), невозможность для учащегося иметь свое «иное» мнение за счет жесткого подчинения авторитарному учителю, который мог высказывать суждения в виде «истины в конечной инстанции» и так далее. В настоящее время в ходе обновления средней и высшей школы в РБ, в том числе в процессе вхождения нашего государства в Болонский процесс, открываются возможности для создания системы образования, реально отвечающей потребностям развития белорусского социума. Внешние вызовы с неумолимостью требуют создания таких управлеченческих и образовательных систем,

которые обеспечат национальную безопасность и устойчивое развитие республики. При этом необходимо обеспечить гармонию в экономическом развитии и минимально необходимый уровень социализации личности.

Современная педагогика становится все более полифоничной и поли-парадигмальной. Она стремится расширить образовательные возможности для каждого конкретного человека, актуализируя максимально большее количество аспектов его индивидуальной жизни, к числу которых относятся пол, анатомические и психофизиологические особенности, задатки и способности, потребности и запросы, мотивы и интересы с учетом всего многообразия его социокультурного бытия (этнического, социально-классового, религиозно-конфессионального, профессионального и так далее). Все это, заостряя внимание на автономных индивидах, позволяет представить их существование в конкретном социокультурном контексте.

Педагогика XXI столетия призвана не только «преодолеть власть» единого универсального дискурса, задающего строго определенные рамки подхода к постановке решению проблем образования. Она все более тяготеет к тому, чтобы стать максимально индивидуализированной, чтобы научиться видеть образовательный процесс (его субъектов, цели, средства, результаты, детерминанты) с возможно большего числа позиций, признавая их не взаимоисключающими, не просто рядоположенными, а взаимодополняющими друг друга.

Человек должен находить свое место в мире, понимая его нестабильность и изменчивость. Данный подход будет обеспечивать ориентации индивида на неизбежность перманентного переобучения с точки зрения повышения его качества. Подобный подход обеспечит социальную стабильность каждого действующего лица исторического процесса и определит его жизненные ценности и ориентиры.

Литература

1. Анюшкина, В. Л. Образование. Инновация. Будущее / В. Л. Анюшкина, С. В. Резванов. – М., 2001.
2. Балюк, А. Д. Проблема социализации и профессиональной ориентации личности в современных условиях: теоретические и методологические подходы исследования / А. Д. Балюк // Гуманитарные и социально-экономические науки. Социология. – 2012. – № 5. – С. 110–115.
3. Колесникова, И. А. Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии / И. А. Колесникова. – СПб., 1999.
4. Кузнецов, Ю. В. Социально-философские концепции социализации личности / Ю. В. Кузнецов, В. А. Кравцов, А. И. Кибиткин // Вестник МГТУ. – 2012. – № 1. – С.118–212.
5. Старикова, О. М. Образовательный процесс формирования педагогического интеллекта / О. М. Старикова // Философские категориальные структуры в научном познании (20 мая 2019 г.) : доклады / НАН Беларусь, Ин-т философии НАН Беларусь. – Минск. – С. 38.

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ, СТРАТЕГИЯ МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Г. Т. Махмудова

Все вечное и непреходящее, на которое, берясь за что-то, мы опираемся и от которого отталкиваемся, когда-то имело свое начало. Все, что существует, имеет свое начало, то есть с чего-то начинается. И чем древнее это начало, тем большее оно заслуживает внимания. В свете сказанного, наше мнение. Хотя оно ничтожно малое, все же отражает какую-то часть истины. Из этих малых истин складывается Вечное и Незыблемое. Мы стоим перед этим вечным и незыблемым. Оно во многом чуждо и пока кажется недосягаемым. Теперь, когда, опираясь на завоевания независимости и глобализации, выходим на столбовую дорогу ускоренного всестороннего развития, мы должны всерьез заняться, чтобы Вечное и Незыблемое перестало быть внешним по отношению к нам объектом и превратилось в составную часть нашего повседневного действия и преобразовательной деятельности. Говоря «вечное и незыблемое», мы имеем в виду философию, раскрытию содержания отдельных актуальных истин которой посвящаются излагаемые здесь мысли-размышления.

Самой сложной проблемой первой половины XXI в., трудность решения которой возрастает с каждым десятилетием, является управление обществом, управление человечеством. Объективной основой его усиления является, с одной стороны, небывалое ускорение роста численности населения на земле; в связи с этим напомним, что только за один XX век численность людей на земле выросла с 2 миллиардов в его начале и до 5,5 миллиардов в его конце, то есть около 3-х раз. И это несмотря на две мировые войны, впервые имевшие место в истории человечества и унесшие десятки миллионов мужчин детопроизводящего возраста. Наблюдается дальнейшее ускорение роста численности населения на Земле, что неизбежно при происходящем улучшении медицинского обслуживания населения. Во-вторых, проблема не исчерпывается численным ростом человечества. Приходит в действие субъективный фактор в виде роста образованности населения, его умения анализировать происходящее и мири, стремление каждого человека принимать более активное и более осознанное участие в общественной жизни. Третьим фактором, многократно усложняющим управление человечеством, обществом, является с каждым годом убыстряющееся и немыслимое в прошлом ускорение научно-технического прогресса, что фактически равнозначно многократному увеличению численности населения на Земле.

Рост числа людей, думающих об общественном устройстве, структуре мира и судьбах человечества, связь теоретической мысли с конкретным жизненным содержанием, философское осмысление реальности – все это стало, наконец, не модой, а характером современного нового мышления.

Перемены, происходящие в Узбекистане, как в капле воды, отражают все пласти демократических тенденций во всем мире. В условиях Республики Узбекистан, где еще сильны определенные консервативные элементы национального самосознания, борьба за новую жизнь приобретает многослойный характер. По сути дела речь идет о сложноорганизованных системах, как отмечает С. П. Курдюмов «Это был переходный момент в науке, когда отходила в прошлое парадигма классической науки, в которой господствовал жестко детерминистический стиль мышления и идеалами служили простота, линейность, полное исключение неопределенности или случайности. Случайность, которая с точки синергетики «правит миром», в классической науке считалась второстепенным, побочным, не имеющим принципиального значения фактором. Неравновесность и неустойчивость воспринимались с позиции классического разума как досадные неприятности. Развитие в целом предполагалось как линейное, поступательное, без альтернатив. Предполагалось, что мир жестко связан причинно-следственными связями, развитие ретросказуемо и предсказуемо, настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Эволюция сложной системы рассматривалась как смена одного устойчивого состояния другим с кратким периодом переходного процесса между ними. Такой классический, квазистационарный подход до сих пор широко используется в экономике и неявно предполагает существование на конкурентных рынках автоматического равновесного механизма. Сегодняшний глобальный экономический кризис сталкивает нас с нелинейной действительностью как она есть и подтверждает правильность тезиса синергетики о том, что мир – это постоянное развитие и вечная неустойчивость, а периоды стабилизации – лишь краткие остановки на этом пути» [1].

Нередко, отчасти весьма категорично, в общественном мнении высказываются о непродуктивности, отсталости и методологически устаревшем значении современной узбекской философии. Хотя как отмечает Э. Агацци: «Богатый урожай результатов, получаемых в рамках отдельных методов мышления (которые мы могли бы приблизительно и в традиционном духе обозначить как феноменологические, семиотические, аксиоматические, дедуктивные, редуктивные, герменевтические, трансцендентальные, исторические), составляет совокупность подлинно философского знания, и указав на нее, мы можем ответить на часто повторяемые жалобы, будто мы живем в период упадка философии, потому что у нас нет «великих мыслителей», способных создавать «великие системы» мысли» [2].

Мы впервые стали серьезно и реально осознавать сущность человека как совокупность всех общественных отношений. Исходя из этой жизнью проверенной идеи, мы и поставили цель – изменить мир, перестроить мышление, сознание и психологию людей. В «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» отмечается такая необходимость: «сти-

мулирование научно-исследовательской и инновационной деятельности, создание эффективных механизмов внедрения научных и инновационных достижений в практику, создание при высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских институтах научно-экспериментальных специализированных лабораторий, центров высоких технологий, технопарков» [3, с. 70], что способствует дальнейшему и ускоренному темпу самоорганизации общества в целом и индивидуального сознания в частности.

Например, как отмечает С. П. Курдюмов: «Автопоэтичность работы сознания – это его непрерывное самопроизводство, поддержание им своей идентичности через постоянный поиск и ее становление. В автопоэзисе всегда есть не только сохранение состояния, но и его преодоление, обновление. Можно, пожалуй, говорить и об автопоэзисе мысли, что означает наличие в ней вектора на самодостраивание, изобретение и конструирование, достижение цели и построение целостности. Познание автопоэтично в том смысле, что оно направлено на поиск того, что упущено, на ликвидацию пробелов» [4].

В этом отношении общие причины торможения на пути к полной реализации индивидуального самоутверждения можно отметить три взаимосвязанные общие причины: исторические, идеологические и психологические. Возникает вопрос, время требует гениев, умных и т. д. Нельзя не согласиться мнением Э. В. Ильенкова, который утверждает: «Ум» («мудрость») – это не «знание» само по себе, не совокупность сведений, заложенных образованием в память, не информация и не совокупность правил сочетания слов со словами, терминов с терминами. Это – умение правильно знаниями распоряжаться, умение соотносить эти знания с фактами и событиями реальной жизни, объективной реальности, и главное – самостоятельно эти знания добывать, пополнять – так издавна определяет «ум» всякая действительно умная философия» [5, с. 22]. Что подтверждает, вопрос о том, что формирование у людей чувства свободы, демократичности, социальной и творческой активности недрившиеся в сознание людей дают широкому развертыванию идей и задач в социально-исторических изменениях.

В Узбекистане во всех сферах науки и образования формируется новая методология научного познания, требующая интеграции различных отраслей знания, модернизации процесса образования. Современный мир и трансформации в социальной и духовной жизни республики, современные проблемы развития науки, формирование национального самосознания молодежи, процессы обновления в период независимости являются основными духовно-историческими источниками развития современного Узбекистана. Все эти процессы способствуют глобальной интеграции не только науки и образования, но и ускоренному вхождению нашей страны в мировое сообщество.

Существуют некоторые законы ритма, законы периодической смены состояний: подъем – спад – стагнация – подъем и т. д. Только подчиняясь этим «ритмам жизни», режимам колебаний, сложные системы могут поддерживать свою целостность и динамично развиваться [1]. Развитие всегда предполагает: что было, что есть и что будет. Все, что известно, поднимает людей к настоящему действию, но в настоящем не все явления «нащупаны», не все способы видеть и выражать отживающее, мешающее, даже замаскированное «прогрессивное» явление.

Литература

1. Князева, Е. Н. Мыслитель эпохи междисциплинарности / Е. Н. Князева, Е. С. Куркина (Воспоминания о С. П. Курдюмове) // Вопросы философии. – 2018.
2. Агацци, Э. Методологический поворот в философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2018.
3. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» (Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 6, ст. 70). – Режим доступа: <http://lex.uz>.
4. Князева, Е. Н. Мыслитель эпохи междисциплинарности / Е. Н. Князева, Е. С. Куркина (Воспоминания о С. П. Курдюмове) // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 116–131.
5. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – Москва : Издательство политической литературы. – 1991.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. В. Медведев

В докладе уделяется особое внимание альтернативному прочтению «Философских исследований» Л. Витгенштейна. Современные комментаторы, как правило, делают упор на тех заметках Витгенштейна, в которых говорится о языковых играх. Этот привычный акцент на языковых играх приводит к тому, что его философия зачастую ассоциируется с теоретическими установками эпистемологического изоляционизма и/или культурного релятивизма. Общий замысел моего исследования имеет двойную направленность: с одной стороны, необходимо преодолеть сомнительную интерпретацию эпистемологических взглядов позднего Витгенштейна, с другой – требуется обосновать наличие внутренней взаимосвязи между его социальной эпистемологией и философией образования, что может служить платформой для изучения роли педагогического аспекта в философском проекте Витгенштейна.

Содержательно основной тезис моего доклада выражается так: если воспринимать «Философские исследования» через призму отношения Витгенштейна к философской деятельности как интеллектуальной терапии, то его

рассуждения о языковых играх следует интерпретировать не как описание нашей культурой реальности, а скорее, как терапевтическую стратегию, направленную на «обнаружение тех или иных несущих и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка» [1, с. 129]. Другими словами, принятие терапевтической стратегии в качестве главного интерпретационного принципа открывает путь для альтернативного прочтения витгенштейновских заметок. Предложенный здесь подход ведет к отказу рассматривать философию позднего Витгенштейна в терминах гносеологического изоляционизма и признанию интерсубъективности значения. Кроме того, необходимо подчеркнуть важность антикартизианской позиции Витгенштейна для целей современной философии образования. Доказательство справедливости альтернативного прочтения текстов позднего Витгенштейна основывается на обращении к терапевтическим приемам, демонстрируемым австрийским мыслителем.

Философия Витгенштейна, по сути, *перенацелила* классическую эпистемологическую традицию, объявив необходимость построения новой социальной эпистемологии, в которой рациональность конституируется социальными методами. Классическая философия обычно связывает вопрос о местонахождении значения с психическими образами или идеями, она исходит из предположения, что значение есть нечто скрытое, внутреннее, относящееся к сфере человеческого мышления. При этом язык расценивается как не вполне подходящий инструмент для экспликации знания, поскольку с его помощью невозможно в полной мере выразить смысл идей. Другими словами, современные эпистемологи проповедуют дуализм способа употребления слова и того, что в действительности слово означает; любая взаимосвязь мышления, языка и мира интерпретируется как обусловленная действием специфического метафизического механизма.

Философию позднего Витгенштейна можно охарактеризовать как строго ориентированную на опровержение утверждавшейся в современной культуре картизианской традиции. Согласно последней, значение принадлежит индивидуальному сознанию, недоступному для внешнего восприятия, и не связано со сферой функционирования естественного языка. Чтобы преодолеть безосновательную веру в неизменный эпистемический порядок Витгенштейн стремится переключить наше внимание с метафизической склонности признавать эссенциалистский фундамент значения на необходимость анализа разнообразных способов употребления повседневного языка.

Ядро социальной эпистемологии Витгенштейна составляет следующая фраза: «Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это – согласие не мнений, а формы жизни» [1, с. 170]. В этой фразе выражено убеждение, что глубинное значение слова коренится в формах жизни людей. Для того чтобы обосновать правильность употребления слова не требуется применять особый критерий; иначе

говоря, нет необходимости апеллировать к внутреннему образу в сознании субъекта. Главное – это владение техникой словаупотребления. Витгенштейн описывает процедуру понимания суждений как контекстуальный и социальный процесс. Значение устанавливается путем согласия людей относительно того, как, при каких условиях следует употреблять определенное слово. Бейкер и Хакер описывают этот совместный опыт как «необоснованную уверенность», обретаемую индивидами в процессе употребления языка в разнообразных социальных контекстах, что предполагает общее согласие [2, р. 254–255].

И все же не согласием людей решается, что правильно, а что нет. Витгенштейн идет дальше, утверждая, что «это – согласие не мнений, а формы жизни» [1, с. 170], слово имеет интерсубъективное значение, которое обнаруживается в человеческой форме жизни. Мы освобождаемся от философских замешательств благодаря тому, что разделяем с другими общие значения, и это вселяет в нас уверенность относительно правильности употребления слов в повседневных практиках.

Витгенштейн, по сути, расширил декартовскую модель рациональности посредством применения языкового параметра. Разработанная им социальная эпистемология связана с лингвистическими допущениями. Рассуждения Витгенштейна фактически выявляют социальный механизм формирования смысла языковых высказываний. Его терапевтическая стратегия описывает возможные условия установления согласия в повседневных диалогах относительно употребляемых слов. Понятие интерсубъективности значения выходит за пределы картезианского объяснения природы рациональности.

Социальная эпистемология Витгенштейна неразрывно связана с обучающими ситуациями при устранении философских затруднений: «Как функционирует какое-нибудь слово, нельзя угадать. Следует взглянуться в его употребление и научиться на этом» [1, с. 192]. Большинство интерпретаторов, как правило, игнорирует важность образовательного аспекта в философии позднего Витгенштейна. Вместе с тем он стремился представить процесс обучения как основополагающую функцию, которая придает смысл выражениям языка. По словам Витгенштейна, «изучение грамматики выражения “объяснение значения” научит нас чему-либо, что относится к грамматике слова “значение”» [3, с. 8]. Обучение в таком случае становится основой операции объяснения. И даже усвоение значения таких понятий, как недостоверность или сомнение, оказывается неразрывно связанным с возможностями обучения.

Думаю, Витгенштейн не собирался создавать теорию обучения, хотя много писал о процессах обучения и освоения языка. Наиболее подходящим словом, обозначающим суть философского проекта Витгенштейна, является термин *грамматический* [1, с. 122]. Грамматическое исследование имеет дело не с явлениями, а возможностями явлений через изучение повсе-

дневных способов употребления языковых выражений. Такое исследование применяется для устранения языковой (концептуальной) путаницы. Обсуждение Витгенштейном ситуаций обучения позволило ему реализовать и целенаправленно развивать свой философский проект. Исследование возможностей обучения и освоения понятий является методологической основой его философии. Таким образом, педагогический аспект органично вписан в философию позднего Витгенштейна. В противоположность картезианской линии, Витгенштейн стремился подчеркнуть, что наши интуиции о значении оптимально приспособлены к повседневным формам языковых выражений, к тому миру, в котором мы живем и который открывается нам через наши способы употребления языка.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования : пер. с нем. // Философские работы. – Ч. I.– М., 1994. – С. 75–319.
2. Baker, G. Wittgenstein, Rules, Grammar and Necessity / G. Baker, P. M. S. Hacker. – An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Volume 2. – Oxford: Blackwell, 1985.
3. Витгенштейн, Л. Голубая книга : пер. с англ. В. П. Руднева. – М., 1999.

ВИТГЕНШТЕЙН И ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

E. E. Медведева

Философия позднего Л. Витгенштейна, его оригинальный стиль мышления воспринимается сегодня многими исследователями как плодоносная сфера для теоретической деятельности. Идеи Витгенштейна оказали ощущимое влияние на становление аналитической философии образования. Последняя объявила главным делом философа концептуальное прояснение образовательных терминов (Р. Питерс, И. Шеффлер). До недавнего времени изучение наследия Витгенштейна в контексте философии образования было довольно поверхностным и зачастую носило эпизодический характер. Но признание того факта, что философские размышления Витгенштейна заключают в себе мощный методологический потенциал, который может найти эффективное применение в образовательном среде, кардинально изменило ситуацию [1]. Понимание значимости педагогического аспекта в заметках позднего Витгенштейна стимулировало исследователей на переосмысление общей направленности его философского проекта.

Школьным работникам (учителям, воспитателям, методистам) в силу специфики их профессиональной деятельности нередко приходится обра-

щаться к вопросам, связанным с речевой коммуникацией, интерсубъективностью, постижением роли языка в установлении и укреплении социальных связей. Поэтому целью представленного мною доклада является обоснование тезиса о том, что содержание и методы педагогической деятельности в школе имеют прямое отношение к центральным понятиям витгенштейновской философии – «языковая игра» и «форма жизни» [2, р. 4].

В школе понятие языковой игры оказывается вполне востребованным при реализации задачи эффективности обучения. Так, процесс повторения или заучивания учащимися новых слов, предложенных учителем, можно именовать языковой игрой. В этом случае языковые игры выступают коммуникативной основой языка и действий, с которыми он переплетен [3, с. 83], а те образовательные контексты, в которых учащиеся осваивают языковые игры, превращаются в объект особого внимания для исследователей.

Из витгенштейновского определения языковых игр мы узнаем о том, что контекст важен не только потому, что детерминирует значение слов и выражений, но и создает разнообразные возможности их понимания [3, с. 80–83]. Предполагается, что мы можем *понять* и *объяснить* значение слова, например, путем перифраза или парофраза, а также *понимать* и *употреблять* то или иное слово соответствующим его значению способом.

Языковые игры Витгенштейна полностью погружены в человеческую практику, они служат базисом для понимания обыденного языка. К тому же языковые игры обеспечивают основополагающую семантическую связь языка и мира [4]. Другими словами, постижение языка осуществляется через освоение языковых игр, которые выполняют посредническую функцию в установлении взаимосвязи слов и вещей. Отмеченная выше особенность выступает ключевым фактором в практике обучения, так как изучение новых языковых игр вместе с тем предполагает обретение новых навыков, формирование обучающимся соответствующих компетенций, а не просто передачу учителем сведений с использованием отдельных слов или фраз [4]. «Ну как может ребенок тотчас же усомниться в том, что ему сообщают? – задает вопрос Витгенштейн и сам на него отвечает: – Это могло бы означать лишь то, что он не сумел научиться определенным языковым играм» [5, с. 355]. Важность для целей образования, приведенных выше слов Витгенштейна, можно лучше уяснить, если обратиться к другому ключевому термину его философии – «форма жизни». Понятие форма жизни, которое обычно рассматривается исследователями в качестве логической основы понимания разнообразных языковых игр, означает действие в языке. Данное понятие невозможно постичь вне языка, посредством которого мы открываем для себя природный и социальный мир.

Человек по своей природе есть существо социальное; его система взглядов или картина мира формируется и утверждается в конкретном речевом

сообществе или определенной культурной среде с помощью использования повседневного языка. Приобретенные детьми убеждения, верования, выполняющие в познании предпосылочную функцию, как правило, не требуют специальной проверки или подтверждения на предмет их истинности; скорее, подобные убеждения транслируются с формами жизни людей, они выступают общими для всех членов сообщества мировоззренческими основаниями, например: «Мы убеждены, что земля круглая» [5, с. 357]. Согласно Витгенштейну, наша уверенность в чем-то означает не только то, что в этом уверен каждый человек в отдельности, но и то, что «мы принадлежим определенному сообществу людей, объединенных наукой и воспитанием» [5, с. 357]. И тот образ мира, который мы храним в своем сознании, является не индивидуальной конструкцией или результатом личного опыта, а базисной ментальной структурой социализированного субъекта, переданной ему языковым сообществом, благодаря чему он учится различать истинное и ложное [5, с. 335]. Здесь уместно высказать обоснованное предположение, что концепция значения Витгенштейна, введенные им понятия – языковая игра, форма жизни, семейное сходство – могут быть продуктивно использованы нами в практике школьного обучения и воспитания, при осуществлении концептуального анализа философско-образовательных контекстов. Педагогическое сообщество, обращаясь к методологически значимому понятию языковых игр, способно пересмотреть сами основы образовательной деятельности.

Можно сделать вывод, опираясь на тексты позднего Витгенштейна, что проблема плохо успевающих детей обусловлена их неспособностью результативно овладевать определенными языковыми играми. Происходит это потому, что эти языковые игры не становятся составными компонентами формы жизни ребенка. А теперь зададимся вопросом, должны ли школьные предметы и учебные темы преподаваться всем учащимся одинаково; иначе говоря, можно ли всех детей обучать одинаково? Если мы воспринимаем обучение просто как передачу информации на языковом уровне в рамках коммуникативного процесса, ответ, возможно, будет положительным. Однако если мы считаем, что каждый школьный предмет содержит некоторый объем знаний, то ответ скорее будет иным. Принимая во внимание то обстоятельство, что школьное обучение представляет собой еще и передачу учителем детям своих индивидуальных убеждений, ценностных установок (то есть этого рода неявная трансляция учителем его собственной формы жизни), просчеты или неудачи обучения можно интерпретировать как неумение обучающегося следовать правилам той языковой игры, которую ему предлагает учитель.

И тогда витгенштейновский критерий единственного способа обучения школьным дисциплинам раскрывает нам механизм формирования у детей

способности к мыслительной деятельности и рациональному познанию. Витгенштейнова идея о глубокой и тесной взаимосвязи мышления и речи может быть коротко выражена так: все то, что мы воспринимаем как разумное мышление, по существу, имеет под собой языковую природу. Это означает, что любая мысль обязательно выражается в языке (если не буквально при помощи слов, то посредством применения символической системы, каковыми являются математические или химические уравнения, которые тем не менее представляют собой высоко формализованную систему языка). Отталкиваясь от этого утверждения, мы можем пойти дальше и сказать, что если совершенствуется языковая способность школьника, то тем самым совершенствуется его способность к мышлению. И для реализации потребности в утонченной, сложной, искусной или проницательной мысли ему необходимо овладеть утонченными, сложными, искусными способами употребления языка как символической системы. Если же мы рассматриваем различные школьные предметы как разнообразные языковые игры, каждая из которых обладает своей особой целью и правилами, то задача овладения ими непременно влечет за собой необходимость освоения логики, семантики, прежде всего, различных видов рассуждений, свойственных определенному школьному предмету.

Таким образом, школьные дисциплины, трактуемые нами как языковые игры, предстают как специфические способы мышления, а усвоение этих дисциплин оказывается тесно связанным с умением обучаемого формулировать свои последовательные мысли или рассуждать о разнообразных сторонах окружающего мира. В результате переосмыщенная в педагогических терминах философия позднего Витгенштейна образует методологическую основу для объяснения того, как ученики приобретают конкретные практические навыки в процессе школьного обучения.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

Литература

1. A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations / ed. by M. Peters, J. Stickney. – Singapore : Springer Nature, 2017.
2. Greene, M. What counts as philosophy of education? // W. Kohli (ed.). Critical Conversations in philosophy of education. – New York : Routledge, 1995. – P. 3–23.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования : пер. с нем. // Философские работы. – Часть I.– М., 1994. – С. 75–319.
4. Hintikka, M. B. Investigating Wittgenstein / M. B. Hintikka, J. Hintikka. – Oxford : Blackwell, 1986.
5. Витгенштейн, Л. О достоверности : пер. с нем. // Философские работы. Часть I. – М., 1994. – С. 321–411.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В БЕЛАРУСИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

А. П. Мельников

Феномен информационного общества можно определить как новую ступень в динамике современной цивилизации, общественное устройство, движущей силой развития которого выступают компьютерные, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в экономической, социальной, политической и культурной сферах общественного бытия.

Истоки государственной политики по формированию информационного общества восходят к началу 1990-х годов, когда была принята первая Программа информатизации Республики Беларусь на 1991–1995 года и на период до 2000 года, которая заложила основы информатизации белорусского общества.

Более масштабные задачи были поставлены Государственной программой информатизации Республики Беларусь на 2003–2010 гг. «Электронная Беларусь» [1]. Основной целью Программы являлось формирование в стране единого информационного пространства как одного из этапов перехода к информационному обществу, обеспечивающего создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, органов управления, обеспечении прав на свободный поиск, передачу и распространение информации о состоянии экономического и социального развития общества.

В состав Программы вошли проекты, направленные на создание общегосударственной автоматизированной информационной системы; развитие телекоммуникационной инфраструктуры и создание пунктов доступа к открытым информационным структурам; совершенствование ИКТ и формирование экспортно-ориентированной отрасли ИТ-индустрии; развитие процессов информатизации в реальном секторе, других отраслях экономики и т. д. В январе 2011 года Министерство связи сообщило об успешной реализации государственной программы «Электронная Беларусь».

Дальнейшее развитие и совершенствование информационного общества требовало постановки и решения новых задач, которые были определены Стратегией развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года [2, с. 10–22] и разработанной для ее выполнения Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы [3], а также отраслевыми и региональными программами информатизации.

В соответствии с названными Стратегией и Программой стратегической целью информационного общества в Республике Беларусь являлось обеспечение устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития страны, улучшение качества жизни граждан, создание широких

возможностей для удовлетворения потребностей и свободного развития личности на основе широкомасштабного внедрения ИКТ. Достижение поставленной цели предполагало решение таких задач, как формирование государственной информационной политики, содействующей развитию информационного общества на инновационной основе; развитие национальной информационной индустрии; привлечение инвестиций в производство ИКТ; совершенствование системы образования, обеспечивающей формирование качественного человеческого капитала; развитие системы информационной безопасности и др.

В процессе реализации Программы были выявлены основные факторы, затрудняющие развитие информатизации в стране. К ним отнесены определенная инертность государственных органов; отсутствие мотивации для изменения бизнес-процессов, необходимых при внедрении ИКТ; недостаточный уровень инвестиций; слабое использование возможностей государственно-частного партнерства, в том числе в области обучения и исследований и проч.

В связи с этим в ноябре 2011 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», в соответствии с которым был учрежден Совет по развитию информационного общества при Президенте. Перед Советом была поставлена задача по повышению эффективности деятельности государственных органов и организаций при осуществлении информационной политики, скорейшее создание единой системы оказания государственных услуг в электронной форме, совершенствование регулирования в сфере ИКТ [4, с. 14–20] В результате активной деятельности Совета названные сложности в работе по формированию информационного общества были преодолены.

К началу 2016 г. задачи, поставленные Стратегией развития информационного общества и Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационных технологий, в целом были решены. В стране сформирован базовый комплекс электронного правительства, в который вошли такие компоненты, как общегосударственная автоматизированная информационная система, система межведомственного электронного документооборота, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи, единое расчетное информационное пространство и др. Создана также государственная система правовой информации. Официальное опубликование правовых актов обеспечивается путем размещения их текстов на Национальном правовом Интернет-портале. Успешно развиваются подпрограммы информатизации здравоохранения, электронного обучения и др.

Новым этапом в становлении информационного общества в Республике Беларусь явилось принятие документа «Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы» [5]. Стратегия основывается на приоритетах социально-экономического развития страны, содержащихся в «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года» [6] и концепции «Государственной программы развития цифровой экономики информационного общества на 2016–2020 годы» [7].

В документах определяются принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс. Стратегической целью дальнейшего развития информатизации в Беларуси является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, дальнейшее наращивание информационного потенциала, совершенствование электронного правительства Республики Беларусь.

Для достижения поставленной цели предусматривается решение таких задач, как развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления; совершенствование системы правового регулирования процессами информатизации; дальнейшее совершенствование ИКТ; обеспечение прозрачности и удобства коммуникаций между гражданами, бизнесом и государством путем повсеместного перевода данных коммуникаций в электронную форму; дальнейшее формирование единого информационного пространства и т. д.

В качестве основных направлений развития информатизации в Стратегии определены: развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления; развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, цифровой инфраструктуры бизнеса, онлайнового рынка, банковских услуг; внедрение информационно-коммуникационных технологий в реальный сектор экономики; совершенствование социальной сферы на основе ИКТ; развитие национального контрольного контента; научное обеспечение развития информатизации и др.

Реализация «Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики. Структурно программа состоит из трех подразделов, или подпрограмм, содержащих системообразующие мероприятия национального масштаба в сфере ИКТ: «Информационно-коммуникационная ин-

фраструктура», «Инфраструктура информатизации» и «Цифровая трансформация».

Первая подпрограмма включает мероприятия по созданию и развитию современной национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры. Подпрограмма «Инфраструктура информатизации» ориентирована на дальнейшее внедрение технологий электронного правительства и развитие инфраструктуры информатизации. Подпрограмма «Цифровая трансформация» содержит проекты, реализация которых обеспечит рост эффективности осуществляемых функций и производительности труда на основе трансформации бизнес-процессов посредством ИКТ во всех сферах жизнедеятельности современного общества, в том числе в реальном секторе экономики и социальной сфере.

Таким образом, становление информационного общества рассматривается как общенациональная задача, требующая консолидации усилий всех социальных структур и сфер.

Литература

1. Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на период до 2010 г. «Электронная Беларусь», утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by>. – Дата доступа: 03.04.2019.
2. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь до 2015 года // Национальный реестр правовых актов. – 2010. – № 197. – С. 10–22.
3. Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. №384 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by>. – Дата доступа: 05.04.2019.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь // Национальный реестр правовых актов. – 2011. – № 125. – С. 14–20.
5. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., утв. на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015, № 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizatsii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. – Дата доступа: 08. 03. 2019.
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srrb.niks.by/info/program.pdf>. – Дата доступа: 28. 03. 2019.
7. Государственная программа развития цифровой экономики и информатизации общества на 2016–2020 гг., утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&pO=C21600235>. – Дата доступа: 04. 04. 2019.

ЦЕННОСТИ ДЕТСКИХ И МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

M. E. Минова

Детские и молодежные объединения представляют собой социокультурные общности детей, подростков и молодых людей с общими ценностями, которые актуализируются в процессе совместной деятельности, интериоризируются личностью участника. Детские и молодежные объединения обладают системами ценностей, сводом норм, принципов, правил, символикой, ритуалами, традициями, характеризуются социальной направленностью деятельности, реализуют социально-ценную идею (цель), выражают и осуществляют ценности (права и интересы) детей, подростков, молодых людей.

Современные детские и молодежные объединения Республики Беларусь ориентируются на разнообразные ценности (социальные, гражданские, культурные, правовые, экологические и др.). Ценостные основания детских и молодежных общественных объединений определяют направленность их деятельности. Общими ценностями объединений являются гуманизм, воспитание, развитие и социализация личности. Основаниями для классификации детского и молодежного движения в Республике Беларусь и его структурных подразделений – детских и молодежных объединений являются: общественно-правовой статус (официальные, формальные, неофициальные, неформальные, просоциальные, асоциальные, антисоциальные и т. д.); сущность, ценности, цели и содержание деятельности (гражданские, патриотические, миротворческие, экологические и т. д.); количественные показатели (большие, малые, микрогруппы); территориальный признак (международные, национальные, региональные, местные); возрастная принадлежность (детские, подростковые, юношеские, молодежные); гендерная принадлежность членов объединений (однополые и разнополые группы).

Согласно общественно-правовому статусу условно можно выделить три группы (типа) детских и молодежных объединений [1]. Первая группа объединяет детские и молодежные движения и объединения по интересам, которые не зарегистрированы в Министерстве юстиции, не имеют утвержденных в установленном законодательством порядке Уставов, а также фиксированного членства. Чаще всего они функционируют на базе учреждений образования, их участниками являются учащиеся, а руководителями – педагоги. В качестве нормативных документов этих объединений служат разработанные самими участниками положения, уставы, кодексы, согласованные с администрацией учреждений образования. К ним относятся объединения юных инспекторов движения (ЮИД), друзей милиции, пограничников, юных экологов, корреспондентов (юнкоров), миротворческие, краеведческие, поисковые, туристические, спортивные, юнкоровские, волонтерские

объединения, органы ученического самоуправления, объединения по интересам детей и молодежи, действующие в учреждениях дополнительного образования. ЮИД, юные друзья милиции, юные пограничники, миротворцы, экологи, туристы, поисковые группы и другие объединения организуют своих участников на образовательную и социально значимую деятельность по конкретному направлению: соблюдение правил дорожного движения, охрана правопорядка, миротворчество, защита природы, туризм, краеведение и т. д.

Все формы детского и молодежного движения, которые функционируют на базе учреждений образования, являются субъектами педагогической поддержки. Педагоги становятся инициаторами создания и руководителями детских и молодежных объединений, совместно с детьми и молодыми людьми на основе их интересов и потребностей определяют цели, содержание, методы и формы работы, организуют и сопровождают деятельность.

Вторая группа включает неформальные детские и молодежные объединения и субкультуры, которые оказывают все большее влияние на детей, подростков и молодежь. Неформальные объединения и субкультуры являются стихийными, спонтанно возникающими формами детского и молодежного движения. Объединения неформалов и субкультур нигде не зарегистрированы, своего устава не имеют, организационные принципы и условия членства не определены. Численный и возрастной состав участников, место базирования могут меняться. Педагоги практически никогда не являются лидерами или участниками неформальных объединений и субкультур. Большинство неформальных объединений и субкультур, функционирующих в Республике Беларусь, является частью международных неформальных движений детей, подростков, молодежи, объединенных на основе общих ценностей, интересов, без учета национальных различий, идеологических ориентиров.

Молодежные субкультуры имеют определенную систему ориентиров, норм, символов, ритуалов, традиций, имиджа и т. д., которые оказывают непосредственное и опосредованное влияние на подростков и молодежь. Участники субкультуры могут быть лично не знакомы друг с другом, но иметь общие субкультурные ценности и интересы. Например, субкультура фанатов того или иного направления в музыке может объединять людей по всему миру (через Интернет), и именно музыка – важнейшая субкультурная ценность для них. Для других представителей субкультур такими ценностями могут быть спорт, мода, имидж, ритуалы и т. п.

Третья группа объединяет официально зарегистрированные в Министерстве юстиции детские и молодежные общественные объединения, имеющие Уставы, зафиксированные в Уставах принципы, нормы и правила функционирования, фиксированное членство, руководящие, исполнительные и контрольные органы самоуправления и порядок их выборности, сменяемости, подотчетности. К таким детским и молодежным общественным объеди-

нениям относятся Белорусская республиканская пионерская организация (ОО «БРПО»), Белорусский республиканский союз молодежи (ОО «БРСМ»), Белорусская молодежная общественная организация спасателей-пожарных, Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам, Белорусская лига интеллектуальных команд, Белорусский КВН, Белорусская ассоциация клубов «Юнеско», Ассоциация белорусских гайдов, Белорусская республиканская скаутская ассоциация, Лига добровольного труда молодежи» и др.

Существуют объединения, которые реализуют разнообразные цели, задачи (ОО «БРПО», ОО «БРСМ» и др.), а также специализированные объединения (Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам, Белорусская лига интеллектуальных команд, Белорусская молодежная общественная организация спасателей-пожарных, Белорусский КВН, Белорусский комитет Спешиал Олимпикс, Белорусская федерация шотокан каратэ-до). Тем не менее общими характеристиками объединений являются их республиканский статус, регистрация в установленном законом порядке, наличие устава и фиксированное членство. Детские общественные объединения обладают рядом качеств: социальной направленностью; наличием организационной структуры; со управлением (сочетанием самоуправления детей и подростков и руководства взрослого лидера); коллективным характером деятельности; социальным партнерством.

Функции детского и молодежного движения можно определить как назначение этих социальных институтов. Функции детского или молодежного объединения являются как задачами, определяющими содержание деятельности, так и социальными действиями, регулируемыми определенными ценностями. В случае зарегистрированных детских и молодежных объединений – функции зафиксированы в уставах в виде задач и принципов. Функции детских и молодежных объединений разнообразны, они зависят от ценностей, целей, общественно-правового статуса объединения, а также от социального заказа и государственной поддержки.

В Законах Республики Беларусь «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь», «Об основах государственной молодежной политики» определяются цели молодежной политики, ориентирующей детские и молодежные объединения на выполнение функций:

- содействия всестороннему воспитанию детей и молодежи, их духовному, нравственному и физическому развитию;
- создания условий для свободного и эффективного участия детей и молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии общества;
- социальной, материальной, правовой поддержки детей и молодежи;
- расширения возможностей в выборе жизненного пути.

Ценности детских и молодежных общественных объединений предопределяют их социальную значимую роль и функции воспитания, социализации детей, подростков и молодых людей.

Литература

1. Минова, М. Е. Подготовка лидеров детских и молодежных общественных объединений в учреждениях образования : пос. для педагогов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения, учреждений дополнительного образования детей и молодежи / М. Е. Минова. – Минск : Национальный институт образования, 2018.

БИОМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

A. E. Михайлов

Происходящие под влиянием множества факторов изменения в обществе осмысливаются в мировоззренческом контексте сложившихся убеждений, ценностных приоритетов и идеалов, которые определяют целеполагание и мотивацию человеческой деятельности. Позитивные или негативные оценки процессов, происходящих в различных обществах, или их состояний в те или иные эпохи мировой истории базируются на критериях и показателях из различных сфер общественной жизни. Представленный в религиозных и философских учениях телеологический подход в интерпретации мотивации человеческой деятельности варьируется от психопрактик, ориентированных на достижение некоторого предельного индивидуального состояния (нирвана, аттараксия, апатия, счастье и т. п.) до социальных утопий локального (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла), общечеловеческого (К. Маркс) или даже космического (Н. Федоров) масштаба. Как полагал основоположник русского космизма Н. Ф. Федоров, предназначение человека состоит в искоренении космического зла через «всеобщую регуляцию» благодаря разуму и деятельной науке. В такой регуляции, «в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим», а применительно к самому человеку – создание «психократии», как нового типа организации общества, на основе «сыновнего долга», общечеловеческого родственного сознания. При этом предполагается преобразование человеческого организма («психофизиологическая регуляция»), достижение бессмертия, и даже воскрешение умерших [1].

Но при всей множественности коннотаций общественного прогресса, качество и продолжительность жизни людей можно считать его ключевым обобщающим объективным критерием, интегрирующим те или иные иерархии ценностей в многообразии мировоззренческих форм и социокультурных

контекстов. В современной футурологической и прогностической литературе рассмотрение перспектив повышения качества и продолжительности человеческой жизни связано, прежде всего, с технологическими инновациями в биомедицине. Технологический конструктивизм в антропологии, ориентированный на совершенствование природы человека с переходом на более высокую ступень эволюции, вызывает восторг и энтузиазм у организаторов и последователей трансгуманистического движения. Однако, как было отмечено Гегелем, «способность к усовершенствованию является чем-то почти настолько же не поддающимся определению, как изменяемость вообще; она бесцельна и для изменения нет масштаба: лучшее, более совершенное, к которому она должна клониться, является чем-то совершенно неопределенным» [2, с. 103].

Будущее медицины и здравоохранения могут изменить наноустройства, способные на клеточном уровне отслеживать функционирование органов и систем в человеческом организме, а при отклонении от заданных значений корректировать их жизнедеятельность. Это позволит избавить человека от многих болезней и будет шагом к продлению и повышению качества жизни. А экстраполяция этой тенденции на более отдаленную перспективу становится основанием утверждения о возможности бессмертия. Известный своими футурологическими предсказаниями Рэй Курцвейл в интервью «Нью-Йорк Таймс» описал микроскопические наноботы будущего, которые смогут трансформироваться во что угодно, даже собираться в узоры, имитирующие знакомые формы жизни, включая человека. Реализацию идеи создания целого виртуального тела с наноботами он отнес к сценарию 2050 года. Но, по его мнению, уже в 2030-х годах современные болезни не будут опасны для людей будущего, поскольку «в телах людей будет трудиться армия нанороботов, которая будет дополнять иммунную систему и «вычищать» болезни» [3].

Неоднозначность перспектив, открывающихся перед человечеством в результате использования новейших биомедицинских технологий, определяет в оценках будущего более осторожную и критичную позицию тех, кто стремится прояснить отдаленные последствия модифицирующих природу человека инноваций. Даже допустив возможность создания «постчеловека», избавленного от распространенных сегодня болезней и приближающегося к бессмертию, человечество столкнется с новыми мировоззренческими проблемами. Появление обладающего бессмертием «постчеловека» приведет к кардинальному изменению мировоззренческих ценностей и ориентиров, поскольку «такое существо будет лишено всех принципиально человеческих качеств: любви, сострадания, мужества, заботы о стариках и детях. Ибо бессмертному они не нужны. Исчезнет стимул для творчества, для обновления жизни. Иными словами, исчезновение смерти привело бы к лише-

нию жизни ее смысла. Бессмертный нелюдь выступил бы убийцей человека» [4, с. 176].

Течение пост(транс)модернизма В. А. Кутыревым характеризуется как «идеология изживания человеком самого себя, объявившая об его конце во всех ипостасях, отражающая движение к новой, несоразмерной с природой Genusgomo, когнитивной онтологии». В перспективе назревает угроза самоуничтожения человека, то она не абсолютна. «Ей предшествует, будет предшествовать человек, который еще мыслит, действует, хотя все больше без рефлексии над тем, для чего, куда и к каким последствиям ведет то, что он делает. Он пока в уме, правда, уже “не в своем”. Без (о)сознания и понимания» [5, с. 64]. В данной позиции выражено неприятие складывающейся под влиянием технологических инноваций тенденции в развитии человечества и констатация утраты человеком способности адекватно осознавать различные аспекты и последствия собственной деятельности. Проступающее при этом ощущение фатальности происходящего можно истолковать, как стремление заострить внимание на угрозах и рисках, связанных с техническим прогрессом, и предостеречь от извращенных его трактовок, ведущих к утрате человеческой идентичности и превращению в зомби.

В представленном к полувековому юбилею Римского клуба докладе «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (2018) стратегические установки ответственного глобализма и устойчивого развития также предполагают осторожное отношение к «экспоненциальнym технологиям» и сверхоптимистичным обещаниям техноутопистов. Признается реальная опасность утраты контроля над применением инновационных технологий, разрушающего традиционные ценности. Для выхода из цивилизационного тупика в решении мировых проблем авторы доклада указывают на необходимость изменения философских основ жизни. Этот пересмотр мировоззренческих установок они назвали «новым Просвещением» с отказом от «примитивного материализма», в отличие от Просвещения XVIII века, в котором религиозное мировоззрение вытеснялось материализмом и позитивизмом. «Новое Просвещение» предполагает трансформирование мышления человечества от фрагментарности к целостности. При этом термин «баланс» используется как ключевой при разрешении всех острых проблем современности.

Но как обеспечить целостность мировоззрения и согласованный баланс научной рациональности с той или иной формой религиозной мистики? Такая мировоззренческая трансформация может увеличить риски появления маскирующихся под науку мистификаций. В некоторых областях современной биомедицины окононаучная мифология не только не исчезает, но, наоборот, получает широкое распространение. Наукообразность описания в современных мифах такова, что без специальных знаний экспертов бывает трудно провести демаркацию подлинной науки от искажающих ее форм.

Литература

1. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – М. : Мысль, 1982. – 712 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – С-Пт. : Изд. Наука, 1993. – 480 с.
3. https://www.nytimes.com/2013/01/27/magazine/ray-kurzweil-says-were-going-to-live-forever.html?_r=1&
4. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М. : Канон+, 2012. – 384 с.
5. Кутырев, В. А. Здравствуйте, зомби / В. А. Кутырев // Вестник Российского философского общества. – 2015. – № 1(73). – С. 63–67.
6. Weizsaecker, E. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / E. Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer, 2018. – 220 p.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

C. C. Мишук

Очевидно, что безопасность функционирующей информационной системы должна обеспечиваться не менее чем в трех ее компонентах: во-первых, сохранность информации на локализованных носителях информации (как стационарных, так и мобильных), во-вторых, безопасность передачи информации в сетях (как фиксированных, так и мобильных), и, в-третьих, обеспечение информационной безопасности на уровне человека – субъекта информационной системы.

Поскольку данный компонент является активным, в нем может теряться (сознательно или неосознанно) наиболее важная информация. Функционирование человека в этом качестве в современных условиях приобретает ряд характеристик, ранее неизвестных. В первую очередь это связано с включенностью его в структуру социально-информационного пространства виртуальной реальности.

Развитие человеческой цивилизации в конце 80-х – начале 90-х годов XX века вступает в новый этап, получивший название «информационного общества». Его ядром в настоящее время выступает система информационно-коммуникационных технологий. Она является закономерным и необходимым этапом эволюции ноосферы как особой планетарной оболочки Земли, сформированной деятельностью человека. Развитие и взаимодействие вышеназванных процессов на современном этапе достигает такого уровня, что возникает и начинает функционировать виртуальная реальность как новый компонент человеческой цивилизации.

Она формируется и функционирует как действительно глобальная по масштабам система, географически охватывающая практически всю планету и вовлекающая миллиарды людей в качестве ее активных субъектов.

Одной из фундаментальных закономерностей развития виртуальной реальности является постепенное формирование в ее структуре элементов, аналогичных уже существующим в реальном человеческом обществе. В известном смысле происходит удвоение социальной реальности, в которой протекает жизнь отдельного человека, социальных групп, человечества в целом. Естественно, элементы виртуальной реальности отличаются от своих реальных аналогов, однако многие закономерности их функционирования оказываются близкими по содержанию.

Одним из важнейших, уже сформированных элементов виртуальной реальности является социально-информационное пространство, которое состоит из миллиардов отдельных виртуальных субъектов, малых и больших групп, а также системы связей и отношений, закономерно возникающих между ними. Данная система связей уже стала неотъемлемым и существенным элементом реальной жизни современного человека.

Однако при определенном сходстве с реальным социальным пространством, в котором протекает человеческая жизнь, данное пространство обладает рядом специфических свойств.

По нашему мнению, в нем более четко выделяются информационная и социальная составляющие.

К первому компоненту относятся виртуальные контакты, которые не связаны непосредственно с социальным действием (получение несущественной информации). Поэтому не будем анализировать его структуру.

Второй компонент более важен, так как связан с социальной практикой. Он включает несколько структурно-функциональных элементов.

Во-первых, связанный с получением информации, необходимой для определенных социальных действий. Во-вторых, реализующийся через систему связей с другими виртуальными субъектами. Последние, как правило, воспринимаются как реальные личности, хотя их действительный статус неизвестен и не предполагает реальных контактов. В-третьих, объединяющий контакты, предполагающие в дальнейшем реальные связи с реальными личностями и перерастающие (при определенных обстоятельствах) в таковые.

Социально-информационное пространство существенно отличается от реального: оно сложнее, динамичнее и может быть искусственно изменено.

Виртуальный субъект обладает только кажущейся самостоятельностью и независимостью, и это обеспечивает множество потенциальных возможностей формирования и изменения того социально-информационного пространства, в котором он находится. А поскольку виртуальный субъект в действительности представляет реального человека (социальную группу), становится возможным непосредственно влиять на его личностные установ-

ки и поведение в реальном мире с заранее заданными целями. Поэтому и возникает объективная потребность в обеспечении безопасности его социально-информационного пространства, связанная с решением ряда проблем.

Наиболее простой и очевидной является проблема постоянного контроля действий любого субъекта в глобальной сети. Это осуществляется с помощью микропрограмм, присутствующих на каждом компьютере. Поскольку они не являются вредоносными, борьба с ними с помощью антивирусов невозможна. Как правило, данные программы анализируют социально-демографические, поведенческие характеристики общей массы пользователей в маркетинговых целях. Однако уже имеющиеся технологии fingerprint, то есть определение пользователя по уникальным настройкам его браузера (анализируются не только установленные плагины, но и язык, шрифт, разрешение экрана и другие параметры), позволяют при необходимости выявлять любого пользователя Сети. Тем не менее уже на данном уровне, анализируя с коммерческими целями активность субъекта в социально-информационном пространстве, можно воздействовать на его жизнедеятельность с целью получения информации.

Более сложными представляются проблемы, связанные с управлением уже существующим и функционирующим социально-информационным пространством. При кажущейся независимости и самостоятельности виртуальный субъект, включаясь в глобальную сеть, оказывается в сложноорганизованном и постоянно меняющемся пространстве. В нем присутствуют не менее четырех уровней: физический (каналы связи), сетевой (маршрутизаторы), адресный и прикладной (программы, социальные сети, браузеры). На каждом присутствует множество участников, и сами уровни также очень сложно взаимосвязаны. Если первый уровень еще может как-то «просматриваться» субъектом, то, начиная со второго, такая возможность практически отсутствует. В результате виртуальный субъект не может в действительности контролировать пути, по которым «движется» в сети; появляется возможность предоставлять ему не всю возможную, а строго определенную информацию. Причем данная информация будет восприниматься им как истинная, поскольку она формируется с учетом его предыдущих запросов и интересов. В реальном пространстве человек видит, куда движется, и может корректировать свой путь; в социально-виртуальном такая возможность весьма затруднена.

Точно так же можно формировать и корректировать систему связей конкретного субъекта (группы субъектов) внутри сети с тем, чтобы они взаимодействовали в виртуальной реальности только с определенными, заранее отобранными реальными или созданными чисто виртуальными субъектами. По сути можно формировать социальные связи человека с тем, чтобы выработать у него определенные социальные установки, минимизировать или устраниć важные и полезные для него социальные контакты, оставив толь-

ко заранее отобранные и получить на этой основе необходимую информацию и т. д.

Наиболее сложной нам представляется группа проблем, связанных с формированием социально-информационного пространства с заранее заданными параметрами. Программа, созданная в 2001 году, в 2014 году прошла тест Тьюринга, то есть появилась техническая возможность создавать определенное социально-информационное пространство без непосредственного привлечения человеческих ресурсов. Это означает, что можно заранее создавать чисто виртуальные сообщества, в которые будет включаться конкретный виртуальный субъект (человек) или группа субъектов (социальная группа) с тем, чтобы формировать социальные связи определенного типа и содержания. В итоге можно трансформировать фундаментальные общемировоззренческие и социально-культурные установки человека незаметно для него. В результате появляется возможность сформировать внутри информационной системы субъекта (или группу субъектов), неосознанно (и поэтому наиболее эффективно) нарушающих ее безопасность.

Таким образом, возникновение и функционирование виртуальной среды в современной цивилизации требует соответствующей системы мероприятий, позволяющих минимизировать возможные риски нарушения информационной безопасности. Одним из важных направлений данной работы выступает обеспечение безопасности социально-информационного пространства личности, поскольку соответствующее воздействие на виртуального субъекта позволяет получить источник информации в виде реального человека, включенного в информационную систему.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. И. Морозова

В исследовательской литературе неоднократно указывалось на зависимость межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития, на обострение взаимоотношений между поколениями в современных условиях, обусловленном как ускорением информатизации общества, так и противоречиями между ценностями старшего и молодого поколений. Еще К. Лоренц утверждал, что «вражда между поколениями», при которой молодежь испытывает ненависть к старшему поколению, может привести общество к угрозе прерывания культурной традиции [1, с. 424]. Проблема стара, как мир, идущие на смену другим тоже всегда воспринимались неоднозначно, не стало исключением и новое поколение Z (Generation Z), являющееся первым по-настоящему цифровым поколением

(теория поколений появилась в США в начале 1990-х, ее авторы – экономист Нейл Хоув и историк Вильям Штраус). Представители поколения Z – прагматики, подверженные ранней интеллектуализацией, главными ценностями для которых выступают время и личная свобода. Они становятся квалифицированными специалистами в IT-сфере, однако их мышление фрагментарно и поверхностно, они более замкнуты, слабо коммуникативны. И это первое поколение, полностью родившееся во времена глобализации и постмодернизма [2].

Наблюдается важная особенность, вызывающая опасения у специалистов: с современными подростками совсем не получается говорить – они не возражают, не спорят, не отстаивают свою точку зрения, а молча разворачиваются и уходят. Они умные, но внешне жесткие, порой жестокие, что свидетельствует о доминировании разума с ослабленным нравственным компонентом, наблюдается (не у всех) своеобразная «активная враждебность к добру и порядочности» [1, с. 419]. С одной стороны, они обладают отличными адаптационными способностями к меняющимся реалиям, но ослабление/отсутствие этической и эмоционально-психологической составляющей усложняют социальную коммуникацию, актуализируя проблему социальной ответственности. Поэтому, например, в США, где проходят Международные конференции и выставки Американского сообщества по тренингам и развитию – ASTD, серьезно озабочены проблемой взаимодействия поколений и вопросом, как наладить взаимоотношения между разными поколениями в компаниях для обмена опытом внутри организаций; как обеспечить преемственность между ними, чтобы уход представителей старшего возраста не повлек за собой потерю уникальных знаний, технологий и отношений. В странах СНГ также отмечается рост интереса к взаимодействию поколений, налаживанию связей между ними, подготовки смены, преемников, переформатированию целей – чтобы сделать их понятными для разных поколений [3].

Существует весьма противоречивая информация по поводу наличия факта разрыва связи между поколениями. Одни исследователи полагают, что развивающийся процесс нуклеаризации семьи оказывает негативное воздействие: происходит ослабление связи между поколениями, меняется осведомленность младших членов семьи о старших. Другие указывают на иное положение вещей: разрыв между поколениями – это миф. Например, представленные данные социологического исследования свидетельствуют о специфике существующей взаимосвязи поколений в современных белорусских семьях. Представители старшего поколения чаще помогают молодым семьям по уходу за ребенком в первые годы его жизни. Почти 37% респондентов с детьми до трех лет указали, что получали регулярную помощь от родителей и других родственников, не проживающих вместе с ними. Дети и внуки помогают пожилым людям гораздо в меньшей степени. В группе

55–59-летних содействие в домашних делах получают лишь 8%, а в группе 75–79-летних – 21%. На всем протяжении старения основными помощниками становятся дети и внуки, причем для самых старших респондентов их потомки играют все более важную роль [4, с. 15]. Старшее поколение отличается в первую очередь тем, что соединило в своей жизни две эпохи, принципиально разные социально-экономические системы, качественно отличающиеся идеологии, что оказало решающее воздействие на воспроизводство и изменение содержания и направленности их ценностных ориентаций. Так, в трудовой деятельности – ориентация на добросовестную, качественную работу на пользу организации, общества. В семейно-бытовой сфере – ориентация на сохранение семьи, обеспечение ее необходимыми материальными условиями, воспитание детей [5].

Нужно отметить, что существенные изменения происходят в диадических взаимоотношениях внуков и прародителей, которые становятся объектом обучения компьютерной грамотности, наблюдается процесс «обратной» социализации, способствующей быстрой адаптации представителей старшего поколения к новым реалиям, качественно новой модели существования в современном мире. Это приводит к укреплению межпоколенных родственных связей. М. Мид, изучая механизмы трансляции опыта между поколениями, выделила три типа культур: постфигуративную культуру, кофигуративную и префигуративную (взрослые учатся также и у своих детей). Именно последний тип культуры определяет новый тип социальной связи между поколениями, основанной на электронной коммуникативной сети, возникшей в середине XX столетия. Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более информированной, чем старики [6, с. 6].

Межпоколенное взаимодействие внутри семьи, всесторонний опыт представителей старшего поколения является тем потенциалом, способным оказать серьезное влияние на процесс формирования общественно значимых ценностных ориентаций у подрастающего поколения. Это воздействие основано на устойчивости контактов, на эмоциональных взаимоотношениях детей, родителей и прародителей. В процессе семейного общения передается жизненный опыт, уровень культуры, чувств и поведения. Представители старшего поколения обладают бесценным даром – мудростью, которую А. Г. Спиркин определяет «личностной характеристикой совершенного знания, предполагающей способность мастерски применять эти знания в жизни и вести себя благоразумно, с достоинством и предусмотрительно, а также способность схватывать общее и существенное в вещах, с наименьшими затратами средств достигать максимальных результатов, решать возникающие в настоящем проблемы на основании прошлого опыта, реалистической оценки ситуации и логических приемов с точки зрения возможных будущих последствий» [7, с 108].

Необходимо отметить, что представители старшего поколения выполняют своеобразную компенсаторную функцию, способствующую консервации и доминированию традиционных семейных ценностей, норм, духовно-нравственных ориентиров, корректирующих ослабленную нравственную и эмоционально-психологическую составляющую системы либеральных ценностей, транслируемых социальным типом «человек активный», к которому относится молодое поколение. Усиление же межпоколенного взаимодействия в структуре семьи является одним из важнейших факторов стабильного развития современного социума. При этом необходимо учитывать желание подрастающего поколения выстраивать свои отношения со взрослыми на основе равноправия, что многими родителями не реализуется [8, с. 12]. Отношения между поколениями в семье нуждаются в большей степени открытости и построении на эгалитарной основе.

Литература и источники

1. Лоренц, К. Оборотная сторона зеркала. Восемь смертных грехов цивилизационного человечества / Конрад Лоренц. – М. : АСТ, 2019.
2. Бестужева, О. Новое цифровое поколение Z-детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bestlavka.ru/novoe-cifrovoe-pokolenie-z-detej>. – Дата доступа: 27.08.18.
3. Шамис, Е. Беби-бумеры уходят на пенсию: о каких проблемах говорит мир (по материалам конференции ASTD, США 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tugenerations.su/2009/06/25>. – Дата доступа: 09.08.18.
4. Тайникова, Ю. О браке и семье / Ю. Тайникова // Аргументы и факты. – № 51(520). – 2017. – С. 15.
5. Комлева, Е. Р. Динамика ценностных ориентаций старшего поколения россиян в трансформирующемся обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/dinamika-tsennostnyh-orientatsiy-starshego-pokoleniya-rossiyan-v-transformiruyuschemsya-obschestve#ixzz48WTBWQf4>. – Дата доступа: 09.08.18.
6. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М. : Наука, 1988.
7. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972.
8. Бурова, С. Н. Современная семья: крах или другая жизнь? / С. Н. Бурова // Социология. – 2015. – № 2. – С. 4–15.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ

A. П. Мядель

Категория «справедливость» служит средством выражения и оправдания требований и интересов различных индивидов и социальных групп. В первую очередь требование справедливости связано с защитой определенных

материальных интересов. В качестве гарантов справедливости, как правило, выступают нравственность, религия, закон, верховная власть. Справедливость априори социальна, поскольку является атрибутом коммуникации между людьми. По мере развития общества представления о справедливости существенно трансформировались.

Ранняя античность отождествляла справедливость и произвол всемогущих богов. Своевольные порывы индивида осуждались, поскольку они ничто по отношению к воле богов и предопределенности судьбы. Мифологический герой Прометей с помощью хитрости бросил вызов произволу, господствовавшему над людьми под маской справедливости. «Золотое правило» нравственности также ограничивало произвол, утверждая принцип воздаяния, что нашло свое отражение в трагедиях Эсхила и Софокла.

По мнению Платона, эйдос справедливого имеет свою субстанциональную основу в мире идей. Идею справедливости философ рассматривал на примере устройства идеального государства, которое должно так построить свою деятельность, чтобы весь строй его граждан был подчинен нормам и принципам, вытекающим из идей блага и справедливости [1, с. 411]. Таким образом, справедливость - это социальная организация, в которой существует мудрое разделение труда между сословиями, каждый человек успешно занимается своим делом, где существует твердый и достойный порядок.

Аристотель также утверждал, что «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [2, с. 380]. Следовательно, античность была выше идеи искупления, но тяготела к «złotому правилу» нравственности и рассматривала справедливость в основном как свойство законодательства. В римско-эллинистический период античной истории окончательно закрепилось тождество понятий «справедливость» и «закон». При этом справедливость связывалась с такой политической добродетелью, как согласие. Другими словами, она олицетворяла политический компромисс.

Феодализм учредил прочный сословный порядок, который выступал в виде справедливого и «богоданного» уклада жизни. Рыцарский моральный кодекс провозглашался вершиной нравственных установлений. Тем не менее щедрость, благородство, верность слову, которые он декларировал, в повседневной жизни успешно сочетались с ханжеством, лицемерием, плутовством [3, с. 81–108].

В творчестве просветителей Нового времени справедливость соотносится с правом. Ф. Бэкон считал справедливым то, что объединяет людей и создает, таким образом, основание для права. Т. Гоббс говорил о справедливости как о третьем естественном законе, в соответствии с которым люди должны выполнять заключенные ими соглашения, без чего соглашения не имеют никакого значения и являются лишь пустыми звуками, а раз при этом

сохраняется право всех на все, то люди продолжают находиться в состоянии войны. И. Кант утверждал, что стержнем деятельности государства должно быть стремление к справедливости, относя в то же время справедливость к принципам сферы морали [4, с. 259–278].

В социальной доктрине марксизма под социальной справедливостью понималось отсутствие всех форм социального неравенства. Справедливыми признавались такие отношения, которые соответствуют исторической необходимости и практическим возможностям создания для людей условий жизни, отвечающих данной эпохе. При этом понятие справедливости служит выражением сложившихся экономических отношений.

Марксистская парадигма социальной справедливости нашла свое воплощение в практике коммунистического строительства в форме принципа распределения благ «каждому по труду». Общественная оценка труда в виде материального и морального вознаграждения должна была учитывать количество трудового вклада личности в копилку общественного благосостояния. Однако господство административных методов управления приводило, с одной стороны, к экономически несостоятельной «уравниловке», с другой – к неоправданным привилегиям бюрократического аппарата.

Крушение тоталитарных политических режимов в конце XX века обусловило радикальные преобразования политических систем бывших государств социалистического лагеря и, как следствие, формирование новых ценностных установок. Идея социальной справедливости на основе социального равенства была отвергнута, но и ценности Запада, ядром которых является индивидуальная свобода, не нашли массового одобрения и поддержки. В результате социальных трансформаций в массовом сознании граждан государств постсоветского пространства сложились противоречивые и непоследовательные представления о социальной справедливости. Они сочетают в себе патерналистские ожидания поддержки со стороныластных структур и стремлением к освобождению от какого-либо контроля со стороны государства.

Исторический опыт свидетельствует, что нет универсальной формулы социальной справедливости, приемлемой для любого социума и любой исторической эпохи. Каждая ступень цивилизационного развития человечества располагает собственным идеалом общественных отношений: «Справедливость у греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым» [5, с. 273]. Смысловое наполнение категории «социальная справедливость» исторически и культурно обусловлено. В своем содержании она фиксирует наиболее существенные аспекты взаимоотношений индивида и социума, которые требуют оптимизации, обеспечивая координацию подсистем общества и гарантируя его целостность. На современном этапе общественного развития содержание социальной справедливости актуализирует-

ся через понятие «качество жизни». Оно представляет собой интегральный критерий оценки состояния общества и позволяет избежать идеологических клише.

Автор оригинальной социологической концепции А.А. Зиновьев, исследуя феномен справедливости, пришел к заключению, что соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе с разделением функций и системой начальствования и подчинения, порождает неравенство в распределении этих жизненных благ. Оно выступает как социальный закон, который никто не в силах отменить [6, с. 62; 280–281]. Люди обречены на социальное неравенство, на борьбу как против него, так и за его сохранение и упрочение: «...никакого идеального общества всеобщего благоденствия, равенства и справедливости никогда не было, нет, и никогда не будет» [7, с. 160].

Таким образом, социальная справедливость, фокусируя в своем содержании индивидуальные и общественные интересы, представляет собой своеобразный социальный идеал, указывающий направление гармонизации общественных отношений.

Литература

1. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 79–389.
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения. В 4-х т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 375–644.
3. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали : пер. с пол. / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – С. 528 с.
4. Кассирер, Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер. – М. : РОССПЭН, 2004. – 400 с.
5. Энгельс, Ф. К жилищному вопросу / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 18. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 203–284.
6. Зиновьев, А. А. Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 1995. – 464 с.
7. Зиновьев, А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 2000. – 506 с.

ЦИКЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА О. ШПЕНГЛЕРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ ОНТОЛОГИИ

Н. А. Никонович

Циклическая концепция культуры в целом представляет собой новое видение мирового исторического и культурного процесса, где акцент делается на доминировании идеи локальности и автономности культур, их функцио-

нирования по собственным законам. Концепция Шпенглера имеет большое значение для осмыслиения философско-онтологического измерения культуры в контексте современных проблем методологии гуманитарного познания.

Идеи Шпенглера являются достаточно исследованными в современной гуманитарной науке, в связи с этим можно отметить такие работы, как статьи Л. Н. Пановой «Теория локальных культур Н. Данилевского и О. Шпенглера (сравнительный анализ)» [1], Н. Сычева «Историческая судьба западной цивилизации: пессимистический прогноз О. Шпенглера» [2], монографии Т. Г. Румянцевой «Освальд Шпенглер» [3] и Г. М. Тавризяна «О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры» [4] и ряд других.

С теоретико-методологической точки зрения имеет значение ракурс рассмотрения О. Шпенглером сути западной культуры или, используя его терминологию, ее «души». Многомерность философии культуры Шпенглера показывает следующая цитата: «Чтобы уяснить себе, в каких образах протекает угасание западной культуры, необходимо сперва исследовать, что такое культура, в каких отношениях она находится к видимой истории, к жизни, к душе, к природе и к духу, в каких формах она обнаруживается и насколько эти формы – народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и произведения искусства, науки, права, хозяйствственные формы и мировоззрения, великие люди и великие события – сами являются символом и, как таковые, подлежат толкованию» [5]. В дальнейшем этот принцип различия органического и механического станет одним из ключевых у немецкого мыслителя. Концепция культуры О. Шпенглера отличается глубиной и мультидисциплинарностью, поскольку позволяет осмысливать динамику и бифуркации современных культурно-цивилизационных процессов: «видимая история только выражение, знак, принявшая формы душевная стихия» [5].

В труде Шпенглера «Закат Европы. Образ и действительность» заложены предпосылки не только новой философии культуры, но и методологии. В его концепции мы можем увидеть элементы философии жизни в философии истории и культуры мыслителя. Метафизическое и трансцендентное осмыслиение смыслосферы культуры сопрягается с герменевтическими элементами: «История – это образ, при помощи которого воображение человека стремится почертнуть понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни и таким способом придать ей углубленную действительность» [5]. Продолжая мысль Шпенглера, можно заметить, что история субъектна и ее интерпретация зависит от мультилокальности «жизненного мира». Интересной выглядит «связь между отношением к историческому прошлому и пониманием смерти», которую отмечает немецкий мыслитель. Тема смерти культуры является доминирующей в творчестве Шпенглера. В некотором смысле его концепцию можно также обозначить как экзистенциальную концепцию культуры. Многомерная картина культуры, представленная Шпенглером, может быть осмыслена в различных ракурсах. Идеи

Шпенглера содержат не только глубокий культурологический, но и метафизический смысл. Это касается размышлений автора о «душе», субстанциальном начале различных культур: египетской, античной, др., что мы можем увидеть в следующей мысли: «На блестяще отполированном гранитном острие пирамиды Аменемхета III еще теперь можно прочесть слова: «Аменемхет видит красоту солнца», – и на другой стороне: «Душа Аменемхета выше, чем высота Ориона, и она соединяется с преисподней. Это – победа над уничтожаемостью, над настоящим, и не антично в высшей степени»» [5]. Дискурс исторической эпистемологии позволяет глубже понять интенции философской и культурологической системы Шпенглера. Как отмечено некоторыми авторами, «своеобразие исторической эпистемологии заключается в том, что она привносит в эпистемологический дискурс интуиции и методы исторической науки, что позволяет ставить вопросы о происхождении и развитии во времени таких понятий, как знание, истина, объективность, рациональность, очевидность, вероятность» [6].

Анализ концепта «всемирной истории» О. Шпенглера позволяет сделать вывод о его амбивалентном характере. Культурфилософская рефлексия Шпенглера фокусируется на идее противоречивого, европоцентричного прежде всего характера понятия «всемирная история», которое не отвечает всей мультивекторности историко-культурного процесса, его хронологическим этапам. Критика немецкого мыслителя касается самой сути исторической периодизации и хронологии, принятой в европейской науке: «Достаточно указать на то, что эта схема устанавливает чисто внешнее начало и конец там, где в более глубоком смысле нельзя говорить ни о начале, ни о конце. По этой схеме страны Западной Европы являются покоящимся полюсом (математически говоря, точкою на поверхности шара), вокруг которого скромно вращаются мощные тысячелетия истории и далекие огромные культуры» [5].

Данная точка зрения смешает эпистемологический вектор рассмотрения духовной наполненности развития культурных форм, смыслосферы культур с европоцентризма на универсализм. Речь идет о том, что в общепринятой в исторической науке схеме «Древний мир – Средние века – Новое время» приоритет отдается европейской культуре и цивилизации. Приводимые здесь идеи нуждаются в осмыслении и теоретико-методологической экспликации. Мы писали в наших предыдущих работах, что выдвинутые немецким мыслителем идеи могут быть теоретическим фундаментом новой периодизации исторического процесса. Критика Шпенглера вышеуказанной схемы содержит немаловажное замечание: «Внутри тех узких границ, которые являются предпосылкой этой концепции, она имела, несомненно, свои основания. Ни индийская, ни даже египетская история не попадают в круг ее наблюдений. Название «всемирная история» в устах этих мыслителей обозначает единичное, в высшей степени драматическое событие, сценой для которого послужила страна между Элладой и Персией» [5]. Таким образом, поступаты

историко-культурологической концепции Шпенглера базируются на принципах критики европоцентризма.

Также представляют научный интерес идеи Шпенглера о сущности культуры, артикулированной им в понятиях «аполлоновская, фаустовская, магическая» душа. Под «аполлоновской» душой понимается античная культура, и западноевропейский тип культуры обозначен как «фаустовская» душа. По Шпенглеру, эти типы являются противоположными, хотя мы можем заметить, что европейская культура во многом наследует идеи античности. Однако классификация Шпенглера носит метафизически-образный характер, и показывает все своеобразие его культурфилософской концепции, в которой понятия «души» и «образа» являются концептообразующими. Таким образом, переход культуры в цивилизацию, ее циклизм сопровождается изменением сущностных и структурно-системных составляющих культуры, ее «надломом», ее переходом в новое качество. Следует отметить, что циклическая концепция О. Шпенглера представляет собой рефлексию над глубинными процессами, происходящими в культуре, рефлексию над ее метафизическими и субстанциальными основаниями.

Концепция культуры О. Шпенглера отличается глубиной и мультидисциплинарностью, поскольку позволяет осмыслить динамику и бифуркации современных культурно-цивилизационных процессов. Метафизическое и трансцендентное осмысление смыслосферы культуры сопрягается с герменевтическими элементами. Идеи Шпенглера обозначены нами как «цивилизационный поворот» в осмыслении истории и культуры. Данная парадигма представляет собой интенцию к плюрализму культурных онтологий.

Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, проект № Г19-021.

Литература

1. Панова, Л. Н. Теория локальных культур Н. Данилевского и О. Шпенглера (сравнительный анализ) / Л. Н. Панова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4. – С. 32–34.
2. Сычев, Н. Историческая судьба западной цивилизации: пессимистический прогноз О. Шпенглера / Н. Сычев // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 1. – С. 100–105.
3. Румянцева, Т. Г. Освальд Шпенглер / Т. Г. Румянцева. – Москва : Книжный Дом, 2008. – 192 с.
4. Тавризян, Г. М. О. Шпенглер, Й.Хейзинга: две концепции кризиса культуры / Г.М. Тавризян. – М. : Искусство, 1989. – 269 с.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/osvald-shpenglner/zakat-evropy-tom-1/chitat-onlayn>. – Дата доступа: 20.05.2019.
6. Столярова, О. Историческая эпистемология / О. Столярова. – Режим доступа: <http://past-centre.ru/courses/kursy/istoricheskaya-e-pistemologiya>. – Дата доступа: 29.05.2019.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

В. И. Огородник, И. С. Огородник

Системообразующим элементом любого общества всегда выступает социальный идеал, вокруг которого складывается система ценностных ориентиров, норм, правил, отношений и т. д., в конечном счете определяющий всю жизнедеятельность данного общества. Это то, к чему общество стремится как к конечному результату своего развития. Социальный идеал изменяется по мере развития общества, т. е. это явление историческое, меняющееся. Но одна составляющая в нем присутствует всегда – идея социальной справедливости.

Содержание идеи социальной справедливости также изменяется по мере развития общества. Современное содержание понятия «социальная справедливость» начало формироваться на Западе в эпоху Нового времени, при переходе от феодального общества к обществу буржуазному, капиталистическому. Новому общественному строю для организации и функционирования экономического уклада требовался лично свободный наемный рабочий, обладающий лишь одним капиталом – своей рабочей силой.

Отсюда и знаменитый лозунг буржуазных революций XVIII–XIX веков – «свобода, равенство, братство». Свобода – это личная свобода индивида, равенство – это равенство всех перед законом. Эти идеи разрабатывали в своих работах и внедряли в общественное сознание все мыслители эпохи Просвещения. Со временем они стали неотъемлемой частью духовной культуры Запада. Для своего времени это были передовые прогрессивные идеи. Все это имеет одно общее название – либерализм.

Вершиной либерализма принято считать идею «гражданского общества». Именно гражданское общество – венец развития либеральной демократии, «конец истории», как писал Ф. Фукуяма. Фундаментом гражданского общества является частная собственность: первый, кто огородил кусок земли и сказал «это – мое», и был подлинным основателем гражданского общества (Жан Жак Руссо). На Западе никто не строит иллюзий относительно сущности гражданского общества. В фундаментальной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право — собственностью... Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством» [1]. Это и есть сущность

«демократического» либерального государства и гражданского общества Запада.

Рассмотрим третий из лозунгов буржуазных революций «братьство», который в данном контексте есть не что иное, как синоним понятия «социальная справедливость». Если отбросить мудреные «научные» определения, то «социальная справедливость» есть пользование и потребление каждым членом общества равной доли национального богатства. И вот с этим у Запада проблема.

Фундаментом общества является производство материальных условий своего существования, а материальное производство современного Запада основано на частной собственности, позволяющей присваивать ее владельцам большую часть национального богатства. Это прекрасно показывает «число (или принцип) Парето»: 20% владеют 80% национального богатства в любом обществе, основанном на частной собственности. Так что ни о какой социальной справедливости в обществе, основанном на частной собственности, не может быть и речи.

Это знали еще утописты, видевшие все зло и несправедливость современного им общества в частной собственности. Об этом говорил в своем последнем интервью выдающийся русский мыслитель А. Зиновьев: до тех пор, пока жизнедеятельность общества будет организована на принципах частной собственности, никакие социальные проблемы современного общества не могут быть решены, но будут порождаться новые, более сложные. И социальная справедливость в таком обществе невозможна в принципе.

Если в обществе частной собственности социальная справедливость, как основополагающая форма социального идеала, невозможна в принципе, следует создать социальный идеал, который был бы воспринят обществом и который внедрил бы в общественное сознание нужное понимание социальной справедливости. Таковой стала идея «свободы личности», давно присутствующая в общественном сознании и культуре Запада, но с совершенно иным пониманием социальной справедливости.

Теперь социальная справедливость трактуется как практически ничем, кроме закона, не ограниченная «свобода» человека. Такая «свобода» не должна ограничивать такую же «свободу» другого человека. А поскольку границы такой «свободы» устанавливает закон, то «разрешено все, что не запрещено». О морали, основанной на постулатах христианства, речи не идет, закон и мораль отождествляются. А так как закон (право) устанавливает человек (общество), то и границы такой «свободы» можно расширять до бесконечности, освобождая человека от ограничений, накладываемых моралью, и доводя тем самым само понятие «свободы» до абсурда.

Модернизм разрушил все старые, основанные на христианстве нормы и ценности, в первую очередь нравственные, моральные, объявив идеалы

христианства устаревшими и несоответствующими новому времени. В общественное сознание стали активно внедряться идеи «мультикультурализма», «толерантности», «ювенальной юстиции», «защиты прав меньшинств», «права человека», «гендер» и т. п., выдавая их за высшее достижение западной цивилизации, которым в обязательном порядке должны следовать все народы мира.

Любая иная точка зрения моментально объявляется «нецивилизованной», «варварской», а то и «фашистской». Есть только одно «правильное» мнение – западное, – все остальные не имеют права на жизнь. На первый взгляд, это противоречит самой сути западной либеральной демократии, а на самом деле это и есть сущность либеральной демократии. Профессор политических наук, президент Общества исследований по общей теории систем и государственный служащий США Бертрам Майрон Грасс еще в 1980 г. ввел в политический лексикон термин «дружелюбный фашизм», предсказав появление новой формы тоталитарной политики. Позже Б. Грасс ввел понятие «зависимый» фашизм. Это дружественные Западу страны, поддерживаемые Западом, в первую очередь США, даже если к власти в них пришли незаконным, т. е. неконституционным путем. Джона Голдберг ввела термин «либеральный фашизм» («Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы»), выразив саму суть современного Запада [3]. Блестящий анализ либеральной демократии Запада дал Н. А. Выхин в работе «Время и стекло» [4].

Социальный идеал современного Запада – это полная «атомизация» общества, превращение человека в отдельный «атом» общества, а социальная справедливость – «свобода» личности, полная и всеобщая. Свобода от морали и нравственности. А такое общество никогда не объединится в своей борьбе против своей «свободы» быть эксплуатируемым капиталом. Что, собственно, и является подлинным социальным идеалом либеральной демократии Запада.

Литература

1. Historia de la ideología (Eds.F.Chatelet, G.Mairet). – 3 Vol. – Madrid : Acal, 1989.
2. Кара-Мурза, С. Гражданское общество: истинный смысл / С. Кара-Мурза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruskapravda.com/ideologiya/47-st-ideologiya/22028-gragdanskoe.html>.
3. Савин, Л. Дружелюбный фашизм / Л. Савин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruska-pravda.com/politika/43-st-politika/23766-druzhelubnyj-fashizm.html>.
4. Выхин, А. Н. Время и стекло / А. Н. Выхин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit-mir.ru/vremya-i-steklo.21804.html>.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

B. A. Одиноченко

Актуальность темы исторической памяти обусловлена теми изменениями, которые в настоящее время происходят в нашей стране. Они имеют радикальный характер и затрагивают как общественную, так и повседневную жизнь. На наших глазах меняется сама реальность, в которой мы живем, и это касается всех сфер общества. Произошел разрыв во времени: недавнее прошлое, которое ранее было для нас привычным и очевидным, во-первых, стало качественно иным по сравнению с настоящим и, во-вторых, зачастую воспринимается как то, от чего необходимо отказаться в интересах осуществления дальнейшего развития. Одной из насущных задач сейчас является сохранение связи времен, создание единого исторического контекста в котором мы могли бы поместить наше недавнее прошлое, настоящее и ближайшее будущее.

В этом свете актуальной становится задача философского осмыслиения исторической памяти. И не только в ее сущности, но также и исходя из тех проблем, которые имеются в современной Беларуси. Сама история философии перестала представлять только академический интерес и ассоциироваться с мудростью прошлого. Ожидаемую актуальность приобрели размышления о человеке, свободе, демократии и т. д., принадлежащие великим мыслителям, относящимся к иным эпохам и культурам. Они стали частью современных дискуссий.

Нашу ситуацию мы обозначаем как «трансформация» – преобразование, принципиально меняющее характер явления или процесса. Реальность приобрела новый облик, но это также связано с изменением ее сущности. Она стала иной. В этой связи актуальными становятся не столько описание того, что было раньше, но, прежде всего, его трактовка. Сейчас для нас приобретает значимость не только «утвержденная» история, как она излагается в учебниках, но и те воспоминания, которые передаются через связь поколений. Кроме того, для формирования исторической памяти значение имеет «весомая и зримая» реальность: планировка городов, названия улиц, стили в архитектуре и т. д. Она заключает в себе воспоминания, но они должны быть осмыслены и проинтерпретированы. Например, знаменитые пятиэтажки сейчас воспринимаются как один из символов убогого советского быта. Однако для людей, получивших в них квартиры после опыта жизни в общежитиях, они связаны со счастливыми воспоминаниями об очевидном улучшении материального благополучия.

На наших глазах происходит создание качественно нового настоящего и преобразование прошлого. Идет формирование истории. Она приобретает

не только новый вид, но и новый характер. В условиях современной Беларуси история – это не то, что прошло и что осталось в памяти. Прошлое приобретает актуальность. Оно должно быть осмыслено, исходя из современных проблем.

И в этой связи встает вопрос об объективности в интерпретации истории. Образцом объективности считается классическая физика, когда объект стремились изучить сам по себе, независимо от субъекта. Такой подход имеет ограниченный характер и не может быть распространен на все знание в целом. Особенностью исторической реальности является то, что она создается в процессе человеческой деятельности. Поэтому объекты прошлого несут в себе память о своих создателях. В то же время историческая реальность не субъективна, имеет характер наличия, и, подобно природной реальности, подчиняется определенным закономерностям. Как показал опыт постсоветских стран, нельзя совершать преобразования, не учитывая сложившихся условий.

В настоящее время в ситуации после распада Советского Союза и поиска новых способов ориентации все чаще говорят о необходимости создания национальной мифологии, на основе которой можно было бы сформировать историческую память. В данном случае, на наш взгляд, необходимо осмыслить, о чем идет речь. В мифе реальность трактуется посредством наглядных образов. С его помощью можно создать общую картину мира и своего места в нем. Национальная мифология была в СССР, это представление о наиболее передовой стране, лидере всех трудящихся. В России в последнее время все более настойчиво и целенаправленно формируется образ великой державы. У нас же одним из наиболее соответствующих историческому опыту является представление о промежуточном положении Беларуси и поиске ею своего места в мире. В этом плане мы считаем продуктивным использование образа «белорусского пути». В то же время следует отличать наглядные представления, которые могут быть эффективным средством формирования национальной идентичности, от научных теорий. Последние предполагают эмпирическую обоснованность и возможность критики.

В условиях современной Беларуси историческая память не имеет только академический характер и не является делом исключительно историков, хотя именно они способны воспроизвести ее на профессиональном уровне. В постсоветских странах идет полемика о прошлом. Наибольший напал страстей вызывает трактовка событий, произошедших в годы советской власти. В настоящее время, на наш взгляд, существует проблема введения в нашу историческую память темы репрессий, причем не только в 1930-е годы, но на протяжении всего советского периода. Они не могут быть просто проговорены, но должны быть осмыслены. Необходимо понять их причины и закономерности.

При формировании исторической памяти в современной Беларуси, во-первых, в нее должны быть включены все периоды нашей истории. Во-вторых, необходимо учитывать неизбежное присутствие политических предпочтений. Одни основное внимание уделяют ВКЛ, другие – Российской империи, третьи – советскому этапу. Это прямо связано с видением путей развития страны. Таким образом, то, что мы вспоминаем, влияет на наше будущее.

В этой связи укажем на активность памяти. Приведем положение одного из крупнейших специалистов в области психологии памяти Ф. Ч. Бартлетта (1886–1969): «Для чего вообще нам приходится пользоваться памятью? Для того чтобы прошлый опыт оказал нам помощь в решении непосредственно стоящих перед нами проблем. Но условия, с которыми мы встречаемся в настоящем, никогда не являются точным воспроизведением прошлых условий, и требования, предъявляемые нам в настоящем, за исключением особых и довольно искусственных случаев, очень редко полностью совпадают с требованиями, существовавшими в прошлом. Следовательно, чаще всего мы стремимся к тому, чтобы преобразовать прошлое, а не просто повторить его» [1, с. 113–114].

Для нас в настоящее время актуально формирование новой культуры памяти, не имеющей идеологизированного характера и не ориентированной на воспоминания об этапах построения «светлого будущего».

В пространственном плане необходимо произвести локализацию памяти. Она должна быть привязана к событиям, произошедшим на территории Беларуси.

В этой связи стоит задача соотношения нашей истории с историей СССР. Это государство, в которое мы входили, претендовало на статус сверхдержавы, и, исходя из этого, в нем формировалась своя историческая память, под задачи которой трансформировались истории входящих в него союзных республик. Сейчас каждая из них стремится создать свою национальную историю.

Для нас актуальным является отделение от истории близких нам в культурном смысле России и Украины. Мы вошли с ними в состав одного государства в конце XVIII века. Но общая историческая память, которую можно использовать в настоящее время, у нас начала формироваться только при советской власти. Особенно это касается периода репрессий, Второй мировой войны и послевоенных лет, когда восточнославянские народы имели общую судьбу.

Сейчас важно ввести в общественное сознание сведения о выдающихся белорусах и событиях, произошедших на наших землях. Они должны стать частью нашей исторической памяти. В энциклопедическом справочнике «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» о его содержании сказано: «Это своеобразный экскурс в сложный путь истории формирования белорусской нации,

ее культуры и государственности, изложенный в биографиях ее деятелей» [2, с. 7].

При формировании исторической памяти в условиях современной Беларуси следует говорить не об отказе от недавнего прошлого, но о переломе в истории. Наше прошлое следует вспоминать в его целостности. Новые условия развития задают потребность в актуализации национальной исторической памяти.

Специфика истории Беларуси в том, что в ней были разрывы. В различные периоды присутствовали различные цивилизационные ориентации. Соответственно, необходимы усилия, чтобы включить их в единый контекст исторической памяти.

Литература

1. Бартлетт, Ф. Психика человека в труде и игре / Ф. Бартлетт. – М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. – 142 с.
2. Мысліцелі і асветнікі Беларусі : энцыкл. даведнік. – Мінск : БелЭн, 1995. – 671 с.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В. Л. Павлов

Справедливость, равно как и ее противоположность (несправедливость), — неотъемлемая составляющая жизни людей на всем протяжении их истории. Свобода, справедливость и равенство — три базовые ценности человеческого общежития. От того, насколько и каким образом они представлены в бытии индивидов, их различных объединений, общества в целом, во многом зависит мера удовлетворенности субъектов своей жизнью, социально-психологический климат в обществе, степень политической стабильности в государстве. Ничто так не ранит человека, как проявление по отношению к нему несправедливости. Поэтому крайне важно в индивидуальных отношениях, отношениях между большими и малыми социальными группами, функционировании различных государственных и негосударственных институтов и организаций следовать принципу справедливости. История свидетельствует: всевозможные социальные конфликты в большей или меньшей степени своей причиной имеют сознательное или непреднамеренное попрание этой ценности. По тому, как расположены стрелки на «барометре справедливости», со значительной долей вероятности можно судить о приближающейся «грозе» в обществе или «социальном штиле».

Человек так устроен, что всегда желает справедливого отношения к себе. Правда, одновременно нередко проявляет несправедливость по отношению к

другим. Налицо противоречие, присутствующее в жизнедеятельности практических всех индивидов. Его природа, источник — в самом человеке. Какая из сторон противоречия — (справедливость или ее противоположность) — будет ведущей (и на какое время), во многом зависящей от факторов, под воздействием которых проходила социализация личности, от комплекса обстоятельств, ситуационно влияющих на ее поведение. Сократ считал, что лучше терпеть несправедливость самому, чем причинять ее другим. При всем том, что на уровне обыденного сознания людей и в сфере философских обобщений справедливость трактуется как норма человеческого общежития, избежать несправедливости вряд ли когда-нибудь удастся. Следовательно, необходимо делать все для минимизации присутствия этого образования в отношениях между субъектами.

Феномен справедливости имеет разные формы проявления: ценность, чувство, моральная и правовая норма, социально-философская категория, социальный идеал, общественное отношение и др. У каждой из этих форм своя специфика, особенности. Но базовые, сущностные характеристики справедливости сохраняются — воздаяние каждому пропорционально тому, что он заслужил. И хотя такая трактовка данного явления отличается абстрактностью, в ней схвачено главное: равноценный обмен «отданного» на «полученное». Не случайно еще Аристотель в рассуждениях о справедливости использовал термин «пропорция», а в пропорции одна часть (сторона) всегда равна другой. Иное дело, насколько эти соотносимые доли, стороны действительно равны и, соответственно, насколько такая «равность» удовлетворяет тех, кто задействован в означенном процессе. Подлинная справедливость «срабатывает», присутствует тогда, когда человек получает что-либо в соответствии (пропорционально) с тем, что ему положено (по совести, обычаям, закону и т. д.). Специально стоит подчеркнуть, что в литературе, даже научной, нередки случаи некорректного использования понятия «справедливость», в том числе путем отождествления его содержания с содержанием понятий «правильное», «правомерное», «законное». Термины близкие, но не тождественные.

При обыденном понимании и в теории справедливости все, на первый взгляд, понятно и очевидно, но на практике адекватно реализовать, даже при всем желании, ориентацию сознания на справедливость оказывается не так легко и просто. В сфере морали, как известно, далеко не все принципы и нормы поведения четко и однозначно «прописаны». Здесь многое зависит от традиций и обычаяев, сложившихся обстоятельств, психологических установок, субъективных предпочтений и многоного другого. Поэтому доля справедливости в отношениях между людьми преимущественно зависит от самих субъектов, степени их нравственной зрелости, совестливости, ответственности перед собой и другими. Мораль лишена надлежащих механизмов сatisfакции за нанесенные человеку обиды и проявленную по от-

ношению к нему несправедливость. Внутреннее недовольство и моральное презрение — два наиболее распространенных способа реакции индивида на отсутствие справедливой реакции окружающих на его дела, объективно заслуживающие внимания близкой или отдаленной среды. Поэтому необходимо не просто замечать, но и адекватно реагировать на поступки людей, особенно если они наполнены выраженным положительным или негативным смыслом. Чем уже круг общения — семья, близкие родственники, друзья, коллеги, тем это важнее.

В сфере права ситуация несколько иная. Правовые нормы априори имманентно должны содержать в себе потенциал справедливости. Его мера зависит от комплекса факторов, не в последнюю очередь от профессионализма и целей тех, кто эти нормы формулировал, а также ответственности законодательного органа, их утвердившего. Еще Аристотель говорил, что законы могут быть справедливыми и несправедливыми. Но даже в том случае, когда доля справедливости в правовых нормах минимальна (т. е. по сути они являются несправедливыми), власть, их декларирующая и поддерживающая, все равно будет утверждать, что законы справедливы. Открытая установка на несправедливость (мыслей, желаний, норм, поступков и т. д.) изначально отталкивает людей от тех, кто занимает такую позицию. Приверженность справедливости — публичный лозунг всех властей во все времена. Чем выше уровень справедливости функционирующих в государстве правовых норм, чем полнее и глубже они учитывают реальную практику бытия общественных отношений, потребности и интересы людей, тем эффективнее само правовое регулирование и степень его поддержки населением. Идеалом правовой системы можно считать ситуацию, когда законное и справедливое совпадают. Достичь этого сложно, поэтому так желательна постоянно проявляющая себя тенденция в данном направлении.

При всей значимости справедливости в жизни людей, это образование является ненадежным и уязвимым аргументом в правовом отношении при использовании его субъектом, отстаивающим свои интересы в суде. Это хорошо показал И. Кант. Суд принимает решения не на основе того, что действие одного субъекта по отношению к другому сопряжено с нарушением справедливости, а основываясь на конкретных нормах и доказательной базе. Здесь явно обнаруживает себя противоречие между предназначением суда защищать справедливость всеми доступными ему средствами и необходимостью неуклонного следования букве закона. В ситуациях, когда конкретные правовые коллизии нечетко прописаны в нормах права или существуют так называемые «правовые дыры», обеспечить торжество справедливости оказывается не всегда под силу, даже там, где ее нарушение очевидно. Это всегда вызывает волны недовольства в обществе. Если рассматривавшееся в суде дело имеет резонансный характер, нередки случаи агрессивных дей-

ствий уязвленной стороны по отношению к судебным органам или даже властным структурам.

С особой силой тема справедливости заявляет о себе в переломные этапы жизни конкретных индивидов, их различных групп, общества в целом. Во-первых, в такие периоды субъект очень болезненно воспринимает малейшие нарушения справедливости. Во-вторых, когда происходит даже незначительная ломка устоявшегося образа жизни, она объективно, как правило, сопряжена с отклонениями в поведении людей от существующих моральных и правовых норм.

При крупных изменениях в политической, социально-экономической, духовной сферах нередки кардинальные пересмотры стереотипов и парадигм в трактовке того, что можно и стоит считать справедливым и несправедливым. Феномен сознательной эмиграции людей за рубеж, например, не всегда связан с поиском более высокого уровня материального благосостояния или возможности более полно творчески реализовать себя, в огромном числе случаев он объясняется невозможностью принять на уровне собственных мировоззренческих установок изменившийся в обществе уклад жизни, новые ценности, идеалы, тип отношений между людьми. Особенно тяжело это переживают личности волевые, с цельным духовным миром, убежденные в правоте своих мыслей и действий. Поэтому так опасны кардинальные изменения политических курсов стран, деструктивные процессы в идеологии, необоснованный пересмотр достижений прошлых поколений, искусственное навязывание людям чуждых ценностей и др. Справедливость комфортнее себя чувствует в условиях социальной стабильности, чем при различных катаклизмах. Сказанное совсем не означает, что время от времени в обществе объективно не складываются причины, требующие изменений к лучшему, в том числе подъема справедливости на новый, более высокий уровень.

АЛГОРИТМ ПОДГОТОВКИ УСПЕШНОГО ПРОФЕССИОНАЛА ХХI ВЕКА

А. Т. Павлова

Стремительно развивающиеся технологии формируют «работника новой парадигмы» [1, с. 25]. Это профессионалы посткультурного уровня. Высокие личностные знания дают им широкие конкурентные преимущества. Современная система высшего образования наряду с традиционными задачами подготовки профессионалов, призвана формировать постнеклассическое видение мира.

При динамично нарастающем потоке информации и сложнении социума ощущается нехватка аналитических педагогических инструментов для

переформатирования знаний из одних дисциплинарных областей в другие. По нашему мнению, именно преподавание философии обладает активными потенциями в формировании трансфессиональных навыков. Предлагаем совокупность новационных педагогических технологий, нацеленных на активизацию креативности.

Причем, акцент в конструировании данных технологий применительно к преподаванию философии, должен быть сделан не просто на изучении исторической динамики различных философских традиций, но и на анализе со-прикосновения их интеллектуальных пространств, ценностных доминант, их взаимопроникновения в измененных социальных реалиях.

Цель данного выступления заключается в том, чтобы выявить социо-педагогические основы и традиции практико-ориентированных технологий в преподавании философии; продемонстрировать значимость преемственности философского культурного трансфера для формирования у студентов интеллектуальной плюральности и востребованного ныне качества – трансдисциплинарности.

Проблема трансферных технологий гуманитарного знания пока изучена очень мало. Трансферный процесс трансляции знаний - это процесс обмена знаниями между разными культурными профессиональными сообществами. Для того чтобы воспитать новое поколение исследователей в духе новой эпохи, необходимо рассматривать различные трансдисциплинарные научные решения. Особое внимание следует уделить коммуникационно-дискурсивному плану развития знаний в гуманитарном познании, осмыслению значимости личностных факторов в процессе трансферизации знания.

Современная высшая школа дает хорошую общеобразовательную базу для дальнейшего освоения конкретной выбранной профессии в процессе трудовой деятельности. Однако молодые специалисты оказываются недостаточно компетентными в самостоятельном использовании полученных знаний в конкретных профессиональных ситуациях. Поэтому работодатели предпочитают специалистов с опытом работы.

Наличие необходимых профессиональных знаний еще не означает, что молодой специалист умело ими воспользуется. Если предыдущие поколения приобретали профессию на всю жизнь, то нынешнее должно быть готово к смене профессиональной деятельности, обладать профессиональной мобильностью из-за быстро меняющихся производственных условий. Современные процессы глобализации и интеграции ставят человека в ситуацию постоянной готовности к перемещению в социальном пространстве.

Кристель Харткамп отмечает, что для превращения в успешных профессионалов, учащимся уже на студенческой скамье необходимо пользоваться своими знаниями, приобрести способность принимать решения на основании собственных суждений, использовать цифровые технологии для осуществления своих профессиональных обязанностей [1, с. 30].

Общество знаний и инновационной деятельности, в которое мы вступили в XXI веке, создает новые социальные группы людей, где личный талант становится более важным. Наша задача – учить будущих суперкреативных специалистов.

Сегодня перед системой высшего образования стоит задача смены акцентов с «усвоения знаний» на формирование «компетентности» студентов с ориентацией на личностное развитие. Под компетентностью мы понимаем готовность к осуществлению какой-либо деятельности в конкретных профессиональных ситуациях. Компетентность предполагает хорошую осведомленность специалиста о достижениях в своей области.

Будущему специалисту необходимо быть адаптивным, коммуникативным. Маркерами мобильного специалиста-трансфессионала служат способности человека влиять на события, управлять событиями, использовать даже трудности для своего саморазвития.

Следует отметить недостаточность методических разработок, рекомендаций, направленных на организацию практико-ориентированного обучения. Обновление профессионально образовательных программ должно осуществляться совместно с представителями организаций-работодателей. Работодатели формируют конкретный заказ образовательным учреждениям. Таким образом, преодолевается разрыв между теорией и практикой, профессиональные нормы и знания превращаются в ценности, происходит постепенный знание-культурный трансфер. Студенты в учебных аудиториях изучают то, что им непосредственно понадобится на производстве, а их квалификация будет соответствовать действующим на производстве профессиональным стандартам. Целесообразно создание практико-ориентированных площадок: преподаватель - профессионал - студент - исполнитель - конкретный результат (востребованный набор компетентностей).

Главная задача философии всегда была – учить мыслить, сейчас наша задача – учить студентов мыслить по-новому, формировать новый тип трансфессионального мышления. Не теряя своей фундаментальности, философия должна приобрести новое практико-ориентированное содержание с учетом потребностей цифровой экономики. Информационно познавательные блоки, предлагаемые современному студенту, должны быть pragматическими, лаконичными и в достаточной степени завершенными. Приспособливая старое содержание к принципиально меняющимся условиям, можно лишь догонять изменяющуюся социальную действительность. Необходимо переходить к опережающему характеру действия образовательных систем. Их переориентация с усвоения прошлого на возможности проектировать будущее, конечно же, на основе восприятия всего предыдущего. Задача состоит не в том, чтобы найти готовый ответ, но суметь увидеть проблему, поставить вопрос и самостоятельно решить его. От объясняющего образования, как это было

в традиционной системе, следует перейти к творческим альтернативам развивающих образовательных стратегий.

Современные образовательные технологии строятся на сочетании активных форм обучения с самостоятельным освоением студентами материала. Обучение строится на проведении диспутов, семинаров, научно-практических конференций, дистанционных мероприятий в сети Интернет, организованных на Интернет-сайте БГУ. Организован виртуальный дискуссионный клуб, проводится виртуальный брифинг по наиболее интересным проблемам философии. Набирают силу технологии рефлексивного подхода, имитационное моделирование, проблемные, ролевые, деловые игры, форсайт-прогнозирование и так далее.

Таким образом, массовые коммуникативные взаимодействия, «срезированные» педагогом, даже в виртуальном варианте, ведут к стимулированию коллективного студенческого творчества. Повышается значимость трансдисциплинарного инструментария философии, в контексте которого развивается современная наука.

Формирование коммуникативной компетентности у студентов связано с познавательной, игровой, трудовой деятельностью, с развитием их социального интеллекта. Отсутствие коммуникативной компетенции приводит к снижению удовлетворенности от профессии. Основу формирования коммуникативной компетенции составляет общение, а в общении важную роль играет овладение социальными ролями - организатора либо участника общества. Особая роль здесь принадлежит коммуникативным играм, тренингам. Повышение коммуникативной компетентности позволяет обучающимся самостоятельно находить адекватные способы поведения в различных ситуациях трансфессионального выбора. В процессе коллективного творчества студентов происходит их социализация, самоутверждение.

Литература

1. Общество Знаниевых Кочевников / под ред. Джона У. Моравеца : пер. с англ. С. С. Носовой ; науч. ред. пер. И. П. Кужелева-Саган. – Томск, 2018.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ «НОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

О. П. Пунченко

Помимо идей Пекинского философского конгресса «Учиться быть человеком» (2018), социальная философия обогатила свое содержание идеями Юбилейного доклада Римского Клуба «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Осмыслить эти идеи, связать их с кон-

крайними задачами современного цивилизационного развития, раскрыть вектор их практической реализации – одна из основных задач социальной философии.

Новое видение сущности человека, панорама цивилизационного развития человечества, новые структуры связаннысти всех процессов социального бытия, переход к «новому Просвещению», как фундаменту решения отмеченных проблем в условиях глобализации – вот проблемы, составляющие квинтэссенцию современного социально-философского знания.

Для успешного концептуального обоснования и практической реализации этих проблем необходим не просто новый уровень формирования духовно-нравственного мировоззрения (что тоже крайне важно). Более глобальным процессом (также затрагивающим мировоззрение) является переход к интегральному мышлению – фактически к базовому фактору интеллектуального измерения будущего цивилизационного бытия человечества. Но рекламируемая Римским Клубом единая планетарная гармоничная цивилизация сегодня предстает как мираж, как всего лишь набросок необходимости коренного цивилизационного переустройства, причем идея не опирается на объективные закономерности будущего мира. Такие идеи о переустройстве социального бытия человечества возникают в периоды нестабильности. А сегодняшний мир крайне нестабилен, протекающие в нем процессы глобализации характеризуются столкновением интересов сильных стран мира сего. Следствием выступают тектонические разломы в финансово-экономической и социокультурной сферах, а также геополитическое противоборство.

Критическое осмысление необходимости перехода к новому цивилизационному устройству ставит проблему перед нами: а все ли мы знаем о ноосферной мощности современной информационной цивилизации? Можем ли мы эксплицитно выразить имплицитно заложенный в ней потенциал? Конечно же, нет. И необходимо согласиться с утверждением Т. де Шардена, который писал, что «мы не имеем никакого понятия о возможной величине ее ноосферной мощности... В этом отношении самым неожиданным может быть то, что больше всего ожидается» [1, с. 401].

Вопрос о будущем цивилизационном устройстве общества, несомненно, дискуссионный. А вот переход к «новому Просвещению» – это требование сегодняшнего дня. Некоторые исследователи, например профессор Л. Н. Богатая, считает, что новым здесь является приставка к просвещению, с чем я не согласен. Старое Просвещение было двойственным по характеру. С одной стороны, оно по-новому организовало и ускорило развитие естественных наук, связало их с производством, привело науку к возникновению в ней третьей ветви – технических наук. С другой стороны, в обществе была организована та форма образования, которую Э. Тоффлер в работе «Шок будущего» назвал народным образованием, задачей его была подготовка квалифицированных кадров для построения индустриального общества. В СССР это

вылилось в формы ремесленных училищ, ПТУ и т. д. Мы еще не дали надлежащей оценки этой составной части образования, но без него построить социализм и конкурировать с развитыми капиталистическими странами, практически было невозможно. Стоит только вспомнить достижения страны в космической и военной технике, в металлургии, кораблестроении и т. д.

Переход к «новому Просвещению» объективен, носит поступательный характер. Характеризуя завтрашний мир, Э. Тоффлер пишет замечательную фразу: «Мы не можем втиснуть эмбриональный завтрашний мир в принятые вчера категории. Ортодоксальные социальные установки или настроения также не подходят этому миру» [2, с. 22].

Из составляющих содержание «нового Просвещения», презентируемого Римским Клубом, особое внимание обращено на культтивирование интегрального мышления. Это означает не ограничиваться мышлением аналитическим, которое базируется на исследовании элементарных начал и принципов, в силу которых рассуждения принимают доказательный характер истинности исследуемой проблемы. Тем не менее это не снимает с познавательной картины актуальности аналитического мышления. Аналитика уходит корнями в философию Аристотеля, как раздел логики. Ограничивааясь строгими логическими суждениями, то есть доказательными, рас- судочными, она отделяет их от способа установления их истинности, то есть истина устанавливается путем чисто логического анализа. Исходя из учения Аристотеля, аналитические и синтетические суждения в своем единстве со- ставили основу так называемой разумной рациональности, которая господствовала в науке до середины XVII века. В этот период начинается бурное развитие естественных наук, формируется методология научного познания, а вместе с ней и новый тип рациональности – классический.

В связи с дальнейшим развитием науки, вплоть до 70-х годов XX века, возникают неклассический, а затем и постнеклассический тип рациональности. Смена типов рациональности отражала и смену стилей мышления. «Стиль научного мышления, – отмечает В. К. Лукашевич, – это система наиболее общих познавательных установок, направляющих познавательный процесс в соответствии с определенным способом презентации исследуемой реальности» [3, с. 227].

Концепция «нового Просвещения» утверждает, что детерминирующим стилем мышления должен стать интегральный стиль. В ходе интегрально-го осмыслиения сущности и содержания исследуемой системы повышается уровень ее целостности и организованности. Интегральное мышление увеличивает объем и интенсивность взаимосвязей и взаимодействий между эле- ментами системы, оно расширяет связанность ее частей и функций. В этом кроется ее отличие от агрегации. В агрегатных состояниях системы внутренние переходы сопровождаются скачкообразными изменениями свойств со- держания частей системы. Здесь нетрудно проследить изменения состояния

и свойств системы, она развивается более линейно, предсказуемо. Интегральное мышление решает проблему жизненности, но не просто с формой «старого Просвещения», исчерпавшего свой позитив, а с предыдущими парадигмами образования, ведь и «старое» и «новое Просвещение» – это всего лишь императив в интегральном мышлении, в связи с изменениями целевых установок общества. Необходимо связать воедино мировоззренческий и методологический аспекты для решения глобальных проблем. Следовательно, надо пересмотреть программы ряда дисциплин, исходя из того, что человечество вступает в цифровую эпоху. Значит, необходимо внедрение новых дисциплин, но это не означает, что образованность должна обогащаться только знанием профильных дисциплин, это субъективно зауживает мировоззренческий горизонт. «Связанность» требует расширения этого горизонта через те мотивации, которые формируют у специалистов новое видение прогрессивного будущего человечества, через широкую интеллектуальную подпитку.

Интегральное мышление, как система, должно быть по содержанию вариативным, то есть допускающим изменения своего состояния, содержащим какие-то иные, кроме системно-образующего, отношения в своей структуре. В то же время оно должно выступать как имманентная система: в такой системе системообразующее отношение охватывает только элементы данной системы. Интегральное мышление должно также характеризоваться стабильностью, такая система допускает те или иные изменения системы без разрушения ее в целом. Такое мышление должно быть надежным, устойчивым, должно быть детерминировано познавательными целями субъекта, оно должно быть валидным (то есть обладать огромной преобразующее-познавательной силой по отношению к аналитическому мышлению).

Одним из параметров интегрального мышления выступает его уникальность. Уникальность – это объективное, сущностное, неповторимое свойство системы, содержащее в себе абсолютный момент различия, оно закономерно, релятивно, неопределенno, единично, из него рождается новое качество, которое представляет себя как форма связи предыдущего и последующего стиля мышления, но полностью оно не укладывается в схему трансформации одного стиля мышления в другой.

Выводы. Интегральное мышление как система должно быть вариативным, характеризоваться стабильностью, надежностью, валидностью (обладать огромной силой по отношению к аналитическому мышлению), а также уникальностью, то есть выражать свою специфическую сущность, обусловленную архитектоникой и связью элементов и свойств исследуемого объекта. Оно должно быть исключительным и оригинальным по своим связям с наукой и образованием, своей невоспроизводимостью методологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание.

Несомненно, аналитическое мышление в «новом Просвещении» – это краеугольный базовый фактор формирования специалиста нового этапа общественного развития.

Литература и источники

1. Шарден, П. Т. де. Феномен человека / П. Т. де Шарден. – М. : АСТ, 2002. – 553 [7] с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 781 [2] с.
3. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки / В. К. Лукашевич. – Минск : Современная школа, 2006. – 320 с.

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

И. М. Ратникова

Критическая теория сегодня – это концептуально целостная, активно развивающаяся исследовательская программа современной гуманитаристики, нацеленная на анализ различных аспектов бытия человека в мире в контексте фундирующих их отношений господства-подчинения и способов их обоснования, широко представленная рядом направлений (критическая социальная теория, критическая литературная теория, критическая теория международных отношений и др.), характеризующихся единством философских оснований, обосновывающих ее фундаментальные принципы (рефлексивность, изоморфизм теории и практики, контекстуальность, эмансипационная установка, приоритет вопросов практического разума, антипозитивистская установка). Инвариантное содержание критической теории задано системным подходом к анализу предельных оснований социальной реальности, предполагающим выявление истоков формирования современной цивилизации, раскрытие патологий функционирования ее базовых принципов и ложных форм их легитимации, а также разработку, эмансипационных в своем существе, проектов создания справедливого общества.

К числу наиболее репрезентативных версий современной критической теории по праву можно отнести концепцию справедливости Р. Форста. Будучи учеником Ю. Хабермаса и А. Хоннета, он продолжает и развивает традицию критической теории, в основании которой лежит требование подвергать рефлексии ее ключевые положения, понятия, принципы и границы применения, обеспечивая тем самым систематическую критику своих собственных оснований. Несмотря на то, что в западном интеллектуальном пространстве его идеи пользуются серьезным авторитетом и подлежат всестороннему исследованию, в отечественной науке они все еще остаются малоизученными.

Центральным предметом исследования Р. Форста выступает понятие «справедливость». Тема справедливости являлась ключевой для социальной и политической философии еще со времен «Государства» Платона и выступала предметом специального рассмотрения в теориях Аристотеля, Цицерона, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта и др. Вместе с тем, дискуссии о содержании данного понятия не прекращаются до сих пор и чрезвычайно актуальны в современном социально-философском знании. Многочисленные трактовки справедливости представлены в концепциях Р. Дворкина, А. Макинтайра, Р. Нозика, Дж. Ролза, Р. Рорти, Н. Фрезера, Ю. Хабермаса и других исследователей. Актуальность обращения к теме справедливости во многом связана с интеграционными и миграционными процессами в современном мире, обусловливающими, в свою очередь, поиск максимально оптимальных моделей социального устройства и норм совместного общежития в условиях мультикультурной цивилизации.

Р. Форст видит своей целью разработку целостной концепции справедливости. В своих работах он пытается выявить нормативные и философско-методологические основания критической теории справедливости. Для этого он осуществляет систематическую реконструкцию ключевых положений современной дискуссии либерализма (Б. Аккерман, Дж. Ролз и др.) и коммunitаризма (М. Сэндел, Ч. Тейлор и др.). Критический анализ аргументации обеих позиций приводит Р. Форста к выводу о существовании отдельных нормативных контекстов справедливости, соответствующих каждому из аспектов этой дискуссии: этического, правового, политического и морального. Он убежден, что только такое общество можно считать справедливым, в котором все эти четыре контекста абсолютно равнозначны без приоритета какого-либо из них. В них человек находит себя интерсубъективно признанным посредством осознания своей принадлежности к различным сообществам.

В справедливом обществе право на этическое самоопределение человека легитимизовано и защищено, а закон, в свою очередь, автономен и морально центрирован. В этом смысле правовая «отрицательная» свобода действий и этическая «позитивная» свобода самореализации не исключают, а подразумевают друг друга: закон является защитным механизмом этической идентичности как способности осознавать смысловое содержание целей и ценностей, заданных социумом, а также определять их место и роль в собственной жизни. Этический и правовой контекст неразрывно связаны с контекстом гражданственности и демократической легитимации права в политическом сообществе. Так, закон должен быть легитимирован в политических дискурсах посредством консенсуса граждан, которые являются не только исполнителями закона, но и его творцами. Правовые нормы должны быть не только легитимированы и институционально закреплены, но также реализованы в практике политического сообщества, в которой граждане

осознают свою принадлежность этому сообществу и предоставляют друг другу необходимые условия для личной и политической автономии. Таким образом, граждане создают и реализуют закон, они понимают себя как часть политического целого, за которое они несут совместную ответственность. Солидарность между гражданами не предполагает общности их этических ценностей, но заключается в правовом и моральном признании друг друга в качестве сограждан, равных во всех сферах жизни общества. Этическая, правовая, политическая и моральная автономия оказываются тем самым внутренне взаимосвязанными.

Р. Форст полагает, что концепция справедливости возможна только как концепция практического разума и при условии интеграции всех контекстов. Такая теория выходит за рамки вопроса о соотношении добра или права как основной темы дискуссии либералов и коммунитаристов. Она фундирована принципами разума и интерсубъективистским видением контекстов бытия человека и общества, в которых индивидуальные права обоснованы общностью универсального права. Разрабатываемая им концепция справедливости сущностно находится в фундаментальной оппозиции всякому произволу и направлена на выявление форм господства, основанных на произволе.

Основная цель критической теории справедливости состоит в исключении всяких форм угнетения. Осуществление поставленной цели предусматривает реализацию основного права – права на оправдание. Это право выражает требование отказа от политических или социальных отношений господства и управления, которые не могут быть адекватно оправданы и обоснованы теми, кого они касаются. Протест против несправедливости в своей основе предполагает право не подчиняться законам или институтам, которые не оправданы и не легитимированы в достаточной степени, а, значит, не могут считаться выражением власти. Требование справедливости – это в существе своем эманципационное требование, которое описывается такими терминами, как честность, взаимность, симметричность, равенство. Социальная справедливость, таким образом, должна быть фундирована правом на оправдание. Это, по мнению Р. Форста, лучший способ реализовать кантовский категорический императив уважения людей как цели, а не как средства.

Право на оправдание выступает основанием легитимации социально-политического устройства. Его реализация предполагает реальные возможности самих индивидуумов определять оптимальные нормы и институты взаимно-общим образом. Посредством дискурсивных демократических процедур следует устанавливать, какие блага должны быть выделены, для кого, кем, в каком масштабе и на каком основании. Граждане при этом должны понимать себя как ответственных участников в общем проекте создания справедливого общества.

Таким образом, концепция справедливости в рамках современной критической теории включает следующие аспекты: во-первых, анализирует генезис и характер современных социальных отношений, особенно отношений неравенства; во-вторых, выявляет ложные и противоречивые основания оправдания социальной несправедливости; в-третьих, указывает на необходимость оправдания, которое соответствует критериям взаимности и общности; в-четвертых, призывает к практике оправдания социальных и политических отношений на разных уровнях, начиная с локального и заканчивая транснациональным уровнем в контексте глобального мультикультурного сообщества.

Литература

1. Forst, R. Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism / R. Forst. – Los Angeles : University of California Press; 2002.
2. Forst, R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification. In: Honneth A. Critical essays: with a reply by Axel Honneth / R. Forst. – Leiden, Boston : Brill, 2011. – P. 303–321.
3. Forst, R. The Right to Justification / R. Forst. – New York : Columbia University Press, 2007.

ACADEMIC INTEGRITY КАК ИДЕОЛОГИЯ В ПРАКТИКЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

P. M. Рогожа

В систему школьного образования последние годы настойчиво внедряется идея академической честности (*academic integrity*). Своими корнями идея уходит в систему высшего образования. Апелляция к ценностям, призывы членов академического сообщества следовать им стали неотъемлемой частью идеологического воспитания. В таком ракурсе очевидно проблематизируются и смыслы академической честности в системе школьного образования, и рассмотрение академической честности как идеологии.

Идеология, как ее определил автор термина Д. де Тресси в 1796 г., была учением об идеях, наукой о создании, выражении и распространении идей. Объединенные в «Институт» французские интеллектуалы-идеологи стремились взять под контроль познание и общение человека во имя преобразования мира к лучшему [1, с. 67–68]. Они фокусировали внимание на работе с идеями в политической плоскости, чтобы так же, как в античности философы, направлять политиков [2, с. 14]. Однако история философской мысли свидетельствует о том, что дальнейшее развитие идеи часто идет в направлении, противоположном тому, которое определили для нее те, кто стоял у

ее истоков. Научная работа с идеями проводилась в таком русле, что К. Манхейм в «Идеологии и утопии» вынужден был разоблачать ее как ложное сознание [1]. Особенности понимания, критики и различного рода преодоления идеологии составляют серьезный сегмент социально-политического дискурса XIX–XX веков. На современном этапе социокультурного процесса в социогуманитарной сфере очевидной представляется тенденция к преодолению сугубо политической трактовки идеологии и распространению ее на сферы искусства, науки, техники, экономики, права [2, с. 14]. Во внеполитических сферах идеология оперирует своими традиционными инструментами: теориями, идеями, идеалами, ценностями, идейными программами и специальными символами, мифами и утопиями. Именно в таком синтезе ценностно-императивных составляющих идеология выполняет свои функции: мобилизационную, нормативно-регуляторную, контролирующую, – которые задают определенное направление воспитанию и санкционируют определенные стратегии действий (более детально о идеологии в таком ключе [3, с. 82–83]). При этом идеология тогда полностью выполняет свою миссию, когда является в теневой, латентной, непрограммированной форме, когда она является не только частью дискурса, но и стоит «за кадром» рассуждений / дебатов о ней (в таком ключе рассматривает идеологию А. В. Рубцов [2, с. 99]).

В свете изложенного академическая честность представляет собой типичный идеологический инструмент воздействия. В научный дискурс понятие академической чести было привнесено американскими учеными, которые в 1990-е годы активно обговаривали проблематику *academic integrity*. На русский язык термин переводится преимущественно как «честность», но его многозначность обуславливала необходимость указывать англоязычный оригинал в скобках рядом с русским переводом. Р. Г. Апресян в реферате работы по академической этике дает перевод *integrity* как добросовестности [4]. Оксфордский словарь разъясняет значение слова *integrity*: качество быть честным и иметь твердые моральные принципы, моральная прямота [5]. Когда Р. Г. Апресян предлагает свой перевод, он указывает на смыслы, соотнесенные с вышеупомянутыми: «*Integrity* – это, конечно, целостность, но также и честность, искренность, прямота; в специфическом этико-прикладном аспекте – добросовестность» [4, с. 228]. В целом, речь идет о таких качествах, как честность, правдивость, твердость, возникающих в условиях сознательного следования взятым или возложенным обязательствам. Необходимо обратить внимание на второй корень слова «добросовестность» – «совесть». Это традиционное для этической теории понятие, характеризующее «способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [6, с. 312]. Все эти смыслы, установки, ценности в идее академической чест-

ности призваны ориентировать деятеля на осознание и оценку собственных действий – обязательность, добросовестность в академической среде.

Академическая честность определяется в терминах правдивости, доверия, честности, уважения, ответственности, законности. Каждый из параметров академической честности определяется соответствующими требованиями. Правдивость основывается на требовании получения знаний, включенности в поиск истины, интеллектуальной честности в учебе. Доверие задается требованием формирования особой атмосферы путем поддержки свободного обмена идеями и возможностью реализовывать свой образовательный потенциал. Честность полагается на требовании создания прозрачных институциональных норм и процедур, а также налаживания взаимодействия между членами учебного сообщества. Уважение, как моральное качество, связано с требованием взаимоуважения во имя познания и образования. Законность предусматривает соблюдение действующих правовых норм авторского права, прав интеллектуальной собственности третьих сторон, средств и условий, регулирующих доступ к образовательным ресурсам. В таком ракурсе законность задает моральную установку: морально быть законопослушным. Такая смысловая нагрузка понятия академической честности прочитывается в одном из этических документов, циркулирующих в образовательном пространстве Европейского союза [7].

Все эти принципы поясняются примерами, случаями, вокруг которых формируются своего рода мифы о следовании и пренебрежении требованиями с последующими нравоучительными (назидательными) выводами. Например, в «Руководстве для студентов по академической честности в Массачусетском технологическом институте» даны подробные разъяснения целей и задач следования принципам академической честности, а также подробно описаны случаи их нарушения. В результате освоения материала этого методического пособия студент должен составить внятное представление о том, что такая академическая честность, как ее достичь и практиковать и каковы морально недопустимые действия в этой сфере [8].

Потенциал академической честности в системе школьного образования еще только проясняется. В общем «Руководстве академической честности» представлена статья Д. Б. Вангаард, в которой академическая честность в школе определяется в таких модусах: 1) содействие преподавательской компетентности в поддержку академической честности; 2) продвижение стратегий по созданию учебной среды мастерства; 3) создание кодексов чести; 4) выявление оправданий; 5) внедрение планов сопротивления мошенничеству учеников; 6) развитие нравственной идентичности ученика; 7) создание в школе культуры академической честности [9].

Внедрение идеи академической честности в практику средней школы за- дает высокие моральные стандарты деятельности учителя. В то же время она может способствовать искоренению мошенничества учеников в учебном

процессе, что объективно приведет к повышению качества подготовки учеников к дальнейшей жизни вообще и обучению в университетах, в частности. Важно поддерживать и развивать идею академической честности как идеологию – она способна формировать у широких слоев населения устойчивые представления о ценностях правдивости, доверия, честности, уважения, ответственности, законопослушности в учебном процессе, в частности, что имеет большие перспективы для решения ряда задач в социогуманитарной сфере общества.

Литература

1. Манхейм, К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 7–260.
2. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. – М., 2018.
3. Семигин, Г. Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. – Т. 2. – М., 2010. – С. 79–83.
4. Апресян, Р. Г. Macfarlane B. Teaching with Integrity; the Ethics of Higher Education Practice. – L.–NY : Routledge Falmer, 2004. – 184 р. (реферат Р. Г. Апресяна) // Ведомости. – 2005. – Вып. 26. – С. 228–238.
5. Integrity // English. Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <http://en.oxforddictionaries.com/definition/integrity>.
6. Словарь по этике [под ред. И. С. Коня]. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1981.
7. Code of Ethics in Academic Research European University Institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eui.eu/Documents/ServicesAdmin/DeanOfStudies/CodeofEthicsin. – Дата доступа: 28.06.2019.
8. Brennecke, P. Academic Integrity at MIT. A Handbook for Students / P. Brennecke. – MIT Press, 2016.
9. Wangaard, D. B. Practices to Support Developing Academic Integrity in Secondary School Students // Handbook of Academic Integrity; [ed. by T. Bretag]. – Springer Reference, 2016. – Р. 429–448.

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

E. A. Ротмирова

Сегодня супраментальную парадигму культуры объединяет маргинальный концептуализм, выступающий инструментом структурирования символических кодов в инновационных вариантах смешения форм и стилей творчества; выросший из социальной модели взаимодействия субкультур и этнообразований в историческом времени [1]. Ценность творчества реанимируется и становится новой культурной традицией, а инновации, адресованные проектируемому будущему, ожидаются как востребован-

ные культурой, при условии сохранения социальности, культурно-духовных ориентиров [1]. Семиотическое представление культуры отражает жизненный мир в зерном форме, усиливая в современной социокультурной ситуации доминанту изобразительных, зрелищных знаковых систем над абстрактно-символическими [2], где знак-изображение (графический, акустический, пластический) репрезентируется зренiem, слухом или выступает как осязаемый объект [3]. Изображения предстают в единстве знаков, обусловленных требованиями, присущих как архитектуре, так и живописи, графике, скульптуре, декоративному и сценическому искусству, дизайну. Изобразительные искусства формируются в интегративные группы общностью видов и образных средств (линия, цвет, тон, объем, пространство, фактура и др.). Характер процесса изображения непосредственно зависит от материалов, воплощающих изобразительную идею, а их оформленная комбинация обеспечивает как реальные, так и ассоциативные, фантазийные образы [4].

Если наука использует понятия и делает выводы в форме законов, то изобразительное искусство в качестве инструмента отражения и выражения опирается на образы [5]. То есть если художник-график или живописец отображает образы изобразительно-обобщенные и типические, то фотограф бессилен в преодолении акта автоматичности. В изобразительном искусстве важен прием типизации, который по аналогии с научным абстрагированием выражает общее через частное, помогает обнажить в отдельном явлении тенденции и черты. В современной социокультурной ситуации исторически сложившиеся виды (живопись, графика, скульптура и др.) в совокупности изобразительных процессов интегрируют или сливаются, выполняя задачу перехода из ментального в материальный, материализованный или интеллектуальный образ; движения из пространства индивидуальных помещений в музей, открытое пространство и наоборот. Содержание и форма, как ведущие изобразительные императивы, преобразуются и гарантируются запасом сообразности, эстетизации нового, модификации элементов устоявшихся форм. При этом внутренняя пространственная оформленность, как и временная, не завершается зрительной законченностью, художественно-творческое мышление позволяет ассоциативно воспринимать предметную форму и содержание произведения, выступающее как упорствующая событийная напряженность возможного [6].

Специфика содержания объектов изобразительного искусства обуславливает его внутренний продукт как целостность логического и образного, эмоционального и рационального, материального и духовного, теоретического и практического; внешний продукт – связанное с преобразованием субъектов восприятие художественного объекта; предмет – деятельностный образец с присущей образностью, метафоричностью, эмоциональностью [7], а в составе его областей видится как станковая и монументальная живопись, скульптура, так и декоративное искусство, книжная и станковая графика. Как пола-

гает Б. М. Неменский [5, с. 1], в визуально-пространственном рассмотрении процесс изображения выступает как одна из форм культуры современного общества, которая порою его упрощает до уровня визуального, слаживая отдельные конструктивно-моделирующие, мыследеяностные функции. Хотя, по мнению В. М. Розина [8], визуальная культура и восприятие определяют механизмы видения и понимания мира как феноменов деятельности, художественное видение опосредует изображение до процедур воплощения образа. Образное отражение мира выступает как личностное мироотображение в системе процессов рационального и эмоционального воспроизведения объектов во внешних и внутренних проявлениях [9]. Как утверждал Л. Б. Переверзев, в изобразительной культуре понятие «образ» воплощается в единстве понятий «изображение» и «выражение» («образ» = «изображение» + «выражение») [3, с. 87]. Безусловно, важно не сколько видение, но и процесс выражения-изображения, где язык изобразительного искусства выступает как особое средство эмоционально-чувственного выражения образов. С точки зрения О. И. Генисаретского [10], смысл визуализации состоит в описании достижения видимости информации и социокультурном упорядочении среды; созерцания как отношения визуальной установки и ее эйдетического пространства, опираясь на ценностно-творческую и символическую способности прообразов.

В силу терминологической неопределенности изобразительная сфера не-произвольно утрачивает свой оптимальный изобразительный код (соответствующий выразительно-изобразительной форме), хотя важно не какой код в принципе должны заключать изображения, а какой единственный есть по сути [3, с. 47]. В общем понимании изображение представляется как часть саморазвивающейся системы общей культуры, пространство художественно-творческих и духовно-материальных сфер и замыслов [8 и др.]. Изобразительный процесс видится как процедура выхода «из образа», где, по М. М. Бахтину [6], эстетическое событие раскрывает термин импрессивной эстетики «изображение», характерный для пространственных и временных искусств, гарантирующий перенос центра тяжести с доминирующего объекта изображения на самого автора. Объекты архитектурного, дизайнерского, декоративного, живописного, графического, скульптурного, изобразительно-сценического творчества оперируют изобразительными материально-прикладными средствами, в отличие от изображаемых словом объектов эстетического видения [6]. Эти обстоятельства диктуют историографическую обусловленность развития и понимания ценностей культуры изображения. В настоящее время в силу рыночно ориентированной востребованности и практической направленности видов изобразительного искусства прикладным может быть не только декоративное, но и скульптура и архитектура. Механика аксиологии изображения привела к тому, что, желая быть первыми, непохожими и оригинальными, художники уходят от тех форм, которые

способны сохраняться во времени, от «инертной массы обработанного материала», что обуславливает появление арт-объектов, имеющих недолгий срок инсталляции или перформанса либо созданных из временных, хрупких материалов [1, с. 151].

Б. М. Неменский изобразительный процесс идентифицирует с пластическим в системе художественно-изобразительных манер, как постоянных и утвердившихся визуально-пространственных, пластических способов действий, объединенных законами художественной педагогики [5]. Изобразительная потребность личности, познающей реальность окружающего мира, воплощается с помощью создаваемых изобразительных объектов-знаков, где знаковость выступает в качестве грани мышления, в виде механизма «умного делания», так как «знак» одного корня со «знать», «знаменить», поэтому важно узнать, познать, запомнить и наполнить содержанием, сутью, осуществить [1, с. 152]. В результате, интегративно-развивающаяся специфика изображения, как формы культурно-духовного освоения реальности, может раскрываться через сущностное рассмотрение совокупности ценностно-осмысленных, культуро-творческих изобразительных актов, а процесс ее развития – через компоненты и возможности реализации. Соответственно, изобразительная культура в рамках подсистемы художественной культуры, проецируясь в художественно-эстетическую сферу, выступает как одна из качественных характеристик человеческой жизнедеятельности, допускает ее рассмотрение в контексте адекватности культуре изображения.

Литература

1. Регинская, Н. В. Ориентиры художественного позитивизма / Н. В. Регинская // Искусство в XXI веке : сб. статей (Труды СПбГУКИ ; Т. 192) / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств ; под общ. ред. Ю. И. Арутюнян. – СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2012. – С. 150159.
2. Позняков, В. В. Типовое сходство современных культур / В. В. Позняков // Актуальные проблемы мировой художественной культуры : мат-лы Междунар. науч. конф., посв. пам. проф. У. Д. Розенфельда, г. Гродно, 25–26 марта 2010 г. – Ч. 1. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 1322.
3. Переверзев, Л. Б. Искусство и кибернетика / Л. Б. Переверзев. – М. : Искусство, 1966.
4. Нестеренко, О. И. Краткая энциклопедия дизайна / О. И. Нестеренко. – М. : Молодая гвардия, 1994.
5. Неменский, Б. М. Педагогика искусства. Видеть, ведать и творить / Б. М. Неменский. – М. : Просвещение, 2012.
6. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества // М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979.
7. Прокофьева, И. В. Формирование готовности студентов вузов искусств и культуры к художественно-педагогической деятельности: автореф. ... дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / И. В. Прокофьева; ТГУ. – Тюмень, 2002.
8. Розин, В. М. Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир / В. М. Розин. М. : УРСС, 2004.

9. Краснова, Н.Н. Особенности изобразительной деятельности в специализированных общеобразовательных школах художественного профиля Украины / Н. Н. Краснова // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 214–215.

10. Генисаретский, О. И. Философия проектности: из истории проектной культуры второй половины XX века / О. И. Генисаретский. – М. : Ленанд, 2016.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

А. В. Рубанов

В объяснении механизма и направленности развития общества доминирующими в современной науке становятся два подхода. Первый из них заключается в акцентировании социально-преобразующей роли человека, действий социальных групп и движений, их смысло-порождающей деятельности (А. Турен, Н. Элиас, П. Бурдье, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Александр и др.). Второй состоит в подчеркивании множественности, своеобразия путей развития различных человеческих сообществ (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон и др.).

Оценивая новые тенденции, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории. Этот парадигматический сдвиг состоит в переходе от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (*social becoming*), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [1, с. 69].

При такой интерпретации механизма социальных изменений вполне естественными являются следующие вопросы: на чем основываются и чем определяются те или иные сценарии развития, кто их выбирает, когда сделанный выбор является эффективным и т. п.

Первое известное объяснение этого феномена мы находим у А. Дж. Тойнби в связи с его законом Вызыва-и-Ответа. «Общество, пишет он, в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов» [2, с. 108]. «Вызов, – продолжает он, побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [2, с. 119–120]. Выработка адекватной реакции на вызов исторической ситуации принадлежит «творческому меньшинству». Реализация большинством предлагаемого ответа осуществляется благодаря подражанию.

Согласно марксистскому подходу, системообразующей проблемой, через решение которой обеспечивается социальный прогресс, является преодоле-

ние несоответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил. Разрешается это противоречие в результате классовой борьбы и социальной революции.

Д. Белл, отмечая, что любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества, подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми оно сталкивается в разные исторические периоды. «В индустриальном обществе, пишет он, главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения... В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория» [3, с. 157–159].

В современной научной и социальной лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ним по своей смысловой нагрузке пары понятий: «риски и возможности» или «угрозы и шансы» становятся ключевыми. Так, в последние годы знаковой стала формула «Глобализация: вызовы и ответы». При всем разнообразии вызовов (проблем), с которыми сталкиваются человеческие сообщества, особое значение имеют те из них, которые воплощают общесистемные процессы, замыкающие на себя наиболее общие вопросы функционирования и развития общества. О. Конт рассматривал эти общесистемные процессы как взаимосвязь двух первооснов общественной жизни: социальной статики и социальной динамики. В русле его подхода отметим, что основополагающие вопросы функционирования и развития общества возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: способа человеческой жизнедеятельности и порядка организации общественной жизни.

Инициирующую роль во взаимодействии этих оснований играет развитие способа жизнедеятельности людей. Так, субъективной основой перехода от уравнивающей первобытной коллективности к древнему обществу стало утверждение приоритета личных мотивов людей и индивидуальных путей их достижения. Уход от традиционного общества был связан с преодолением строгой заданности мотивов и способа жизни, которая связывалась с космическим роком, судьбой, социальным происхождением, обычаем и т. п. Альтернативой стало приобретение человеком права на свободный выбор жизненных целей, что привело в итоге к образованию нового социального порядка, основанного на сочетании гражданского общества и правового государства.

Приведение в соответствие способа человеческой жизнедеятельности и порядка организации общественной жизни не гарантируется никаким социальным законом, а представляет собой результат вполне осознанной дея-

тельности людей. Законом является сама необходимость данного действия. При его отсутствии или малой эффективности социальная общность приходит в упадок, гибнет. Это подтверждают и циклическая парадигма объяснения общественного развития, и реальные исторические события.

По своему содержанию и способам воздействия саморегулирующее человеческое влияние вариативно. В этом причина того, что оно может носить своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ведущих ветвей социокультурной традиции, каждую из которых отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения. Как известно, индуистско-буддистской традиции присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской свойственно «приспособление к миру», а иудаистско-христианской – ориентация на «овладение миром».

Соответственно, объяснить разнообразие путей человеческой истории можно таким образом. Перед каждым человеческим сообществом стояла задача организации совместной жизнедеятельности людей. Потенциальная вариативность в ее решении предопределила появление отличий в мировоззрении и культуре, способе жизни людей и порядке организации социума, в конечном счете – многообразие культур и цивилизаций.

Вполне естественным является вопрос о том, в чем должно состоять саморегулирующее воздействие современного человеческого сообщества в ответ на общепланетарные экономические, социальные и экологические вызовы.

Как нам представляется, до сих пор основную линию развития общества преимущественно определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей. В соответствии с ним проходила институционализация новых форм жизни и порядка социальной организации. В новых условиях именно способ жизнедеятельности, ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком.

Вполне естественно возникает вопрос, на какую систему ценностных координат следует ориентироваться? Назовем самые известные из них: эгоизм – альтруизм, индивидуализм – коллективизм, дилемма «иметь или быть».

Выработка следующей системы ценностных координат связана с именем И. Канта. Как известно, одна из формулировок категорического императива Канта гласит: поступай так, чтобы человечество и в твоем лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда только как средство.

Данное высказывание можно проинтерпретировать и таким образом, что широкое распространение противоположной жизненной практики имеет свои последствием возникновение социокультурной традиции, в основе которой находится точка зрения, даже культа средства. Альтернативой культу

средства является утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира. На смену культу средства должен прийти провозглашенный А. Швейцером культ жизни. Таким образом, данная система ценностных координат носит следующий альтернативный характер: жизнь средство – жизнь самоценна.

Литература

1. Штомпка, П. Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.
2. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Тойнби. М., 1991.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М., 1999.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

З. Г. Рудёнок

Одним из ключевых инструментов общества является образование. Следовательно, реализация одного из главных направлений развития Республики Беларусь – формирование экономики знаний, должна обеспечиваться, в том числе и в сфере образования. Обозначенное направление развития предполагает переход от обучающих мероприятий к созданию развивающей среды и превращение знаний в основной капитал. Процесс развития такой экономики заключен, в частности, в производстве инноваций и высококачественных услуг. Более того, инновации в сфере образования являются фундаментом экономики знаний.

Генерация и внедрение инноваций базируется на понимании специфики образовательного пространства, ее проблем и перспектив. На сегодняшний день содержание образования и применяемые образовательные технологии не всегда отвечают задачам и требованиям современности, обеспечивая воспроизводство недостаточно актуального и неконкурентоспособного результата на мировом рынке образовательных услуг. Экспериментальная деятельность в рамках учреждений образования позволяет наиболее эффективно внедрять инновации в образовательное пространство, а далее и во все сферы общества, обеспечивая тем самым своевременное достижение целей, направленных на развитие Республики Беларусь.

Идеи экспериментальной деятельности в основном рождаются из педагогической практики, в которой возникают проблемы и несоответствия, требующие решения. Ускорение темпов жизни современного общества, изменчивость и неопределенность, характеризующая современность являются

принципиальным фактором для постоянного возникновения данных несоответствий. [1, с. 114]. Одним из существующих несоответствий является отсутствие в содержании образовательных программ тематики, направленной на финансовое образование подрастающего поколения и необходимости применения творческой практической деятельности в экономической сфере. Учитывая данное противоречие, актуальным представляется экспериментальный проект «Апробация методики формирования основ экономической культуры у детей дошкольного возраста». Уровень экономической культуры создает материальную базу для развития других сфер культуры. В дошкольном возрасте закладываются первоосновы ее формирования [2, с. 49].

Динамическое участие в будущем подрастающего поколения обеспечивается теми методологическими подходами и принципами к образованию, которые позволяют не воссоздавать существующую модель в будущем, а грамотно и эффективно ориентироваться в условиях сложности и неопределенности.

Использование интегративного подхода в образовательной сфере, сущность которого предполагает обоснование ведущей идеи целостного личностно ценностного становления педагога в образовательном процессе [3, с. 206]; реализация компетентностного подхода, как совокупности общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов [4, с. 5] позволит педагогу ориентироваться в больших потоках информации, использовать знания из разных областей науки и тем самым обеспечить фундаментальный сдвиг в подходах к образовательному процессу.

Инновационная педагогическая деятельность, формируя прогрессивное начало по сравнению со сложившейся практикой, требует высокой активности педагога, профессионализма, творческого начала. Ориентация на формирование и развитие у подрастающего поколения способности ставить новые вопросы, вырабатывать разнообразные аргументы, давать нестандартные ответы достигается через собственную заинтересованность педагога. Создавая ситуацию сотрудничества, устанавливая диалог с воспитанниками, обеспечиваются условия для формирования экономической культуры. Использование интерактивных методов в работе с воспитанниками помогает не только эффективному осмыслению, повышению мотивации, но также и повышают ценность осмысленной информации, формируя тем самым экономическую культуру личности.

Современные теории в области экономики предполагают подходы, отражающие понимание того, что изолированные проблемы в разных сферах общественной жизни взаимосвязаны и могут создать комплекс возможностей. Таким образом, объективные проблемы в экономике и образовании в своей взаимосвязи создают ресурс продвижения к экономике знаний.

Литература

1. Рудёнок, З. Г. Самореализация педагога в инновационной деятельности как условие формирования профессиональной компетентности [Электронный ресурс]. – Научное электронное издание. Профессиональные компетенции современного руководителя как фактор развития образовательной среды, II Международный научно-практический семинар, Минск, 25 апреля 2019. – Минск, 2019 – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Давидович, А. Л. Роль дошкольного образования в достижении целей устойчивого развития / А. Л. Давидович, Е. И. Смолер // Праклеска. – 2018. – №11 (327). – С. 47–50.
3. Галицких, Е. О. Интегративный подход как теоретическая основа профессионально-личностного становления будущего педагога в университете. – СПб. – М., 2001.
4. Лебедев, О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С. 3–12.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Э. И. Рудковский

Информационное общество является одним из проявлений глобализационных процессов и в то же время важнейшим фактором их углубления и нарастания. Они затрагивают все сферы общественной жизни, изменяют их динамику, направленность и интенсивность взаимодействия стран и народов, устои образа жизни людей. Глобализация, безусловно, имеет целый ряд позитивных сторон: углубление экономических связей, социальная подвижность населения, рост уровня жизни, широкий доступ к информации. Однако глобализация – это как новые возможности, так и новые вызовы. Формирующееся единое информационное пространство резко вторглось в жизнь человеческого общества. Его нельзя сводить лишь к технологическим аспектам, поскольку информационные процессы имеют существенные социальные характеристики. Нельзя не согласиться с тем, что в информационном обществе «ускоряются процессы изменчивости жизни, обостряется чувство неустойчивости происходящего, нарушаются процессы принятия решений. Рецепты прошлых поколений не работают, людям приходится создавать собственные. Изменения затрагивают производственную деятельность, повседневную жизнь людей, межличностные отношения» [1, с. 14]. Иными словами, существенно изменяются ценностные измерения образа жизни, форм жизнедеятельности людей.

Влияние информационного общества на образ жизни многоаспектно:

– стандартизация жизнедеятельности людей, инфляция духовных ценностей. Размываются пределы допустимого и недопустимого. На Западе

возобладала либертарианская идеология, которая легализирует претензии меньшинства на всеобщую дискриминацию «неэффективного» большинства общества. Речь идет об измельчании личности в современном мире, ее нивелировке обществом потребления.

В итоге люди все больше становятся похожими, внутренне колонизированными, ориентированными на определенный стандарт жизнедеятельности: одинаково питаются, одеваются, думают одинаково;

– господство потребительской психологии. Сбылось предостережение Э. Фромма: для многих «иметь» и значит «быть». Люди стали объектом мощной кампании по формированию через СМИ меркантильных жизненных ценностей. В результате деньги, эпатаж, вычурность становятся единственным мерилом успеха в обществе.

Подвергаются переоценке базовые ценности человеческого бытия: долг, честь, совесть, традиционные устои семьи. Запад стал прививать мультикультурализм, однополые браки и т. д. Конъюнктурные ценности все больше завоевывают духовное пространство, а через интернет проникают на постсоветское пространство;

– атомизация общества. Общение людей все больше становится виртуальным, «общением одиночек» среди миллионов. Как и предсказывал Г. Маркузе, стал реальностью одномерный человек. Проблема одиночества – важнейшая философская, социальная и социально-психологическая проблема;

– многократно усилилась манипуляция сознанием людей. Информационные технологии, СМИ превращают общественные проблемы в упрощенную модель, но делают это, в отличие от науки, не с целью познания, а с целью манипуляции сознанием человека, десакрализации и дегуманизации мира. Появилось такое явление, как информационное насилие, киберпреступность, информационный терроризм. Сетевые технологии стали средством ведения информационной войны. В результате появляется раздвоенный тип человека: человек знающий и человек манипулируемый, живущий в виртуальном пространстве и недостаточно социализированный. Идеалом человеческой личности является не духовно богатый человек, а преуспевающий бизнесмен, менеджер, а то и просто делец, способный делать деньги.

Взаимодействие социальных сетей, их конкуренция становится важным фактором перемен (не всегда конструктивных) в обществе. Часто социальные сети становятся лишь средством развлечения, но не обсуждения важных социальных, нравственных, политических проблем.

Процесс становления образа жизни в новой информационной среде, не подкрепленной в достаточной мере нравственными и правовыми нормами, порождает неизвестные ранее формы негативного, девиантного поведения. Современная сетевая среда формирует особую субкультуру, значительно меняет виды социальных взаимоотношений, особенно в молодежной среде.

Человек массы утрачивает роль ответственного субъекта общественных процессов, становясь одним из сетевых заложников манипулятивных сценариев;

– идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР. Исчезло идеологическое ядро, вокруг которого группировались члены общества. Важно помнить, что одними экономическими средствами и материальными стимулами стоящие перед обществом проблемы не решить. Без идеологических ориентаций нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию совершенствования образа жизни людей и реализовать ее.

Нынешний образ жизни населения постсоветского общества можно считать переходным. С одной стороны, сохранились традиции и характерные черты советского образа жизни, носителями которых является поколение людей, живших в СССР. В то же время появились те формы жизнедеятельности, которые сформировались уже в постсоветское время. Они стали составной частью образа жизни современного общества. К примеру, молодежь все больше воспринимает ценности западного образа жизни, его стереотипы, транслируемые процессами глобализации. Однако следует учитывать то, что называют западными ценностями, – это информационно-идеологический концепт.

Дальнейшее совершенствование образа жизни людей в трансформационном обществе будет определяться качеством системы ценностей социума, выработки цивилизованных форм контроля за сохранением традиционных духовных ценностей, культурного кода народа и распространением инноваций в сфере культуры. Важную роль здесь играет противодействие деструктивным информационным влияниям на общественное сознание, формирование правовой, гражданской и политической культуры членов общества, их толерантности. Толерантность – это особое духовное качество, жизненная позиция, проявляющаяся в готовности людей к сотрудничеству с представителями других социальных групп. Вместе с тем она не означает безусловного согласия с иными духовными ценностями и политическими пристрастиями. Она не совместима с тем, что противоречит общечеловеческим ценностям, принципам достоинства и свободы личности. Для государства толерантность – это принцип управления, для граждан – это гражданская добродетель, важнейшая черта образа жизни.

Решение многочисленных общественных проблем предполагает использование и учет реалий информационного общества, но не в ущерб национальным духовным ценностям, которые не исчерпали себя в качестве основы будущего развития социума. Социальный транзит неизбежен, и он предъявляет требования к каждому этносу, стране: создавать новые формы бытия людей на основе базовых этнических ценностей. Нигилизм в оценке национально-государственной самобытности образа жизни означает духовную деградацию, утрату жизненных импульсов и перспектив.

Литература

1. Юрьев, В. М. Человек в информационном обществе: новые возможности и перспективы / В. М. Юрьев, М. С. Чванова // Гаудеамус. – 2014. – № 2 (24). – С. 13–24.

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО РАЗВИТИЮ УЗБЕКИСТАНА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Д. Ш. Сагдуллаева

Модернизация общества является сложным процессом, при котором происходит обновление всех сфер деятельности человека и общества, переход от традиционализма к современности, достижение нового высокого уровня развития, а также парадигмальное обновление в науке. Модернизация и либерализация являются основными процессами, происходящими в странах постсоветского пространства.

Сегодня в Узбекистане осуществляется построение гражданского общества, обеспечивающего соблюдение прав и свобод человека, духовное обновление общества, интеграцию в мировое сообщество. Независимому Узбекистану обновление и модернизация узбекского общества нужны для воспроизведения системы социальной и политической справедливости, для свободного самоощущения узбекистанцев, для того, чтобы создать соответствующие государственно-политические условия для построения общества, соответствующего долгосрочным стратегическим целям нашего народа.

Концепция “узбекской модели”, теоретически и практически обоснованной первым Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым, сыграла важную роль в обновлении общества, модернизации и реформировании страны. В настоящее время логическим продолжением реформ по дальнейшей демократизации и модернизации страны является Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям в 2017-2021 гг., разработанной Президентом Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёевым на основе глубокого анализа социальной действительности. Стратегия действий предполагает дальнейшее углубление реформ по следующим пяти направлениям: 1. Совершенствование государственного и общественного строительства; 2. Обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы; 3. Дальнейшее развитие и либерализация экономики; 4. Развитие социальной сферы; 5. Обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики [1]. Процесс модернизации с учетом данных направлений реформ протекает в виде экономических, социально-политических, культурно-духовных преобразований.

В настоящее время принцип роста социального производства в тесной связи с наукой стал объективной реальностью для современной модерниза-

ции. Каждая страна, вне зависимости от занимаемой территории и природных условий, для успешного проведения модернизации опирается на интеллектуальный потенциал общества, развитую науку как источник технологических новшеств и среду их внедрения.

Уровень модернизации определяется состоянием, структурой экономики и науки, а также целями политического, социально-экономического развития общества. Осуществляемые в нашей стране меры по повышению интеллектуального потенциала, развитие науки, в частности естественных дисциплин, служат единой цели – Узбекистан должен быть конкурентоспособным на мировой арене в сфере науки, интеллектуального потенциала, современных кадров, высоких технологий [2].

В Узбекистане последовательно реализуются процессы политической модернизации, характеризующиеся развитием и совершенствованием таких институтов как парламент, политические партии, общественные организации и объединения. Формирование нового политического уклада неразрывно связано с уровнем политической демократии, либерализация же социально-политической жизни страны связана с укоренением принципов демократии в сознании граждан, их политической активностью, культурой и самосознанием. Стратегическое значение данных задач выражено в укреплении демократических принципов в социально-политической жизни общества, сформированности политической позиции народа. Это, в свою очередь, требует совершенствования механизмов, форм и методов осуществления политической демократии, либерализации деятельности политических партий, обновления принципов государственного управления, усиления роли политических партий в дальнейшей демократизации и модернизации страны.

Первое приоритетное направление Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан из пяти приоритетных направлений в 2017-2021 гг. предполагает совершенствование государственного и общественного строительства, направленное на дальнейшее усиление роли парламента и политических партий в углублении демократических реформ и модернизации страны, реформирование системы государственного управления, соблюдение таких важных принципов демократии, как свободное волеизъявление народа, повышение социально-политической активности населения, подотчетность избранных органов перед избирателями.

На современном этапе модернизации Узбекистана особое значение приобретают вопросы внедрения в практику механизмов общественного контроля, реализации мер по усилению роли массовых средств информации и институтов гражданского общества. В частности, внедрение порядка внесения коллективных электронных обращений путем организации специальной веб-страницы “Мое мнение” в сети Интернет является новым механизмом реализации прав граждан в управлении государством. Институт внесения коллективных электронных обращений (электронных петиций) является пе-

редовым механизмом демократии, служит выражению воли народа, обеспечению ответственности государственных органов и должностных лиц перед обществом и гражданами. Он применяется в мировой практике с 1999 года. Внедрение данного института не только позволяет сблизить народ с государственными органами, но и служит вынесению вопросов, которые затрагивают население, на рассмотрение парламента и выработку соответствующих решений.

Вместе с тем, социальная модернизация включает в себя формирование открытого общества. Данный процесс выражается в формировании стабильной сбалансированной дифференциации общества, высоких показателях массового потребления, увеличении продолжительности и росте качества жизни, возникновении и развитии институтов гражданского общества. Системные изменения в управлении демократическим государством тесно связаны с развитием институтов гражданского общества, делегировании некоторых полномочий в управлении, дальнейшее укрепление их правового статуса и совершенствование деятельности.

Таким образом, либерализация и модернизация всех сфер жизни общества являются важными факторами формирования справедливого демократического гражданского общества. Данные процессы имеют эволюционный характер и осуществляются, исходя из особенностей каждой страны. Вместе с тем, следует отметить, что результаты качественных преобразований, осуществленных с целью достижения более высокого уровня развития социальной жизни не всегда могут служить прогрессу. Основными факторами достижения новых высот, обновления экономики и социальной жизни страны являются совместная рациональная работа граждан и государства, основанная на мировом и национальном историческом опыте, самоотверженный труд народа во благо своей Родины.

Литература

1. Стратегия действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан по пяти приоритетным направлениям в 2017–2021 гг. // Народное слово. – 2017. – 8 февр.
2. Мирзиёев, Ш. Олий Мажлис Сенати ва Қонунчилик палатаси аъзоларига Мурожаатнома / Ш. Мирзиёев // Халқ сўзи. – 2017. 23 дек.

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЦВЕТОМ КАК ФАКТОР МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В ЭКОНОМИКЕ БРЕНДА

O. B. Санфирова

Экономика сегодня – это информационная экономика, экономика завтра – это цифровая экономика. При этом основной фазой такого временного

контента есть и будет феномен брендов. Бренд происходит, от латинского *brend* – клеймо, которое несет информацию и является, по сути, текстом.

В экономике бренд не просто товарный знак, а устойчивый позитивный образ, главный символ определенных качеств, ценностных характеристик, набора ментальных свойств любого экономического продукта, определяющий успешность всей деятельности компании, подтверждающий ее репутацию на данном рынке. Огромное значение в бренде отводится цвету, который и формирует основной информационный посыл бренда, при этом часто бывает не сразу узнаваем потребителем, но всегда воздействует на него, призывая совершать заданные действия. Это и есть нейролингвистическое программирование цветом. Сегодня оно изучено мало, представляет собой сложное и многоуровневое понятие, которое является актуальным в любой экономической тематике. Оно служит для продвижения тех или иных экономических позиций, а также может быть фактором манипулирования сознанием.

Данная тема выходит за рамки многих наук, таких, как психология, лингвистика, социология и т. д., и становится очень актуальным ресурсом для современного бизнеса. Потому что цвет – это такая субстанция, которая воздействует, в первую очередь, на подсознание, вызывая определенный ассоциативный ряд, который эмоционально окрашен у индивида и влияет на топофобные или топофильные реакции в ответ на воздействие. Это, в свою очередь, формирует как позитивную, так и негативную систему восприятия.

Иными словами, нейролингвистическое программирование цветом в бренде – это апеллирование к традиционному родовому опыту, который может быть как информационно нейтральным, так и очень насыщенным и актуализирующим действие. Цвет всегда был загадкой для всех без исключения культур, наделялся различными смысловыми, а очень часто, сакральными оттенками, которые интерпретировались по-разному. В обиходе перво-бытного общества цвета и краски имели важные магически-заклинательные свойства, посредством которых передавался накопленный опыт из поколения в поколения. Посредством цвета сообщалась текущая информация. Цвет, по своей сути, с древнейших времен выполнял роль лингвистической единицы, был, своего рода, словом – добрым или злым, а порой превращался в огромный повествовательный текст, зафиксированный в социокоде культуры.

При этом, так же, как и язык жестов, язык цвета может быть, как легко узнаваем представителями иных культур, так и таить в себе множество загадок, формирующих образ понятный только представителям с общей культурной идентичностью. Так, во всех без исключения культурах мы видим противопоставление белого и черного цвета. Такая бинарная ахроматичность понятна всем: свет (белый цвет) – тьма (черный). Часто ахроматическая оппозиция дополнялась третьим красным цветом. Это цвет крови, цвет жизни, цвет борьбы. Еще австралийские аборигены натирали больного красной

охрой, тем самым они как бы призывали больной организм к жизни, к выздоровлению. В христианстве триединство языка цвета это и вовсе концептуальная, известная основа веры, понятная тем, кто знаком с его канонами.

Таким образом, возникшая в ранних культурах символика цвета в недрах религиозно-мифологического мировоззрения переросла в язык с достаточно расширенным словарным запасом, который пополняется каждый день. В те далекие времена, когда человек «увидел» цвет и стал пользоваться краской, появились названия цветов и были замечены их свойства, оказывающие огромное влияние на человека.

Сегодня лингвистикой цвета активно пользуется современная экономика, в основе которой лежит фактор потребления. Цвета влияют на формирование потребительского поведения, а также на создание новых маркетинговых схем продвижения определенных товаров и услуг на целевом рынке. В этом смысле цвет способен существенно повлиять на прибыль, тем самым превращаясь в экономическую категорию. Так, известный опыт игры с цветом, повысил стоимость единицы мороженного многократно, когда обычный активированный уголь превратил его молочный цвет в черный.

Работа по нейролингвистическому программированию цветом, как фактор манипулирование общественным сознанием в экономике бренда предполагает применение всех видов маркетинговых коммуникаций с использованием авторских психологических методик по каждому виду.

Психологический контент нейролингвистического программирования цветом в бренде выражается в цветовых ассоциациях, которые классифицируются чаще всего по следующим группам: 1) цветовые группы, характеризующие физические свойства (временные, вкусовые, бытовые, весовые, температурные, акустические, пространственные); 2) цветовые группы, характеризующие эмоциональные свойства (положительные, отрицательные, нейтральные).

Цвет по-особенному действует на человека. Он влияет на аппетит, работоспособность, внимание, кровяное давление и т. п. Исследование явления восприятия показали, что 80% цвета и света поглощаются нервной системой, а зрением – только 20%. Цветной символизм является обобщенным и осознанным проявлением ассоциативного видения.

Цвет формирует брендовое ядро. Это своего рода гипертекст бренда, под которым мы будем понимать такой способ организации текстовой информации, в которой будет каждый смысловой фрагмент работать на цель брендового сообщения. В данном случае стоит обратиться к таким лингвистическим понятиям, как «тема» и «рема». Тема – это основной цвет, а рема – дополнительные цвета, являющиеся знаковыми элементами бренда, которые несут информационный подтекст, узнаваемый потребителем.

В связи с этим у цвета имеется огромный коммуникативный ресурс. Цвет может уводить потребителя в зону комфорта, настраивать его на позитивное

восприятие информации, навязывать определенный образ жизни. Цвет может сообщать потребителю, что данная услуга им уже как бы апробирована успешно в прошлом или сообщать, что это – новая, неизведанная, интригующая реальность.

ИГРА С СОБЫТИЕМ. ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ИНТЕРАКТИВ НА ОТКРЫТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИГР 2019 ГОДА В МИНСКЕ

А. Я. Сарна

Состоявшиеся летом 2019 года в Минске II Европейские игры можно с полным основанием считать мега-ивентом или суперсобытием, масштаб которого оказывается важен для всего города. Считается, что «увеличение роли мега-ивентов в городской политике является результатом действия различных процессов, связанных с глобализацией экономики. Переход от индустриальной к постиндустриальной экономике с помощью новых технологий, глобального рынка и deregулирования создали новый набор задач, стоящих перед градостроителями. Различные виды деятельности, основанные на потреблении, такие как сфера услуг и туризм, стали все более значимыми и растущими секторами глобальной экономики» [1, с. 3]. В итоге на первый план при проведении столь значимых для горожан событий выдвигаются экономические и политические стратегии, выступающие в качестве инструментов развития города, его социокультурной сферы.

Одним из наиболее востребованных маркетинговых инструментов при организации игр в Минске стала геймификация (gamification) или игровизация, которая подразумевает целенаправленное включение игровых или псевдоигровых элементов в какой-либо процесс (производства и потребления, обучения и развлечения) для вовлечения в него новых пользователей. Она выступила в качестве средства коммуникации между организаторами и участниками события для установления прямого контакта и непосредственного взаимодействия между ними. Так, во время репетиции и собственно церемонии открытия Европейских игр произошло прямое обращение ведущих шоу к присутствующим на стадионе зрителям с целью вовлечения их в происходящее. Для этого перед официальным началом праздника было выделено время в течение часа для предварительного обучения, своего рода тренинга всех посетителей мероприятия. Ведущие сразу указывают на важность совместных действий как условие достижения успеха в коллективных усилиях и призывают к четкой координации, когда двадцать две тысячи зрителей будут имитировать танцевальные движения и совместно исполнять номер под названием «Хоровод», что может быть зафиксировано как мировой рекорд.

Это пример маркетинга событий (развлечений, впечатлений) на материале игровой индустрии. Здесь геймификация как метод или коммуникационный инструмент позволяет включать игровые элементы в любое спланированное действие и предстает как способ управления поведением зрителей. Процесс был осуществлен в развлекательной форме и предполагал инструктаж, предварительную подготовку и тренировку аудитории при повторении конкретных действий, которые нужно совершить в определенной последовательности всем вместе, не сбиваясь с общего ритма. Лишь четкость их движений гарантирует суммарный эффект единства, объединяющий всех присутствующих на стадионе и прильнувших к экранам телевизоров: коллективный перформанс создает общность как совместность, соучастие и солидарность – не только со-присутствия, но и взаимной поддержки друг друга.

Объединение через действие-движение предполагает создание модели коллективной идентичности и приобщение к ней. Именно это происходит на протяжении номера «Память», где особенно важно второе действие – акция-перформанс, отсылающая к общей истории, боли и травме войны, объединяющей целые поколения. Образ единства нации был представлен как внешняя проекция, вынесенная на экраны стадиона, где транслировались движения специально подобранных моделей – юношей и девушек в национальных и спортивных костюмах. Предполагалось, что зрители будут точно копировать эти движения, воспроизводить их как ритм своих сердец, тем самым создавая единый эффект массы в движении, координации и воплощении группового перформанса как центрального элемента шоу, подчеркивающего значимость исторической памяти. Третий коллективный танцевальный номер «Твист» возвращал всех к духу соревновательности и приятного совместного времяпровождения в рамках развлекательной индустрии. Так, оказались взаимосвязаны спорт и игра, отдых и развлечение, а геймификация напрямую способствовала идентификации каждого присутствующего с заявленными образцами коллективной деятельности.

Следует отметить, что приобщение к этому процессу началось уже на предварительном этапе – когда в сопроводительном информационном листке, вручаемым вместе с билетами на мероприятие, к обладателям билетов как потенциальным участникам шоу обращались для инструктажа. Листовка становится здесь инструментом реализации нормативно-регламентирующего дискурса и содержит список требований, формирующих образец поведения в соответствии с требованиями безопасности. Присутствует и ссылка на внешний источник – официальный сайт Европейских игр, где среди официальных документов имеется исчерпывающий список предметов, запрещенных к использованию [2]. Кроме того, в СМИ были опубликованы правила поведения зрителей во время проведения соревнований и при подготовке к ним [3]. Все вместе работает как дискурсивный механизм по стимуляции, мотивированию и мобилизации аудитории.

При этом технологический формат участия оказывается ограничен, поскольку было запрещено снимать фото и видео до официального открытия, выкладывать их в сети, что должно было сохранить интригу, повысить интерес аудитории к событию, а также соблюсти авторские права на осуществление телевизионной трансляции шоу. Такие меры предосторожности повышают степень эксклюзивности события, его статус и престиж, хотя и могут трактоваться как искусственное «раздувание» значимости шоу. Однако наблюдение за зрителями при непосредственном присутствии на стадионе позволило лично убедиться в том, что предписания и запреты практически не выполняются: публика неоднократно пыталась записать все происходящее на свои смартфоны. В итоге эффект воздействия/влияния на аудиторию оказывается ограничен и практически не затрагивает онлайн-среду, где интернет-пользователи лишь постфактум присоединяются к событию.

На стадионе также осуществлялась виртуализация и переход от непосредственного восприятия театрализованного представления к его скрытому измерению – достаточно было подключиться к сети Wi-Fi, скачать мобильное приложение и установить его на смартфон или планшет. Это гарантировало расширение диапазона восприятия зрителей через новые медиа и мобильные технологии, которые оказываются «продвинутым» инструментом вовлечения аудитории в происходящее и позволяют «увидеть невидимое» в формате дополненной реальности. При этом цифрового неравенства не произошло, поскольку организаторы предусмотрели возможность охвата всех присутствующих на стадионе с учетом того, что большинство не пользуется гаджетами и не загружает программу в них. Для этого на больших экранах четырех табло в разных углах стадиона показывались скрытые сцены и сюжеты, невидимые персонажи, смоделированные посредством компьютерной графики и анимации.

Это были культурные герои белорусской истории (Витовт, Е. Полоцкая, Ф. Скарына, Л. Сапега и др.), «звезды» начала XX века (Л. Бакст, С. Ковалевская, М. Шагал) и советского периода (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Ж. Алферов, П. Сухой и В. Мулявин), но почему-то проигнорировали К. Малевича, В. Короткевича и даже нобелевскую лауреатку С. Алексиевич. Важны были и образы, связанные с природой Беларуси, когда, например, песня о Беловежской пуще сопровождалась фантастическим пробегом-полетом виртуальных зубров над стадионом в обрамлении грозовых облаков. Так, дополненная реальность создавала не только виртуальный эффект, но и вполне конкретный эмоциональный аффект, как элемент шоу.

Таким образом, открытие II Европейских игр продемонстрировало возможности установления новых отношений между субъектами взаимодействия в городской среде. Фактически речь идет о метакоммуникативных функциях мега-ивента, которые способствовали раскрытию потенциала взаимодействия между различными участниками события.

Литература

1. Бибиков, Д. Мега-ивенты и стратегическое развитие города / Д. Бибиков // Городские тактики. Пространства праздника. – 2015. – № 3. – С. 3–5.
2. Перечень предметов, запрещенных к обращению на объектах II Европейских игр 2019 года // Minsk2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://storage.googleapis.com/sns-fileupload/FaB5XDe_1560867828483.pdf. – Дата доступа: 30.06.2019.
3. Без самокатов и селфи-палок. Опубликованы правила поведения зрителей на Европейских играх в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/641330.html>. – Дата доступа: 30.06. 2019.

О ФЕНОМЕНЕ ИДЕОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

P. С. Сартаева

Современная капиталистическая мир-система в контексте мир-системной теории И. Валлерстайна [1], имеющей серьезный научный авторитет, находится в состоянии перехода «в целом во что-то другое» (И. Валлерстайн), в модель с пока неясными общими правилами и очертаниями. Этот вывод не внушиает оптимизма в вопросе перспектив общественного устройства мирового мега-социумане только многим ученым, но и околонаучной, и ненаучной общественности.

В любом случае, можно говорить о формировании новой глобальной реальности, конституирующими особенностями которой являются: переход мирового сообщества на новый уровень технологического развития – «Индустирио-4.0»; тенденции десуверенизации государственных образований; geopolитическое переформатирование мира в условиях глобализации; необходимость модернизационных преобразований, стоящая перед всеми государствами мира.

Все указанные выше тенденции актуализируют проблему укрепления института государства как гаранта сохранения национально-государственной, гражданской, культурной, этнической и других типов идентичностей, включая в конечном счете человеческую идентичность.

Актуализация проблемы укрепления института государства происходит в условиях увеличения различных наднациональных центров принятия решений. В связи с этим многие специалисты в разных областях человеческой деятельности отмечают факты усиления тенденций снижения эффективности управления на всех уровнях государственных структур.

Так, Клаус Шваб, немецкий экономист, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, пишет в своей книге «Четвертая промышленная революция» (2016 г.): «...при росте возможно-

стей граждан и все большей фрагментации и поляризации населения могут складываться политические системы, в которых все труднее осуществлять руководство, и в этом случае правительства могут оказаться не столь эффективными. На это надо обратить особое внимание, так как данный процесс происходит в то время, когда правительства должны являться важнейшими партнерами бизнеса и общества в целом при переходе к новым научно-технологическим, экономическим и социальным структурам» [2, с. 55].

Следует иметь в виду, что Всемирный экономический форум в Давосе относят к тем самым официальным и неофициальным международным организациям, которые, как считают многие серьезные исследователи, определяют тренды мирового развития. Кроме того, Клаус Шваб, как известно, является одним из ведущих в мире специалистов в области цифровых технологий.

В целом, вопросы управления, укрепления института государства особенно важны для государств так называемого транзитного периода, государств «позднего старта» (по А. Гершенкрону) [3], государств «третьей волны демократизации» (по С. Хантингтону [4]). В контексте моделей модернизации (а конкретно, так называемой направляемой модели) нашу страну – Республику Казахстан, как, впрочем, практически все государства постсоветского пространства, – можно отнести к обществам «позднего старта», в которых государство брало на себя основную ответственность за социально-экономические и политические преобразования. Согласно парадигме обществ «позднего старта» Александра Гершенкrona, в этих обществах исключительное значение приобретает фактор идеологии модернизации, который оказывает непосредственное влияние на формирование политики государства (как среднесрочной, так и долгосрочной) и политическую ситуацию внутри страны [3].

В конце XX в. в результате всем известных геополитических событий (развал СССР, глобальное геополитическое переформатирование мира) возникла иллюзия конца эры идеологий. Иллюзия того, «что для современности характерны, скорее, процессы деидеологизации и рационализации общественного сознания» [5, с. 81]. В некоторых государствах постсоветского пространства отказ от идеологии был закреплен конституционно (Российская Федерация). О «конце идеологии» писали американский философ, социолог и футуролог Дэниел Белл [6], американский политолог Фрэнсис Фукуяма [7], французский социолог и политолог Раймон Арон [8].

Однако на деле оказалось, что в настоящее время, время усиления тенденций десуверенизации государственных образований, усиления роли интегративных общенациональных идей, роль идеологии как функции идеократии усиливается. Более того, сегодня идеологию можно рассматривать в качестве одного из важнейших инструментов сохранения института государства. А роль интеграционной, мобилизационной, эмоциональной функции идеологии особенно возрастает в современных условиях глобализации,

десуверенизации государственных образований, в условиях необходимости масштабных модернизационных преобразований, востребованных во многих странах мира, включая нашу страну – Республику Казахстан.

Важнейшей особенностью феномена идеологии является глубокая связь с политикой и обусловленность политической практикой. Идеология является одним из важнейших понятий политической науки и политической практики. Существуют, как известно, разные концепции идеологии, среди которых концепции идеологии К. Маркса («ложное сознание») [9] и К. Мангейма («стабилизационная») [10] оказали сильное влияние на современные представления о феномене идеологии.

Сегодня наиболее обобщенное и распространенное определение идеологии звучит так: «идеология – относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, представлений, концепций и доктрин как об устройстве и принципах функционирования общества, так и способах достижения отвечающего интересам носителя этих идей состояния общества, которое создает основу для организованной политической деятельности независимо от того, является ли целью идеологии сохранение, преобразование или разрушение наличной политической действительности» [11, с. 520].

Понятно, что в основном любая идеология представляет собой апологию, направленную на сохранение существующего порядка вещей (социально-экономического, политического пространства), и ориентируется лишь на то, что способствует сохранению этого порядка. Однако когда первым вопросом современной повестки дня становится сохранение института государства в целом и конкретного государства, в частности, роль идеологии как инструмент их сохранения усиливается.

Интеграционная, мобилизационная, эмоциональная функции идеологии особенно востребованы в современных условиях глобализации, усиления тенденций десуверенизации государственных образований, в условиях необходимости реализации масштабных модернизационных преобразований практически во всех странах мира, включая нашу страну.

Литература

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире : пер. с англ. П. М. Кудюкина / И. Валлерстайн ; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб. : Университетская книга, 2001.
2. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — М. : Эксмо, 2016. (Top Business Awards).
3. Гершенрон, А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенрон. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
4. Хантингтон, С. Третья волна: демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М. : РОССПЭН, 2003.
5. Семигин, Г. Ю. Идеократия / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. Общ.-науч. фонд. — Т. 2. «Е-М». — Москва : Мысль, 2001.

6. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. — NY : Free Press, 1965.
7. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007.
8. Арон, Р. Опium интеллигентов / Р. Арон. – М. : АСТ, 2015.
9. Маркс, К. Немецкая идеология : собр. соч. : в 3-х т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3. — М. : Политиздат, 1955.
10. Манхейм, К. Идеология и утопия : пер. М. Левина / К. Манхейм. – М. : Юристь, 1994.
11. Категории политической науки : учеб. / А. Ю. Мельвиль, Т. А. Алексеева, К. П. Боришполец, А. Г. Володин [и др.]. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ УЧАЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

O. B. Семашко

Идеи социального успеха становятся все более популярными в социальных практиках современного общества во многих странах, при этом Республика Беларусь не является исключением. Сегодня нацеленность на успех, стремление к достижению успеха в различных сферах общественной жизни, попытки следования определенным стандартам успешности свидетельствуют о процессах формирования идеологии успеха в белорусском обществе.

В настоящее время активно развивающиеся рыночные отношения диктуют требования к личности, ориентирующие на самостоятельность и предпримчивость в изменении индивидуальной жизненной траектории. В связи с этим такие качества как стремление к успеху, активность, настойчивость, инициативность, ответственность, карьерный рост и тому подобное – стали содержанием понятия «успешный человек» в современной трактовке. При этом чаще всего речь идет о такой модели жизненного успеха, в которой происходит смещение значимых критерии успеха из сферы деятельности в сферу потребления материальных благ: успех материальный, денежный, карьерный.

Истоки возникновения идеи успеха имеют свое начало в философских теориях Ф. Бекона, Р. Декарта, И. Канта, Ф. Ницше, Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэра, Г. Фихте и других, раскрывающих суть бытия через сознательную рефлексию о смысле жизни. Бытие человека есть решение проблемы смысла жизни, выражющееся в представлении об успехе. Убирая природные рамки бытия, рефлексивное сознание подвигает человека к осмыслению и определению своего места в существующем мире. Не удовлетворяясь законами эво-

люции природы, человек отвоевывает свое право на самоопределение, поиск себя и пределов своих возможностей.

В образовательной практике учебная успешность (успеваемость) учащегося часто смешивается педагогами и родителями с успешностью личности ребенка в целом, ведь жизнь гораздо шире, чем школа, и нельзя забывать о том, что ребенок является в ней не только учеником. В словаре «успешность» – свойство, заключающее в себе «успех», а «успеваемость» трактуется как «степень успешности обучения, усвоения знаний». Таким образом, успешность – это свойство, а успеваемость – степень успешности, ее внешний показатель. Далеко не каждый «отличник» – успевающий ученик, одновременно успешный человек, и наоборот. Успешность включает в себя определенный уровень успеваемости, но не только ее, и стоит эта успеваемость не на первом месте. В трактовке успешности ребенка следует выделить два аспекта – объективный, в рамках которого успех рассматривается не столько как удача, сколько высокая результативность в достижении намеченных целей и задач, и субъективный, основанный на ощущении положительных эмоций учащимся.

Создание ситуаций успеха в образовательном процессе рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений инновационных процессов, происходящих в современной системе образования. Основная идея педагогических концепций, связанных с формированием социальной успешности учащихся (В. М. Лизинский, Н. В. Немова, Г. К. Селевко, С. А. Смирнов, В. П. Созонов, Н. Б. Крылова, А. Н. Тубельский) – это развитие таких качеств, как высокая самооценка, уверенность в себе, адаптированность к жизни. Успех осознается человеком в процессе приобретения социального опыта и достигается им благодаря приложенным усилиям и старанию.

По мнению Е. Ю. Варламовой [1], социальная успешность, являясь предпосылкой и следствием социального взаимодействия, свидетельствует о способности человека осознавать себя в обществе социально полноценным субъектом, самостоятельно определяющим свои цели и достигающим их, о развитости осознанного чувства собственного достоинства, уверенности в своем положении в обществе. Авторская позиция более близка к понятию социальной успешности в контексте непосредственного взаимодействия с людьми, чем оценки результатов какой-либо индивидуальной деятельности.

Х. Хекхаузен, один из основателей теории мотивации достижения успеха, отмечает, что у человека существуют по отношению к деятельности два разнонаправленных мотива: мотив достижения успеха и мотив избегания неудач [2, с. 18]. В большинстве современных исследований мотив достижения успеха рассматривается как устойчивая потребность достижения высокого результата и успеха в деятельности.

Идея социальной успешности может быть присвоена обучающимися в качестве жизненной ценности, только при условии, что в своем социаль-

ном окружении, в учреждении образования, они смогут видеть достойные для подражания примеры педагогов, директора школы, родителей, своих сверстников и др. Идеи формирования социальной успешности могут стать философией организационной культуры учреждения образования, способствовать проявлению инициативности, активности, трудолюбия, предприимчивости, способности к коопeraçãoции, взаимодействию, сотрудничеству и других значимых качеств у всех субъектов образовательного процесса. При этом не стоит создавать искусственно в учреждении образования «тепличные условия», где все будут согреваемы только лучами успеха. Необходимо научить «проживать» наряду с ситуациями успеха неудачи и неуспех, рефлексировать эти ситуации, искать из них выход, решать проблемы, расценивать их как полезный жизненный опыт, способствующий адаптации и социализации в обществе.

Литература

1. Варламова, Е. Ю. Организационно-педагогические условия обеспечения социальной успешности школьников: дис. ... канд. пед. наук 13.00.02. – Кострома, 2002.
2. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность. – 2-е изд. – СПб.; М., 2003.

ИНФОРМАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ И КИБЕРВОЙНА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

И. Н. Сидоренко

Информационное насилие становится одним из главных средств ведения войн в эпоху глобализации, превращаясь в действующую силу и средство реализации «бархатных» революций. Распространенным стало и такое понятие, как «информационный терроризм». В силу этого суть стратегии информационного противоборства, реализуемого в современных войнах, заключается в том, что цели войны во многом достигаются не за счет захвата и удержания чужих территорий, а за счет подрыва еще в мирное время оборонного и экономического потенциала государства-противника. Поэтому в глобализирующемся мире информационное насилие, приобретая беспрецедентные масштабы и интенсивность, предстает в качестве источника международной напряженности и нестабильности. Как показывают военные конфликты последних лет, целью информационно-психологического воздействия становится изменение системы ценностей и норм поведения людей, т. е. осуществление культурно-идеологической экспансии посредством привнесения инородных культурных ценностей. Информационное насилие трудно, практически невозможно отслеживать и контролировать, в силу чего многие современные военные конфликты, порожденные и осуществляемые посредством этого насилия, оказываются за пределами норм международ-

ного права, регулирующего ведение войн. Возникает проблема определения конкретного, обозримого и прогнозируемого источника угрозы национальной безопасности.

Информационное насилие в сетевой коммуникации трансформирует как наше мировоззрение, так и социальные практики, в частности ведение войн современного типа, таких как кибервойны, которые проводятся по принципу «роения».

Кибервойна является радикальной формой информационного насилия, представляющей собой как компьютерное противостояние в пространстве интернета, направленное на дестабилизацию компьютерных систем и доступа к интернету государственных учреждений, финансовых центров и создание беспорядка и хаоса в жизни стран, так и манипулирование сознанием и поведением индивидов посредством информации. Такие новые формы противостояния в сетевом обществе, как кибервойна, ведутся в основном путем бесконтактных действий посредством использования мощного информационно-технического и информационно-концептуального потенциала. Разнородные компьютерно-информационные сети сводятся в единое коммуникационное пространство, функционирующее в реальном времени, что позволяет более точно предугадывать действия противника, опережать его на всех этапах подготовки и ведения боевых действий и концентрировать удар, достигая превосходства. Решающее значение в кибервойне имеет, следовательно, не физическая, а информационная сфера. При этом самым привлекательным оружием кибератак в ходе этой войны выступает зашифрованная информация, передаваемая по открытым каналам связи (например, в социальных сетях). Так, кибервойна существенно меняет тактику вооруженного противоборства, способствуя превращению противников в скрытые друг от друга децентрализованные высокоманевренные системы, действующие по принципу «стай». Из этого следует, что во главу военной мощи в современном фрагментарном обществе ставится информация в различных ее формах и проявлениях.

Кибервойна предполагает активное использование принципиально нового вида оружия нелетального действия, потенциал которого наиболее полно иллюстрируется информационным оружием, т. е. средством искажения или хищения информационных массивов, преодоления систем защиты, а также самим использованием информации и связанных с ней технологий контроля и воздействия как на военные, так и на гражданские системы противника. Информационное оружие можно разделить на два типа: 1) воздействующее на информационно-технические средства (призвано блокировать электронные средства противника); 2) оказывающее воздействие на сознание и психику людей (направлено на подавление воли человека).

Кибервойна руководствуется специфически новой логикой массовой информации. Уже типичной стала ситуация, когда СМИ регулярно предостав-

ляют микрофоны противникам, в то время как цель любой политики военного времени до недавних пор сводилась к пресечению вражеской пропаганды. Таким образом, информационный поток выполняет ту же функцию, которую при прежних традиционных войнах выполняли секретные службы: нейтрализует расчет на упреждение. Война, в которой противника невозможно упредить, не предполагает четкой линии фронта и разграничения на своих и врагов.

Кибервойна, как современный тип войны, преобразуется в шедевр масс-медиа, что в целом отвечает заявлению философа и социолога Жана Бодрийяра о том, что войн вовсе не было наяву, они были только в телевизоре. Приведем слова словенского мыслителя Славоя Жижека об информационном прикрытии современной войны: «С одной стороны, новый образ войны как события, которое разворачивается исключительно в сфере технологий, на экранах радаров и компьютеров... а с другой – крайняя физическая жестокость, которую было бы невыносимо видеть в средствах масовой информации... Когда Бодрийяр заявил, что войны в Заливе не было, это означало, что картину, которая отвечает ее реальному облику, запретили полностью» [1, с. 112].

По логике масс-медиа кибервойна должна быть короткой, т. е. соответствовать если не принципу максимальной развлекательности и счастливости, то хотя бы минимальной несчастности. Однако несмотря на то что современные войны в большинстве своем являются короткими, они оказываются бесполезными, так как эту войну в принципе никто не может выиграть. Власть информации и тотальность символического информационного насилия порождают такой феномен, как «всеобщая война», которая происходит в период «межвременья», когда устанавливаются новые глобальные правила и наблюдается избыток новых властных структур. В силу этого взаимоотношения между политикой и войной в современном информационном обществе война превратились в свою противоположность, т. е. из средства политики она сама стала политикой. Этот период «межвременья» характеризуется тем, что в современных условиях война с внешним противником ничем не отличается от борьбы с внутренним врагом. Поэтому возможности ограничения свобод расширяются, а современная война обретает черты, ранее присущие гражданской войне. Различить врага в этой всеобщей войне весьма сложно, он становится невидимым.

Приватизация информационного насилия сделала возможной нивелирование национальных границ. Поэтому кибервойну целесообразно определить как «постнациональную войну», характеризующуюся размыванием базовых различий, которые были определяющими в войнах между государствами. Ульрих Бек, немецкий социолог и политический философ, раскрывая сущность постнациональной войны, отметил: «...на смену принципу «или-или» приходит принцип «и одно, и другое»: одновременно имеют

место и война, и мир; действуют как полиция, так и военные; происходят как преступления, так и боевые действия; страдают как гражданские лица, так и солдаты» [2, с. 202]. В современном информационном обществе наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Итак, под лозунгом «безопасности» оправдывается постоянная военная активность как на собственной территории, так и на территории других государств. Таким образом, постнациональная война не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны». «...Космополитическая ответственность делает постнациональную войну возможной, поскольку аннулирует ограничение ответственности государств национальной территорией» [2, с. 205].

Итак, порождаемое кибервойной как информационное, так и физическое насилие будет считаться оправданным до тех пор, пока будет приводить к воспроизведству существующего порядка, но как только принуждение перестанет обеспечивать порядок, основа его легитимности исчезнет. Таким образом, кибервойна, являясь одним из видов современной войны, порождает новый мировой порядок, базирующийся не на прямом насилии, как в эпоху традиционных и индустриальных обществ, а на страхе, вызываемом угрозой насилия и информационным террором.

Литература

1. Жижек, С. О насилии / Славой Жижек : пер. с англ. А. Смирнова и Е. Ляминой ; под ред. А. Олейникова. – М. : Европа, 2010. – 184 с.
2. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / Ульрих Бек. – М. : Центр исслед. постиндустриал. об-ва, 2008. – 336 с.

«МЕД И ЦИКУТА» ФИЛОСОФИИ: СВЯТЫЕ ОТЦЫ О СВЕТСКОЙ МУДРОСТИ

C. П. Синельников

Мерилом для многих спорных и вечных вопросов жизни и текущей действительности являются труды Святых Отцов Церкви. Рассматривая проблему поиска разумного соотношения между светской философией и богословием, полезно обращение к святоотеческой византийской нормативности [1, с. XV].

Восточные отцы не отрицали силы разума в богословии. Конечно, богознание не предполагает обязательного в нем участия интеллекта истина может открыться любому простому верующему, ум которого не отягощен философскими учениями [2, с. 24]. При всей недостаточности и бессилии

философии в познании и объяснении Бога и отчасти – человека, Отцы Церкви сами никогда не являлись ярыми антифилософами, врагами культуры и понимали, что богооткровенные истины можно выразить на языке эллинской мудрости.

В курсе лекций, предлагаемом для духовных семинарий, вопрос о роли, о месте философии решен недвусмысленно и ясно: «Отцы и учителя Церкви не чуждались науки, а охотно пользовались всем, что было в ней родственно-го христианской истине, и нередко для доказательства или пояснения истин веры обращались к помощи диалектики, философии, истории, естествознания и других наук. Они использовали научные факты для подтверждения христианской истины, пользовались языком и методами современной им философии в своих богословских построениях [3, с. 13].

Однако святые отцы категорически отрицали возможность чисто рассудочным путем получить какое-либо точное ведение о Боге. Они отвергали философию как метод религиозного познания. Еще апостол Павел предупреждал о том, что между естественным философским знанием и благодатным христианским ведением Бога существует глубокая пропасть: «Смотрите... чтобы кто не увлек вас философию и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2:8–9).

Святой мученик Иустин Философ считал, что философски настроенный разум и истины Откровения не противоположны и не чужды друг другу. Он первым из христианских мыслителей воспользовался научным методом и языком философии для защиты христианских истин [3, с. 44].

Пожалуй единственным ярым противником философии и светской мудрости был Тертуллиан, Он был первым, кто сформулировал знаменитое и не разрешенное противоречие: «Афины – Иерусалим» или «Академия – Церковь», «философия – христианство», пытавшееся определить соотношение между античной философией и богословием. Размышляя над происхождением ересей, Тертуллиан находил тому единственную виновницу – языческую философию и считал, что ничему хорошему научиться у философов нельзя, и она есть причина всех бед и еретических уклонений [2, с. 54].

Климент Александрийский считал, что часть истин христианского учения уже содержалась в язычестве, и между философией и Евангелием нет полной противоположности – обе стремятся к достижению высшей истины. Климент называл философию – «подготовительной дисциплиной», которая была нужна грекам ради праведности, до прихода Господа. Он писал: «Как для евреев закон был “детоводителем” (т. е. “педагогом”) ко Христу, так и для эллинов – философия» [2, с. 83–84].

Другой представительalexандрийской школы св. Дионисий Великий одинаково интересовался философией и науками иставил вопрос о необ-

ходимости диалога христиан с окружающей эллинистической культурой [2, с. 107–108].

Для того чтобы обратить мир в христианство, необходимо было истолковать христианство в греческих понятиях и категориях. В IV веке этот тяжелейший труд взяли на себя отцы-каппадокийцы – свт. Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов, которые не чуждались греческой философии и не были врагами светских наук и знаний. Василий Великий и Григорий Назианзен основали «аристократическую» интеллектуальную христианскую общину, в которой читалась философская и богословская литература, помногу молились [2, с. 143, 148–149].

Характерным творением Василия Великого является одна его наиболее известная проповедь на тему «Увещание к молодежи о том, как извлечь наибольшую пользу от чтения языческих авторов» (или трактат «К юношам о том, как им пользоваться языческими книгами»), где говорится о необходимости и пользе светского философского образования [2, с. 151]. Вместе с тем отцы-каппадокийцы IV века и их последователи утверждали, что классическое образование полезно для молодых людей; кроме того, они успешно пользовались целым рядом идей, заимствованных у Платона [2, с. 331–332].

Псевдо-Дионисий Ареопагит объяснял Священное Писание в категориях и терминах, доступных и привычных современному ему миру – на языке греческой философии [2, с. 289].

Преп. Максим Исповедник утверждал, что Бога можно искать не только на путях упражнений духа и обожения, но и через созерцание Бога в природе [2, с. 310–311]. Вот это последнее – естественное созерцание – представляется философским методом в познании Бога и творения.

Примечателен известный спор о границах богопознания, начавшийся в IV веке с утверждения Евномия о том, что неприступную Сущность Бога можно и доступно познать человеку рассудочным путем, и продолжившийся в XIV веке ересью ученого монаха Варлаама, категорично отвергнувшего всякую возможность познания Бога. Мнение первого опровергли отцы-каппадокийцы, заблуждения второго разоблачил св. Григорий Палама.

Позволительно определить Евномия как философа, знающего Бога. Варлаам же, скорее, – скептик-антифилософ, отрицавший и философию, и науку, и знания, т. е. как рассудочные моменты в познании Бога, так и мистическое апофатическое богословие. Настоящий богослов не должен быть сторонником Евномия или последователем Варлаама.

Св. Григорий Палама был блестящим знатоком Аристотеля, но вместе с тем, негативно и недоброжелательно относился к греческой философии. Он считал, что христиане должны обращаться с греческой философией, как фармацевты со змеями: сначала нужно их убить, затем препарировать, извлечь яд и приготовить из него противоядие [2, с. 340]. Некоторым образом фило-

софия полезна тем, что ставит вопросы, на которые сама не дает ответы, но заставляет обращаться за ними к богословию.

Святитель Григорий Палама писал: «Мы никому не мешаем знакомиться со светской образованностью, если он этого желает, разве только он воспринял монашескую жизнь. Но мы никому не советуем предаваться ей до конца и совершенно запрещаем ожидать от нее какой бы то ни было точности в знании божественного учения о Боге». И немного далее: «Итак, у светских философов есть и кое-что полезное, также как в смеси меда и цикуты; однако можно сильно опасаться, что те, кто хочет выделить из смеси мед, выпьют нечаянно и остаток смертоносный» [3, с. 14]. Безусловно, согласимся: философия содержит в себе «смесь меда и цикуты».

Григорий Палама не спорил с тем, что в греческой философии можно найти мысли, которыми пользовались отцы Церкви, но суть его полемики с Варлаамом заключалась в противоположении христианского знания «эллинской мудрости». Конечно, Григорий Палама справедливо опровергал идеи о том, что «приобретение светской мудрости» есть главное условие богообщения, как будто «новая жизнь во Христе» может быть поставлена в зависимость от достижений интеллекта.

Вопрос о соотношении философии и христианства никогда не ставился на Востоке: отцы и учителя Церкви пользовались философией платонизма для того, чтобы говорить о Христе. Церковь более всего обязана идеализму Платона, но она же в лице христианского императора уничтожила и закрыла Академию Платона. Таким образом, философия была тем языком, на котором формулировались истины христианства [4, с. 48].

Святые Отцы нисколько не опасались того, что светская образованность как-то сможет помешать их благочестию и духовности. Другое дело, они не приветствовали однобокое и чрезмерное увлечение одною философией, сопровождаемое разрывом с верой.

Философия осваивает многие области действительности, человека и его деятельности – литературу, искусство, науку, творчество в самом широком смысле и даже пытается выйти за пределы земного. Никогда она не была равнодушна и к религиозным вопросам: не гнущаясь несовершенным миром, греховным человеком, далеким от Бога, философия изучает и мир, и человека, не заменяя собой богословие. Философия всецело – плод человеческого ума, своеvolutionия, гордости, фантазий, заблуждений. Но есть же и в ней ценные крупицы истины.

Литература

1. Флоровский, Г., прот. Пути русского богословия / прот. Г. Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 574 с.
2. Майендорф, И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций) / прот. И. Майендорф. – Вильнюс, 1992. – 359 с.

3. Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исаия (Белов), архим. Догматическое богословие : курс лекций. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 288 с.

4. Мейендорф, И., прот. Православие и современный мир (Лекции и статьи) / прот. И. Мейендорф. – Минск: Лучи Софии, 1995. – 111 с.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

A. I. Смолик

XXI столетие отмечено кризисом национальных идентичностей, которое во многом связано с утратой целостности национальной истории как формы культурной памяти. После обретения суверенитета в 1990-е годы перед государственными и общественными институциями Республики Беларусь возникла стратегическая задача научной реконструкции своей самобытности, формирования и поддержания национально-культурной идентичности. В век глобализации культурная самобытность и национальное самосознание приобретают большую значимость, чем когда-либо ранее. Глобализация ведет одновременно к стандартизации и к более яльному разъединению локальных культур, что, на наш взгляд, является более позитивным, поскольку основная цель социальных коммуникаций заключается вовсе не в борьбе с тенденцией к однородности, а, скорее, в обеспечении возможностей культурного разнообразия. Диалектическая связь между инновациями и традициями, между открытостью и сепарацией является развитием белорусской культуры. Традиции могут эффективно функционировать в современном социуме при условии постоянного развития и обогащения инновациями, в то время как современность должна иметь прочную связь с традиционной культурой.

Республика Беларусь обладает богатым потенциалом историко-культурного наследия, представленного памятниками археологии, истории, архитектуры и градостроительства, декоративно-прикладного искусства, документальными источниками, отражающими исторический путь белорусского народа. В Государственный список историко-культурных ценностей нашей страны уже включено 5553 объекта, из них 1820 – артефакты архитектуры и градостроительства, 2263 – археологии, 62 – искусства, 1203 – истории, а также 89 материальных движимых объектов. Из них 112 артефактов номинированы в качестве объектов нематериального культурного наследия [5, с. 34]. В законе Республики Беларусь «Об охране историко-культурных ценностей» подчеркивается, что государство признает культурные ценности важным фактором развития страны и формирования у граждан национальной идентичности. [1, с. 3, 4]. Передаваясь от поколения к поколению, они являлись выразителями гражданских идеалов белорусов, средством сплочения нации

в период кризисов и нестабильности. Без усвоения традиционного культурного опыта предков, овладения им, невозможен процесс формирования национально-культурной идентичности. Ее формирование – комплексный процесс, включающий политические, экономические и культурно-исторические компоненты, но именно культурное составляющее является важнейшим инструментом конструктивного понимания принадлежности личности к своей нации и культуре.

Принимая во внимание огромную роль, которую играет культурное наследие в формировании национальной идентичности и интеграции личности, приобщение к историко-культурным ценностям начинается уже в общеобразовательных учреждениях. Этому способствуют основные принципы современной государственной политики в области образования и воспитания, воплощенные в законах «Об образовании в Республике Беларусь», «О правах ребенка», в «Концепции образования и воспитания в Беларуси», «Концепции воспитания в национальной школе Беларуси», Законе «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» [1] и других государственных нормативно-правовых актах. В них отмечается, что одной из важнейших функций школы всех уровней является превращение личности учащегося из потребителя культурной традиции в ее активного носителя и творца. В этой связи в учебно-воспитательный процесс учреждений образования внедряются аутентичные формы традиционной культуры. За последние десятилетия в Беларуси накоплен бесценный опыт создания современных технологий этнографии подрастающего поколения в процессе образования. В стране работают десятки средних общеобразовательных школ по рекомендациям, разработанным в начале 2000-х гг. научно-педагогическим коллективом социально-педагогического проекта «Этношкола». Коллектив предложил педагогическим коллективам научно обоснованную модель современной школы, в которой наряду с обязательными учебными предметами должны усваиваться элементы историко-культурного наследия белорусов.

Анализ современной деятельности социально-культурных учреждений Беларуси показывает, что они в состоянии обеспечить «живое бытование культурного наследия». Так, в соответствии с сегодняшней концепцией многие музеи, сохраняя свои институциональные функции, становятся менее консервативными, «живыми», отвечающими интересам и потребностям посетителей. О музее как институте ревитализации традиционной культуры писал известный русский философ Н. Ф. Федоров: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями» [4, с. 584].

Исследование многофункциональной деятельности белорусских учреждений музейного типа по сохранению и ревитализации артефактов культурного наследия позволяет констатировать, что практически все они в своих

экспозициях содержат элементы НКН. Работа музеев с объектами историко-культурного наследия включает такие стадии, как а) выявление объектов традиционной культуры, которые имеют научную, историческую, мемориальную и художественную ценность, а, следовательно и музейное значение; б) комплектование материальных предметов, связанных с традиционным объектом музейного значения, и фиксация информации о нем; в) обеспечение поддержки традиции и сохранения или восстановление механизмов ее передачи; д) актуализация наследия, включение его в современную культуру путем активизации социально-культурной роли его артефактов и их интерпретации.

Изучение состояния процесса включения в современную социокультурную практику традиционных технологий ремесла свидетельствует, что наиболее эффективной формой их передачи и преемственности являются дома и центры ремесел, дома фольклора. В последнее 20-летие активизировался процесс создания таких учреждений в городах, районных центрах, в сельской местности Беларуси, в которых в настоящее время уже насчитывается свыше 100 единиц [3, с. 201].

Ревитализация нематериального культурного наследия в библиотеках осуществляется посредством организации экспозиционно-выставочной деятельности, строящейся на основе задокументированных свидетельств о традиции. Выставки, проводимые в библиотеках, сочетают формы традиционного наследия: искусство устной традиции, технологии изделий, традиции ткачества, традиционная кухня, традиционные праздники и др.

Таким образом, в процессе социализации и инкультурации личности в субъекты образования и воспитания Беларусь стремятся активнее использовать артефакты историко-культурных ценностей, созданных белорусским народом. Освоение культурного наследия способствует, на наш взгляд, включению молодого поколения в традиционное культурное пространство белорусов, что в свою очередь обеспечивает формирование чувства принадлежности к своему этносу и его культуре.

Література

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр» Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Канановіч, С. Актуальная пытанні навуковая вывучэння і фіксацыі нематэ-рыяльнай культурнай спадчыны / С. Канановіч // Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання : зб. навук. прац удзельнікаў III Міжнароднай на-вукова-практыч. канф. (Мінск, 29-30 красавіка 2009 г.) / БДУКМ ; рэдкал.: М. А. Ма-жэйка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2009. – С. 43–45.
3. Культура Беларуси: 20 лет развития (1991–2011) : монография / С. П. Виноку-рова [и др.] ; под общ. ред. О. А. Галкина, И. Г. Голубевой. – Минск : Институт куль-туры Беларуси, 2012. – 332 с.

4. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение / Н. Ф. Федоров // Н. Ф. Федоров. Сочинения. – М. : Мысль, 1982. – С. 575–606.

5. Хвир, Н. Состояние и проблемы охраны нематериального культурного наследия Республики Беларусь / Н. Хвир // Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывуччнія, захавання, перайманні : зб. навук. прац удзельнікаў III Міжнароднай навукова-практыч. канф. (Мінск, 29-30 красавіка 2009 г.) / БДУКМ ; рэдкал.: М. А. Мажэйка (адк. рэд.) [i інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2009. – С. 34–35.

РОЛЬ БИОЭТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

B. N. Сокольчик

Биоэтические комитеты, отвечающие за этику проведения научного исследования в биомедицинском знании, имеют сегодня статус института, сопровождающего проведение научного биомедицинского исследования. Функционал этих комитетов – в Республике Беларусь комитетов по этике исследований или ЛЭК – определяется как международными документами (Руководство №1 по созданию комитетов по биоэтике – Париж, ЮНЕСКО, 2005 [1], Дополнительный протокол к Конвенции Овьедо [2]), так и нормативными документами Республики Беларусь (Технический кодекс уставившейся практики «Надлежащая клиническая практика», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 мая 2009 г. № 50 [3]) и др.

Заявки, подаваемые исследователем (исследовательской группой) в этический комитет, рассматриваются на предмет актуальности и целесообразности исследования в контексте вопросов общественного и личностного здоровья, адекватности дизайна исследования, соблюдения прав человека, включенного в исследования, минимизации рисков, соответствия проводимых исследований международным биоэтическим принципам и правилам и т. д.

Согласно постановлениям Министерства здравоохранения этические комитеты (ЛЭКи) должны создаваться в каждом научном медицинском учреждении, общий надзор за их деятельностью осуществляет Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении.

Объективно создаваемые ЛЭКи должны выполнять функции социально-гуманитарной (а также биоэтической и прогностической) экспертизы научных биомедицинских проектов, оценивая не только медико-биологическую целесообразность исследования, сколько соотношение гуманистической/психологической/физиологической и др. видов пользы и риска для человека и общества.

Безусловно, необходимость выполнения таких глобальных задач предполагает как минимум современное образование, а также повышение квалификации для членов комитетов по этике исследований в области биоэтики, прав человека, актуальных социальных процессов и тенденций современного общества, а также обязательное включение в состав подобных комитетов не только медицинских работников, но и представителей социо-гуманитарного знания, прежде всего биоэтического.

Идея междисциплинарности состава этического комитета опирается на фундаментальные установки основателя биоэтики В. Р. Поттера, который рассматривал биоэтику как «мост в будущее», призванный соединить две культуры – гуманитарное и естественнонаучное знание [4]. Важность соблюдения принципа междисциплинарности в составе данных комитетов подчеркивается во всех международных документах, начиная с 70-х годов XX века. На практике междисциплинарность реализовывается за счет участия в составе комитета по этике специалиста по биоэтике (как правило, гуманитария), юриста, представителей общественности (например, представителя пациентов конкретного лечебного заведения, священнослужителя и т. д.). К сожалению, сегодня мы можем констатировать тот факт, что крупные ЛЭКИ (такие как в БГМУ, БелМАПО) стремятся выдерживать принцип междисциплинарности, тогда как этические комитеты больниц, РНПЦ чаще всего не включают в свой состав представителей гуманитарного знания, что значительно обедняет экспертизу представленных проектов и делает ее несколько «однобокой» – ориентированной на медико-биологический взгляд на проблему, а не на широкую социальную ее постановку.

Относительно обучения и повышения квалификации членов комитета по этике вопрос на сегодня требует совершенствования. Поэтому последние два года значительные усилия по повышению квалификации членов этических комитетов, а также по проведению специальных конференций, симпозиумов, семинаров предпринимает Комитет по биоэтике Республики Беларусь и Республиканский центр биоэтики. Так за 2018–2019 гг. организован специальный курс повышения квалификации для членов этических комитетов в БелМАПО; совместно с региональным учебным бюро ВОЗ в Казахстане в БелМАПО организован тренинг для молодых ученых республики «Надлежащая практика биомедицинских исследований»; он-лайн курс «HELP» по биоэтике и правам человека, ведется работа по подготовке рекомендаций для составления информированного согласия участующих в исследовании.

Однако для того, чтобы современные локальные этические комитеты могли обеспечивать реальную и современную экспертизу проектов медико-биологического знания, которая отвечала бы современным запросам науки, социума, личности, необходимо неукоснительное соблюдение нескольких принципов:

Во-первых, руководство в работе ЛЭКов биоэтическими установками (правилами, нормами, принципами), принятыми мировым сообществом и закрепленными в международных документах и национальном законодательстве.

Во-вторых, принципиальная независимость ЛЭКов. Они принимают решения и/или формируют рекомендации вне зависимости от указаний (давления) администрации учреждений, государственных служб и т. д.

Реализация этих принципов на практике напрямую зависит от способа формирования состава этического комитета, который в идеале избирается из высококвалифицированных профессионалов различных отраслей биомедицины, интересующихся проблемами биоэтики. Кроме того, при формировании состава этических комитетов в медицинских учреждениях нельзя забывать о междисциплинарности и необходимости проведения комитетом социально-гуманитарной экспертизы проекта (исследования).

Третьим важным принципом современной деятельности ЛЭКов является постоянное повышение биоэтической квалификации его участников.

В-четвертых, необходимым условием качественной работы этических комитетов является их постоянное взаимодействие: участие в дискуссиях и конференциях (в том числе в режиме он-лайн) с коллегами, разбор ошибок и прецедентов, выработка алгоритмов действий и предупреждение возможных попыток обращений исследователя в этические комитеты других медицинских учреждений для получения «нужного» одобрения.

И, наконец, в-пятых, обязательным условием успешности и адекватности деятельности этических комитетов является их поддержка, признание со стороны ВАК Беларуси, других ведущих научных организаций и комитетов (например, ГКНТ), добавление решения этического комитета в список обязательных документов, представляемых к защите докторской или кандидатской диссертации, представляемых к защите докторской или кандидатской диссертации, а также воспитование исследователя в контексте обязательности этической и социогуманитарной экспертизы любого проекта, связанного с изучением Жизни.

Деятельность комитетов по этике направлена на соблюдение этических норм исследования – как в работе с экспериментальными животными, так и в исследованиях, посвященных изучению человека. В итоге важнейшей задачей этих комитетов является защита участников исследований и испытаний, как людей, так и животных.

Литература

1. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике – Париж, ЮНЕСКО, 2005 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001393/139309r.pdf>. – Дата доступа: 15.08.2018.

2. Права человека и биомедицина. Конвенция Овьедо и ее протоколы // Council Of Europe, 2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.coe.int>. – Дата доступа: 15.01.2019.

3. Технический кодекс уставновившейся практики «Надлежащая клиническая практика», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 мая 2009 г. № 50 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/ru/static/acts/tehnicheskie/teksty/TKP>. – Дата доступа: 21.10.2019.

4. Поттер, В. Р. Биоэтика – мост в будущее / В. Р. Поттер. – Киев, 2002. – 215 с.

О ПРОБЛЕМЕ ТОЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВЫБОРЕ АЛГОРИТМОВ РАЗВИТИЯ

А. В. Соснин

Сегодня, обсуждая множество вопросов в контексте проблем информационно-коммуникационной революции, выбор и организация наиболее правильных алгоритмов решений по инновационному развитию Украины является все более актуальным. К ним относятся, безусловно, и вопросы реализации проекта «Страна в смартфоне», о котором ведет речь команда реформаторов нового Президента Украины Владимира Зеленского, а потому требует широкого научно-технического и политологического дискурса. Ученые и специалисты, в частности в сфере информационного права, рассматривая существующие взгляды на системы электронного управления, все больше склоняются к мысли о необходимости более точного определения в законодательстве понятия «информация» [1]. Существует большое количество определения понятия «информация», и это, безусловно, предопределяет сложность, специфичность и многообразие подходов к толкованию сущности этой категории при применении алгоритмов юридического знания в компьютерную эпоху, когда реальные процессы легко трансформируются в виртуальные, и очень важно, чтобы мы не ошиблись, принимая те или иные управляемые решения реальной жизни [2]. Известны несколько распространенных концепций информации, каждая из которых по-своему объясняет ее сущность. Они не существуют независимо друг от друга, а дополняют друг друга, освещая различные стороны философской категории «информация», но не дают однозначного ответа относительно ее сути вследствие ее многомерности. Все это является результатом стихийного синтеза повседневных, научных и технических знаний про информацию. С середины XX века под информацией понимается условие процесса обмена информацией между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в растительном и животном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму. В современных словарях иностранных слов информация трактуется как одно из наиболее общих понятий науки, обозначающее: 1) сообщение о чем-либо; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи; 3) в математике, кибернетике – количе-

ственная мера устранения неопределенности (энтропии), мера организации системы, а вот по определению ЮНЕСКО, «информация – это универсальная субстанция, пронизывающая все сферы человеческой деятельности, служит проводником знаний и мыслей, инструментом общения, взаимопонимания и сотрудничества, утверждения стереотипов мышления и поведения» [3]. Однозначно, что информация перестает быть только сведениями о лицах, предметах, фактах, событиях, процессах, независимо от формы их представления, а все больше приобретая сетевые методы, становится признаком нематериального ресурса развития общества, и с этим надо считаться при организации грандиозных информационно-коммуникационных проектов. При таких условиях возникает необходимость по-новому управлять не только информацией, а действиями с нею, то есть допуском к информации, отношениями различных субъектов, использующих ее в качестве информационного ресурса в своей деятельности. Сегодня все пытаются добавить что-то отдельно для более полного определения терминов «информация», «информационные ресурсы», «нематериальные активы», особенно если используют их, объясняя качество объектов инновационной деятельности. Сложность определения понятия усложняет процессы управления отношениями в информационной сфере [4]. Разнообразие форм и свойств информации переносится и на создаваемые информационные продукты и объекты. К тому же в современных сетевых структурах коммуникации информация, которая зафиксирована в электронном виде, приобретает виртуальной формы. В сетях уже формируются зоны, требующие постоянного и внимательного наблюдения и коррекции, возникает также потребность в коррекции правил правового регулирования отношений – информационном праве, включая в том числе задачи обеспечения информационной безопасности. С середины прошлого века оно вообще находится в центре внимания мирового сообщества и каждой отдельно взятой страны, поскольку мы достигли такого уровня, когда специалисты способны «взламывать» не только компьютеры, но и человеческий мозг, добывая информацию. Для этого нужны две вещи: большая вычислительная мощность – определенный объем персональных данных, в частности биометрических [4]. До сегодняшнего дня ни у кого, кроме спецслужб, не было такой мотивации, однако ситуация меняется благодаря развитию компьютерной науки и техники (расцвет машинного обучения, искусственный интеллект) и развития биологии, в частности нейробиологии, именно она дает необходимое понимание о работе человеческого мозга и способна уже сегодня «обнулить» многие радужные надежды тех, кто разрабатывает алгоритмы и технологии управления обществом. Опираясь на них, будущие обладатели «страны в смартфоне» могут, прежде всего, решать проблемы пользования и владения информацией не в качестве ресурса своего развития, а это чрезвычайно опасно для общества.

Литература

1. Андрюкайтене, Р. Становление и развитие smart-общества как высокоразумного, высокотехнологического, высоконтеллектуального / Р. Андрюкайтене, В. Г. Воронкова, О. П. Кивлюк, В. А. Никитенко // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2017. – Вип. 71. – С. 17–25.
2. Максименюк, М. Ю. Формування парадигми інформаційно-комунікативного суспільства як різновиду складної соціальної системи і взаємодії / М. Ю. Максименюк, В. О. Нікітенко // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. – 2016. – Вип. 66. – С. 266–278.
3. Nikitenko, V. O. Modern geokultura as a geokulturnij phenomenon // Humanitarian Bulletin of Zaporizhzhia State Engineering Academy / M-of education and science of Ukraine, Zaporizhzhia State Engineering Academy. – Zaporizhzhia, 2013. – Issue 53. – P. 261–270.
4. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Мин. : РИВШ, 2016. –446 с.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

К. Э. Сантоцкая

Описывая современное состояние общества, часто говорят о нем как о переходном, трансформирующемся, модернизирующемся или транзитивном обществе. Специфика транзитивного общества заключается в процессе радикальных преобразований социальной структуры, и, как следствие, – жизненного мира индивидов, составляющих общество.

Транзитивный процесс в обществе неразрывно связан с инновационным процессом, так как оба эти явления означают переход в иное, качественно новое состояние. Для этих процессов характерны единство и борьба старого и нового, сохранения и отрицания. Рассматриваемые явления не бывают комфортными, они всегда порождают сложную взаимосвязь риска, шансов и ответственности, однако они несут в себе идею дальнейшего развития, не обязательно однозначно позитивного.

В. Б. Агранович в своих работах выделяет основные черты присущие транзитивному обществу. Так, например, к ним относится: неустойчивость и неравномерность протекающих в нем социальных процессов; повышенная инновационная активность; прогрессивные тенденции и необратимость изменений, происходящих в меняющемся обществе; ситуация постоянного выбора человека между различными ценностями; антиномичность разума, деятельности и поступков человека; формирование типа личности – тип «рыночной ориентации»; развитие кризиса идентичности [1].

Современное образование как социальный институт формирует мировоззрение, выстраивает систему ценностей, конструирует социальную реаль-

ность, стратифицирует общество, детерминирует социальную мобильность, социальное здоровье и экзистенциальное самочувствие социальных групп и каждого человека [2].

В транзитивном обществе понятия «рынок» и «образование» становятся взаимосвязанными. Но на рынке главным становится коммерческий успех, тогда как целью инновационного образования является комплексная подготовка выпускника к профессиональной деятельности (абилитация). Причем не просто подготовка к профессиональной деятельности в условиях нормальной жизни и отлаженного производства, но и умение определять собственную образовательную траекторию в соответствии с меняющейся жизненной и профессиональной ситуацией [3].

Для подготовки к решению постоянно возникающих новых, уникальных и неожиданных задач требуется не столько знание определенного предмета, сколько навыки междисциплинарного подхода [4]. А все это невозможно без высокой социально-психологической, духовно-нравственной и физической культуры человека. Все это составляющие профессиональной самореализации, которая должна быть столь же важна для профессионала будущего, как и успех на рынке. Сочетание коммерческого успеха и профессиональной самореализации – это идеальная модель, к которой нужно стремиться.

Современному университету необходимо выживать в условиях быстрых перемен, распространения правил рынка на все сферы жизни человека, строительной социальной дифференциации и фрагментации общества [5].

Для успешного развития в транзитивном обществе современному университету необходимо развивать методологию междисциплинарных исследований, формировать у обучающихся и преподавателей социальные установки, обеспечивающие готовность к новаторству; обеспечивать знаниями, умениями и навыками, способствующими поиску новых нестандартных решений неопределенных ситуаций.

Учитывая все вышеизложенное, можно утверждать, что для успешного развития университета в транзитивном обществе необходимо учитывать черты данного общества и выстраивать свою деятельность в соответствии с ними. И лишь при грамотном применении всех предоставленных возможностей университет может успешно развиваться в транзитивном обществе.

Литература

1. Агранович, В. Б. Инновации в образовании в транзитивный период развития общества // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 6. – С. 211–214.
2. Santotskaya, K. E. The modern pedagogical education in the context of socio-philosophical studies / K. E. Santotskaya, A. A. Lyba // Journal of economics and social sciences. – 2017. – № 11. – С.43–46.
3. Loyko, O. Modern professional education in the global society: comparative study / O. Loyko, S. Dryga, J. Park, M. Palianov // Procedia – social and behavioral sciences. – 2015. – Т. 206. – С. 464–468.

4. Barnett, R. The University in an Age of Supercomplexity: challenges and possibilities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ronaldbarnett.co.uk/assets/docs/The%20University%20in%20an%20Age%20of%20Supercomplexity%20-%20Sao%20Paulo.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2012.

5. Строгецкая, Е. В. Идея и миссия современного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vo.hse.ru/data/2014/02/25/1330116487/VO%204_09%20Strog.pdf. – Дата доступа: 01.05.2012.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ НАУКОЙ

Л. Б. Султанова

Как известно, в постнеклассический период развития науки, т. е. начиная примерно с последней четверти прошлого столетия, во всех сферах духовной и практической деятельности разворачивается информационно-компьютерная революция, и перед социально-гуманитарным познанием в итоге возникает задача всестороннего осмыслиения опыта результатов этого сложнейшего и важнейшего процесса. Специфика исторического момента при этом заключается в том, что эти трансформации инициируют во всех сферах духовно-практической деятельности процессы не просто инновационные, приводящие к обновлению многих видов такой деятельности, но и зачастую неожиданные, с непредсказуемыми последствиями, причем эти последствия далеко не всегда оказываются социально позитивными. Современные исследователи философских проблем информационной цивилизации отмечают, что «...взаимодействие социального и технологического начала в культуре – это двусторонний процесс» [1, с. 325], и поэтому технологические изменения должны быть «уравновешены» изменениями социальными.

Очевидно, что осмысление этой специфики результатов информационно-компьютерной революции является задачей, прежде всего, социально-гуманитарного познания, и вектор этого осмыслиения должен быть ориентирован в критическом направлении. Это позволит не только сформулировать какие-то негативные прогнозы и предостережения, но даст серьезные основания для разработки возможных мер для «снятия» наиболее опасных последствий. Реальны будут эти меры и примет ли их общество – это уже другой вопрос. Хотелось бы, чтобы социально-гуманитарное познание было еще и практически ориентированным, но это зависит не только от философии.

Сегодня уже многим понятно, что важнейшая проблема, возникающая в результате информационно-компьютерной революции, – это проблема информационной безопасности, которая конкретизируется при обращении к отдельным аспектам ее проявления в различных сферах духовно-практиче-

ской деятельности. Современное информационное общество, которое многими исследователями предварительно характеризовалось как высший этап социальной эволюции, сегодня, когда оно стало фактом нашей жизни, вряд ли может рассматриваться как идеальное: мы видим, что широкие возможности, которые открывает применение информационных технологий во всех видах духовно-практической деятельности, далеко не всегда используются в рамках честной конкуренции. Фактически мы сталкиваемся с «размыванием» моральных норм и так называемым «черным пиаром». К сожалению, существует опасность проникновения такого рода способов и приемов из сфер политики и шоу-бизнеса и в иные сферы, в частности, в сферу научной деятельности, в сферу научной коммуникации. Очевидно, что подобные явления таят в себе реальную опасность, поскольку обладают потенциалом для разрушения объективных критерии научной конкуренции.

Разумеется, информационные технологии (наукометрия) позволяют каким-то образом оценить деятельность профессора или доцента в рамках эффективного контракта, а также формирует вроде бы объективные инструменты «управления наукой». Однако здесь возникает неизбежный вопрос о целях такого «управления», т. е. о том, каким образом соотносятся между собой цели «управления наукой» и цели самой науки как формы познания, как социального института и как инструмента образовательного процесса. Несложно понять, что эти цели, вообще говоря, не всегда совпадают. Дело в том, что, несмотря на, казалось бы, стабильную и «жесткую» организацию образовательной деятельности и иерархию степеней и званий в научной среде, наука как форма познания, по сути, является «научным поиском», т. е. разработка научных инноваций предполагает опору на творчество, на интуитивные механизмы работы мышления. Весь исторический опыт развития науки убедительно доказывает, что без творчества нет научных инноваций, что научные «прорывы» и революции возможны только на основе творческого «озарения», предполагающего свободу мышления, поэтому результаты научного поиска далеко не всегда предсказуемы. Разумеется, любой исследователь понимает, что отрицательный результат – тоже результат, но не всякий министр с этим согласится.

Все это означает, что «управление наукой», понимаемое буквально, т. е. в прямом значении этого термина, вряд ли возможно – по крайней мере, если в виду все же имеется достижение «научных прорывов» и разработка научных инноваций. Управлять распределением средств, грантов, материальных ресурсов – да, разумеется, вполне возможно. Но следует понимать, что «научных прорывов» само по себе все это не гарантирует – еще необходима честная свободная конкуренция, и, прежде всего, конкуренция идей и подходов. Вспомним Поппера, который в своей теории развития науки рассматривал именно конкуренцию идей, и отмечал, что в современной науке «вместо нас» (исследователей) «умирают наши теории». Это означает, что конкури-

ровать должны идеи, а не их авторы, что как раз и является идеалом честной свободной конкуренции в науке, коммуникативно реализуемой в процессе попперовской же «рациональной дискуссии», ориентированной на поиск истины как высшей научной ценности [2, с. 253–256]. На практике же мы видим, что довольно часто конкурировать приходится все же авторам идей, и насколько честной и свободной является такая конкуренция – разбираться необходимо в каждом конкретном случае, а на общем уровне что-то однозначно утверждать крайне сложно. И насколько здесь полезна наукометрия, также необходимо разбираться, так как количество публикаций далеко не всегда переходит в качество. К тому же наукометрия не является лекарством от «черного пиара», поскольку не может быть свободна от «человеческого фактора» и разного рода субъективных оценок.

Это крайне важно потому, что в научном познании «научная конвенция» временами играет не меньшую роль, чем опытно-экспериментальные исследования и теоретическое доказательство [2, с. 256]. Понятно, что «научная конвенция», как исторически формирующийся вердикт научного сообщества по некоторым вопросам вплоть до базовых (в период кризисных ситуаций), имеет особое значение и весьма специфична в том смысле, что здесь становится действующим «человеческий фактор».

Думается, что наша задача при этом – ввести наукометрию и другие возможности информационных технологий, которые могут появиться со временем, в разумные рамки, не отказываясь от наукометрии в принципе. Понятно, что какие-то кризисные ситуации в процессе развития и применения информационных технологий неизбежны, и необходимо будет научиться их разрешать в интересах науки и самих исследователей. Главное при этом – развивать и оберегать механизмы честной и свободной конкуренции в науке. Мы должны понимать, что, если мы говорим о личностной самореализации исследователя, то это не означает пренебрежения средствами этой самореализации – дозволено отнюдь не все. Прежде всего, имеет значение ценность – реальна таковая или нет – результатов этой самореализации. Думается, что это более значительно именно для социально-гуманитарного познания, поскольку оно по природе своей подвержено более субъективным оценкам.

Фактически разумная организация научной деятельности означает, что любой автор должен получать «площадку» для обсуждения полученных результатов. Нельзя допустить, чтобы вследствие злоупотребления научным сообществом информационными технологиями, честная и свободная конкуренция в науке оказалась под вопросом. Ведь наука является поистине фундаментом современной цивилизации, и у человечества нет другого инструмента для получения обоснованного и доказательного знания о внешней реальности. Утеря или «размывание» коммуникативных механизмов честной и свободной конкуренции в науке фактически означает отказ от самой надежды на реализацию позитивных сценариев будущего.

Литература

1. Лазаревич, А. А. Исследования в области философии и эпистемологии информационного общества / А. А. Лазаревич, С. А. Мяччило // Философские исследования : сб. науч. трудов. – Вып. 4. – Минск : Бел. наука, 2017. – С. 323–340.
2. Султанова, Л. Б. Закономерности научного познания / Л. Б. Султанова // Российский гуманитарный журнал. – СПб. : Социально-гуманитарное знание. – 2018. – Том 7. – № 4. – С. 245–259.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

И. В. Сумченко

Социальная справедливость выступает, пожалуй, одним из наиболее сложных для осмыслиения концептов, поскольку в представлениях о справедливости отображается «социальное, политико-правовое и нравственное отношение к действительности с позиций должного» [1, с. 9]. Кроме того, социальная справедливость выступает основанием любой культуры, поскольку эта категория связана с системой норм, традиций и ценностей социума, она задает духовные ориентиры, участвуя как в формировании общественного идеала, так и в поиске его практического воплощения.

Проблема социальной справедливости имеет достаточно длительную историю философского осмыслиения, существуют разнообразные подходы ее интерпретации.

Если обратиться к анализу ведущих языков западноевропейских стран, то можно обратить внимание на то, что для обозначения справедливости используются разные морфемы: так, «в английском языке... есть производные от четырех корней (justice, fairness, equity, righteousness i rightness), а во французском от трех (justice, équité i raison в фразеологизме avoir raison – «быть правым»)» [2, с. 28].

Анализ же понимания слова «справедливость» в славянских языках, в частности, в русском, позволяет прийти к выводу, что есть существенные различия интерпретации данного термина, в частности в славянских языках слово «справедливость» приобретает дополнительный ценностный аспект, связывающий справедливость с правдой.

Возникновение идеи справедливости связано со становлением человеческой личности, усложнением межличностных отношений, формированием и развитием мифологического сознания. Вместе с тем можно выделить две существующих точки зрения на происхождение этой идеи в эпоху архаики и древности.

Часть исследователей данного феномена считают, что представление о справедливости возникает как следствие осознания необходимости коопера-

ции людей для их физического выживания. Согласно же другой точке зрения возникновение идеи справедливости в этот период связано с попыткой легитимации возникшего социального неравенства и дифференциации.

Главным постулатом религиозной трактовки справедливости выступает идея воздаяния. Наиболее ярко этот концепт проявился в учении буддизма. Карма, согласно буддийскому мировоззрению, это отплата за предыдущее существование с возможностью (в случае праведной/неправедной жизни) улучшить/ухудшить обстоятельства своего последующего перерождения и в конечном итоге достичь нирваны.

В соответствии с христианскими постулатами, источником и гарантом социальной справедливости выступает Бог. Он устанавливает справедливые законы мироздания, однако человек, обладая свободой воли, может как исполнять эти законы, так и нарушать их. Воздаяние за его поступки неминуемо, правда, уже после физической смерти человека. Кроме того, в христианстве существует корреляция между справедливостью и такими нравственными чувствами как совесть, сочувствие, милосердие.

Помимо мифологического и религиозного представления о справедливости, можно говорить также о существовании ее философско-рационалистической интерпретации. Ее основополагающий тезис – конкретно-историческое, иногда индивидуализированное представление о справедливости, как о должном. Но к какомуциальному следует стремиться обществу и каким должен быть социум, который можно назвать справедливым? Еще Аристотель ввел различие двух видов справедливости распределительной (дистрибутивной) и уравнивающей (коммутативной). В рамках теории распределительной справедливости получение благ зависит как от усилий и участия человека в их выработке (приобретении и пр.), так и от социального статуса индивида. Уравнивающая справедливость «проявляется в уравнивании того, что составляет предмет обмена» [3, с. 147], она обеспечивает равновесие между ущербом и выгодой для каждого человека и предполагает отплату равным за равное, соразмерность и эквивалентность.

Новый деонтологический подход, критически переосмысливающий аристотелевское учение о справедливости, был предложен И. Кантом, согласно которому социальную справедливость следует рассматривать, прежде всего, как феномен права, в котором происходит формализация этических постулатов. В свою очередь, этот подход был подвергнут критике с разных сторон – как в учении Г. Ф. В. Гегеля, так и в философии К. Маркса.

Вместе с тем современные исследователи в том или ином виде в своих работах опираются на эти три представления, которые сложились с социально-философском знании: теория дистрибутивной справедливости (Дж. Гэлбрейт), коммутативной справедливости (например, М. Сэндел, А. Макинтайр, Ч. Тейлор) и деонтологический подход к пониманию справедливости (в частности, Д. Ролз, Р. Дворкин, Б. Аккерман).

Литература

1. Социализм: социальная справедливость и равенство [Текст] / Под ред. А. П. Бутенко. – М. : Наука, 1988. – 224 с.
2. Воркачев, С. Г. Правда земная: идея справедливости в языковом сознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Концептуальные исследования в современной лингвистике : сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб. – Горловка : изд-во ГГПИЯ, 2010. – С. 27–35.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭРУ

Т. О. Сундукова

Трансформация знаний относится к практическим последствиям, которые могут быть получены из целевых знаний для изменения существующих привычек, практики и институциональных целей. Знания о трансформации позволяют практикующим специалистам оценивать различные стратегии решения проблем и приобретать компетенцию для стимулирования, реализации и мониторинга прогресса, а также для адаптации и изменения поведенческих установок.

Цифровая трансформация знаний революционизирует способ работы людей не только в офисе, но и в таких условиях работы, как производство или строительство. Новые способы объединения цифровых и физических инноваций и активизации межорганизационного сотрудничества являются ключевыми характеристиками успеха.

Цифровая эра, которая началась с появлением Интернета, кардинально изменила методы исследований и производства знаний в нашем бизнесе, в наших учебных заведениях и в нашей жизни. Рассмотрим некоторые из ключевых факторов этой трансформации.

Децентрализация и дезинтермедиация, понимаемые как растущий потенциал информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для преобразования доступа и использования информации [1, с. 17]. За последнее десятилетие Интернет стал социальной сферой, в которой сообщества могут создавать и распространять знания и информацию среди других. Это явление не только разнообразило механизмы производства знаний, но и нарушило то, что традиционно понималось как действительные знания [2, с. 28].

Массовость и растущий спрос. Доступ к образованию значительно изменился во второй половине XX века. После Второй мировой войны люди, имевшие доступ к университетам, были частью элиты своих обществ. В 1970-х и 1990-х годах эта ситуация изменилась: получить высшее образование могла большая часть общества во всем мире (например, с растущим

спросом женщин на получение университетских степеней) [3, с. 313]. Кроме того, с расширением Интернета и интересом к расширению сектора образованных работников возник беспрецедентный спрос на высшее образование. Доступ к Интернету оказал влияние на феномен коммодификации знаний, когда знания используются, производятся и управляются как продуктом или когда процессы познания совместно модифицируются и механизируются.

Новые формы производства знаний. Растущая взаимосвязанность и взаимозависимость внутри обществ в XXI веке повлияла на то, как производятся знания: создание новых знаний происходит гораздо более распределенным образом. Поэтому в настоящее время производство не только более распространено, чем несколько десятилетий назад, но и более совместно [4, с. 17]. Кроме того, расширение касается не только объема, но и признания важности перехода к трансдисциплинарному и междисциплинарному производству знаний [5, с. 154]. Следовательно, расширение новых автономных систем (искусственного интеллекта), способных распознавать и интерпретировать текст, звук и изображение, открывает совершенно новые границы с точки зрения искусственных форм производства, распространения, подтверждения и применения новых знаний.

Новые средства распознавания знаний. Принимая во внимание некоторые из уже упомянутых факторов и тенденций, можно утверждать, что формы и механизмы оценки, проверки и признания знаний также меняются. Это не означает, что традиционные формы признания знаний (например, диплом, сертификат) больше не действительны, но происходит переход к новым формам оценки обучения и появляются новые инструменты оценки влияния академических исследований [6, с. 12]. Новые подходы используются для проверки, распознавания или аутентификации новых форм обучения [7, с. 131]. Сегодня актуально не только то, какие у человека имеются знания (или какие знания он получает), но и то, что индивид может сделать со знаниями (адаптивный опыт, повышение квалификации, своевременное обучение).

Цифровизация университетов. Высшие учебные заведения уже учатся у других секторов, предлагающие нематериальные продукты и услуги, которые можно легко оцифровать. Новые возможности и угрозы оказывают влияние на способность высших учебных заведений конкурировать в цифровой среде. Интернет-курсы в настоящее время проявляются в запуске массовых открытых онлайн-курсов (МООС) по всему миру. Это открывает новые возможности для демократизации доступа к образованию, а также определяет новые угрозы и этические проблемы, требующие решения.

Новые пути изучения цифровизации высшего образования в ближайшем будущем – ориентация на формирование необходимой практики. Мы убеждены в том, что гибкость и текучесть, которые технологии привносят в знания, могут получить дальнейшее развитие, если будут иметь место:

- создание и внедрение более гибких образовательных пространств, где контент будет совместно использоваться в различных формах;
- внедрение новых форм доступа к обучению, таких как виртуальные сре-ды, онлайн-ресурсы, мобильные возможности;
- установление множественных взаимодействий с различными сетями за пределами наших первоначальных географических мест или дисциплин;
- поощрение активных связей между научными кругами и промышленно-стью, где доступ к знаниям будет более гибким, актуальным, ориентирован-ным на учащихся;
- содействие междисциплинарности и глобализации доступа к знаниям путем создания платформ для взаимного взаимодействия между дисципли-нами и странами.

В ближайшем будущем доступ к знаниям будут создаваться в совершенно иной системе, чем традиционные формы преподавания и обучения. Таким образом, перед нами открываются новые горизонты для дальнейших исследований, взаимодействия с новым контентом и приобретения новых знаний.

Литература

1. Becker, S. A. et al. NMC horizon report: 2017 higher education edition / S. Becker. – The New Media Consortium, 2017. – 60 p.
2. Keen, A. The Internet is not the answer / A. Keen. – London : Atlantic Books, 2015. – 288 p.
3. Trow, M. From mass higher education to universal access: The American advantage / M. Trow // Minerva. – 2000. – Т. 37. – №. 4. – P. 303–328.
4. Plume, A. Publish or perish? The rise of the fractional author / A. Plume, D. Van Weijen // Research Trends. – 2014. – Т. 38. – №. 3. – P. 16–18.
5. Gibbs, P. Transdisciplinary professional learning and practice / P. Gibbs. – New York : Springer. – 2015. – 214 p.
6. Wilsdon, J. Next-Generation Metrics: Responsible Metrics and Evaluation for Open Science. Report of the European Commission Expert Group on Altmetrics / J. Wilsdon. – 2017. – 26 p.
7. Glover, I. Towards the devolution of life wide learning awards through verifiable digital badges / I. Glover, C. Malone // Lifewide Learning and Education in Universities and Colleges. – 2014. – P. 126–137.

МЕТОДОЛОГИЯ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИОПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

А. И. Сыкало

«Подчинить себе природу можно только подчиняясь ее законам»
Ч. Дарвин

Оптимизировать социоприродные процессы в современном мире возможно при соблюдении двух методологических тезисов, озвученных классиками

более ста лет назад, но так и не принятых к исполнению обществом. Этого оказалось достаточно, чтобы обнулить вероятность существования Жизни и Разума во вселенной. И Жизнь, и Разум существуют только в Земном исполнении, все остальное – гипотезы и вымысел фантастов. Такова цена грядущей в этом веке глобальной цивилизационной катастрофы.

Первый тезис может быть сформулирован сегодня как объединение принципа всеобщего единства косной, живой и мыслящей материи (уравнение материи и сознания в правах) с принципом всеобщего развития (единые законы самоорганизации). Иными словами – *формой существования материи и сознания является самоорганизация*. Следствием такого объединения будет утверждение, что прошлое, настоящее и будущее, объединенное общими законами самоорганизации, равно прозрачны при знании и соблюдении этих законов. Не менее очевидно, что будущее мыслящей материи (а именно она в лице человеческого общества определяет быть или не быть биосфере, человеку и социуму в XXI веке) зависит от организации техносферы и этики, которой руководствуется человек в социоприродных процессах. Сумма технологий и потребительская этика «успешности и богатства» не просто исчерпали свой эвристический потенциал, но и стали могильщиками земной (а значит, и вселенской) жизни и разума.

Второй тезис вынесен в эпиграф и нуждается в комментариях. Он реализуем при знании законов природы необходимом и достаточном для управления коэволюцией материи и сознания при безусловном (императивном) подчинении этим законам каждого человека и мирового сообщества в целом. Сфера разума (ноосфера) это диктатура законов самоорганизации, концентрирующая свободу воли всех и каждого на достижении общих целей, постижении и реализации смысла жизни, на выполнении миссии Человека разумного.

Мир устроен достаточно просто и законы его столь же просты, сколь и обязательны к исполнению. И его можно, а значит, необходимо объединить в рамках одной теории и на ее основе сформулировать циклический алгоритм атрибутивной самоорганизации и основания императивной этики. Материалы по императивной этике и экологическому императиву интересуют меня на протяжении полувека, десятки раз докладывались и публиковались, и сдержанность критики объясняется, на мой взгляд, масштабностью проблемы и ракурсом рассмотрения с общих позиций естественно-гуманитарной научной картины мира.

Модель циклической самоорганизации материи и сознания, «Нооскоп» – это вербальная и графическая модель мира, позволяющая анализировать системную эффективность прошлого, моделировать, проектировать и конструировать устойчивое системное будущее. В основе модели лежит представление о симметричности взаимодействующих континуумов – *пространственно временного* (в интерпретации А. Эйнштейна) и энергетико-

информационного (в авторской интерпретации). В ней традиционная асимметрическая картина мира становится бинарно симметричной, а алгоритмизированное взаимодействие, в отличие от устоявшихся взглядов, представляется многоступенчатым процессом, обеспечивающим переход от бинарной симметрии атрибутов к фрактальной симметрии открытых систем. Оказалось, что «позади взаимодействия» есть что познавать – именно здесь лежит диалектическая причина и механизм любого развития.

Характеристики базовых атрибутов обоих континуумов в процессе самоорганизации пространство (*вещество*) и *энергия* не требуют особых пояснений. Достаточно сказать, что они должны быть гомеостатами – сырьевым (природный и техногенный круговорот веществ) и энергетическим (тепловой баланс планеты). Оба гомеостата разрушены в масштабе планеты необдуманными действиями человека и их восстановление возможно, необходимо, но не достаточно для оптимизации социоприродных процессов. Глобальная цивилизационная катастрофа стартовала не с разрушения природных гомеостатов – это следствия.

Первопричина надвигающейся катастрофы заключена в неверном выборе системы ценностей, отсутствии общечеловеческих, национальных и личностных целей. Без научно аргументированного ответа на вопрос о смысле существования человека и общества, о содержании и единстве их целей, о предназначении разума и миссии человека в развитии вселенной не возможна оптимизация социоприродных процессов нет ни вектора, ни критериев, ни индикаторов оптимизации. Нет хотя бы ориентировочных расчетов необходимых ресурсов – сырьевых, энергетических, информационных, людских и ресурсов времени.

Продукты же взаимодействия двух континуумов – симметричные вторичные атрибуты (*время* и *информация*) – требуют комментариев.

Время в описываемой модели представлено прошлым и будущим, настоящее не имеет физической размерности и является условной (договорной) характеристикой времени. В открытых системах время течет с ускорением (увеличение доли мобильного информационного ресурса) – формируется «стрела времени». В закрытых системах при нарушении структуры и действия гомеостатов (современный человек разрушил все четыре гомеостата планеты и общества) начинается обратный ход времени. Оно может быть названо *таймерным*, а динамика траектории хода времени в закрытых системах копирует полет бumerанга с точкой невозврата, когда всех ресурсов системы уже не хватит, чтобы вернуться к системному ходу времени. Пока не ясно – прошли ли мы уже точку невозврата? Системное и таймерное время предмет анализа прошлого и будущего и в модели «Нооскопа» измерять надо не время, а степень его ускорения или замедления.

Требует особых комментариев и категория «*информация*». Большинство населения, включая специалистов, трактуют термин в бытовом варианте

как сведения, хранящиеся, перерабатываемые или передаваемые от одного пользователя системы коммуникаций к другому. На самом деле с момента формулировки теории информации в 1948 году информация была техническим термином, и дальнейшее мировоззренческое и философское развитие содержания и смысла этого понятия до сих пор вызывает споры и разнотечения. Определим информацию, как меру устранения неопределенности и формирования системной сложности самоорганизующихся (развивающихся или деградирующих) открытых и закрытых систем. Понятийный статус информации – вторичный атрибут (симметричный времени) материи и сознания. Системные свойства этого атрибута необходимы для понимания и управления процессами самоорганизации планеты, ее биосфера и социума, для социального проектирования и конструирования условий выхода из глобальной цивилизационной катастрофы.

В отличие от остальных атрибутов, степень дефицитности которых расчет в ходе самоорганизации, информация профицитна, ее количество и качество возрастают в процессе самоорганизации. Она способно замещать все остальные атрибуты в процессах самоорганизации. В процессе познания величина неопределенности в объекте может изменяться от 100% (новый объект познания, «вещь в себе») до «0%» (познанный объект, которым можно управлять «вещь для нас»).

Наиболее интересна и важна ресурсная роль информации в процессах взаимодействий. Известная формула « $e = mc^2$ » не находит применения ни в биологии, ни в гуманитарной сфере, но порождает интересные следствия: если ввести в формулу информацию $e = mc^2/i$, то чем сложней объект взаимодействия, тем меньше энергии необходимо затратить на его переход к более системно сложному состоянию. Если же в формулу Эйнштейна ввести соотношение сложности взаимодействующих объекта и среды $e = mc^2/i_1/i_2$, то появится возможность количественного сравнения разных систем и их состояний в иерархическом ряду самоорганизации. Можно будет строить периодические модели череды циклов самоорганизации и в рамках предлагаемой атрибутивной теории самоорганизации появляется возможность построения единой периодической системы материи и сознания, необходимой и достаточной для управления их коэволюцией.

ГОД МАЛОЙ РОДИНЫ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ТРАДИЦИИ

И. И. Таркан

В Беларуси 2018-2020 годы пройдут под знаком Года малой родины. Соответствующий Указ № 247 от 20 июня 2018 г. подписал Президент Республики

лики Беларусь, содержание которого акцентирует внимание и усилия власти на стимулирование социально-экономического развития регионов, формирования активной гражданской позиции у населения, сохранения историко-культурного и духовного наследия.

На наш взгляд в Год малой родины актуализируется идеологический дискурс о традиции, поскольку цивилизационные перспективы Беларуси возможны при условии возрождения и укрепления традиционных ценностей как базовых оснований государственности и общественного вектора развития.

Выступая с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту 19 апреля 2019 г., Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «В нашей национальной культуре заключены колоссальные духовные богатства. Это наш нравственный стержень, он помогает сохранить самобытность. Сегодня, когда извне нам навязываются некие усредненные ценности, порождающие безвкусицу, бездуховность, для нас очень важно: показать это богатство, сохранить свои идеалы, чувство собственного достоинства. Значит, сохранить силу страны, ее независимость. Мы должны сделать все для того, чтобы сберечь и приумножить наше культурное наследие, воспитать на нем новое поколение» [1, с. 6]. Действительно, современное общество потребления превращает человека в объект манипуляций с целью навязать ему потребительские ценности и модели поведения. Определенная часть современной молодежи не имеет четких духовно-нравственных ориентиров, отдает предпочтение бездуховному времяпрепровождению в погоне за удовольствиями.

Современная жизнь диктует народам цивилизационные вызовы, логика которых обусловлена необходимостью находить баланс сочетания традиционных и цивилизационных ценностей. Цивилизационный вектор развития означает с одной стороны преодоление узких (локальных) связей и отношений, вкрапленных в традицию, с другой – необходимостью формирования институтов цивилизационного общества, поскольку цивилизация – это переход общества к собственно социальной организации (ядро которого образует государство), когда жизнедеятельность общества не сводится к одному какому-либо параметру, а включает в себя природные, культурные, религиозные и другие факторы, обуславливающие уникальность и неповторимость общественных организмов.

В механизме общественного развития традиция выступает посредником между современностью и прошлым, и в этом контексте исследование белорусской традиции как культурной матрицы государственности является важнейшей философской и идеологической задачей, решение которой возможно с учетом следующих методологических соображений:

1. «Традиция» (от лат. traditio – передача, предание) в философской литературе определяется как способ бытия и воспроизведения элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преем-

ственность опыта поколений, времен и эпох. Антитезой традиции является инновация, которая определяется как нововведения, понимаемые в контексте общей тенденции вытеснения традиционных форм мировосприятия и деятельности рационально организованными. Правильное понимание диалектики взаимоотношения традиции и инновации – залог эффективного решения проблем развития общества.

Термин «традиция» сам по себе многозначен и сложно поддается рационализации, поскольку таит в себе скрытые пластины коллективного бессознательного и ментальные установки. Традиция представляет собой неоценимый капитал интеллектуального и идеологического дискурса, поскольку является собой проверенный временем механизм поддержания моральных норм, ценностей и идеалов коллективного опыта, культурных и социальных достижений. Расшифровать культурную матрицу традиции означает понять идею страны. В этом контексте интересно высказывание М. Тэтчера: «Чтобы сформировать идею страны, вовсе не обязательно иметь какую-то особую точку зрения. Если вы хотите, чтобы эта идея была правильной, нужно постичь загадку национальной самобытности» [2, с. 43-44].

Обращение к традиции способствует и правильному пониманию современных вызовов и угроз национальной безопасности. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности называются «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции» [3, с. 17].

В западном научном сообществе «поворот к традиции» уже осознан и в качестве тренда набирает силу. Например, в современной Турции, особенно после неудавшегося государственного переворота в июле 2016 г., наблюдается повышенный интерес к исламу как традиционной религии.

Современные исследователи до сих пор имеют смутное и порой предвзятое представление о том, что именно делает Японию страной японцев, США страной американцев, Францию страной французов, а Россию страной русских и т. д. Это побудило исследователей разных идейных направлений искать ответы на вопросы времени в традиционных ценностях и ментальных установках народов.

Например, в коллективной монографии белорусских авторов «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» [4] представлен научный анализ культурной матрицы белорусов в контексте изучения цивилизационной модели белорусской экономики. Можно согласиться с авторами монографии в том, что «национальная культурная матрица охватывает все белорусское общество. Она видна в каждой белорусской организации, коллективе, семье, в каждом из нас. Мы все похожи, находясь в ней, все оказываемся под ее влиянием и сами влияем на нее» [4, с. 47].

2. Учитывая неоднозначность исследовательских подходов к анализу традиции, мы предлагаем в рамках идеологического дискурса о традиции в Год малой родины исследовать роль концептов «тутейшность», «тутейший», роль которых в структуре белорусского менталитета понимается исследователями неоднозначно. Так, например, белорусский философ И. Ширшов трактует белоруса-тутэйшего как недооформленного человека, не ставшего носителем развитого национального самосознания [5, с. 309].

По существу, концепты «тутейшность», «тутейший» раскрывают характерные черты локальной идентичности белорусов, выраженной в местной самоидентификации в большей степени сельских жителей. Белорус в социальной оболочке «тутэйшего» традиционно был ориентирован на мир повседневности, в котором складывались короткие социальные связи в виде семейно-родственных отношений. Необходимо иметь в виду, что современное общество живет в условиях постмодерна, когда человек строит свою картину мира, погружаясь в цифровую среду Интернета. Особенно такая тенденция присуща так называемому «поколению Z», представители которого уже не мыслят свою активность без социальных сетей, планшетов, гаджетов.

В этом контексте «тутейшее» сознание белоруса в хорошем смысле консервирует традиционные представления о жизненном укладе, что ограждает народ от социальных экспериментов и необдуманных реформаторских преобразований.

Литература

1. Лукашенко, А. Г. Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность: выступление Президента А. Г. Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту / А. Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 20 апреля. – С. 1–8.
2. Тэтчэр, М. Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчэр ; пер. с англ. – 6-е изд. – М., 2016. – 504 с.
3. Концепция национальной безопасности. – Минск, 2011. – 46 с.
4. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскрытие / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск, 2017. – 368 с.
5. Культурология : учеб. пособие / под науч. ред. А. С. Неверова. – 3-е изд., испр. – Минск, 2008. – 368 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИХОТОМИИ «ДУХ/РАЗУМ – ТЕЛО» В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

T. B. Тесленко

Эклектика постмодернизма, с неизбежностью отражая трансформации классических бинарных оппозиций, актуализирует основополагающую ди-

хотомио «дух/разум – тело». Актуальность исследования «природы» человека, в целом подтверждается определенными социокультурными процессами конца XX – начала XXI вв. Обращение к Просвещению, определение эволюции концептов и их преемственности обеспечивает не только выявление трансформации философии Просвещения, но и акцентирует творческое развитие его идей в последующие периоды исторического процесса. Следует подчеркнуть, что теория «естественного человека» исключает тезис о рациональном субъекте, и именно поэтому философы и писатели Просвещения, вступая в полемику с Ж.-Ж. Руссо, акцентуализируют в своих произведениях одинаковую, «Богом данную», сущность мужчин и женщин, право всех на образование и знание, дающие возможность рационального выбора жизненного пути. Если признать справедливость афоризма А. Уайтхеда о том, что вся философия – это серия ссылок на Платона, то нужно подчеркнуть, что дихотомия «дух/разум – тело» является одной из самых древних дуальностей, которая по-прежнему актуальна в своей «фундаментальной неизбежности» [1, с. 211].

В конце ХХ – начале ХХI вв. дискуссии о разуме и теле продолжают находиться в фокусе внимания основных философских школ и направлений, как Европы, так и Америки – от Л. Витгенштейна до Дж. Райла. Эклектика века с неизбежностью отражает субстрат философских идей, затрагивающих и эмпиризм, и теософию, и витализм, и материализм, и рационализм, и иррационализм; все вышеперечисленное сходится в одной точке, находящейся в основании дихотомии «дух/разум – тело» идей Просвещения. Влияние ренессансных представлений о природе человека и Фачино, и Пико делла Мирандолы, несомненное в философии и культуре Просвещения, артикулирует как христианские версии неоплатонизма, так и декартовское «празднование» доказательств полярности духа/разума и тела. Было ли это следствием развития модных светских идей или вызовом, брошенным «старой» философией, все еще вызывает серьезные дебаты широкого круга историков и философов [2, с. 282].

Длинный XVIII век – от Реставрации в Англии до революции во Франции – находился под главными факторами влияния – медициной и литературой, влияния, прежде всего, на философские идеи и общее культурное мировоззрение. Медицина в ее открытиях и эволюции и литература в трудах великих писателей Просвещения, узаконивая модели мышления, создавали непрерывность, очерчивая концепции ментальной «анатомии» последующих веков. Подчеркивая многообразие и многогранность философского дискурса Просвещения, исследователи рассматривают его в качестве эклектического, вовлекающего разнообразные дискурсы междисциплинарного метода. Необходимо отметить, что анализ взаимоотношений науки в целом с «воображенiem» художественных форм искусства невозможен вне сферы междисциплинарного исследования [3, с. 17].

Ученые доказывают, что с момента своего возникновения философия в центр своего внимания всегда ставила вопрос о человеке, его сущности и природе [4]. Просвещение, множеством путей пришедшее к выводу о том, что базисом критики и реформы общества должно стать исследование природы человека (по Д. Юму), в своих теориях и концепциях уделяет значительное внимание именно этому вопросу, что в русле исследований об анатомии человека – в целом, и «нервах», – в частности, дает почву для новых дискурсов и нарративов в социальной практике XXI века.

Литература

1. Rousseau, G. S. Enlightenment Crossenас: Pre-and Post-modern Discourses / G. S. Rousseau. – Manchester University University 1991. – 400 p.
2. Joseph, J. Language, Mind and Body / J. Joseph. – Cambridge University Press, 2017. – 282 p.
3. The Language of Psyche / Ed. G. S. Rousseau. – University of California Press, 1991. – 494 p.
4. Гнатенко, П. И. Феномен природы человека / П. И. Гнатенко. – К. : Вища освіта, 2014. – 267 с.

МИФЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ ЭТИКИ

Л. М. Томильчик, Н. Г. Кембровская

Манипулирование общественным сознанием – очень сложный и многосторонний процесс. Этот феномен фактически известен с древних времен. Достаточно вспомнить хотя бы римский принцип управленческой практики «разделяй и властвуй». По мере усложнения социальной структуры общества и умножения социальных связей в последующие эпохи (Возрождение, Просвещение, индустриальный либерализм) метод прямого принуждения и различные формы явного насилия, как способы социального управления, становились все менее эффективными. Возникла потребность в более тонких подходах.

«Развитие наук об обществе и культуре второй половины XX – начала XXI века достаточно четко зафиксировало программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности. Культурологический подход... акцентирует внимание на роли ценностей сознания... Эти ценности проявляются во всех сферах культуры (науке, философии, религии, морали, искусстве, политическом и правовом сознании). Несмотря на относительную автономию этих сфер... изменение базисной ценности в одной сфере неизбежно отрезонирует в других» [1, с. 17].

Человечество приблизилось к созданию такого типа общественного жизнеустройства, где главным и почти тотальным средством господства станут

разнообразные пути и формы информационной обработки сознания. В этом сложном процессе происходит своеобразная мифологизация общественного сознания. «XX веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать новую технику мифа... Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь» [2, с. 123].

Сегодня на человека ежедневно обрушивается мощный информационный поток – сводки новостей и рекламные ролики, радиопередачи, новости в социальных сетях, статьи в новостной интернет-ленте и т. д. В этом неструктурированном потоке мы, не успевая осознать каково наше личное отношение к той или иной проблеме, неосознанно принимаем точку зрения, продиктованную СМИ. Глубинный смысл такого медиа-манипулирования состоит в том, чтобы програмировать и контролировать поведение людей, получая перед ними преимущества за счет ограничения их свободы выбора. Источник-манипулятор преследует некие собственные цели (явно неоговоренные, но подразумеваемые), создавая при этом такие ситуации, в которых у объекта манипуляции сохраняется иллюзия свободы выбора решений.

Умолчание – очень тонкая форма обмана путем утаивания существенного элемента правды, представляет собой один из самых эффективных и часто используемых способов манипулирования. Здесь речь идет в первую очередь о прямом утаивании от общества «взрывной» информации либо о целенаправленном (преднамеренном) смягчении сведений о ее реальной опасности для общества. Возможен, однако, и другой вариант, который можно условно назвать непреднамеренным манипулированием. Это ситуация, когда появление абсолютно достоверной информации о некотором реальном достижении воспринимается общественным сознанием как сигнал об опасности. Оба эти варианта манипулирования особенно отчетливо представлены в ситуациях, когда целевые информационные потоки связаны с современной научной и научно-технической проблематикой.

Рассмотрим два поучительных примера: один относится к категории преднамеренной, а другой – к непреднамеренной манипуляции. Известная энергетическая компания «Exxon», взяла курс на инновации и инвестиции в науку. Ученые, финансируемые компанией, установили, что сжигание ископаемого топлива может повлиять на климат, провоцируя парниковый эффект (нагревание атмосферы, подъем уровня океана, увеличение количества засух на планете). Поэтому ученые опубликовали свои выводы и предложили значительно сократить потребление нефти, газа и каменного угля. Однако в это время упали цены на нефть, компания в интересах сохранения бизнеса издала внутреннее распоряжение, согласно которому в общении с прессой следует подчеркивать гипотетичность полученных данных об изменении климата.

Когда предсказанные последствия изменения климата стали очевидными, о серьезности проблемы стало известно широкой общественности, и перед нефтяными компаниями замаячила перспектива жестких мер регулирова-

ния их деятельности. В ответ они инициировали информационный вброс, отрицающий или ставящий под сомнение реальность климатических изменений. Важнейшим социально значимым итогом всей этой истории стала трансформация первоначальной, чисто научной проблемы в проблему остро политическую. Вся эта кампания дезинформационная по своему существу, разворачивалась с прямым нарушением общепринятых в науке принципов исследования, а также традиционных норм научной этики.

Постиндустриальная эпоха – время создания фундаментальных научных теорий, разработки на их основе принципиально новых технологий. Ученые стремятся к диалогу с обществом по самым разным вполне понятным причинам: чтобы добиться финансирования или возможностей международного сотрудничества, привлечь внимание потенциальных молодых сотрудников и аспирантов к научным программам или, наконец, просто пробудить общественный интерес к науке. Такой обмен информацией может быть многосторонним и полезным для всех участников процесса. Однако, «наука – это особый мир, со своим языком, далеко не всегда понятным широкой публике. Как же донести информацию о важных научных открытиях до людей, далеких от научного мира? Как доступно рассказать о новейших достижениях?..» [3, с. 4].

И здесь реальный эффект может оказаться весьма неожиданным. В то время, когда на самой крупной (на данный момент) в истории человечества рукотворной установке для ядерных экспериментов Большом адронном коллайдере был открыт бозон Хиггса, которого почти полвека недоставало в картине строения физического мира, прозвучали и голоса с требованием немедленной остановки коллайдера виду его смертельной угрозы для человечества. Основанием для подобной реакции послужил комментарий одного из ведущих специалистов, который, стремясь подчеркнуть специально для широкой публики грандиозность достижения, сказал, что при этом воспроизведены условия на триллионную долю секунды, отстоящие от Большого Взрыва. Вполне естественно, что подобная информация не могла не напугать среднестатистического носителя обыденного сознания, поскольку для него такой мизерный промежуток времени не более, чем «ослепительный миг». Эта ситуация рассмотрена с позиций анализа обыденного познания [4].

В действительности комментатор использовал привычный для него профессиональный сленг, где энергетические масштабы бывает удобно выражать в промежутках времени. Фактически озвученное им число в пересчете «на энергию» означает миллионные доли от одной миллиардной доли той энергии, которая характерна для Большого Взрыва. Так что функционирование БАК не представляет для нашей планеты ни малейшей опасности. Этот эпизод сигнализирует о наличии вполне серьезной проблемы. Речь идет о существовании своеобразного психологического явления, которое по об разному выражению известного психолога и философа У. Джеймса можно

было бы назвать «эффектом неверно понятой истины». Данный эффект является мощным психологическим стимулятором как наблюдаемого систематического появления в масс-медиа мифологизированной информационной продукции псевдонаучного толка, так и основным источником ее очевидной востребованности обществом (удручающе высокий рейтинг телевизионных проектов типа «Битва экстрасенсов»). Более того, на страницах действующих учебных и учебно-методических пособий, а также в интернете вполне уютно расположились мифологизированные («подразумеваемые») версии истории науки [5]. Важно помнить, что мифологизированные информационные потоки в конечном счете влияют на формирование вполне реальных потоков финансовых.

Нельзя недооценивать опасность элементов деструктивности, вносимых при этом в одну из важнейших сегодня проблему общественного понимания науки, поскольку при этом в общественном сознании возникает ее искаженный образ, не соответствующий реальному положению дел. Сегодня наука продолжает оставаться одной из важнейших социокультурных ценностей. К настоящему времени развитие техногенной цивилизации с ее неоспоримыми достижениями, целиком обязанными научно-техническому прогрессу, одновременно породило множество глобальных проблем. Это обстоятельство само по себе снижает престиж науки в общественном сознании. Однако найти конструктивное решение всех таких проблем невозможно без опоры на системно-организованное достоверное научное знание.

Литература

1. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011.
2. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2015.
3. Шипман, М. Научная коммуникация. Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов / М. Шипман. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
4. Дождикова, Р. Н. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании / Р. Н. Дождикова // Вопросы философии. – 2018. – №7. – С. 196-206.
5. Кембровская, Н. Г. Миры истории науки и вопросы преподавания физики / Н. Г. Кембровская, Л. М. Томильчик // Фундаментальная наука и образовательная практика. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 10–14.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

О. И. Уткевич

Любое научное познание осуществляется под воздействием двух диалектически взаимосвязанных процессов: интеграции и дифференциации

знания. Отметим, что социально-историческое знание, как и естественнонаучное, включает в себя два уровня: эмпирический и теоретический. Однако, в отличие от естествознания, социальные науки на эмпирическом уровне не ограничиваются сбором информации и их математической обработкой. Более того, применение математических методов в этих науках носят второстепенный характер. «Всякая количественность, – отмечал немецкий мыслитель О. Шпенглер, – чужда историческим впечатлениям. У мира как природы и мира как истории свои собственные виды постижения. Мы знаем их и ежедневно ими пользуемся, хотя их противоположности до сих пор не сознавали. *Бывает познание природы и познание людей.* Бывает научный опыт и опыт жизненный. Следует проследить эту противоположность до самых последних оснований...» [1, с. 142]. Сущность же всякого социального знания, в первую очередь исторического, выражается в интеграции его отдельных элементов единую органическую целостность, на основе исторической памяти.

Необходимо отметить, что историческая память, безусловно, не является неким отдельным методом научного исследования. На наш взгляд, она скорее представляет собой особое социально-психологическое поле. Причем, это поле не менее реально, чем электромагнитное или гравитационное. Важнейшей его особенностью является расположение своеобразных «силовых» линий. Они взаимодействуют в хронологическом трехмерном континууме, каждая из ветвей которого выражает прошлое, настоящее и будущее. Положение любого объекта в историческом процессе, таким образом, определяется его тремя координатами.

Обратим внимание на то, что здесь речь идет именно о социально-психологическом и конкретно-историческом контексте осмыслиения процессов культурного развития. Конечно, под исторической памятью можно понимать и непосредственно сохранение различных материальных артефактов человеческой деятельности. Как отмечал по этому поводу немецкий философ прошлого столетия М. Хайдеггер, «хранимые в музее древности, домашняя утварь к примеру, “принадлежит прошедшему времени” и все же наличны в “современности”» [2, с. 380]. Более того, высшей степенью такой реальности обладает именно вся трехмерная хронологическая вертикаль в своей органической целостности. Этот континуум уже сам по себе представляет собой интегративный феномен. И именно благодаря такому его свойству возможна интеграция социального знания на основе исторической памяти. Следует отметить, что необходимость такой интеграции на данном этапе развития науки существенно обусловлена стремлением к сохранению единства, целостности субъекта и объекта познания, тенденцией к гуманизации знания и гуманитаризации образования.

Первичная интеграция представляет собой процесс некоторого упорядочивания эмпирических данных. По существу, это еще не знание, а пред-

знание. Его отличительной чертой является крайне расплывчатое положение объектов в социально-психологическом поле. Таким образом, здесь интеграция не получает своего научного воплощения, поскольку степень ее подлинности зависит в первую очередь от того, насколько точно с ее помощью можно определить координаты исторических объектов в трехмерном хронологическом пространстве. Предположим, мы знаем, что некое событие A произошло в прошлом. Тогда его координатой в настоящем станет событие B, в наибольшей степени взаимосвязанное с событием A. Координатой же события B в будущем явится событие C, соответственно, в наибольшей степени взаимосвязанное с событием B.

Однако, когда мы говорим об обусловленности исторических событий, речь идет не только о причинно-следственных взаимосвязях. Как известно, в физике считается, что в материальных явлениях причина всегда предшествует следствию. Однако историческая память не подчиняется физическим законам. Сознание человека может носить опережающий по отношению к его действиям характер. Человек может предвидеть (по крайней мере, в некоторой степени предполагать) результаты своей деятельности. Так, например, предполагая последствия различных действий, он может выбрать наиболее оптимальный их вариант. Таким образом, в рамках исторической памяти причинно-следственная взаимосвязь зачастую носит условный характер. Эта память представляет собой сплав телеологии и детерминированности.

Естественно, что видение, понимание и наполнение категории «историческая память» у исследователей и ученых может существенно различаться. Причем эти различия объясняются не только разным целеполаганием, но также вариативностью воздействия приблизительно одного и того же силового социально-психологического поля на субъект познания. Соответствующим образом возникает возможность различных теоретических трактовок и объяснений одних и тех же социокультурных событий. В этом случае интеграция исторического знания как раз и предполагает наличие двух сопоставимых теорий, то есть таких, некоторые соотношения между которыми уже предварительно выявлены, пусть даже путем ретроспективного анализа. Сопоставимые теории могут быть объединены в теорию большей степени общности путем расширения контекста их исторической памяти, а также изменения хронологического континуума. В результате этого данный континуум станет обладать качественно новым содержательным смыслом более высокого уровня, включающим в себя несколько предыдущих уровней как предельные составляющие.

На первый взгляд может показаться, что теоретически возможен и такой этап интеграции социально-исторического знания, как создание единой всеохватывающей безусловной социокультурной теории. Отметим, что такая возможность исключена в принципе. Дело в том, что для этого потребуется наличие и единой исторической памяти. А как уже отмечалось, этот фено-

мен включает в себя не только прошлое, но и настоящее, а также будущее. То самое будущее, которое для человека не носит жестко детерминированного характера (по крайней мере, нам не известна эта детерминированность). Будущие изменения продолжат вносить новые нюансы в наше понимание прошлого. Вот почему историческая память также подвержена изменениям. Но в то же время эта постоянная корреляция с современностью и позволяет ей оставаться основой интеграции социального знания.

Литература

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Академический Проект, 2013. – 460 с.
2. Шпенглер, О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер : в 2 т. – Т. 1. Образ и действительность. – Москва : Айрис-пресс, 2006. – 528 с.

СОИЗМЕРИМОСТЬ И НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Э. М. Хакимов

Теоретическим и методологическим вопросам моделирования в социологии и социальной стратификации посвящен ряд исследований [1, 2, 3, 4], в которых освещаются те или иные стороны моделирования сложных социально-организованных многоуровневых систем и их взаимоотношения. При этом, на взгляд автора, в этих работах не акцентировано внимание на сложную двойственную природу объектов социологии, и, в частности, на общен научную природу понятий социальная стратификация и страта. Одновременно объектом изучения социологии и социальных страт является сложная система человеческих отношений, развивающаяся в историческом аспекте и связанная с эволюцией производительных сил. В отличие от объектов естественнонаучных дисциплин объекты социологии характеризуются двойственной природой. Эти объекты порождаются «как объективными обстоятельствами, так и субъективными мотивами и замыслами тех, кто осуществляет эту деятельность» [4, с. 41].

Моделирование пространственной организации страт и их взаимоотношений осуществляется с помощью математических средств в соответствии со строгими логическими правилами. Объектом моделирования, в нашем случае, выступают отношения людей, характеризующиеся единством детерминированных и вероятностных отношений. Понятия социально-организованная страта и социальная стратиграфия, отражая абстрактную природу

научной мысли, порождаются реальными отношениями конкретных людей, характеризующихся иерархической природой [5, с. 6].

Многообразие отношений людей, разных национальностей, религий, культур, живущих в различных социально-экономических и природных условиях, упорядочивается, приобретает иерархическую природу относительно собственности, власти, управления, приобретения благ и так далее. Изменяются отношения равенства и неравенства. Исходя из этого, мы должны выделить исходные отношения людей, принадлежащих каждой отдельной страте и являющихся элементами данной страты. В этом случае, отношения страт можно преобразовать в отношения людей, принадлежащих разным стратам. Математическое моделирование этих процессов затрудняется двойственной природой понятий «страта» и «социальная стратификация». Невозможностью достаточно полно выразить эту двойственность на языке математических операций. Вводя представление об иерархической природе отношений страт, мы не избавляемся от общенаучной природы этого понятия. Любая страта – уровень есть часть объемлющей ее страты, одновременно, она есть целое по отношению к стратам – уровням, входящим в нее. Любая страта – уровень есть исходная единица для страты более высокого порядка. Исходя из этих представлений, отношения людей, принадлежащих одной страте, не могут охарактеризовать отношения всех людей входящих единую систему страт, принадлежащую определенной государственной системе. Верно и обратное утверждение – совокупность отношений людей, входящих в единую систему страт, не способна охарактеризовать отношения людей, принадлежащих одной страте.

Строгие логические правила математических операций элиминируют, скрывают двойственную природу модели социальных страт. Возникает противоречие между двойственной природой социальной страты, как понятием (категорией) общенаучного знания и конкретными математическими методами построения модели последней. Автором предлагается разрешение данного противоречия на основе построения фигур евклидовой геометрии двойственной природы – соизмеримых по одним свойствам и несоизмеримых по другим. Системно-философский анализ взаимоотношений несоизмеримости и соизмеримости стороны и диагонали квадрата [7] (теорема Пифагора) позволил на основании постулирования свойств точки и прямой преобразовать отношения последних в отношения геометрических фигур, характеризующихся двойственной природой. Каждая фигура обладает, обратной ей фигурой, сходной с ней по ряду геометрических свойств, одновременно у каждой из них существуют геометрические свойства, несоизмеримые со свойствами обратной ей фигуры. Данные фигуры антиномии порождаются в пространстве, характеризующемся двойственной природой. Подобный методологический подход к моделированию пространственной структуры страт и их отношений позволяет:

1. Моделировать пространство социально-организованных объектов, характеризующееся двойственной природой, с выявлением симметрии модели и возможностью ее описания на языке математики.
2. Конкретизировать отношения страт на основании преобразования общенаучных (идеализированных) представлений об их отношениях в конкретные, лишенные двойственности отношения людей, входящих в эти страты. Проведение сравнительного анализа теоретических и практических данных позволяет получать достоверную информацию об отношении страт.
3. Классифицировать эмпирический материал социологических наблюдений с учетом теории взаимоотношений страт.
4. Способствовать построению общей теории социологии и теоретизации науки социология.

Литература

1. Робертс, Ф. С. Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. – М. : Наука, 1986. 495 с.
2. Парсонс, Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация. – 1992. – Вып. 1. – С. 114–137.
3. Горелова, Г. В. Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем / Г. В. Горелова, Е. Н. Захарова, Л. А. Гинис. – Ростов н/Д. : РГУ, 2005. – 288 с.
4. Оганян, К. М. Современная философия и методология науки / К. М. Оганян. – СП. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 156 с.
5. Хакимов, Э. М. Диалектика иерархии и неиерархии в философии и научном знании / Э. М. Хакимов. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2007. – 288 с.
6. Хакимов, Э. М. Методологические и теоретические проблемы социальной стратификации / Э. М. Хакимов, Р. Д. Валиуллин, Ю. И. Хабибуллина // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер. «Гуманит. науки». – 2009. – Т. 151, кн. 1. – С. 91–96.
7. Хакимов, Э. М. Системно – философские аспекты несоизмеримости стороны и диагонали квадрата / Э. М. Хакимов, Э. Н. Кузина // Вестник экономики, права и социологии // Рецензируемый Федеральный научно практический и аналитический журнал, апрель–май–июнь (2), 2014. – С. 200–205.

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАЗРАБОТКИ

C. В. Хамутовская

В настоящее время во всем мире развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) осуществляется настолько быстрыми темпами, что это не может не затрагивать область выборов в органы государственной власти и управления. Многие современные государства активно используют

электронное голосование. В других странах происходит апробация последнего на практике либо ведутся соответствующие теоретические разработки. В Беларуси частичная автоматизация выборного процесса и внедрение в него новых ИКТ начали осуществляться примерно в конце 90-х годов XX века и продолжаются в данный момент. В связи с этим представляется актуальным выявить и проанализировать сущность и основные виды электронного голосования, а также кратко охарактеризовать особенности отечественных разработок в области ИКТ для организации и проведения электронного голосования (на примере экспериментальной системы Интернет-голосования «Гарант»).

В «Руководстве по наблюдению за использованием новых технологий голосования» (Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), 2013 год) электронное голосование определяется, как «использование ИКТ при голосовании и подведении итогов голосования» [1, с. 9–10]. В Рекомендации СМ/REC (2017) 5 Комитета Министров ОБСЕ государствам-членам по Стандартам электронного голосования, принятой 14 июня 2017 года, указывается, что электронное голосование предполагает «использование электронных средств для записи и/или подсчета голосов» [2]. В зависимости от условий и используемых устройств, выделяют следующие основные виды электронного голосования:

1) технология сканирования бюллетеней применяется в контролируемой среде; предполагает, что «заполненный на избирательном участке либо самим избирателем, либо при помощи устройства для проставления отметки в бюллете, бумажный бюллете вводится в сканирующее устройство и учитывается путем электронного считывания отметки избирателя» [1, с. 11] (Россия, Филиппины);

2) системы электронного голосования с прямой записью также применяются чаще всего в контролируемой среде (на избирательных участках); посредством устройств с сенсорным экраном или кнопками регистрируют выбор избирателя, а затем проводят электронное подведение итогов голосования (Бразилия, Австралия);

3) Интернет-голосование используется в неконтролируемых условиях; позволяет избирателям голосовать в любом месте, «хранение и подсчет голосов осуществляется централизованно в электронной форме» [1, с. 11] (Интернет-голосование в чистом виде применяется крайне редко; наиболее ярким примером проведения голосования с помощью только электронных средств являются выборы в 2003 году 12 муниципалитетов в канадской провинции Онтарио (Северная Америка));

4) смешанные формы электронного голосования основаны на сочетании контролируемых условий с централизованной записью и подсчетом голосов, полученных в результате Интернет-голосования; для волеизъявления избиратели пользуются компьютером, установленным на избирательном участке,

либо голосуют с помощью Интернета, а «поданные голоса затем передаются в электронной форме на центральный сервер» [1, с. 11] (Эстония).

В нашей стране разработки различных технологий и систем электронного голосования осуществляются Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларусь (ОИПИ НАНБ). Одной из важнейших разработок в рамках проекта ИНФОТЕКС-62 стало появление экспериментальной системы Интернет-голосования «Гарант», которая предоставляет возможность оказывать электоральные услуги белорусским и зарубежным организациям, территориальным администрациям различных уровней, чья деятельность направлена на проведение мероприятий по сбору персонализированных данных, в том числе выборов в органы государственной власти и управления, референдумов. При этом организация, проводящая подобные мероприятия, должна располагать «сетью станций голосования, которые оснащены компьютерами и имеют защищенные коммуникации (выделенные линии или VPN-каналы)» [3, с. 68]. Основные особенности системы Интернет-голосования «Гарант» заключаются в том, что:

- она может применяться как в контролируемых (в рамках временных станций для голосования), так и в неконтролируемых (с помощью смартфонов или «домашних» сетевых компьютеров избирателей) условиях;

- каждый избиратель получает уникальный идентификационный код; каждому индивидуальному результату голосования, в свою очередь, присваивается случайный номер, который сообщается исключительно избирателю; после завершения голосования избиратель может проверить свой идентификационный код и номер голосования, обратившись к соответствующему WEB-порталу или посредством SMS-запроса, и тем самым точно удостовериться в том, что его волеизъявление учтено верно (голос засчитан в пользу того кандидата, политической партии, вопроса на референдуме и т. п., за которые он голосовал).

К положительным характеристикам созданной белорусскими учеными оригинальной экспериментальной системы Интернет-голосования «Гарант», которые направлены в том числе на преодоление недостатков существующих подобных систем, можно отнести: возможность оказывать удаленным организациям информационные услуги, связанные со сбором персонализированных данных (выборов, референдумов, сборов подписей, опросов общественного мнения и т. п.); высокая степень защиты данных; отсутствие специфических требований по отношению к участникам того или иного мероприятия (например, ID-карт у избирателей, специальных терминалов, считывателей и т. п.); возможность «сетевого аудита процесса формирования итогов мероприятия» [4]; возможность проверки избирателями персональных результатов голосования.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что, во-первых, в течение нескольких последних десятилетий в большинстве развитых стран мира ИКТ проникают во все сферы жизнедея-

тельности людей, включая политическую. А, во-вторых, несмотря на то, что в Республике Беларусь в ближайшей перспективе не планируется переход к электронному голосованию, информатизация в нашей стране осуществляется достаточно активно, что влечет за собой необходимость разработки различных технологий и систем электронного голосования, ярким примером которых является экспериментальная система Интернет-голосования «Гарант». В дальнейшем, безусловно, разработки подобного рода будут востребованы и позволят качественно улучшить процесс подготовки, организации и проведения выборов в органы государственной власти и управления, референдумов. В настоящее же время они могут активно использоваться организациями и администрациями административно-территориальных единиц без внесения изменений в соответствующую нормативно-правовую базу для проведения опросов и выборов в товариществах собственников жилья, кооперативах, корпорациях, для сбора подписей с целью принятия решений на уровне местного самоуправления, для «праймериз» в политических партиях, для установления итогов различных конкурсов.

Литература

1. Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования / Бюро ОБСЕ по демократич. институтам и правам человека. – Варшава : БДИПЧ ОБСЕ, 2013.
2. Рекомендация CM/REC (2017) 5 [1] Комитета Министров по Стандартам электронного голосования (Принята Комитетом Министров 14 июня 2017 года, в 1289-м заседании заместителей министров) [Электронный ресурс] // Комитет министров. – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjestID=0900001680726f6a. – Дата доступа: 21.05.2019.
3. Липень, В. Ю. Результаты апробирования технологий и систем электронного голосования / В. Ю. Липень, М. А. Воронецкий, Д. В. Липень, Э. Л. Полевиков // Объединенный ин-т проблем информатики Нац. академии наук Беларусь. – Режим доступа: http://uiip.bas-net.by/structure/l_kg/results_testing_technology.php?sphrase_id=237357. – Дата доступа: 21.05.2019.
4. Презентация, доклад «Экспериментальная система интернет-голосования «Гарант» как средство предоставления электронных услуг организациям и администрациям регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://presentacii.ru/presentation/eksperimentalnaya-sistema-internetgolosovaniya-garant-kak-sredstvo-predostavleniya-elektronnyx-uslug-organizaciyam-i-administr>. – Дата доступа: 21.05.2019.

СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИЕЙ

Л. А. Цибизова

Несмотря на то, что термин «культурная индустрия» появился в философском дискурсе еще в середине XX века в работе М. Хоркхаймера и

Т. Адорно «Диалектика Просвещения: Философские фрагменты» долго оставался не вполне востребованным за пределами исключительно теоретических размышлений. Лишь к концу прошлого века концепт «творческая индустрия» оказался необходимым связующим звеном, объединяющим различные аспекты творческой деятельности с возможными либо состоявшимися способами бытования продуктов этого творчества.

В нашей стране о культурных индустриях и их специфике заговорили только в первом десятилетии XXI века, когда взаимосвязи и взаимозависимости между творчеством и способами его экономического функционирования стали настолько очевидными, что не обращать на них внимания уже невозможно. В это же время издаются переводы работ таких уже признанных авторов, как Дэвид Тросби и Дэвид Хезмондалш, а также отечественных исследователей А. Я. Флиера, Е. В. Зеленцовой, Н. В. Гладких, М. Б. Гнедовского и др. Сегодня мы наблюдаем, как различные теоретические подходы находят свою дорогу к практическому применению. Одни авторы идут от законов воспроизведения социумом самого себя, которое невозможно без творческой или, что сегодня более популярно, креативной деятельности. Другие в качестве отправной точки используют сам факт существования произведения искусства и его включенность в культурные, общественные и экономические модели. Так, Дэвид Тросби выделяя шесть основных ценностных параметров произведения искусства, идет от ценностей культуры к общественно-экономическим ценностям. Это:

1. Аутентичная ценность, которая определяется художественными достоинствами произведения, его эстетикой и возможными интерпретациями.
2. Духовная ценность, включающая в себя нравственные, религиозные, национальные алгоритмы.
3. Социальная ценность. «Произведение может передавать ощущение связи с другими людьми, а также вносить вклад в понимание общества, в котором мы живем, и укреплять чувство идентичности и места» [1, с. 23].
4. Историческая ценность, обеспечивающая преемственность и взаимопонимание между прошлым, настоящим и будущим.
5. Символическая ценность. «Произведения искусства и другие предметы культуры существуют как хранилища и проводники смысла. Если индивидуальное прочтение произведения искусства включает извлечение смысла, тогда символическая ценность произведения включает природу смысла, содержащуюся в произведении, и его ценность для потребителя» [1, с. 24].
6. Ценность подлинности, подтверждающая уникальность созданного произведения.

Все эти характеристики вполне можно применить к произведению, создаваемому кинематографом. Фильм должен иметь художественную ценность, а также отражать нравственные, духовные и эстетические идеалы общества на определенном историческом этапе его развития. Именно таковы были требо-

вания к кинематографистам на протяжении многих десятилетий. Иногда к этим критериям добавлялись некоторые конкретные условия. Такова была советская модель кинематографа. Если государство поручало творческому коллективу создание той или иной картины, то желание быть принятым публикой было только дополнительной мотивацией для работы. Так же, как и отсутствие фильма на экранах, это по самым разным причинам не ущемляло экономические интересы коллектива. Кинематограф тогда определялся в основном только как искусство, имеющее, правда, свои особенности. Если стоимость «расходных материалов» для живописца или писателя была ничтожно мала, то совсем другое дело – кино. Воплощение даже самого небольшого и очень скромного замысла имело совсем нескромный бюджет. В условиях плановой государственной экономики художнику нужно было «заслужить» право заниматься творческой деятельностью, где имела место самая жесткая конкуренция. Но, выиграв эту битву, режиссер получал подчас безграничные возможности для своей работы. Государство финансировало как невероятно затратные проекты (например, «Война и мир» С. Бондарчука), так и совсем скромные («Пять вечеров» Н. Михалкова).

С исчезновением социалистического государства и его плановой экономики, кинематограф отправился в свободное плавание, что давалось ему необыкновенно трудно. Сегодня для него вполне могла бы подойти модель, предложенная известным специалистом в области маркетинга культуры и искусства Франсуа Колбером. Он выделяет два типа организаций – искусства и индустрии культуры. В первом типе определяющей фигурой становится художник с его неповторимым стилем творчества, а также само произведение искусства, создающее новые смыслы и потенциал интерпретаций в различных ценностных системах. Во втором случае мы имеем дело не с произведением искусства, а уникальным продуктом, для которого нужно найти наиболее оптимальные условия функционирования или «организация культуры должна найти потребителей, которые могли бы оценить продукт по достоинству» [2, с. 27].

Определяющим в модели Колбера является рынок, где происходит столкновение и устанавливается консенсус всех заинтересованных сторон, начиная от производителей и заканчивая потребителями. «Даже в кино потребитель может различать общие категории (комедия, фильм ужасов или боевик), но совершенно не осознавать бесчисленных нюансов, представляющих потенциальную пользу или интерес» [2, с. 30]. Кроме того, большую роль играет спрос, мода. В кинематографе это может быть повышенная заинтересованность в каких-либо жанрах, технических особенностях съемок, актуальных тем или привлечение наиболее популярных режиссеров или актеров. Не менее важна среда в различных ее аспектах (политических, экономических, политических и др.). Исследования спроса и среды невозможны без развитой маркетинговой системы, куда включаются данные из самых разных источ-

ников – средств массовой информации, социологических опросов, замеров рейтингов. Большой объем информации сегодня дают социальные сети. Все это необходимо для принятия тех или иных маркетинговых решений.

Отдельно стоит говорить о продукте, производимом культурной индустрией. Это особенно сложная проблема для кинематографа. Иногда мы встречаем условное деление фильмов на «фестивальное кино», или «авторское кино», и массовый, зрительский, кинематограф. Но никаких более или менее четких критериев в подобных делениях авторы обычно не обозначают. Тем более, что, порой, авторское кино неожиданно может получить вполне массовую аудиторию. Либо ориентированное на массового зрителя произведение, насыщенное яркими спецэффектами поднимает темы, достигающие философских высот, как это произошло с фильмом «Аватар». Поэтому сегодня можно лишь обозначить необходимость дифференциации фильма как произведения искусства и фильма как продукта кинопромышленности, что и в том, и в другом случае является формой культурно-духовного освоения реальности.

Литература

1. Хезмондалш, Д. Культурные индустрии / Д. Хезмондалш. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
2. Колбер, Ф. Маркетинг культуры и искусства / Ф. Колбер. – СПб. : Арт-пресс, 2004.

ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ

A. C. Червинский

Философское исследование процессов формирования развитого понятийного аппарата социальной экологии имеет практическую значимость в контексте методологического обеспечения проблем социоприродных взаимодействий, в первую очередь той части, которая относится к проблеме приобретения социальной экологией дисциплинарного характера. Трудности анализа понятийных связей характерны для всех социально-экологических дисциплин, но специфика понятий, отражающих опосредованные субъектно-объектные связи и отношения, делает их практически не интерпретируемыми в рамках традиционных концептуальных схем. Поэтому наиболее рациональным представляется выявление места, роли, функциональной определенности феномена через исследование логико-методологических оснований понятия, определение элементного содержания, а также выявление эволюционных потенций самого денотата. Этот путь представляется достаточно эвристичным, учитывая прогрессирующий характер антропогенного

пресса на окружающую среду, усиление интенсивности эксплуатации естественных биосферных ресурсов с применением противоприродных технологий. Такой подход имеет то преимущество, что он опирается на мощные традиции философского анализа понятийных структур, содержащие в концентрированном виде аккумулированный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность естественнонаучного поиска.

Следует оговориться, что нормы определения понятия могут изменяться и совершенствоваться в процессе развития науки, а также в реальной практике социального природопользования. Возникновение и последующая реализация новых потребностей технически оснащенного социума закономерно приводят к изменению принципов формирования понятия и корректировке всей концептуальной схемы, отражающей процесс социоприродного взаимодействия.

Образование концептуальных новаций, обусловленное эволюцией содержания науки, в первую очередь приводят к замене нормативных стандартов понятия, наделяя его качественно новой концептуальной оформленностью. Проблема понятийного оформления феномена качества среды в социальной экологии находится на стадии определения общих посылок дальнейшего конкретно научного исследования, конечной задачей которого станет ответ на вопрос об оптимальности природной среды.

Следует отметить, что понятийная структура в этом случае носит мигрирующий характер, что связано, с одной стороны, с полифункциональностью самого исследуемого феномена, с другой — с обстоятельством многокачественности природных объектов, процессов, связей, подлежащих модальной оценке по принципу «качественно — некачественно». Смешение связей, подлежащих такой оценке, чревато серьезными ошибками. В анализе важно не допустить концептуального и, как следствие, понятийного расхождения. Опасность терминологического расхождения в этом случае обусловлена сложностью исследуемого феномена, а также недостаточностью теоретического, собственно философского обеспечения концептуального конструкта.

Внефилософский подход к проблеме качества окружающей среды с такой позиции и вытекающая из него оценка биосферных элементов по принципу «полезно — вредно» имеет не только методологически уязвимый характер, но и практически бесперспективный, обусловивший приближение состояния экологического кризиса во второй половине XX века. Акцент на поддержание хозяйственных показателей состояния среды обитания, сохранение которого обеспечивает условия нормальной жизнедеятельности человека, устанавливает определенные ограничения на интерпретацию принципов формирования оптимального качества среды обитания.

В первую очередь такой подход носит предписательный характер, т. е. создает ситуацию изначальной заданности не только самого поискового

процесса, но и конечной оценки состояния окружающей среды, содержание которой, как правило, исчерпывается определением степени соответствия реально сложившихся условий определенным нормативным предписаниям, базирующимся прежде всего на медико-биологических рекомендациях. Кроме того, этот подход изначально отягощен необходимостью приведения большого количества разнорядковых величин, характеризующих различные аспекты в состоянии природного компонента к интегральному показателю, антропоцентристская заданность которого прямо предписывает неравнозначное отношение к результатам исследования, при котором одни из показателей получают неоправданно приоритетное значение, другие необоснованно снижаются.

Представление о качестве природной среды лежит в основании анализа принципов рационального природопользования, поэтому от правильной его трактовки во многом зависит эвристичность любой концепции оптимального взаимодействия общества и природы. Знание структуры исследуемого феномена и механизма протекания интерпретируемых процессов позволяет выдвигать различные прогностические схемы, формировать адекватные меняющейся реальности концептуальные структуры, поэтому адекватность теоретических конструктов оказывается в определяющей мере зависимой от уровня развития методологического и прежде всего понятийного арсенала.

Понятие «качество среды» не может быть фиксированным в той же мере, как не могут быть статичными связи человека с окружающей его природной средой, поскольку понятие, отражающее функциональные социоприродные связи, в каждом конкретном случае наполняется определенным специфическим содержанием. Качественное, оптимальное, позитивное в одном отношении практически всегда ущербно, вредно, некачественно в другом, а множественность связей в социоприродном взаимодействии выступает лишь аспектом многокачественности материальных объектов. Имея это обстоятельство в виду, можно сделать вывод о внутренне противоречивом характере самого термина «качество окружающей среды». Задаче устранения отмеченной особенности в естественнонаучной интерпретации термина служит его конкретизация через близкие по содержанию понятия «оптимальность», «полезность» и т. д. Однако такие параллельные термины, достаточно эффективные в прикладном исследовании, в принципе не могут быть инкорпорированы в теоретическую структуру по целому ряду причин, одна из которых — принципиальная невозможность расширительного их толкования. Этот недостаток является серьезным препятствием для построения динамичной концептуальной схемы, т. к. понятийная односторонность всегда сопряжена с необходимостью искусственной подгонки узконаправленной теоретической схемы под меняющуюся реальность. Так, например, когда при комплексной экономической оценке какого-либо природного комплекса возникает необходимость выбора направлений и очередности вклю-

чения в хозяйственный процесс какого-либо природного компонента, задача определения вариантов капитальных вложений сразу же значительно усложняется фактором двойственного (как минимум) характера «полезности» природного комплекса. Очевидно, что оценка с позиций полезности является интерпретацией социоприродных связей в одном отношении и эта оценка в принципе не могут отразить эмержентный характер экосистемы и соответственно не могут дать адекватную оценку экокомплекса.

В анализе проблемы развития понятийного аппарата социальной экологии следует иметь в виду два аспекта: во-первых, то, что она выступает в роли специфического фактора интеграции, объединения разнорядковых понятийных структур, имеющих разную степень общности: от фрагментарных, характерных для узко ориентированных научных дисциплин (лесоведение, орнитология, энтомология и др.), до концептуально развитых, имеющих собственную методологическую базу, позволяющую адаптировать понятийную схему к меняющимся условиям социоприродных отношений практически без утраты собственной специфики и с незначительными изменениями в характере взаимной совместимости. Во-вторых, то, что понятие «качество среды» порождено самой экологической ситуацией в связи с недостаточным понятийным арсеналом естественнонаучных дисциплин, перед которыми в последнее время всталась задача научной интерпретации, а затем и разработки практических рекомендаций по оптимизации форм, темпов, методов социального потребления природной среды. Столкнувшись с необходимостью описания процессов, значительно превосходящих рамки интерпретации каждой отдельной научной дисциплины, естествознание вынуждено было пойти на расширение собственных понятийных структур путем привлечения новых терминов («содержание», «система» и т. д.), а также путем значительного расширения понятийного объема традиционных терминов.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ

С. Ю. Шалова, И. Д. Хабибуллина

Среда современного подростка колоссально изменилась по сравнению с советским периодом. Социализация современных подростков в условиях развития информационного общества является одной из актуальнейших проблем, и в частности, потому что подростки, а юноши в большей степени, чем представители других возрастных групп, подвержены ее влиянию.

В настоящее время значительное влияние на социализацию подростка оказывает Интернет, особенно социальные сети, поэтому ряд исследователей считают социальные сети полноценным институтом социализации [1; 2].

Изучая влияние социальных сетей на молодое поколение, исследователи условно разделились на два лагеря: тех, кто считают, что Интернет является полезным ресурсом, предоставляющим множество возможностей поиска информации и развития, коммуникации и развлечения, и тех, кто считает «всемирную паутину» негативным явлением, вызывающим зависимость от виртуального мира, нарушающим развитие и общение в реальной жизни.

Мы предполагаем, что социальные сети имеют различные аспекты влияния на социализацию современного подростка, следовательно, в них мы можем исследовать формирование Я-концепции, а именно одной из ее составляющих – Я-виртуального. Цель нашего исследования – описать Я-виртуальное подростка как результат социализации.

Одна из задач исследования – на основе анализа современных исследований определить положительное и отрицательное влияние социальных сетей на личность.

В наиболее общем понимании социализацию можно охарактеризовать как процесс становления личности, освоение социальных ролей, которое происходит под воздействием среды, при усвоении ей (личностью) социального опыта, ценностей общества.

Как отмечает А. В. Мудрик, сущность социализации состоит в сочетании приспособления и обоснобления личности в условиях общества. В результате обоснобления личность приобретает потребность иметь собственные ценности, жизненные принципы и ориентации, также потребность в собственных привязанностях, потребность самостоятельно решать личные вопросы и проблемы, способность противостоять жизненным ситуациям, мешающим его самоопределению, самореализации и самоутверждению [3]. Приспособление представляет собой согласованность личностных притязаний и с возможностями человека и социальной действительности.

Считается, что социализация происходит на протяжении всей жизни индивида. Однако, рассматривая социализацию с точки зрения возрастной психологии, подростковый возраст является важными трудным периодом. Трудности социализации связаны с тремя главными противоречиями: между высоким уровнем притязаний и низким социальным статусом, в силу их возраста; между отношением родителей к подростку, как к ребенку, и новыми потенциальными возможностями, заданными его психофизиологическим взрослением; между усилившейся ориентацией на самостоятельность и обострившейся зависимостью от мнения сверстников.

На сегодняшний день наибольшее распространение среди молодежи приобретают интернет-технологии социальных сетей. Сейчас трудно найти молодого человека, не зарегистрированного хотя бы в одной из них. Исследователи даже используют такое понятие, как «киберсоциализация» [4].

Мы проанализировали функциональные возможности социальных сетей и выделили несколько важных, на наш взгляд, аспектов их влияния на социализацию подростков.

Во-первых, социальная сеть обеспечивает обширные возможности для межличностного взаимодействия, фактически стирая любые географические границы. Жизнедеятельность и коммуникация в киберпространстве особенно важна для тех людей, чья реальная жизнь по тем или иным причинам межличностно обеднена. К таким людям можно отнести лиц с ограниченными возможностями здоровья. В Сети им проще начать общение, завести новые знакомства. В этих случаях киберпространство фактически становится альтернативой непосредственного (реального) окружения и коммуникации с обществом.

В Сети имеются особые возможности достижения комического эффекта и специфические для интернет-дискурса формы, виды и источники комизма. Так, с развитием социальных сетей получило распространение такое явление, как «мем». Конкретного определения этого термина нет в литературе, однако в целом он представляет собой чаще всего юмористическую картинку с коротким текстом. Стоит заметить, что в Интернет-сети не каждый мем получает быстрое и широкое распространение, а лишь в том случае, если информация в нем находит отклик у пользователей, каким-либо образом оставляет их не равнодушными и вызывает у них ассоциации.

Такое явление особого комизма можно считать положительным. Он часто используется при выборе партнеров по общению, чтобы отделить «своих» от «чужих». Часто у социальной группы с целью поддержания своей идентичности появляется свой специфический юмор.

Во-вторых, подростков привлекают социальные сети, где есть возможность выразить себя, показать свое «Я». Так, например, подростки рассказывают в сети о своих достижениях, талантах, надеясь получить общественное признание. Однако так подростки имеют тенденцию вовлекаться в бессмысленную соревновательность. Зачастую поведение в Сети не соответствует реальному. Молодые люди могут регрессировать: достижения ограничиваются виртуальными, не выполняются реальные обязанности. У них «размываются» границы выполняющихся социальных ролей.

В-третьих, важным аспектом влияния социальных сетей на социализацию современных подростков являются их психотерапевтические возможности. Анонимность общения в сети позволяет пользователям быть более откровенными, чем в реальности, она позволяет открыто писать о своих эмоциях и переживаниях, при этом можно получить и обратную связь в виде совета, поддержки. Она также обогащает возможность самопрезентации собственной личности (можно указать любое имя, пол, возраст, скрыть дефекты речи, недостатки внешности) и позволяет конструировать собственную идентичность по выбору. Однако анонимность выступает мощным фактором, стимулирующим не только конструктивную, но и деструктивную функцию молодежи. Такая анонимность может привести к «размыванию» реальной личности, побуждая к созданию личного идеального образа для полного соответствия виртуальному.

Исследователи отмечают, что некоторые формы девиантного поведения (агgression, сексуальные и коммуникативные аддикции и др.) развиваются до патологии в Интернете из-за того, что у пользователей Сети создается так называемая иллюзия безнаказанности [5].

В-четвертых, современные подростки именно через Интернет усваивают социальные нормы, стереотипы поведения разных социальных групп. Помощью социальных сетей происходит трансляция новых ценностей, которые непременно усваивает подросток. Вследствие этого может возникнуть разрыв культурной традиции с системами ролевых ожиданий общества.

И, наконец, еще один важный аспект. Социальные сети – то место, где молодежь имеет возможности для саморазвития. Там создаются различные сообщества и группы, вступая в которые пользователи имеют возможность получить какие-либо теоретические знания. К примеру, группы по изучению иностранных языков, в которых публикуются слова с переводом, а также различные правила грамматики. Другая сторона таких групп – не всегда достоверные опубликованные данные. Они могут быть ошибочными либо вовсе выдуманными. Помимо того, распространены в сети и сообщества, публикующие анти- и лженаучную информацию. Они способствуют ошибочному представлению о науке у подростков, а некоторые могут угрожать их жизни и здоровью.

Проанализировав роль социальных сетей в социализации личности, мы пришли к выводу, что социальные сети, являясь институтом социализации современных подростков, оказывают влияние на различные ее аспекты. Они играют важную роль в межличностном взаимодействии подростков, усвоении ими культурных норм общества. Интернет-сети способствуют саморазвитию человека. Однако Интернет-сети оказывают и отрицательное влияние на социализацию подростка: анонимность может способствовать развитию девиаций; недостоверность информации порождает ложное представление о нормах поведения в обществе; может происходить «размытие» собственного «Я», а также замена реальных достижений виртуальными.

Литература

1. Угольков, Н. В. Интернет и социализация старших школьников // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – №4. – С. 101–102.
2. Чванова, М. С. Влияние Интернета на социализацию молодежи // М. С. Чванова, М. С. Ануриева, И. А. Киселева / Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №5 (169). – С. 23–36.
3. Мудрик, А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик. – М. : Академия, 2004. – 304 с.
4. Плешаков В. А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека / В. А. Пашков // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2010. – №2. – С. 15–18.
5. Менделевич, В. Д. Особенности девиантного поведения в Интернет-пространстве / В. Д. Менделевич // Практическая медицина. – 2013. – №1 (66). – С. 143–146.

НОВАЯ ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

B. N. Шаповал

Человеческая цивилизация вступила в новую информационную эпоху, специфические черты которой проявляются все с большей силой, захватывая одну сферу социума за другой. Современное общество переходит к «пятому технологическому укладу», суть которого состоит в том, что широко внедряются достижения микроэлектроники, биотехнологий, генной инженерии, используются новые виды энергии [1]. Сквозь настоящее пробиваются себе дорогу новый, «шестой технологический уклад», отдельные черты которого складываются в передовых в экономическом отношении странах, таких как Великобритания, Южная Корея, КНР, Япония, США, и характеризуются нацеленностью на всемерное развитие и применение научноемких или «высоких технологий» [см.: 2]. По прогнозам ученых, в стадию зрелости этот уклад должен войти в 40-х годах текущего столетия. Развиваются не только технологии, но формируется новый тип экономических связей, когда отдельно работающие экономические единицы объединяются в глобальную электронную Сеть. Экономика в эпоху Интернета постепенно становится цифровой [3].

Интернет в той или иной мере проникает сегодня практически во все сферы жизни социума. Это не только глобальная информационная сеть: расширяется «интернет вещей». Причем тенденция такова, что от «умной вещи» происходит движение к «умному дому», затем – к «умному городу», далее – к «умной стране». Не исключено, что в перспективе появление того, что условно можно назвать «умной планетой» [4]. Информатизация и все более полная оцифровка касаются не только в экономике, они проникают в систему управления, финансовые структуры, медицину, транспорт, сферу развлечений, превращая мир в «тотальное цифровое общество». Формируется новая цифровая реальность, включающая цифровую экономику, цифровое общество, оцифрованную культуру [5].

Следует заметить, что оценки современной цивилизации исключительно с ее экономической и социально-политической стороны, при всей важности этого подхода, представляются односторонними. Кроме экономики и социальной сферы, необходимо учитывать другие моменты, не в последнюю очередь – человеческий фактор. Именно с этим связан так называемый «седьмой техноуклад», общие контуры которого пока только намечаются, но одно здесь представляется вполне определенным: этот уклад связан с коренными изменениями самого человека [6].

Существуют обоснованные предположения, что успехи естественных и технических наук, в первую очередь генетики, медицины и нанотехнологий,

позволяют поднять человеческое существование на более высокий уровень. Открываются возможности для того, чтобы человек приобрел бессмертное тело и сверхразумные способности, позволяющие ему решать самые сложные задачи, выражаясь метафорически, сравняться по своим способностям с богом [см.: 7]. Вместе с тем очевидна опасность, что человек, утратив биологические составляющие своей телесности и мышления, которые постепенно будут замещаться различными техническими устройствами, перестанет быть человеком в привычном смысле этого слова [см.: 8; 9]. В искусственной среде, создаваемой современной цивилизацией, сможет жить все более далекий от естественности, искусственный человек, избавленный от биологической оболочки и имеющий полностью искусственное тело и искусственный интеллект. Человек на пути к тому, чтобы превратиться в то, что очень приблизительно обозначается понятием «биоробот», или «киборг», или что-то еще более экзотическое. Пока мы остаемся людьми, следует серьезно отнестись к словам Э. Шмидта и Д. Коэна, которые подчеркивали: «При всех возможностях, которые несут компьютерные технологии, их использование на благо или во зло зависит исключительно от людей. Забудьте все разговоры о захвате власти машинами. Будущее зависит от нас» [10, с. 12].

Современный уровень развития науки и технологий заставляет сделать вывод, что один из вариантов возможного будущего человека лежит в плоскости полной оцифровки, первоначально – человеческого мозга, а затем – всего человеческого тела. Оцифрованное существо, которое трудно будет назвать привычным именем «человек», будет существовать в оцифрованной среде, где различия между реальным и виртуальным будут полностью стерты. Возможно, что это будет бестелесный искусственный интеллект, поток особым образом отформатированных электромагнитных импульсов, существующих вне биологического носителя (мозга). А возможно, вне всякого носителя вообще – в каком-то Глобальном информационном поле. Мы близки к тому, что называют «ситуацией сингулярности», когда искусственный интеллект превзойдет человеческий и станет доминировать над ним [см.: 11]. Какие это будет иметь последствия, трудно даже вообразить.

Современная технологическая цивилизация движется к тому, чтобы создать сверхинтеллект, или сверхразум. Как кажется человеку с его обычным разумом, невозможно представить себе логику сверхразума, как муравью невозможно понять логику человека. Как полагают некоторые исследователи, человек с его обычным интеллектом не может создать то, что превышает по сложности его самого – сверхинтеллект. Между тем эволюционное развитие привело к тому, что в живой природе одновременно существуют существа, различно отличающиеся по своему интеллектуальному уровню, в частности муравьи и люди. Напрашивается вывод, что не сам по себе человек, а весь ход глобальной эволюции универсума вплотную приближает нас к тому, чтобы рядом с человеческим разумом появился основанный на

небиологических носителях сверхразум. Человек в этой ситуации выступает лишь звеном бесконечной цепи, начало которой теряется во мраке веков, а конец абсолютно неизвестен [см.: 12]. Глобальная эволюция, начавшаяся с Большого взрыва, продолжившаяся образованием галактик, звезд и планет, через миллиарды лет приходит к жизни и разуму. Но было наивно думать, что на этом она завершается. Развитие событий в начале нового тысячелетия показывает, что она выходит на новый виток, который обозначают «цифровой реальностью», главным действующим лицом которой становится сверхинтеллект. Если удастся избежать опасностей и угроз, которые в изобилии присутствуют в современной человеческой цивилизации, это открывает невероятные перспективы.

Литература

1. Глазьев, С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С. Ю. Глазьев. – М. : Книжный мир, 2016. – 640 с.
2. Каблов, Е. Шестой технологический уклад [Электронный ресурс]. – Наука и жизнь. – 2019. – № 6.. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>. – Дата доступа: 08.07.2019.
3. Цифровая экономика в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3063024>. – Дата доступа: 08.07.2019.
4. Конференция «Интернет вещей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iotconf.ru/ru>. – Дата доступа: 08.07.2019.
5. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции 14–17 февраля 2018 г. ; под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. – 452 с.
6. Арпентьева, М. Р. Социальный и человеческий капитал – приоритеты седьмого технологического уклада / Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Шестой технологический уклад: механизмы и перспективы развития». – Ханты-Мансийск, 2015. – С. 27–29.
7. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Юваль Ной Харари. – М. : Синбад, 2015. – 494 с.
8. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции : пер. с англ. М. Е. Левина / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2008. – 349 с.
9. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proxy.flibusta.is/b/279421/read>. – Дата доступа: 08.07.2019.
10. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства : пер. с англ. С. Филина / Эрик Шмидт, Джаред Коэн. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 368 с.
11. Аблязов, Н. Технологическая сингулярность. Исследование предпосылок возникновения и последствий для человечества / Н. Аблязов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/aspers/a_1xes5v.php. – Дата доступа: 08.07.2019.
12. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А. П. Назаретян. – М. : МБА, 2013. – 440 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР»

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФЕНОМЕН УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. А. Белокрылова

В условиях мировой и региональной нестабильности, в связи со стремительным ростом информационных технологий и виртуальных коммуникативных сред многократно возрастает сложность государственного регулирования общественных отношений. При этом следует учитывать, что на сегодняшний день специфику социальной реальности определяют не только информационно-коммуникационные технологии, но и технологии, использующие информационно-коммуникативные, когнитивные, психологические и прочие гуманитарные разработки для воздействия на индивида и социальные общности.

Информационно-технологическая революция через соответствующую инфраструктуру послужила катализатором экспоненциального расширения масштабов проектирования и распространения социально-гуманитарных технологий, направленных на изменение сознания и поведения людей посредством специальным образом организованного информационного воздействия. Через регламентацию, алгоритмизацию и рефлексивный контроль механизмов влияния, обеспечивается их адресность и контролируется эффективность. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливает возможности социально-инженерного воздействия. Объектом воздействия социальных технологий становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как индивидов, так и социальных общностей в целом. Конвергенция экспоненциально возрастающих информационно-технических средств с эффективными инструментами когнитивного, психологического, идеологического, аффективно-эмоционального проектирования актуализирует задачу междисциплинарного изучения феномена социогуманитарных технологий во всем многообразии сфер их применения, привлекаемых средств и реализуемых целей.

Множество сфер приложения, форм и масштабов реализации размывает концептуальные границы данного явления, что представляет собой серьез-

ную проблему. Парадоксально, но именно повсеместное распространение социогуманитарных техник и технологий в современной культуре создает трудности их экспликации, делает их контуры неочевидными. Сложно однозначно указать на «естественное» в противоположность «технологическому» – искусственно сконструированному с какой-либо целью и в чьих-либо интересах.

Этические аспекты проектирования и реализации социогуманитарных технологий также представляет собой актуальную проблему для гуманитарной рефлексии. Социогуманитарные технологии могут разрабатываться и использоваться как в качестве позитивных инструментов социальной адаптации, гармонизации, повышения инициативности и креативности, средств педагогики и психологии и т. п., так и в деструктивном отношении для зомбирования, создание общественного ажиотажа, дестабилизации и т. п. Кроме того, социальные технологии в условиях рыночных отношений активно способствуют коммодификации (товароризации) человеческих взаимодействий, служат формированию лояльности либо неприятия у массового потребителя. Социогуманитарные технологии лежат в основе реализации современной политики памяти и конструирования странового имиджа, без них не обходится современные ни политические компании, ни протестные движения.

Полномасштабный социальный запрос, обеспечивший расширенное воспроизводство социальных технологий, связан с их использованием в качестве значимого экономического ресурса. Фундаментальное значение для глобальной рыночной экономики имеет управляемая активность массового производителя (потребителя, пользователя). Сегодня мы в изобилии можем фиксировать расцвет подобных тонко дифференцированных технологий воздействия. Сферами их реализации становятся труд, потребление, досуг, индивидуальное общение. Например, в качестве предмета социогуманитарной технологизации в сфере производства выступают формирование профессионально востребованных коммуникативных и эмоциональных компетенций, управление персоналом и проектами, менеджмент знаний в организации, позволяющий «отвязать» знание от носителей и тем самым обеспечить их относительно самостоятельное функционирование и куммулятивный самовозрастающий эффект с последующей капитализацией. В свою очередь воздействие на потребителя это не только традиционные технологии рекламы, брендирования, пиара, а, например, получивший широкое распространение благодаря социальным сетям, SMM-менеджмент, социальный маркетинг, краудсорсинг и краудфандинг. Технология блокчейн при определенных допущениях может быть интерпретирована как киборгизация процесса социальных взаимодействий, опосредование социального контракта техническими устройствами.

Социогуманитарные технологии тесно интегрированы в механизмы жизнедеятельности современного информационного общества. В чем состоит

их специфика по сравнению с традиционными управленческими практиками? В ситуации информатизации, глобализации, мультикультурных процессов и аксиологического плюрализма очевидной становится ограниченность моделей традиционного «вертикального» управленческого воздействия. Сетевым структурам современного общества коррелятивны «мягкие технологии»: например технология мягкой силы как способ реализации влияния на международной арене. Кроме того, следует учитывать цивилизационные за-воевания гуманизма, личностной автономии, политические права и свободы, требование политкорректности и т. п., которые накладывают определенные ограничения на прямое «авторское» управляющее воздействие. Поэтому социогуманитарные технологии могут быть дифференцированы из массива управленческих практик как раз по признаку опосредованного (непрямого) воздействия. Данное обстоятельство актуализирует необходимость выработки особых подходов для экспликации, при необходимости реконструкции и деконструкции латентных механизмов их влияния и распространения.

Технологии социогуманитарного профиля различаются по масштабу целевой аудитории от трансграничного влияния («мягкая сила», «цветные революции») до локальных проектов (адаптация мигрантов, социализация молодых ученых, управление знаниями на предприятии). Их следует также отличать от естественно протекающих социокультурных процессов и механизмов (например, социализация подрастающего поколения в определенных культурных рамках). Социальная технология, как и ее инженерный прототип, – это явление «рукотворное», искусственное. Однако зачастую естественная системно-социальная воспроизводимость культурных практик может быть ошибочно расценена как целенаправленное регулярное воспроизведение кем-то в каких-то целях. И наоборот, технологии, действующие инкогнито, охотно и весьма убедительно мимикрируют под естественные процессы воспроизведения социальной жизни, встраиваются в их механизмы и действуют от их имени.

Существенной атрибутивной чертой социогуманитарных технологий является их целерациональный характер. Однако в качестве средств и инструментов их реализации вполне могут быть использованы и традиции, и ценности, и эффекты. Чем более эмоционально окрашен некий посыл влияния, тем выше коэффициент его полезного действия.

Социогуманитарные технологии – это сложный, многоаспектный и амби-валентный феномен современности, тесно интегрированный в структуры информационного общества. Ставшую крылатой формулу классика «не просто объяснять, но изменять окружающий мир» социогуманитарные технологии реализуют в различных целях и разнообразными способами. Стоит подчеркнуть, что не все социогуманитарные технологии одинаково гуманны в принципе. Более того, дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается. Как ни парадоксально, «гу-

манитарные» отнюдь не обязательно означают гуманные и конструктивные. Ключевым параметром технологии как таковой является эффективность. Социогуманитарные технологии, ориентированные на моделирование поведения и сознания людей в определенном направлении, не представляют собой исключения.

Системная интеграция социальных технологий в жизнедеятельность современного общества, латентные формы их реализации, актуализируют проблему гуманитарной экспертизы социотехнологических проектов. По аналогии, например с биотехнологиями, в ракурсе внимания должны быть помещены границы и потенциально запретные приемы и методы, чреватые разрушительными деструктивными последствиями. Определение существа последних – прямая миссия гуманитариев. Следует отметить, что тема соблюдения общегуманитарных приоритетов в социально-технологическом проектировании разработана как в отечественной, так и в мировой гуманитаристике крайне недостаточно, не говоря уже о регламентации и запретах тех или иных форм воздействия.

Работа выполнена при поддержке гранта БРФФИ № Г18Р-211.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ОРИЕНТАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ «СЛЕПЫХ ЗОН» НЕПОНИМАНИЯ

А. В. Говорунов

Проблема диалога культур и возникающих в этом процессе существенных трудностях в привлекает все большее внимание. Помимо вполне очевидных теоретических и методологических аспектов, эта проблема стремительно приобретает политические и идеологические импликации. Одной из таких ситуаций являются усилившиеся миграции населения, а в особенностях миграции между странами, принадлежащими к разным историческим, религиозным и культурным традициям, они порождают целый ряд социальных и культурных проблем, которые на первый взгляд как явное иррациональное.

Прежде всего, это касается повседневного набора очевидностей, с которыми каждый человек сталкивается в своей деятельности постоянно и которые не требуют никакого специального обоснования в силу их самоочевидности. Но разногласия и культурные несовпадения такого уровня столь же легко устраняются в ходе совместного проживания носителей различных культурных, в некоторых сферах – кухня, одежда, музыкальные и изобразительные традиции – заимствования происходят особенно легко. Подобного рода тенденции в том числе служили подтверждением доктрины мультикультурализма, которая главные проблемы межкультурного взаимодействия

видела в трудностях адаптации к новой культурной среде. И если так, то ситуацией можно в значительной мере управлять через разного рода инструменты общественной и государственной поддержки – например, систему позитивной дискrimинации.

Можно сказать, что в европейской культуре действует своего рода скрытый эволюционизм, воспроизводящий некоторые моменты концепции эволюционизма в культурной антропологии начала XX века. Хотя сама теория эволюционизма неоднократно подвергалась критике и уже стала достоянием научной истории, все же в европейской культуре сохраняется одна из главных предпосылок эволюционизма: современная западная культура представляет собой вершину цивилизационного развития, и все захотят жить в целом так, как в Европе.

Однако по мере развития ситуации выявляются и некоторые более фундаментальные слои несовпадения. Одной из таких новаций последних десятилетий становится во многом поразительный и непонятный для современной европейской культуры феномен «третьего поколения» мигрантов, которые уже хорошо знакомы с европейским образом жизни и неплохо научились использовать систему государственной поддержки в свою пользу. Однако появляется уже значительное количество выходцев из этого слоя, которые выбирают неевропейскую идентичность, причем подчас в острой форме – вплоть до терроризма. С точки зрения логики современного европейского политического и культурного сознания это выглядит как явная иррациональность: зачем стремиться в Европу, преодолевая весьма существенные трудности, и при этом отвергать ее стиль жизни? И все попытки рационализации этой острой политической и социальной угрозы приводят в целом к одному результату: это своего рода искажение сознания, результат ограниченной субъектности террористов. Они действуют по чужой воле, не в силах сформировать собственную рациональную позицию. Это фанатики или зомби, действующие с чужого голоса. Иными словами, ситуацию можно обрисовать следующим образом: *мы не понимаем, почему они нас не понимают*. В связи с этим становится особенно важной разработка теории такого рода ситуации.

В последнее время в этой связи часто обращаются к концепции ориентализма Э. Саида, заложившей в том числе основания постколониальных исследований. Согласно позиции Саида, ориентализм есть многоуровневый комплекс представлений, отношения и действий Запада в отношении Востока, который в итоге формирует глубоко искаженный – ориентализированный и доместифицированный – его образ, оправдывающей доминирование Запада над Востоком. Разрешение ситуации состоит прежде всего в осознании того принципиального факта, что западный образ Востока есть его репрезентация, вторичный образ, включающий в себя большое число слабо отрефлектированных методологических ходов и предпосылок. Необходимо дать слово субальтернам – тем, кто занимает подчиненное положение и рань-

ше такой возможности говорить за себя был лишен, тем, за кого говорили другие – противопоставив их презентацию Востока репрезентации метрополийного образа истории. Однако проблема состоит в том, что такого полноценного образа до сих пор нет либо попытки его артикуляции несут на себе все недостатки метрополийного образа, только с противоположным знаком.

В целом, к концепции Саида следует отнестись со сдержанным оптимизмом. Многие моменты критики самой методологии формирования образа Востока как постоянной оппозиции Запада следует признать справедливыми. Но это еще не решение проблемы. На наш взгляд, выходом из ситуации является осознание того принципиального обстоятельства, что в области культурологического и исторического знания мы неизбежно имеем дело с репрезентациями, образами, сформированными одной культурой в отношении другой, исходя из собственной культурной идентичности. Никакого вне- или закультурного пространства, аналогичного идеалу объективной истины в естествознании, в сфере исторического знания нет и быть не может. Однако события последних лет заставляют нас обратить внимание на еще одну проблему, которая прежде практически никогда не попадала в фокус внимания: наличия во взаимодействии культур своего рода «слепых зон» фундаментального непонимания. Это обстоятельство прежде не получало теоретической разработки. В предлагаемом докладе будет сделана попытка дать основные моменты такого теоретического обоснования с использованием аппарата феноменологии Э. Гуссерля и его последователей, которая представляет образ Другого как *alter ego* – определенную вариацию собственного трансцендентального *ego*.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Б. В. Марков

Модель межкультурного диалога построена на основе синтеза теории коммуникативного действия и герменевтики. Согласно первой, конфликтующие стороны имеют право заявить свою позицию, но отстаивать ее должны на основе рациональных аргументов. Принцип толерантности реализуется как готовность выслушать различные мнения и достигнуть консенсуса благодаря критической рефлексии. Разумеется, этому нет альтернативы. К сожалению, публичные дискуссии часто сталкиваются с такими убеждениями, которые кажутся убедительными только одной стороне. Сторонники теории коммуникативного действия считают правомерным решение большинства, а если меньшинство не соглашается с таким решением, то оно само себя исключает из коммуникативного сообщества. На практике это приводит уже не

к переговорам и дискуссиям, а к протестам, терактам и «миротворческим» операциям, т. е. к насилию.

Герменевтическая модель диалога, кроме доказательств и объяснений, основанных на логической аргументации, учитывает предпосылки – такие положения, которые не доказываются, а считаются самоочевидными и достоверными для людей, объединенных общей территорией, историей, языком, культурой и различного рода ценностями, которые сложились в процессе выживания того или иного народа. В герменевтике вместо единого для всех трансцендентального субъекта, т. е. разумного существа, каким является любой человек, независимо от пола, возраста, цвета кожи, вводится понятие Другого.

Антропология исследует образ жизни и мышления других народов, как правило, стоящих на ином уровне развития, и показывает, что на их месте, возможно, и мы думали точно также. Но можно ли допустить, если другие будут поступать в наших коллективах согласно своим обычаям? Требование понять другого – это проявление толерантности. Но означает ли оно признание другого? Другие – представители разных культур или субкультур, отстаивают собственные ценности, с которыми связывают свою идентичность. При этом нормы и коды одного сообщества обычно не совпадают с убеждениями и правилами поведения, принятыми в других коллективах. Проблема в том, что различаются сами принципы рациональности, и это приводит к тому, что переговоры с другими часто приводят в тупик. Поскольку каждый человек, и каждый народ в ходе истории вырабатывает свои правила выживания, их признание предполагает изучение истории, языка, культуры, образа жизни. В этом жизненном контексте кажущиеся другим необычными, нерациональными убеждения становятся понятными и получают признание.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ N 18-511-00015 Бел_а «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (2018–2020).

КОММУНИТАРИСТСКОЕ И ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

B. H. Семёнова

Мультикультурализм является одним из ведущих леволиберальных политических движений. Как идеология, данное направление только формируется, поэтому в своем развитии неизбежно сталкивается с теоретическими противоречиями и критикой со стороны не только своих очевидных противников, но и близких по духу идеологий. В мультикультурализме сложилось два основных направления: коммунитаристское (основатель – Чарльз Тейлор) и либеральное (основатель – Уилл Кимлика).

Коммунитаристы констатируют распад социальных связей, распыление коллективных идентичностей, подъем эгоизма и всеобщий рост проистекающей отсюда бессмыслицы [1, с. 285]. Они также отвергают примат справедливости над благом и представление об индивидах как тотально автономных моральных агентах [1, с. 288]. Права не суть универсальные и абстрактные атрибуты, порожденные оторванной от состояния общества «природой» и сами по себе формирующие автономную область бытия, но выражение ценностей коллективов и групп [1, с. 287]. Эти принципы коммунитаризма были положены Ч. Тейлором в основу его концепции мультикультурализма.

В программной статье «Политика признания» Тейлор указывает, что требование признания является одной из важнейших тенденций в современных политических течениях – национализме, феминизме и мультикультурализме. Признание связано с идентичностью, важнейшей характеристикой человека, частично определяемой признанием, его отсутствием или искаженным признанием. Индивиду или группе может быть нанесен реальный ущерб, когда другие люди или общество в целом создают у них ограничивающее, унизительное или презрительное представление о себе. Непризнание или искаженное признание могут причинять вред, быть формой угнетения, заточения человека в ложный и неполноценный способ бытия [2, р. 25]. Должное признание – это не просто проявление вежливости по отношению к другим людям, а жизненно важная человеческая потребность [2, р. 26], поскольку идентичность формируется не в изоляции, а социально, даже в случае отшельника, который обращается к Богу или писателя, который всегда предполагает существование аудитории для своих книг [2, р. 34]. Анализируя взгляды Ж. Руссо и И. Канта, Тейлор показывает, что сформировавшаяся на основе их идей политика либерализма оказалась безразличной к индивидуальным различиям между людьми. Идеология либерализма, утвердившаяся в современных западных странах, не способна обеспечить признание, которое является условием полноценного развития человека и демократии. Переход от эпохи чести к эпохе достоинства открыл дорогу политике универсализма, которая подчеркивает равное достоинство всех граждан, а содержанием подобной политики стало уравнивание прав и льгот [2, р. 37]. Однако вместе с идеей всеобщего равенства возникло современное понятие идентичности, которое подчеркивает уникальность и неповторимость каждого индивида. Либеральная политика универсального равенства изначально вступила в противоречие с идеей уникальной идентичности как отдельных индивидов, так и целых культур. Понятие идентичности требует иной политики – политики различия или признания. Она предполагает, например, что коренные жители Канады, индейцы, должны получить ряд прав и возможностей, которые недоступны другим канадским гражданам [2, р. 39–40].

Таким образом, согласно Тейлору, современность породила два взаимосвязанных, но противоречащих друг другу вида политики – политику универ-

сального достоинства, или равенства, и политику различия, или признания. Первый вид политики воплощает в себе принципы господствующей идеологии либерализма, которая в своем стремлении к универсализму полностью игнорирует различия не только внутри западных обществ, но и в отношении других культур, оценивая их по западной шкале ценностей. Второй вид политики лишь находится в стадии формирования и предполагает утверждение мультикультурализма.

Канадский философ также обращает внимание на то, что либеральный индивидуализм с подозрением относится к любым коллективным целям [2, р. 6] и поэтому не в состоянии признать ценность групп и сообществ. Однако претензии либерализма на универсальность несостоятельны, так как он сам является порождением определенной культуры и не может выступать как культурно нейтральная инстанция [2, р. 62]. Как порождение христианской культуры, либерализм является не только политической идеологией, но и разновидностью воинственной религиозной веры [2, р. 62].

Идеи Тейлора направлены против попыток западной цивилизации поставить себя в привилегированное положение по отношению к другим культурам и меньшинствам, против ассимиляции, вытекающей из универсалистских претензий идеологии либерализма. Господствующая либеральная парадигма в принципе не может обеспечить проведения полноценной политики мультикультурализма. В конечном счете, как заключает Тейлор, необходимо признать равную ценность всех культур [2, р. 64].

Рассуждения Тейлора в значительной степени опираются на примеры конкретной политики, которая проводится в Канаде для сохранения культурных различий – коренным жителям предоставлено право на самоуправление, а Квебек имеет особый статус франкоговорящей области. Канадский опыт имел принципиальное значение и для другого важнейшего идеолога мультикультурализма – У. Кимлики.

Кимлика выделяет два основных источника культурного разнообразия: иммиграцию и многонациональное государство [3, р. 10]. Вплоть до 1960-х годов в США, Канаде и Австралии использовалась «англо-конформистская» (ассимиляционистская) модель иммиграции, предполагавшая, что иммигранты полностью примут существующие культурные нормы и со временем ничем не будут отличаться от коренных граждан в речи, одежде, досуге, кухне, размере семьи, идентичности и так далее. Такая жесткая политика ассимиляции считалась необходимой для того, чтобы иммигранты становились лояльными и продуктивными членами общества [4, р. 153]. Однако, начиная с 1970-х годов, под давлением групп иммигрантов все три страны отвергли ассимиляционистскую модель и приняли более терпимую и плюралистическую политику, которая поддерживала иммигрантов в сохранении различных аспектов их этнического наследия. Кроме того, государственным

учреждениям было предписано изменить свои правила, практику и символы с учетом верований и практики групп иммигрантов [4, р. 154].

Первой страной, официально принявшей политику мультикультурализма на государственном уровне, стала Канада в 1971 году. С тех пор эта политика была принята в Австралии, Новой Зеландии, Швеции, Великобритании и Нидерландах. Хотя США не имеют официальной политики мультикультурализма, неофициально они также приняли такой подход. Политика мультикультурализма осуществляется на всех уровнях американского правительства и во всех государственных учреждениях – от школьных советов и больниц до полиции и армии. Среди развитых западных стран только Франция продолжает придерживаться ассимиляционистской модели.

Другой источник культурного многообразия – многонациональное государство. С точки зрения Кимлики, многонациональными государствами являются не только страны, созданные иммигрантами (США, Канада), но и некоторые западноевропейские страны (Бельгия, Швейцария), а также страны бывшего СССР и третьего мира [3, р. 13]. В отличие от идеологов национализма, которые везде видят «единую нацию», Кимлика считает, что следует отличать патриотизм как верность государству от национальной идентичности как принадлежности национальной группе [3, р. 13]. Такой подход позволяет увидеть национальные меньшинства в тех странах, где власти предпочитают их игнорировать и где необходима политика мультикультурализма.

Концепция мультикультурализма Кимлики исходит из признания инструментальной ценности культуры для индивида. Принадлежность к культуре является важным условием личной автономии, так как культура предоставляет возможность выбора. Культура содержит «контексты выбора», представляющие значимые варианты и сценарии, с помощью которых люди могут формулировать, пересматривать и преследовать свои цели [3, р. 89]. Принадлежность к культуре также играет принципиальную роль в формировании идентичности человека. Культурная идентичность – это якорь самоидентификации и основа самоуважения [3, р. 89]. Меньшинства, которые, в отличие от большинства граждан ограничены в возможностях доступа к собственным культурам, нуждаются в особой защите. Общество обязано брать на себя ответственность за предоставление меньшинствам доступа к культуре, так как нехватка такого доступа представляет собой разновидность неравенства, которая не зависит от выбора самого человека. Это соответствует либеральной теории равенства, которая предполагает важность борьбы с теми формами неравенства, которые не зависят от воли самого индивида [3, р. 109].

Идеология мультикультурализма затрагивает не только проблемы культуры и идентичности, но также вопросы экономических интересов, политической власти, религии, языка, этнической принадлежности, национальности и расы.

Сравнивая общественное и политическое влияние двух направлений мультикультурализма, необходимо отметить более основательную разработку положений либерального мультикультурализма, а также возможности его потенциального консенсуса с леволиберальными политическими силами (феминистским движением, движениями в защиту прав различного рода меньшинств).

Литература

1. Бенуа, А. де. Против либерализма: (к четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб. : Амфора, 2009. – 476 с.
2. Taylor, Ch. The Politics of Recognition / Ch. Taylor // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Gutman. – Princeton (N. J.), 1994. – P. 25–73.
3. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 290 p.
4. Kymlicka, W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 366 p.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. И. Чуесов

В наши дни как категориальные, так и методологические основания гуманитарной экспертизы многих программ развития межкультурной коммуникации обычно остаются в тени. В худших случаях данные программы рассматриваются безотносительно не только к их неявным, но и к очевидным предпосылкам. Это серьезно ограничивает возможности конструирования и использования социальных и гуманитарных, а также информационно-коммуникационных и информационно-коммуникативных технологий в практике межкультурной коммуникации. Критически пересматривая сложившееся положение дел, обратим внимание на условную демаркацию категориальных и методологических предпосылок гуманитарной экспертизы.

Категориальные предпосылки конструирования и использования, например, информационно-коммуникационных технологий в межкультурной коммуникации раскрываются известными эмпирическими закономерностями динамики информационно-коммуникационных технологий, которые выявили М. Маклюэн, Г. Мур и др. специалисты. Выработанные ими императивы хорошо иллюстрируют те количественные интервалы конкретных средств информационной коммуникации, при которых воспроизводится (и способно сохраняться) определенное качество как коммуникации вообще,

так и межкультурной коммуникации, в частности. Данные закономерности недвусмысленно указывают нам на опасность нарушения меры использования информационно-коммуникационных технологий, в результате которых не модифицируется качество коммуникации, а сама ее человеческая суть существенно видоизменяется и революционно преобразуется. Характеризующие статику и динамику информационно-коммуникационных технологий закономерности, позволяют более или менее адекватно и точно оценивать качество налаживания и укрепления межкультурных контактов индивидов и народов с помощью различных средств: экскурсий, библиотек, художественной литературы, музыки, спорта и масс-медиа в целом (телевидения, Интернета, социальных сетей).

Своеобразие категориальных предпосылок различных видов информационно-коммуникационных технологий в межкультурной коммуникации также указывает на существование их устойчивой связи с методологическими и предметно-содержательными предпосылками конструирования и использования информационно-коммуникационных технологий в межкультурной коммуникации. Сравнивая между собой первые и вторые, обратим внимание на то, что методологические предпосылки по сравнению с предметно-содержательными менее очевидны. По меньшей мере, для неспециалистов, поскольку для специалистов методологические следствия из теорем металогики К. Геделя и А. Черча или аксиом программирования М. Р. Шура-Буры хорошо известны. Эти предпосылки позволяют более точно очертировать пределы влияния информационно-коммуникативных технологий на межкультурную коммуникацию. Иллюстрируя их, обратим внимание на то, что повседневная межкультурная коммуникация людей и народов обычно ограничена используемыми ими естественными языками. В наши дни весьма ограничены возможности использования в межкультурной коммуникации, менее культурно и цивилизационно нагруженных искусственных языков международного общения (эсперанто и т. п.).

Рассмотрение сути информационно-коммуникационных технологий требует особого указания на то, что языком современных информационно-коммуникационных технологий выступает искусственный язык логического программирования. Он менее строг по сравнению с языком математики, на всесилие которого в деле разрешения межкультурных конфликтов рассчитывал еще Г. Лейбниц, и менее строг по сравнению с языком формальной (математической) логики, ограниченность которого была прояснена Г. Фрегеи в программе построения корпуса математику по лекалам логики. Современный язык программирования, в соответствии с аксиомами М. Р. Шуры-Буры, как известно, одновременно менее точен по сравнению с языком логики и математики, поскольку, как указывал один из пионеров отечественного программирования, всегда или содержит ошибку, или, если ошибок нет, есть неверно примененный метод, или, наконец, согласно третьей аксиоме про-

граммирования, «если на самом деле программа полностью и абсолютно правильна, она никому не нужна».

Неудивительно, что в наши дни социальные и временные границы действия информационно-коммуникационных технологий в межкультурной коммуникации раздвигаются вместе с вхождением в жизнь новых информационно-коммуникационных технологий и усилением их роли в процессе коммуникации. Например, в случае Google-переводчика и аналогичных ему программ, помогающих устранять естественно-языковые барьеры межкультурной коммуникации, а также моделировать специфику коммуницирования представителей разных религий, цивилизаций, культур по отдельности, раскрывая даже некоторые возможности их диалогического коммуникативного опосредствования. Вместе с тем можно предположить, что данная тенденция в конечном счете автоматически не превратит техническое коммуницирование людей и народов в их полновесную коммуникацию, поскольку ее методологические предпосылки раскрываются одновременно как с помощью формализации, так и неформального категориального и методологического анализа особенностей социального взаимодействия индивидов, народов и культур.

В свете сказанного важно обратить внимание на роль тех содержательных, онтологических моделей социальной реальности, которые явно или неявно используются в процессе межкультурной коммуникации. Не претендя на их исчерпывающие характеристики, сошлемся на то, что данные модели могут мыслиться как глобальные, например, в неклассической философии К. Маркса, ориентированной на практическое изменение мира с помощью философии. Они также могут оцениваться и противоположным образом, в качестве локальных, использование которых оправдывалось принципом мелиоризма в прагматизме, установками критического рационализма К. Поппера на необходимость повсеместного локального использования социальной инженерии. В наши дни, не недооценивая важной роли локального использования социальных технологий в межкультурной коммуникации, нельзя не учитывать универсальные интенции гуманитарных технологий, категориальные и методологические предпосылки которых представлены в различных неформальных моделях социальной реальности.

В неклассической модели К. Маркса акцентировалось значение производственно-экономических предпосылок межкультурной коммуникации, которые модифицируют особенности коммуникации разных людей и народов в соответствии с их социально-экономическим потенциалом. В немарксистских (постмарксистских) моделях социальной реальности восстанавливаются преемственные связи с идеями классической философии. Например, в теории коммуникативного действия современного авторитета в области информационно-коммуникативных технологий Ю. Хабермаса убедительно обосновывается следующее представление. Подлинная коммуникация лю-

дей, народов, культур оказывается возможной в соответствии с требованиями (императивами) Разума (с большой буквы). Иначе говоря, такого коммуникативного посредника, который позволял бы выходить за локальные цивилизационные и культурные границы, осуществляя межкультурную коммуникацию в соответствии с неформальной логикой идеальной коммуникативной ситуации, легитимным средством разрешения межкультурных конфликтов в которой являлось бы не физическое насилие и/или угрозы его применения, а аргументация как средство реализации человеческого в человеке.

Оставляя в стороне то досадное обстоятельство, что было бы наивным запрещать смешивать между собой неодинаковые смыслы конструирования и использования технологий социальных, по определению не способных быть глобальными, с одной стороны, и технологий гуманитарных, как принципиально глобальными, с другой стороны, подчеркнем следующее. Необходимость демаркации возможностей данных технологий в межкультурной коммуникации является существенной. Все социальные технологии являются в конечном счете инструментальными, в частности, технологиями сноровки, мастерства, искусства. Гуманитарные же технологии являются телеологическими. Последнее означает, что их категориальные и методологические предпосылки включают в себя неформальные представления о человеке и социальной группе как цели, а не (только) средстве, необходимым способом возвышения человека и социальных групп как цели является аргументация, как подлинная человеческая деятельность, предпосылка и условие оптимистического антропосоциогенеза.

Следовательно, гуманитарные технологии и гуманитарная экспертиза определяются не только прикладным использованием социально-гуманитарного знания или гуманитаристики, как неуклюже иногда выражаются отечественные исследователи. Несмотря на существенное категориальное и методологическое различие картин мира, рисуемых средствами искусства (литературы, музыки и пр.), с одной стороны, и науки, в особенности философии, – с другой, цели и средства межкультурной коммуникации являются таковыми на самом деле, будучи взятыми в их единстве и опосредованности друг другом.

С этой точки зрения жестко привязанная к средствам деятельности коммуникационность, в отличие от более тесно связанной с целями человеческой деятельности коммуникативности, характеризуют все же свойства и отношения одной и той же деятельности людей. На это нам, собственно, и указывают поговорки разных народов о том, что цель всегда (не всегда) оправдывает средства, что благими намерениями может (не может) бы устлана дорога в ад. Критерием оценки правильности данных и аналогичных им сентенций, очевидно, могут быть лишь универсальные императивы Разума. Именно в их свете можно поэтому вполне обоснованно предположить и помыслить, что складывающиеся в конкретном акте межкультурной коммуникации свя-

зи целей, средств и результатов деятельности людей должны формироваться не только стихийно, но и сознательно. Они, следовательно, формируются не только в соответствии с естественноисторической логикой истории в духе К. Маркса, но и телеологии гуманитарной экспертизы, которая в этом смысле сама оказывается важнейшей категориальной и методологической предпосылкой успешной межкультурной коммуникации. Неудивительно, поэтому, что императивы Разума и его роли в межкультурной коммуникации вполне адекватно конкретизируются как основным аргументологическим законом коммуникации, так и ее аргументологическими правилами, которые показывают нам необходимые и достаточные свойства того идеала межкультурной коммуникации, к которому современному человечеству следовало бы, как нам представляется, стремиться.

Работа выполнена при поддержке гранта БРФФИГ18Р-211.

СМЫСЛОВОЙ ПОИСК ДРУГОГО В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Д. А. Шевелева

В современных условиях существования гуманитарных и общественных наук необходимо найти строгий фундамент для понимания основных категорий и понятий. Это существование характеризуется как разнообразием теоретических и практических подходов, так и определенной растянутостью перед подобным разнообразием. С одной стороны, интеграция знания между социальными и гуманитарными науками является закономерным итогом эпохи «постмодерна», предполагающим, что любое общественное явление можно рассматривать с многих точек зрения; с другой стороны, такая интеграция характеризуется утерей смыслов и лабильностью строгих понятий.

В качестве одного из таких понятий мы хотим рассмотреть понятие Другого. Современные науки – и социальные, и гуманитарные – активно работают с ним. В любом исследовании, целью которого будет анализ современной социальной действительности, без анализа Другого или Чужого обойтись нельзя, так как сама реальность диктует нам те проблемы, которые ранее признавались только прерогативой этнографов, социальных и культурных антропологов, функционалистов. Однако понимание ожидаемо разнится, хотя речь идет порой об одинаковом смысловом разрезе. В качестве примера можно указать на нескольких зарубежных и отечественных авторов: Петра Штомпку [1, с. 92–114, 409–432], Герхарта Баума [2], Ральфа Дарендорфа [3, с. 29, 68–70], Йохана Галтунга [4], Юргена Хабермаса [5], Дэвида Грэбера [6], Андрея Здравомыслова [7], Бориса Маркова [8]. Наша

точка зрения заключается в том, что, все указанные работы, а также многие другие, несмотря на различия в концепциях и поставленных проблемах, ведут речь о поиске Другого, о той призрачной возможности наладить связи между «мной» / «моей нацией» / «моей политикой» / «моей цивилизацией» / «моей религиозной исключительностью» и Другими, которая единственная в перспективе может помочь обозначить рамки диалога.

В самом деле что Герхард Баум, задающий вопрос о правомочности дилеммы «безопасность или свобода» в связи с угрозами современного терроризма [2, с. 16–24]; что Йохан Галтунг, настаивающий на том, что в ситуации конфликта должны быть услышаны все стороны, а не только те, которые имеют военное, экономическое или политическое превосходство [4, р. 27–31], что Андрей Здравомыслов, разбирающий лингвистически обусловленные концепции «нации» и «национальности» [7, с. 179–241], – ставят целью именно поиск оснований для диалога, оснований для принятия Другого. Нам кажется, что в нынешней социальной и философской науке эти основания принципиально являются важнейшим условием для дальнейшего развития как самих наук, так и социальной реальности.

Но эта смысловая множественность Другого настораживает и заставляет задаться несколькими важными вопросами. Первый: не занимаются ли все современные исследователи «переливанием из пустого в порожнее», пытаясь охватить невозможное, следовательно, для него невозможно найти общий фундамент. Второй: есть ли у нас вообще принципиальное теоретическое право под «Другим» понимать всю множественность людей, государств, традиций и пр., если исследования множатся, а проблем меньше не становится. Третий: насколько оправдан такой разброс в проблематике и способах исследования (от социологического до философско-антропологического) в деле, которое при первом взгляде требует «только» экономического или военного давления, либо «мультикультурализма», либо насаждения искусственных явлений (например, М. Корстанье в своей книге делает акцент на сходстве терроризма и «черного туризма» [9, р. 92–104]).

Современная политическая ситуация требует от теоретиков или скорейших рецептов снижения напряженности и поиска диалога, или же анализа уже прошедшего события с точки зрения «мультикультурализма» или «глобализма», что опять же приводит к концептуальной возможности проводить грани между «мной» и «Другим». Обе стратегии в настоящее время приводят только к увеличению числа работ по этой, объективно необходимой тематике, однако не приводят к конструктивному изменению социальной реальности. Это, разумеется, не означает, что проблематика «Другого» исчерпала себя; это свидетельствует о том, что проблематика нуждается в переработке, в принципиальном отходе от традиционных моделей поиска диалога и коммуникации между людьми, государствами и другими акторами.

Подводя итог нашему размышлению, можно, к сожалению, только сказать словами Никласа Лумана: «Если нет решений, гарантированно свободных от риска, следует отказаться от надежды <...>, что умножение исследований и знаний позволит перейти от риска к надежности» [10, с. 155].

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-511-00015 Бел_а «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур».

Литература

1. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2012.
2. Баум, Г. Спасти права граждан / Г. Баум. – М. : Сектор, 2015.
3. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт / Р. Дарендорф. – М. : Россизн, 2002.
4. Galtung, J. Introduction: peace by peaceful conflict transformation – the Transcend approach / J. Galtung // Handbook of Peace and Conflict Studies. – Routledge, NY, 2007. – P. 14–34.
5. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2001.
6. Гребер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д. Гребер. М. : AdMarginem, 2014.
7. Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. – М. : Аспект, 1996.
8. Марков, Б. В. Знаки бытия / Б. В. Марков. – СПб. : Наука, 2001.
9. Korstanje, M. E. Terrorism, Tourism and the End of Hospitality in the ‘West’ / M. E. Korstanje. – Basingstoke, United Kingdom and New York, United States : Palgrave-Macmillan, 2016.
10. Луман, Н. Общество риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – Вып. 5. – С. 135–160.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ЖЕНЩИНА КАК ДРУГОЙ: (ПЕРЕ)ОСМЫСЛЯЯ “ВТОРОЙ ПОЛ” СИМОНЫ ДЕ БОВУАР 70 ЛЕТ СПУСТЯ»

ПРАКТИКИ ТЕЛА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

О. И. Давыдик

Установка на преодоление границы, вхождение в тело (будь то тело социальное, тело смысла или физический акт проникновения), скольжение на этой грани или провал в телесность стали одними из определяющих в гуманитарной мысли XIX–XXI вв. Была произведена колоссальная работа по осмыслению понятия тела.

Начиная от таких категорий, как сексуальность, аффекты, перверсии, смерть, травма, в экзистенциальной философии, психоаналитической традиции и продолжая в постмодернистской стратегии (анализика сексуальности М. Фуко, дискурс желания Ж. Лакана, тело театральное А. Юберсфельд, тело пишущее Р. Барта и др.) – все эти попытки описать тело, проникнуть в него стали фундаментом для парадигмальной установки современности, где тело в итоге превратилось в центральный объект биокапиталистической экономики. Феминистская критика (Дж. Батлер, Б. Крюгер, К. Крэншоу, Л. Нохлин и пр.) проблематизировала тело не в качестве абстрактной категории, а в контексте социальной практики и поля борьбы различных идеологий и стратегий узурпации.

Исследования проникновенного тела не просто вошли в гуманитарную повестку, но и сделали возможными публичные дискуссии о теле сквозь призму политики, идеологии, образования, культуры и пр.

Таким образом, современная философия все время балансирует в попытке преодолеть границы и исследовать тело в его различных ипостасях (эротической, порнографической, узурпированной, феноменологической, социальной-политической) и сохранить гуманистический запал, не утратить «человеческое в человеке». В этом смысле, например, феноменология Ж.-Л. Нанси является образцом обретения баланса в попытке исследовать тело, тела, при этом делая акцент на возможностях примирить плоть с духом, которые выражаются в анализе таких категорий, как язык, совместное бытие, сообщество.

В работе Ж.-Л. Нанси «Соргус» мы встречаемся со следующим высказыванием: «На протяжении всей своей жизни тело – это также мертвое тело, тело мертвеца, того мертвеца, каким я являюсь при жизни. Мертвый или жи-

вой, ни мертвый, ни живой – я есть разомкнутость, могила или рот, одно в другом» [1]. Принципиальная позиция Нанси – тело и доступно, и не доступно одновременно. Эта «двойная неудача», при которой касаться тела и не касаться его равно обреченные на провал стратегии, но избежать их невозможно.

Еще одним важным моментом его онтологии является устранение *Dasein* из центра существования и помещение человеческого тела и сознания в один ряд с другими телами и сознаниями. Причем коммуникативная природа тел выражена в концепте *касания*, которое, как мы отметили ранее, одновременно создает и утрачивает возможность проникновения внутрь своего тела, другого тела, тела вообще [2].

Однако движение внутрь непреодолимо, как, впрочем, и движение по поверхности. Обращаясь к категории *differance* Ж. Деррида [3], вслед за ним Нанси фиксирует это циклическое движение изнутри вовне (внутренняя коммуникация приравнивается ко внешней коммуникации, разрушается созерцатель и объект созерцания), делая значимым, по сути, лишь движение *difference*.

Таким образом, для Нанси уравненные между собой тела становятся моментами этого движения, и единственной формой доступа к ним является язык, который его и порождает, точкой входа и касания самих себя и тел рядом. Следовательно, нет непреодолимых границ, существует лишь касание всех и каждого [4].

Важность теории Ж.-Л. Нанси заключается в том, что он определил тела как разомкнутости, вывел их из тьмы существования, «тела сразу погружены в ясность рассвета, все здесь четко и ясно» [5], существуют в бытие-вместе (*être-en-commun*), стирая границу между внешним и внутренним, «я» и «мы», и создавая иные способы постижения совместности и проникновения, выводя, таким образом, телесность в социально-политическую плоскость. Политическое здесь понимается в качестве со-организации, со-присутствия, со-бытия, коммуникативности, полилогичности такого существования.

«Второй пол» Симоны де Бовуар [6] открывает сообществу женское тело примерно в той же транспозиции – со-существующее со-присутствие с Другим и в качестве Другого. «Для каждого из них идеальной женщиной будет та, что точнее всего воплотит в себе Другого, способного открыть мужчине его самого... Но единственный земной удел, который может быть уготован равной, женщине-ребенку, душе-сестре, женщине-вульве, женщине-зверю, – это всегда мужчина» [7].

Коммуникативное пространство невозможно организовать вне касания, попытки обнажить слой за слоем структуры тела политического, социально-го, физического, прочее. Такой логике следует С. де Бовуар, исследуя социально-политические, культурно-цивилизационные аспекты существования

женщины в попытке выстроить диалогичное пространство с мужской «бесконечной предпочтительностью» [8]. Весьма обстоятельный анализ того, каким образом женщина встроена в общество, какими ролями и оценками она наделяется приводит к максимальному обнажению телесности, демонстрации того, что всегда скрыто пеленой приватности, oikos в силу того простого обстоятельства, что женщина всегда была частью, потаеннойностью, плотью, объектом, фантазмом, а, следовательно, грехом, непристойностью, самкой, началом, неотделенным от природного мира, лишенного дыхания разума.

Таким образом, высвечивание феминного, обнажение, касание этой сферы, проникновение в структуры и слои женского имаго [9] понимается как избыточное, сама попытка сосредоточиться на бытии женского тела встречает массу недовольства. Выведение потаенного женского в свет политического, публичного пространства понимается как скольжение порнографического взгляда, так как, кроме объективных факторов реальности (статистики, политической борьбы за права и свободы, экономическое равенство, отказ от угнетения и пр.), в анализ феминного вплетается этическое и эстетическое, выраженное в стыде, грехе, эротике, теле, физиологии и др. – все то, что считалось приватной сферой.

Феноменология Ж.-Л. Нанси снимает это противоречие в культуре и социально-политическом контексте в попытке примирить внешнее и внутреннее, устранив барьер субъект-объектных отношений, поскольку все существует в процессе коммуникации и благодаря ей.

Современная гуманитаристика пронизана пафосом освобождения от эксплуатации. Тело пенетрированное, тело порнографическое могут быть метафорами как эксплуатации, так и символом эманципации, высвобождения от груза тайн, грехов, насилия, безобразности столь изящно воздвигнутых на тела Средневековьем. «Современные способы пенетрации изменяют самые глубинные аспекты субъективности, находящиеся за пределами психологии: аспекты психохимические, биоцифровые и техносексуальные. Они сообщают нам о том, что новая глобальная система мутаций... рождает новые типологии тела, такие как пластигломераты, техносперма или онкомышь. Эти тела становятся полем битвы разных сил: экономических, сексуальных, биологических, информационных и даже геологических» [10].

Безусловно, тело стало проницаемым для взгляда, превратилось в объект исследования и препарирования, и от этого еще больше возрастает необходимость создания условий безопасного существования, т. к. проницаемость границ – это и возможность применения насилия, и утрата автономного существования, иллюзорная свобода.

Подготовлено при финансовой поддержке БРФФИ, грант № Г19РМ-051 от 02.05.2019 «Социальные ожидания от развития технологий в эпоху биокапитализма».

Литература

1. Нанси, Ж.-Л. Corpus / Ж.-Л. Нанси. – Ad Marginem, Москва. – 1999. – С. 33.
2. Коновалов, Г. Corpus vs Объект. Онтология тел Жан-Люка Нанси как объектно-ориентированная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/95/118_5.pdf. – Дата доступа: 25.07.2019.
3. Деррида, Ж. Differance. – Томск : Водолей, 1999. – 160 с.
4. Nancy, J.-L. The Sense of the World. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1997. – Р. 59–61.
5. Нанси, Ж.-Л., Corpus / Ж.-Л. Нанси. – Ad Marginem, Москва. – 1999. – С. 126–127.
6. Бовуар, С. де. Второй пол. Т. 1 и 2. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
7. Бовуар, С. де. Второй пол. Т. 1. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – С. 264.
8. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 2: – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – С. 644.
9. Lacan, J. The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis: – 1981. – 290 pp.
10. Шенталь, А. Пенетрированное тело [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://syg.ma/@sygma/pienetrirovannoie-tielo>. – Дата доступа: 29.07.2019.

СВОБОДА ОТ «МНОЖЕСТВЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ» ЖЕНЩИНЫ КАК УСЛОВИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Н. С. Ильюшенко

Двухтомное эссе Симоны де Бовуар «Второй пол», прочитанное после его публикации в 1949 г. несколькими поколениями женщин, позволило вывести обсуждение вопросов о трудностях брака, ловушке двойной занятости (необходимости совмещения профессиональных обязанностей с ведением домашнего хозяйства), а также возможностях эмансипации женщин на новый уровень проблематизации. Несмотря на то, что сама С. де Бовуар в своем анализе опиралась преимущественно на идеи экзистенциализма и идеалы социализма [1, с. 10], исследователи ее наследия все чаще признают, что она предвосхитила многие положения современной «феминистской экономики» [2], выступая за поиск путей выхода за узкие рамки экономического монизма [3] и видя в таком шаге необходимую меру по восстановлению подлинного человеческого достоинства женщин.

Труд С. де Бовуар позволил наглядно и убедительно продемонстрировать степень несвободы женщин в обществе патриархата, где их достоинство ис-покон веков определялось жизнью в условиях служения семье и вассальным положением по отношению к сеньору [4, с. 579] – мужчине (отцу, брату, любовнику или мужу). Признание своеобразия и ценности бытия женщины исключительно через «успешность» реализуемых ею функций и ролей – в первую очередь, функции воспроизведения рода, а также роли хранительницы

домашнего очага, – способствовало закреплению положения женщины, в котором даже смысл ее жизни не принадлежал и не устанавливался ею самой [5, с. 511], поскольку создателем семейного (определенного для женщины) мировоззрения всецело выступал мужчина [5, с. 524]. В такой ситуации все действия, производимые женщиной, лишенные самоценности по отношению к ней самой, но обладающие таковой лишь в свете их направленности на удовлетворение потребностей членов семьи и требований общества, обретали форму оказываемых бесплатно «услуг», «будь то услуги в постели или по хозяйству» [5, с. 512].

Истоки описанного положения женщин С. де Бовуар усматривала не в последнюю очередь в специфике капиталистической системы производства, поддерживающей контроль мужчин над женским трудом посредством наложения запретов на получение женщиной доступа к образованию, производительным сферам труда. Отсутствие экономической независимости заставляло женщин желать единственного имеющегося для них социально одобряемого способа выживания – замужества, в котором, женщина вынуждена становиться «рабой» своего мужа, которую, выражаясь словами Бальзака, «необходимо суметь посадить на трон».

Освобождение женщин от их рабского положения, согласно видению философа, лежит в русле изменения их положения на рынке труда и трансформации практик неравного распределения ресурсов: «Освобождение женщины станет реальностью лишь в том случае, если оно будет делом коллективным, и его необходимым условием является окончательное торжество ее экономической независимости» [5, с. 704]. Понимая, что предоставление женщинам узко понятых экономических прав не решит проблему в целом, С. де Бовуар выступала за изменение всей социальной структуры общества, возможной, по ее убеждению, только при реализации социалистического проекта, позволяющего преодолеть трудовую эксплуатацию и предоставить женщинам реальные ресурсы для эмансипации. Такие заключения были сделаны во многом на основе теоретических симпатий философа, нежели исходя из анализа практики реального воплощения в жизнь социалистической модели.

В СССР, стране, которая одна из первых вступила на путь реализации социалистического проекта, а также которая первая официально объявила о полном решении «женского вопроса» [6, р. 13], несмотря на ряд успехов 20-х гг. ХХ века, так не были исполнены обещания о достижении экономической независимости женщин. С установлением советской власти женщины получили возможность работать наравне с мужчинами, но не были освобождены от обязанности вести домашнее хозяйство, заботиться о детях и престарелых родственниках, управлять домашним хозяйством. Весь этот труд по-прежнему оставался неоплачиваемым, и ответственность за его выполнение всецело возлагалась на женщин. Таким образом, социалистический

проект не способствовал достижению свободы и утверждению достоинства женщины: советская модель эмансипации не давала женщине права отказаться от какого-либо типа труда (работа на производстве и домашний труд понимались как долг каждой советской женщины), а потому его нельзя признать освобождающим по своей сущности. Такой подход своим следствием имел еще большее закрепощение женщин, способствовал превращению феномена «двойной занятости» в социальную норму, широко распространенную и сегодня [7].

Вместе с тем критика С. де Бовуар системы капитализма должна быть оценена по достоинству. Идеи об источнике неравенства, коренящемся в несправедливом распределении благ и обязанностей, активно развиваются сегодня и подтверждаются многими исследованиями, сопоставляющими как общий доход мужчин и женщин, так и расход времени на выполнение неоплачиваемого труда по ведению домашнего хозяйства. Несмотря на то, что в большинстве развитых стран никто уже не оправдывает более высокий заработок мужчины необходимостью «содержать семью», практика экономической дискриминации женщин все еще существует. Ее особенность состоит в том, что она принимает все более скрытый характер [2].

В частности, все чаще женщины отмечают не только «двойную», но и «тройную» нагрузку. Она выражается в необходимости уделять большое количество времени уходу за собой, что обусловлено возрастающими требованиями общества к внешности женщины. Также дополнительная нагрузка проявляется в необходимости выполнять так называемый «эмоциональный труд» – поддерживать, ободрять близких и членов семьи даже тогда, когда сама женщина не имеет для этого достаточного психологического ресурса. Такая ситуация заставляет нас говорить о ситуации «множественной» занятости современных женщин и необходимости ее преодоления.

Укажем, что С. де Бовуар помимо сугубо экономического пути освобождения женщин посредством разрушения института частной собственности, призывает к трансформациям в мировоззрении, которые должны быть осуществлены не только в сознании самих женщин для обретения ими подлинности своего бытия и преодоления отчуждения, но и в сознании мужчин: «В существующем мире человеку надлежит добиться торжества царства свободы: и чтобы одержать эту высшую победу, в числе прочего мужчины и женщины необходимо возвыситься над своими естественными различиями и заключить между собой подлинно братский союз» [1, с. 807]. Таким образом, представление о том, что у женщины есть политические, гражданские, экономические и социальные права, должно быть дополнено представлением о том, что у мужчин есть обязанности, которые раньше приписывались лишь женщине, – уход и забота о потомстве, ведение домашнего хозяйства. С. де Бовуар не писала подробно о тех преобразованиях, которые должны произойти в положении мужчин, но высказанные ею идеи не противоречат современным выводам феминистской экономической теории, настаивающей

на равенстве двух полов и необходимости разделения всего бремени обязанностей между ними. Представляется, что данные перемены будут способствовать восстановлению подлинного человеческого достоинства женщины, обретению ею своего «я» на пути к свободе, автономии, способности «присвоить» собственную жизнь.

Подготовлено при финансовой поддержке БРФФИ, грант № Г19РМ-051 от 02.05.2019 «Социальные ожидания от развития технологий в эпоху биокапитализма».

Литература

1. Усманова, А. Феминизм и философия после Симоны де Бовуар / А. Усманова // Толос. Феминизм и философия: переосмысливая наследие Симоны де Бовуар. – № 3, 2010. – С. 7–17.
2. Bodkin, R. G. The Economic Thought of Simone De Beauvoir in the Second Sex / R. G. Bodkin // The Journal of Business Inquiry. – 2011. – № 10, 1. – P. 33–40.
3. Baron, D. Feminism, Marxism and Social Transformation: Beyond Economic Monism / D. Baron // Public Seminar: In the spirit of The New School for Social Research, informing debate about the pressing issues of our times [E-Resource]. – Mode of access: <http://www.publicseminar.org/2015/03/feminism-marxism-and-social-transformation-beyond-economic-monism>. – Date of access: 01.09.2019.
4. Моруа, А. Симона де Бовуар // От Монтеня до Арагона : пер. с фр. ; сост. и пред. Ф. С. Наркирьера ; comment. С. Н. Зенкина. – М. : Радуга, 1983. – 678 с.
5. Бовуар, С. де. Второй пол. Т. 1 и 2 : пер. с франц. ; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айзовой, comment. М. В. Аристовой. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
6. Tolkunova, V. The working woman in the USSR / V. Tolkunova // Women in the USSR. – Moscow, Progress Publishers, 1985. – Pp. 13–65.
7. Ilyushenka, N. Transformation of Social Roles of Women towards Their Double Social Burden in the 1920s–1940s // Na przekór konwencjom Nieszablonowe role społeczne kobiet i mężczyzn od czasów nowożytnych do 1945 roku. Against conventions. Uncommon social roles of women and men from early modern times to 1945 ; pod redakcją Magdaleny Gibiec, Doroty Wiśniewskiej, Leszka Ziątkowskiego. – Kraków : Księgarnia akademicka, 2018. – S. 317–339.

ЖЕНЩИНА КАК ДРУГОЙ-ДЛЯ-СЕБЯ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЛЮБОВЬ В КНИГЕ «ВТОРОЙ ПОЛ» С. ДЕ БОВУАР

T. E. Новицкая

«В тот день, когда женщина сможет любить благодаря своей силе, а не благодаря слабости, когда она будет любить не для того, чтобы бежать от себя, а для того, чтобы себя найти, не для того, чтобы отречься от себя, а для того, чтобы себя утвердить, – в тот день любовь станет для нее, как и для мужчины, не смертельной опасностью, а источником жизни».

С. де Бовуар [1]

«Только Раб может преобразовать Мир, образовавший его и обрекший на рабство, и сам образовать такой Мир, в котором он будет свободным».

A. Кожев [2, с. 38]

Предваряя обращение к проблеме женщины как Другого-для-себя, остановимся на категории взгляда, знаковой для экзистенциализма. Она особенно важна в контексте философии Ж.-П. Сартра [3], несомненно, оказавшего влияние на идеи С. де Бовуар. Согласно его подходу, тройственность бытия на аналитическом уровне проявляет себя посредством бытия-в-себе, бытия-для-себя и бытия-для-другого. Взгляд актуализируется в отношениях с Другим: так субъект заявляет о своей активности, проявляет субъектность для Другого и манифестирует свою способность объективировать его на определенном этапе познания. Взгляд оказывает ограничивающее воздействие на свободу того, на кого смотрят. Определив последнего тем или иным образом, обозначив для себя, классифицировав, локализовав, Другой фактом своего проявленного существования вызывает реакции и переживания, создает рамки для чужого бытия-для-себя, мыслившего себя как свободное в собственном позиционировании вовне – последнее вынуждено осознавать ограничивающую силу такой оценки.

Одна из ключевых идей «Второго пола» состоит в том, что для женского сознания, исходя из сложившегося социально-исторического опыта и общественного устройства, возникает слитность бытия-для-себя и бытия-для-другого. Описывая самоидентификацию женщины, С. де Бовуар вычленяет трагическую ошибку в ее развитии, ставшую источником утраты женщиной собственной аутентичности, бытия-для-себя. Пребывая в патриархатной культуре, в которой мерой выступает мужчина, а мужской взгляд постулируется как должный, основной, нормальный и естественный, женщина начинает смотреть на себя глазами мужчины. Вторичность, инаковость женского в этой ситуации выражается в том, что оно всегда определяется по отношению к мужскому и никогда само по себе: быть женщиной – значит быть для мужчины. «В самом деле, разделение полов есть биологический факт, а не момент в истории человечества. Их противоположность обозначилась в рамках изначального *Mitsein* и не нарушила его. Пара – это основополагающая единица, половины которой прикованы друг к другу: расслоение общества по признаку пола невозможно. Именно в этом и состоит главная характеристика женщины: она – Другой внутри единого целого, оба члена которого необходимы друг другу» [1]. Однако рассматривая перспективы положения женщины, де Бовуар оптимистична. Она утверждает, что эта инаковость не абсолютна, а относительна. Ситуация формирования такой самоидентификации и вытекающей из нее социальной роли обусловлена исторически, куль-

турно, социально, и в других условиях возможны коренные изменения в этой сфере.

Сделаем оговорку: «Второй пол» увидел свет в 1949 г., современным для де Бовуар является общество обозначенного периода. Это существенно, учитывая историчность ее подхода, успехи феминистского движения, продвижение идей гендерного равенства и развитие общественного сознания в данном направлении. Осмысливая женскую социализацию, мыслительница, фокусируется на путях, ведущих женщину к самообъективации. И сегодня женские образы как должное, как то, чему следует соответствовать, транслируются в культуре (принципиально, что процесс носит визуальный характер, женщина видит себя глазами мужчины). Спустя более чем 20 лет после публикации эссе де Бовуар британская феминистка и теоретик кино Лаура Малви (Laura Mulvey) [4] выдвинула идею *male gaze*: классическое голливудского кино организовано таким образом, что зритель оказывается в позиции маскулинного субъекта. *Male gaze* – способ видения женщины на экране в мужской гетеросексуальной перспективе, в которой она репрезентируется как сексуальный объект, служащий для мужского скопофилического удовольствия. В связи с масштабностью распространения паттернов, транслируемых кино и иными медиа, данная практика получила широкое распространение в культуре. Сама женщина как зритель встает на маскулинные позиции, видит другую женщину (а впоследствии и себя) посредством «мужского взгляда», интериоризирует логику ориентированного на наслаждение мужского субъекта. При помощи метафоры *male gaze* может быть очерчена ситуация женщины в патриархатном обществе. Теоретические истоки этой идеи можно найти во «Втором поле».

Социализируясь с идеей восприятия себя как объекта и не имея социально-нормированной альтернативы такой точке зрения, женщина сама рассматривает себя как объект, сводя тем самым собственное бытие-для-себя к бытию-для-другого. Находясь в связи с мужчиной или стремясь к ней, она начинает получать удовольствие в роли Другого, становясь Другим-для-себя. Для нее чувствовать себя объектом желания – апофеоз женственности. В итоге она становится объектом и своей любви. В этой связи понятно ее отождествление себя со своим физическим обликом, отражением в зеркале. Женскую красоту, как имманентность, де Бовуар противопоставляет мужской свободе, как трансцендентность. У женщины формируется своего рода раздвоение личности: она видит себя как образ, персонаж и соглашается с мужской интерпретацией женственности, как инаковости, сопровождающейся своим обязательным атрибутом – загадочностью. Она идентифицирует и позиционирует себя как Другого.

Возможны ли для нее свобода, подлинность бытия и самоauténtичность? Будучи Другим-для-себя женщина постоянно отвлекается на собствен-

ный нарциссизм, что делает трансценденцию и истинную увлеченность каким-либо делом проблематичной. Ее путь – самовосхваление, замыкание в себе и топтание на месте – воплощает имманентность и отрицает трансценденцию. «Ей не удается ощутить себя целостным, полноценным существом, она не может сохранить иллюзию, что быть “в себе” – значит быть “для себя”» [1]. Поиски идентичности закономерно приводят женщину к любви, к зависимости от мужчины, в которой она и без того латентно пребывает. По сути, в такой ситуации быть с мужчиной значит оставаться Другим-для-себя. Одна из респонденток, упоминаемых в знаменитой книге Бетти Фридан говорит: «Дело в том, что я всегда или мать своих детей, или жена священника и никогда не бываю сама собой» [5]. Несчастье здесь заключается в том, что в отличие от мужчины, познающего себя через Другого, но при этом не теряющего себя, idea fix для женщины становится оправдание своего существования в Другом. Из этого вытекает ее подчинение трансцендентности Другого, бегство от свободы и зависимость, ожидание, скука, навязчивость, тревога и невозможность покоя в любви. Ограничивааясь желанием быть лишь любимой женщиной, чувствуя собственную ценность лишь в любовных отношениях, женщина утрачивает значимость всего остального. «Но в большинстве случаев женщина осознает себя лишь в качестве Другого, часть ее личности, предназначенная «для Другого», становится самой ее сущностью. Любовь для нее – это не дух посредничества между собой и собой, потому что она не обретает самое себя в своем субъективном существовании. Вся ее личность сведена лишь к роли любовницы, которую не только открыл, но и сотворил мужчина, и ее благополучие зависит от этой основавшей ее despoticской свободы, которая в любой момент может ее уничтожить. (...) Для женщины любовь – это отчаянная попытка, приняв зависимость, на которую она обречена, преодолеть ее. Но зависимость, даже если она добровольна, ведет лишь к страху и порабощению» [1]. В этой связи стремление стать музой можно рассматривать как очередной отказ взять свою судьбу в собственные руки, как попытка найти медиума, с которым можно себя отождествить на пути поиска подлинного существования. На деле такое бегство от себя разочаровывает и оказывается только попыткой присвоения трансценденции Другого, ведет ко вторичности женской субъектности – она «становится рабыней, служанкой, слишком послушной тенью, слишком похожим отражением», тем самым утрачивая вожделенную инаковость и, не будучи способной соответствовать противоречивым требованиям мужчины, быть одновременно другой и своей, родной, принадлежащей ему [1].

Для женщины искушение оставаться на этом пути во многом связано с социальной значимостью и общественным одобрением соответствия общепринятым представлениям о сексуальной привлекательности, конвенциональной женственности, бытия-Другим. Однако существует и обратная – не-

гативная – сторона этого явления, описанная также в работах крупнейших представительниц второй (Б. Фридан [4]) и третьей (Н. Вульф [5]) волн феминизма. Следуя диктату «загадки женственности» и «мифа о красоте», женщины неизбежно проигрывают, жертвуя здоровьем, сексуальностью, карьерными амбициями, и, наконец, счастьем, гармонией с собой и миром, пониманием себя.

По мысли С. де Бовуар, безусловно, не отрицающей значимости любви для человека в поисках смысла подлинного существования, роль возлюбленной не должна быть единственной женской идентичностью, отречение от своей свободы и трансцендентности – это ошибка на которую общество толкает женщину-конформистку. Любовь не должна оставаться бесполезным, даже раздражающим даром, который не предполагает симметрии в отношениях и взаимности. Если устоявшиеся представления о женственности строятся на необходимости превратиться в объект, отречься от собственной субъектности, на пассивности, то только их пересмотр, что важно, не только на уровне манифестирования в публичном дискурсе, но особенно на уровне самосознания женщины, понимания ею противоречия, отравляющего ее видение себя, способен преодолеть раздвоенность женской самоидентификации. Перефразируя С. де Бовуар, это необходимо для того, чтобы ее предназначение как человеческого существа не вступало в конфликт с ее судьбой, как представительницей женского пола. Выход существует: это равенство в любви, свободный обмен чувствами двух равных человеческих существ, субъектов, фундаментом чего служит экономическая независимость, стремление к достижению собственных целей и непосредственная связь с обществом обоих.

Литература

1. Бовуар, С. де. Второй пол // E-reading.club [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/126341/Bovuar_-_Vtoroy_pol.html#label47. – Дата доступа: 10.09.2019.
2. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. СПб. : Наука, 2003. – 792 с.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии // PSYLIB. Самопознание и саморазвитие. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/sartr03/index.htm>. – Дата доступа: 10.09.2019.
4. Mulvey, L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Film Theory and Criticism: Introductory Readings. Eds. Leo Braudy and Marshall Cohen. New York : Oxford UP, 1999. – Pp. 833–844.
5. Фридан, Б. Загадка женственности // E-reading.club [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1019773/1/Fridan_-_Zagadka_zhenstvennosti.html. – Дата доступа: 10.09.2019 г.
6. Вульф, Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Н. Вульф. М. : Альпина Нон-фикшн. 2019. – 448 с.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

Э. О. Плотникова

1. Мировой суд в России является уникальным объектом для исследования специфики деятельности судей. Во-первых, это хороший источник статистических данных ввиду наибольшего в сравнении с другими судами объема рассматриваемых дел. Во-вторых, на примере работы мирового суда можно лучше понять механизмы принятия решения судьями, в том числе реализации ими способности суждения. Этому, в частности, способствует то, что на решения мирового судьи, в силу незначительности рассматриваемых дел, меньше влияют посторонние факторы. Вместе с тем фундаментальное исследование реализации судьями способности суждения [1] целесообразно дополнить эмпирическим исследованием того, кем являются субъекты принятия решений?

2. При всем обилии научных трудов в области исследования судебной власти, довольно редко встречаются работы по социологии права, которые дают представление о составе и свойствах судебского сообщества. Есть, конечно, исключения, например, коллективные монографии Т. Г. Морщаковой, И. Л. Петрухина и других авторов [2; 3]. Также следует отметить, что в последние годы вышел ряд серьезных социологических трудов, посвященных эффективности функционирования судебной власти и правосознанию судей [4; 5]. Однако в моем исследовании хотелось бы обратить внимание на вполне конкретных людей, основная функция которых – вершить правосудие. Выявив существенные черты, которыми обладает судья как профессионал, можно будет не только лучше понять особенности механизмов принятия решений судьями, в частности, реализаций ими способности суждения, но также шире взглянуть на процессы, происходящие в судебной системе, выявить тенденции ее развития.

3. Вместе с тем социологические и гендерные исследования судебской профессии являются общемировым научным трендом, что говорит об их актуальности. В данном контексте хотелось бы привести два примера.

В 2017 году по запросу Комитета Европейского парламента по юридическим и парламентским вопросам было осуществлено независимое исследование 28 государств-членов Европейского союза по вопросу распределения женщин и мужчин в различных профессиях. Его целью стало выявление профессиональных сфер, в которых женщины в настоящее время представлены недостаточно широко, а также анализ основных причин подобной ситуации. В поле зрения исследователей попали также судьи. Основным выводом данного исследования стала констатация факта, что во многом распределение

женщин и мужчин в судах находится в зависимости от статуса суда: чем выше статус, тем больше мужчин [6].

Однако подобные исследования были осуществлены не только в европейских странах. В том же 2017 году опубликована монография о соотношениях мужчин и женщин среди судей современного Китая [7]. Оно объединило две взаимосвязанные темы: во-первых, профессиональную жизнь женщин-судей; и, во-вторых, частную жизнь китайских женщин, которые приходят на работу в судебную профессию в постреформенную эпоху. Кроме того, акцент делался на рассмотрение гендерной проблематики в Китае в целом, что помогло обеспечить лучшее понимание социального статуса женщин в стране. Так, признавая важный вклад женщин в судебное производство, в книге утверждается, что судебная власть и общая политическая структура требуют в профессии представительства как мужчин, так и женщин.

4. В современной России наиболее масштабные исследования в области юридических профессий проводят Институт проблем правоприменения (Санкт-Петербург). Именно в рамках осуществляющей им научной деятельности рассмотрен кадровый состав следователей и адвокатов России. В 2014 году Институт проблем правоприменения провел самое масштабное в России исследование такой профессиональной группы как российский судья. В его основу положены результаты социологического опроса и интервьюирования судей. Так, в эмпирическую базу вошли 1 798 ответов респондентов [8, с. 22, 239].

В качестве одного из аспектов характеристики профессии судьи Институтом проблем правоприменения рассмотрен вопрос о распределении и соотношении мужчин и женщин в рамках судебной системы. Доля женщин-судей в России составила 64,7% от числа опрошенных [8, с. 87], среди мировых судей женщины составляют 69,6% [8, с. 90]. Следует отметить, что выявленная тенденция справедлива и для мировых судей Калининградской области: доля женщин составила 80,2% от общего числа мировых судей в период с 2000-го по 2018 год. Вероятно, причина подобного положения дел кроется в двух факторах: 1) источники рекрутования кадров – в основном в профессии приходят сотрудники аппарата суда, который не является столь привлекательным местом работы для мужчин по причине невысокого уровня заработной платы; 2) небольшой престиж профессии мирового судьи. Влияние последнего фактора хорошо прослеживается при сравнении со странами общего права. Например, по состоянию на 2014 год доля женщин-судей в Великобритании, где должность судьи является вершиной юридической карьеры, составляла не более 30%, в Ирландии – 32%, на Мальте – около 40% [6, с. 48–49].

5. В социально-философском плане такие социологические данные заставляют обратить более пристальное внимание на растущую роль женщин в поддержании и воспроизведстве важнейших социальных систем. В дан-

ном случае – в одной из трех ветвей власти – судебной. Это означает, что последующие исследования должны учитывать данный фактор. Например, зная, что в кадровом составе судебной системы наблюдается превалирование женщин над мужчинами, можно предположить, что специфика механизмов принятия решения судьями может зависеть от особенностей женской психологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00067.

Литература

1. Балановский, В. В. Некоторые аспекты функционирования трансцендентальной рефлексии у судей // Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. – М. : ГАУГН-ПРЕСС, 2019. – С. 311–314.
2. Батуров, Г. П. Теоретические основы эффективности правосудия / Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1979.
3. Морщакова, Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1987.
4. Сатаров, Г. А. Социологическое исследование российской судебной власти / Г. А. Сатаров, В. Л. Римский, Ю. Н. Благовещенский. – СПб. : Норма, 2010.
5. Социологический анализ правосознания судей, населения и предпринимателей / под ред. Г. А. Сатарова. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2016.
6. Galligan, Y. Mapping the Representation of Women and Men in Legal Professions Across the EU / Y. Galligan, R. Haupfleisch, L. Irvine, K. Korolkova, M. Natter, U. Schultz, S. Wheeler. – Bruxelles : European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, 2017.
7. Shen, A. Women Judges in Contemporary China. Gender, Judging and Living / A. Shen. Cham : Palgrave-Macmillan, 2017.
8. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. В. Волкова. – М. : Норма, 2017.

ОСНОВНЫЕ БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В РАБОТЕ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР «ВТОРОЙ ПОЛ»

Д. В. Полянский

Бинарные оппозиции – пары категорий, посредством которых мыслится и описывается определенная картина мира. По мнению Клода Леви-Стросса, чьи работы Симона де Бовуар хорошо знала и широко использовала, бинарные оппозиции лежат в основе первобытного мифологического мышления, но сохраняются как бессознательная основа мышления и у современного человека. Сразу обозначим основные, на наш взгляд, бинарные оппозиции, задающие драматургию рассуждения С. де Бовуар в работе «Второй пол».

Мужчина	Женщина
Другой-для-женщины	Другой-для-мужчины
Сущностное	Несущностное
Трансцендентность	Имманентность
Активность	Пассивность
Дух	Плоть
Разум	Эмоции
Культура	Природа
Гражданская (публичная) жизнь	Домашняя (частная) жизнь
Субъект	Объект
Угнетатель	Угнетенный

Сам предмет размышления Симоны де Бовуар – особое положение женщины в мире – предрасполагает к использованию бинарных оппозиций. Размышление о женщине трудно представить себе без сравнений с мужчиной. «Мужское-женское» – привычная и, вероятно, неустранимая дискурсивная рамка не только всякой антропологии, но и всякой картины мира.

Важнейшей категорией для осмыслиения мужчин и женщин в работе С. де Бовуар стало понятие «Другой». В истории философии оно восходит к Гегелю и получило широкое употребление в феноменологии и экзистенциализме. С. де Бовуар использует понятие «Другой» для объяснения механизмов формирования групповой идентичности. Всякая группа, чтобы помыслить себя как «Мы», должна помыслить «Других», которые этими «Нами» не являются. При этом «Мы» и «Другие» наделяются противоположными атрибутами. «Другим» приписывают качества, которые Мы-субъекты рождаются, которых им недостает для обретения целостности. Тем самым они идеализируют «Других». В то же время Мы-субъекты приписывают негативные характеристики, все то, что в самих себе не хотят замечать, отрицают. В этом случае уже мы-субъекты идеализируют себя, а «Другие», напротив, унижаются или в крайнем варианте демонизируются. «Другой», в этом смысле продукт самопознания и отчуждения, – это кривое зеркало, в которое смотрится коллективный субъект. Сказать: «Мы есть», – то же, что сказать: «Мы не такие, как Другие». Описание «Других» всегда крайне противоречиво. Например, женщина, как «Другой» для мужчины, – это и богиня, и ведьма, и добро, и зло, и удача, и наказание. «Другой» – это и объект восхищения, и источник угрозы. Социально-групповая идентичность строится по разным основаниям, поэтому в качестве «Других» выступают цветные для белых, мусульмане для христиан, буржуазия для пролетариата, нерусские для русских и т. д.

Как женщина – это «Другой» для мужчин, так и мужчина – «Другой» для женщин. Поэтому сама по себе категория «Другой» не способна опи-

сать своеобразие женского положения. Гораздо важнее то, что в силу определенных социально-экономических и биологических обстоятельств известная нам культура создана мужчинами, и авторы используемых нами мифов о женщинах тоже являются мужчины. Сами эти обстоятельства – большое экономическое значение физического труда, военного дела, высокая рожденность – уходят в прошлое, но созданная в них мифология жива и продолжает закрепощать женщин. Это мифология, которая описывает, объясняет и воспроизводит неравенство мужчин и женщин.

В рамках этой гендерной мифологемы мужское начало описывается как, по своей сути, активное, творческое, одухотворенное, разумное, гражданское, а женское – как пассивное, плотское, природное, эмоциональное, домашнее. В качестве субъекта разума и воображения мужчина трансцендирует, то есть ставит перед собой цели, устремляется к чему-либо, стремится стать чем-то новым, реализует какой-то собственный проект, пробует привнести что-то в мир, усовершенствовать, подарить другим. Женщина же остается равной себе, она не трансцендирует, не создает проекты, она – имманентность. Эти атрибуты выступают не просто как дескрипции, они образуют нормативные предписания, задают цели и ориентиры в социализации мужчин и женщин. Мужская и женская социализация готовит девочек и мальчиков к принципиально разным социальным ролям, способствует поляризации, а не слаживанию имеющихся задатков. При этом мужчина в этой мифологеме выглядит абсолютно самодостаточным, он – творец, он производит все необходимое, кроме разве что детей, он субстанциален. Мужчина может без женщины, женщина не может без мужчины, она его приложение, помощница, спутница. Мужской пол выступает как первый, сущностный, субстанциальный, а женский – как второй, несущностный, акцидентальный. Тем самым миф о мужской и женской сущностях не безобидное когнитивное эссенциалистское искажение, он поддерживает иерархическую соподчиненность мужского и женского, парализует волю, лишает сил и не позволяет реализовать экзистенциальный потенциал женской половины человечества. Миф работает как самоисполняющееся пророчество – он будет продолжать угнетать женщин до тех пор, пока сами женщины, равно как и мужчины, не смогут деконструировать его.

Литература

1. Айвазова, С. Г. Этика подлинного существования // Женщина в российском обществе / С. Г. Айвазова. – 1997. – № 2. – С. – 26–34.
2. Батлер, Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар / Дж. Батлер // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 292–303.
3. Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – Спб. : Азбука, 2017.
4. Пахсарьян, Н. Т. «Второй пол» Симоны де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе / П. Т. Пахсарьян // Гендерная проблематика в современной литературе : сб. науч. трудов. – М. : ИНИОН РАН. – 2010. – С. 75–95.

5. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2000.
6. Феминизм и философия: переосмысливая наследие Симоны де Бовуар. Тема номера журнала «Топос». – 2010. – №3.
7. Хитрук, Е. Б. Экзистенциально-философские предпосылки теории западного феминизма (на примере философских идей Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар) / Е. Б. Хитрук, М. А. Худышкина // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 84–87.

О ЕДИНСТВЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ

Е. Е. Румянцева

Доклад Всемирного экономического форума The Global Gender Gap Index, исследующий с 2006 г. вопросы дискриминации женщин, показывает, что во всем мире до сих пор, несмотря на многие прогрессивные изменения со времен издания книги Симоны де Бовуар «Второй пол», нет гендерного равенства – женщины практически во всех странах мира находятся в менее выгодных экономических и социальных условиях, чем мужчины [например, 1].

Параллельно публикуются результаты исследования другой международной организации Oxfam, которые свидетельствуют, что из-за дефицита инвестиций в соответствующую инфраструктуру и госуслуги женщины по всему миру выполняют существенно больше неоплачиваемой работы по уходу за детьми и больными, уборке и приготовлению пищи, чем мужчины, и в зависимости от региона разница может составлять от двух до десяти раз; в развивающихся странах она выше, чем в экономически развитых. Стоимость такого вклада женщин в экономику составляет 10 трлн долл. ежегодно, или около 13 % мирового ВВП. По мнению специалистов данной организации, «для достижения равенства в работе, зарплате, экономических правах потребуется 170 лет» [2]. С последней оценкой трудно согласиться.

Как справедливо и наукоемко отмечает в своей книге Симона де Бовуар, «законодатели, священники, философы, писатели, ученые рьяно доказывали, что подчиненное положение женщины угодно небесам и полезно на земле. Выдуманные мужчинами религии отражают эту жажду господства: их оружием стали легенды о Еве и Пандоре, философию и теологию они поставили себе на службу, как показывают... цитаты из Аристотеля и святого Фомы Аквинского» [3, с. 8]. То есть речь идет о формировании подчиненного по отношению к мужчинам, дискриминационного положения женщин с помощью определенной идеологии, выгодной и развиваемой мужчинами, а не об истории распространения и утверждения в нормах права объективных знаний.

Идеология подчиненного положения в целях извлечения выгоды ее авторами и распространителями как одна из главных причин развития отноше-

ний дискриминации касается не только женщин, но и многих других категорий граждан – инвалидов [4], бедных слоев населения [5, с. 109], школьников [6, с. 568–613], молодежи [6, с. 613–626], пожилых людей [7], сельского населения [8], низкооплачиваемых наемных работников и предприятий во всех других отраслях экономики [9], в ряде случаев – высококвалифицированных специалистов и др. В связи с этим обсуждение методологии рассмотрения Симоной де Бовуар дискриминации женщин было бы актуально и для анализа многих других видов дискриминации, перечисленных выше.

В современных условиях во многих странах мира значимая проблема дискриминации разных групп населения не наблюдается, идеологически и политически не замечается, поэтому и не решается, а населению внушается, что труд дискриминационных и недискриминационных групп, в том числе мужчин и женщин, оплачивается одинаково и такой проблемы вовсе нет, что опровергается показателями международных сравнений, которые национальные органы власти преимущественно развивающихся стран не оспаривают.

К составляющим данной общей методологии следует, по нашему мнению, отнести:

1) в рамках применения структурно-логического подхода – определение дискриминации на основе значимых количественных показателей и их пороговых значений (как правило, это показатели условий жизни и труда, в том числе доля времени, затрачиваемого на жизнеобеспечивающий бесплатный труд в домашнем хозяйстве, также показатели доступа к высокооплачиваемой работе, качественному образованию и здравоохранению, иным благам и др. на основе сравнения с недискриминационными получателями всех видов благ и выгод);

2) в рамках применения системного анализа – идентификация всех видов явной и скрытой дискриминации;

3) в рамках применения междисциплинарного подхода – анализ биологической, психологической, исторической и всех иных значимых составляющих процесса дискриминации;

4) в рамках применения причинно-следственного анализа – определение всех причин и последствий дискриминации по всем ее видам;

5) в рамках применения факторного анализа – на основе выявления всех причин (факторов) развития дискриминации определение вклада каждой из причин и ранжирование их по значимости с целью дальнейшего конструктивного устранения;

6) в рамках применения правового анализа – определение соответствия уровня развития норм права уровню развития современных теоретических представлений и разработка предложений по совершенствованию системы законодательства;

7) в рамках осуществления аудита правоприменительной практики – разработка и организация мониторинга применения норм права, направленных на пресечение дискриминации, на практике.

Литература

1. The Global Gender Gap Report 2018. Официальный сайт Всемирного экономического форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf. – Дата доступа: 10.07.2019.
2. Неоплачиваемый труд женщин оценили в 13% мирового ВВП // Интерфакс, 2 марта 2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/552044>. – Дата доступа: 10.07.2019.
3. Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – Спб. : Азбука, 2017. – 831 с.
4. Румянцева, Е. Е. Образование лиц с ОВЗ: помочь или дискриминационный отказ / Е. Е. Румянцева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 220–230.
5. Румянцева, Е. Е. Правда против обмана населения, искажения реальности и замены понятий: экспертные комментарии медиановостей в 1997–2017 гг. / Е. Е. Румянцева. – М.–Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 418 с.
6. Румянцева, Е. Е. Коррупциология: преступления и наказания / Е. Е. Румянцева. – М.–Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 765 с.
7. Пищикова, Л. Е. Психические расстройства органической природы у пожилых лиц: клиническая типология, комплексная оценка и судебно-психиатрическое значение: автореферат дис. ... доктора медицинских наук: 14.01.06. – М. : Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского МЗ РФ, – М., 2015. – 43 с.
8. Скульская, Л. В. Кадровые проблемы в сельском хозяйстве России / Л. В. Скульская, Т. К. Широкова // Научные труды: Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2009. – Т. 7. – С. 509–532.
9. Раствова, Ю. И. Некоторые инструменты интенсификации производства 1981–1985 гг. / Ю. И. Раствова // Великие экономисты и великие реформы. К 50-летию «ко-сыгинских» реформ 1965 г. – М., 2018. – С. 111–118.

«НЕЗАВИСИМАЯ ЖЕНЩИНА» СИМОНЫ ДЕ БОВУАР: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

А. П. Соловей

В современном мире женщины играют значительную роль во всех сферах общественной жизни, профессиональная деятельность является одной из ключевых для самореализации женщины. По словам Президента Республики Беларусь, сегодня женщины трудятся в различных отраслях экономики, вносят заметный вклад в развитие здравоохранения, образования, культуры, науки, растет роль женщин и в системе государственного управления, политической жизни страны [2]. «Современная женщина уже не может закрыть

себя только в рамках семьи. Сегодня женщины являются активными участниками формирования гражданского общества», – отмечает заместитель Председателя Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь Марианна Щёткина [3, с. 58].

Идеи феномена «независимой женщины», объективные и субъективные обстоятельства ее бытия, изложенные 70 лет назад в книге «Второй пол», являются актуальными для современной белорусской женщины, профессиональный путь которой связан с научной деятельностью. Результаты глубинных интервью, проведенных в 2017 г. с женщинами-исследователями ($N = 40$, средний возраст – 49 лет), занимающими руководящие должности директора, заместителя директора и ученого секретаря в научных организациях Национальной академии наук Беларуси, служат подтверждением некоторых философских позиций и тезисов Симоны де Бовуар.

Прежде следует отметить, что специфика метода интервью характеризуется тем, что отдельные вопросы формулировались, опираясь на существующие в научной литературе обобщенные воззрения на положение женщины в обществе в целом и в научном академическом сообществе. В частности, вопросы влияния замужества и материнства на научную деятельность женщины, поддержки близких людей, ее карьерных возможностях, и личной мотивации соотносятся с философской позицией Симоны де Бовуар относительно бытия женщины, ее социальной роли и позиции в обществе, концепта «настоящей женщины, «независимой женщины». Респондентки высказывали свою точку зрения по предложенным аспектам, аргументированно соглашаясь либо опровергая их. Исследовательская стратегия, опирающаяся на использование качественного метода, который базируются на идеях понимающей социологии, позволила провести анализ интересующих вопросов через восприятие непосредственно объекта исследования (женщины-ученого), ее жизненного социально-профессионального опыта. Качественный метод позволяет, с одной стороны, выявить типичные взгляды женщин-ученых, а с другой – показать вариативность взглядов, так как конституирующей основой анализа является уникальный накопленный женский опыт.

Профессиональный труд дает возможность женщине самореализоваться и открывает границы ее свободы. Активная творческая деятельность, реализация собственных идей и проектов позволяют женщине утвердиться в качестве независимого и свободного субъекта своей жизнедеятельности. Однако большинство женщин, которые занимаются профессиональным научным трудом, «остаются пленницами традиционного женского мира». Так, одна из интервьюируемых отметила: «Женщине выбиваться на какой-то высокий уровень – это значит терять какую-то часть своей жизни, семья страдает. И многие женщины как-то не решаются. Я, например, чтобы заняться наукой, сейчас засиживаюсь допоздна. Благо у меня сын вырос, и они [семья] понимают и могут это терпеть».

Симона де Бовуар отмечает, что взгляды на то, что женщины вынуждены жертвовать своей профессией ради семьи, не являются столь актуальными. Сегодня в белорусском обществе женщины все больше ориентируются на занятость в профессиональной сфере, что обусловлено стремлением к улучшению материального состояния женщины, ее экономической независимостью, а также интенцией на общественное признание и самоутверждение. При этом женщины, которые хотят связать свою жизнь с научной деятельностью, понимают, что в начале профессиональной деятельности наука не приносит желаемого дохода. «Появилось больше девушек, амбициозных, потому что женщина понимает, что, если в семье все хорошо сложится, и она будет защищена материально, она сможет заниматься наукой. Хотя при желании можно получить проекты и можно неплохо зарабатывать».

Многие женщины хотят соответствовать статусу «настоящей женщины»: быть хорошими хозяйками, элегантными, нежными и заботливыми матерями, любящими женами [1, с. 879]. Замужние женщины-ученые, занимающие административные должности в науке, также стремятся соответствовать статусу «настоящей женщины», сталкиваясь при этом с определенными трудностями. Актуальной является для женщины проблема выбора между рождением ребенка и активной профессиональной деятельностью. Обязанности по воспитанию детей зачастую очень сложно совместить с требованиями построения карьеры. Не без оснований можно утверждать, что современная белорусская «независимая женщина-ученый администратор» зачастую ощущает дисбаланс между своими профессиональными научными интересами и заботами об исполнении «женского долга»:

«Часто, когда выходишь после вот этой работы, потом вечером еще идешь и продолжаешь научную работу, то ты просто приходишь очень-очень уставшей. Если бы еще надо было куда-то идти за ребенком в сад или кого-то еще кормить, или еще что-то, ты бы просто умер».

«Когда растут дети, ты не можешь, конечно, отдаваться с большой силой и энергией. Нельзя забрасывать семью, нельзя отодвигать на второй план, потому что будешь жалеть, что прошли эти годы, а ты не уделил достаточно внимания. Дома должны понимать, что ты в науке, что мысли иногда не в семье. Конечно, есть сложности. А если минимально отработал и ушел домой, так карьера у тебя не сложится, т. е. надо больше уделять времени».

Вступая на путь профессиональной деятельности, женщина не освобождается от тех обязанностей, которые традиционно трансформировались и культивировались в сознании многих поколений как женские. От женщины требуют выполнения домашних обязанностей, стесняя ее свободу. Вместе с тем женщина продолжает находиться под влиянием традиционного воспитания, краеугольным камнем которого является стать «настоящей женщиной» [1, с. 883]. Женщины-ученые отмечают, что в профессиональной деятельности

очень важна поддержка близких людей (родственников, мужа, детей), особенно если ты занимаешь руководящую должность.

«Я заместитель директора, муж мне сильно помогал, потому что, когда меня назначили, мне приходилось уезжать в командировки, а муж забирал и смотрел ребенка. Надо, чтобы муж терпел, скажем так, потому что это такая работа. Если муж скажет: «Нет, я не буду», – и муж может сказать: «Я хочу, чтобы ты сидела дома и варила борщи, чего ты поедешь в командировку, пусть кто-то другой едет». Поэтому очень важна поддержка семьи, я считаю».

«Если бы у меня вот такой явной поддержки не было, у меня бы однозначно ничего не получилось. Если бы у меня была такая семья, где муж сказал: «Будь добра, утром отвезти ребенка, иди на работу, а потом ты опять должна быть здесь». Это значит, нет возможности участвовать в экспериментах, выезжать на конференции, по сути, становиться на ноги, каким-то образом проявлять себя, показывать научные результаты, достижения. Если этого нет, конечно, женщина себя проявить не может. Поэтому мне повезло. А если кому-то не повезет, то вот тут и будет проблема».

«Иногда бывает, что сам себе не принадлежишь, мне вот здесь тоже как-то повезло, семья поддерживает, и муж, и мама, поэтому это в принципе стало возможным. Если бы у меня такой поддержки не было, однозначно этот вариант был бы не для меня. Потому что мне, как и любой нормальной женщине, дети ближе».

В большинстве своем, близкие родственники одобряют и поддерживают научную деятельность женщин. Поддержку мужа женщины-ученые рассматривают как удачу, счастливый случай, везение, потому что они считают, что муж мог бы их и не поддерживать и имел бы на это право. На данный факт влияет традиционная социализация, которая поддерживает неравнозначное гендерное распределение ролей в семье, согласно которому основные обязанности по дому должна выполнять женщина. Однако мы можем наблюдать и случаи, когда женщина стремится к полной самореализации себя и в профессиональной, и семейной сфере, но при этом не находит поддержки со стороны мужа:

«Просто не каждый мужчина, наверное, понимает, если женщина в науке. Наверное, это должен быть мужчина в науке, чтобы он понимал, что женщина должна сегодня сделать какой-то неотложный опыт».

«На определенном этапе жизни была эта проблема, на самой заре, когда я поступила в аспирантуру. Мы и с мужем расстались, потому что выставлялись все время запреты на то или иное, туда не ходи, это не делай».

«Конкуренция даже в семье, бывает тоже такое и нередко, когда мужа не устраивают успехи жены, когда женщина доминирует в своей должности, такое может встречаться».

Значимыми являются взгляды Симоны де Бовуар на место женщин и мужчин в социальной и профессиональной иерархии. Женщины считали, что первое место должно принадлежать мужчине, и женщина в некоторых случаях отказывается от притязаний на это место, так как боится разрушить свою семью или не желает брать на себя ответственность. «Независимая женщина» постоянно находится в состоянии выбора между стремлением к самоутверждению и стремлением к самоустраниению [1, с. 879]. При этом осознанные вынужденные отступления от возможности занимать вышестоящие должности оправдываются пониманием того, что без ущерба семейной жизни данная должность не под силу женщине. Солидарны с такой позицией и женщины-ученые, работающие в академическом секторе белорусской науки, отвечая на вопрос, почему женщин-руководителей в научной сфере значительно меньше, чем мужчин:

«Наверное, так и должно быть. Мужчина – глава семьи, глава корпорации. Мужчине проще в бытовом плане все это выдержать, потому что руководитель – это очень тяжело, это совещания, это ответственность. Женщина вся в этом выматывается, может и женщине и не надо такая работа».

«Когда возникает, назовем ее, конкуренция, может быть за ступеньку очередную, женщина, видимо, склонна уходить все-таки в семью и приоритет отдавать семье».

«Если у женщины есть семья, то больше внимания она уделяет, как правило, семье и не в ущерб семье мало кто может себе позволить. Одно дело выполнить эксперимент, другое дело быть уже руководителем, администратором. Это уже несколько другая ступенька, другие требования, другие обязанности, и поэтому не каждый может на это согласиться. Я не думаю, что это от каких-то процедурных препон или каких-то установок, стереотипов. Я думаю, это от женщины зависит в большей мере: нужно ли ей это по жизни, это руководство, эта ответственность, это постоянное присутствие здесь, это наслаждение на семью».

«Я всегда не то, что соглашалась, а шла именно на ту ступень, нишу в науке и везде, которую я сама знаю, осилю, и никто не пострадает из моих близких в том числе. Страдаю я иногда, не хватает времени иногда, чтобы просто элементарно высаться, но надо осознавать, насколько вот тебя хватит. Вышестоящие должности я считаю не для моей натуры».

Еще один немаловажный тезис Бовуар о том, что «женская красота», «женская телесность» зачастую расценивается как важный ресурс для привлечения и удержания противоположного пола, при этом женщины могут жаловаться на то, что их любят «за их тела и не признают тонкого ума». Или же, наоборот, «в них замечают только ум и не интересуются их прелестным телом» [1, с. 881]. Подчеркивание женской красоты как особого таланта отчетливо прослеживается в сознании некоторых женщин-ученых:

«У меня была такая директор, она была Герой Социалистического Труда, она была успешна во всем, и у нее был такой характер, что мужчины ее боялись даже, но она была очень красивая к тому же».

Симона де Бовуар утверждает: «женщина хочет быть женщиной». Следовательно, независимость порождает в ней комплекс неполноценности, и, наоборот, женственность заставляет ее сомневаться в своих способностях к профессиональной деятельности [1, с. 884]. По данным социологического исследования ($N = 450$, $\Delta = \pm 4,2\%$, $\alpha = 0,05$), ощущают потерю женственности в связи с тем, что заняты научно-исследовательской деятельностью постоянно лишь 1,8%, иногда – 9%, редко – 19,9% женщин. Никогда не испытывали подобного чувства 69,3% женщин. При этом сомнения в своем профессиональном выборе испытывают постоянно – 8,9%, иногда – 28,5%, редко – 32,8% женщин. А «если женщина становится «синим чулком», умной женщиной, мужчины, как правило, теряют к ней интерес; если она добивается слишком выдающихся успехов, это унижает ее мужа, она умеряет свои творческие порывы» [1, с. 884]. Данные обстоятельства подтверждаются жизненным опытом современных белорусских женщин-ученых: «*Есть элемент такой ревности мужской, что ты может быть очень образованная, но зато не такая умная, как я. Что-то такое есть, наверное*». Отвечая на вопросы: «Как муж относился к Вашему стремлению сделать карьеру в науке? Заинтересована ли семья в Вашем профессиональном росте?» – женщины приводят следующие примеры из своей жизни:

«Плохо относился, я бы так сказала, мужчинам это не нужно. Вот мужчинам надо, чтобы быть на его уровне. Нет, у меня семья не была заинтересована».

«Женщина заканчивала практически автореферат, и она ушла, потому что муж был против, и она ушла и не защитилась. Он в какой-то степени ревниво относился, что она делает карьеру научную, а он работал на производстве».

По мнению Бовуар, «женщины, смирившись со своим неравенством, убеждают себя, что для того, чтобы добиться успеха, требуется много терпения и старания» [1, с. 885]. Как отметила одна респондентка: «*Можно исходить из опыта наших коллег предыдущих поколений, как говорила академик Тамара Александровна Кулаковская: «чтобы женщине добиться того же результата, что и мужчине, ей нужно сделать в 10 раз больше».* «*Ни мужчины, ни женщины не любят, чтобы ими руководили женщины; начальство же, даже если и уважает женщину, всегда относится к ней с долей пренебрежения. Женщина постоянно должна завоевывать доверие, которое поначалу ей не склонны оказывать*» [1, с. 886]. Однако в силу того, что некоторые женщины заведомо снижают уровень своих профессиональных притязаний, они довольствуются незначительными успехами и не стремятся претендовать на более высокие должности. Это может объясняться различными обстоятельствами:

ствами, будь то неуверенность в себе, осторожность, боязнь успеха, боязнь неудачи, несоответствие собственного бытия образу жизни «настоящей женщины» или же обычное довольствование занимаемой позицией. При этом женщине нелегко преодолеть предвзятое отношение, так как в обществе стереотипно принято считать, что успехи женщины – порой лишь результат удачного стечения обстоятельств. К примеру, с утверждением, что «успешная научная карьера женщины-ученого, как правило, воспринимается научным сообществом как результат благоприятного стечения обстоятельств, а не как ее личная заслуга» согласны 38,3 % женщин-ученых. Практически половина (49,8 %) не согласна с данным высказыванием, затруднились ответить 11,9 % женщин.

Таким образом, взгляды Симоны де Бовуар на положение женщины в обществе, находят отражение в уникальном жизненном опыте современных женщин-ученых, занимающих руководящие должности в академической науке. Современная «независимая женщина-ученый» самореализуется профессионально, вместе с тем она стремится соответствовать идеалу «настоящей женщины». При этом высокая значимость для женщины и семьи, и работы оказывают непосредственное влияние на идентичность женщины, ее диспозицию и самопрезентацию, так как жизненный опыт женщины-ученого детерминируется ее двойственной позицией в производстве социальных практик. Жизненные стратегии женщины-ученого выстраиваются с учетом особенностей ее практик и индивидуального опыта, обусловленных, с одной стороны, социальными ролями женщины, а с другой – выполнением общественно значимых научно-исследовательских функций.

Литература

1. Бовуар, С. де Второй пол / Симона де Бовуар ; пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. – СПб. : Азбука, азбука-Аттикус, 2017. – 928 с.
2. Вручение государственных наград, 7 марта 2017 года [Электронный ресурс]. – Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vruchenie-gosudarstvennyx-nagrad-15716. – Дата доступа: 15.08.2017.
3. Щёткина, М. А. Социальная поддержка женщин в Республике Беларусь: состояние, проблемы, перспективы / М. А. Щёткина. – Минск : Вышэйшая школа. – 2009. – № 3. – С. 57–61.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЖЕНЩИНУ

E. B. Тертышник

«Критический разбор психоанализа вообще – дело крайне нелегкое», – так начинает Симона де Бовуар главу 2 «Точка зрения психоанализа» в своей книге «Второй пол» [1, с. 71]. Тем не менее в этой статье будет предпринята

попытка рассмотреть и Эдипов комплекс у девочки, его особенности, сексуальное развитие женщины согласно З. Фрейду и две позиции – masculine и feminine – в терминах французской школы и взгляд Ж. Лакана на вопрос, что «женщины не существует» [2, с. 75]; и цель анализа как обретение женской позиции по З. Фрейду в работе «Анализ конечный и бесконечный» [3].

Как известно, концепцию Эдипова комплекса З. Фрейд разработал в процессе своего самоанализа, который он активно проводил после смерти своего отца. Позже Эдипов комплекс стал рассматриваться в качестве ключевого момента в психосексуальном развитии человека, когда человеческое существо в первый раз сталкивается с социальным феноменом. Его следствие, запрет на инцест и становление морали, – победа вида над индивидом (1921 «Психология масс и анализ человеческого «Я»), а также выход из зоны первичного аутоэротизма для дальнейшей возможности ориентации своей любви на внешние объекты. Его механизм: «В фазе нормального Эдипова комплекса мы видим перед собой ребенка, нежно привязанного к родителю противоположного пола, тогда как в отношении родителю одного с ним пола преобладает враждебность». У мальчика обнаруживается следующая последовательность: 1) Эдипово желание (эротическое влечение к матери); 2) фантастическая угроза кастрации отцом и страх кастрации, который он преодолевает за счет идентификации с отцом (агрессором) и отказом от матери (желаемого инцестуального объекта); 3) резкое разрушение Эдиповой фазы и переход в латентную фазу (освобождение либидинальной энергии, готовой перейти к загрузке в новые объекты). У девочки развитие имеет более сложный характер, поскольку необходимо, чтобы она сделала дополнительный шаг – переход от матери к отцу. И страх кастрации, а точнее разочарование девочки, что она когда-то обладала пенисом, но мать его отняла, запускает Эдипово желание (влечение к отцу). Девочка ставит себе цель получить от отца то, в чем ей отказалась мать. З. Фрейд пишет: «...Отказ от пениса происходит лишь после попытки компенсации: ...получить ребенка от отца в качестве подарка, родить ему ребенка» [4, с. 49]. Девочка обращается к отцу, а также вторично к другим мужчинам, не только в стремлении обрести мужественность, но и чтобы снискать восхищение того, кого мать выбрала в качестве объекта любви, то есть соблазнить его. Французский психоаналитик Франсуаза Дольто говорит о том, что кастрация или запрет на инцест выводят мальчика из Эдипа и, наоборот, вводят девочку в Эдипа.

И все же З. Фрейд признается, что «...все надежды на полный параллелизм мужского и женского сексуального развития мы давно оставили» [5, с. 155], и даже более «...мы вправе опровергнуть термин «комплекс Электры» [5, с. 160], который введен, чтобы подчеркнуть сходство поведения двух полов». З. Фрейд говорит об особенности отношения женщины к отсутствию у нее пениса: «Последняя признает факт своей кастрации, а тем самым еще и превосходство мужчины, и собственную неполнценность, но

она же противится такому незавидному положению дел. Из такой противоречивой установки происходят три направления развития. Первый ведет к отказу от сексуальности в целом... Второе направление упорно продолжает самоутверждать это сомнительное сходство; надежда когда-нибудь получить пенис прочно сохраняется вплоть до удивительно поздних времен, приобретает характер цели жизни, а мечта, несмотря ни на что стать мужчиной, остается определяющей на долгие времена. Лишь третий путь развития завершается нормальным и окончательным формирование женственности, которая принимает отца в качестве объекта любви и таким образом обретает женскую форму Эдипова комплекса» [5, с. 161]. При этом основатель психоанализа добавляет, что «чаще всего» этот комплекс у женщин оказывается непреодоленным. «Поэтому-то и культурные последствия его уничтожения оказываются менее значительными и чреватыми последствиями» [5, с. 162]. Говорит ли З. Фрейд здесь об отношении к закону и требованиям общества?

В современной психоаналитической теории, в частности французской школы, рассматривают две позиции (два способа поведения) – мужскую и женскую, masculine et feminine. Они могут проявляться независимо от пола человека. Итак, в чем проявляется мужская позиция? Человек верит, что есть по крайней мере один, кто имеет фаллос (в символическом значении), кто не кастрирован, он верит, что есть один Отец. Этот всемогущий Отец – закон, лидер, другие должны подчиняться. Субъект на этой позиции мечтает сам обладать фаллосом, то есть объектом, который позволяет нам получить удовольствие: когда я вырасту, я смогу наслаждаться как взрослые, когда я получу диплом, я стану хорошим специалистом, когда я умру, я попаду в рай, когда что-то произойдет, я буду наслаждаться. Обещание плюс вера в него, «фаллическое наслаждение» по Ж. Лакану Это позиция веры. Черты этой позиции можно заметить у Маргарет Тэтчер, Анны Фрейд.

Чем характеризуется женская позиция? Тайна женщины (точнее субъекта на этой позиции) в том, что она знает, что нет того мужчины, который может удовлетворить всех, он не всемогущ. Кастрация не является истинной, она не верит в идеал. Психоаналитик, кстати, находится в женской позиции, он «неверующий». У женщины есть желание иметь фаллос в себе. Женщина поэтому выбирает самого лучшего, сильного богатого. Она его хочет и в тоже время знает, что его не существует. Обещание – но не вера в него по-настоящему. Здесь доступно сверх наслаждение – экстаз, помимо обычного фаллического наслаждения. Достигнуть цели недостаточно, существует нехватка. Encore et encore (еще и еще) – тотальное наслаждение недостижимо. Субъект выбирает на какой позиции ему быть: либо не веры (женской), либо веры (мужской). Это не зависит от пола, так как некоторые мужчины хотят принять вовнутрь что-то (фаллос) и женщины, которые хотят доминировать, проникать.

В своем XX семинаре «Еще» Ж. Лакан говорит, что дать определение женщине невозможно, женщина «не-вся» (*pas-toute*). О ней нельзя говорить исчерпывающе, всегда остается недосказанность, исключительность каждой. Исключительность в том смысле, что «будучи не-вся, она располагает, по отношению к наслаждению, диктуемому фаллической функцией, еще одним, добавочным наслаждением» (Лакан Ж., XX семинар) [2]. Это особая связь с недостижимым объектом (объект а) и добавочным наслаждением позволяет ей «создать что-то наподобие себя в самом процессе становления женщины» [2]. «Психоанализ, таким образом, утверждает, что каждая женщина должна изобрести свое уникальное сингулярное решение, поскольку не существует универсальной репрезентации Женщины в бессознательном», – говорит психоаналитик Лора Соколовски [6].

Создание З. Фрейдом психоанализа произошло именно в работе с истеричными женщинами. Его первой пациенткой была Анна О. Сейчас этот случай является самым известным в психоанализе, в процессе работы с Бертой Паппенгейм (настоящее имя пациентки) выкристаллизовывались теория истерии и сам метод анализа. Любопытна личная история пациентки: уже после лечения, Берта принимала активное участие в общественной деятельности, возглавляла приют для девочек-сирот Иудейского женского общества, публиковала статьи о правах женщин и перевела на немецкий книгу Мэри Уолстонкрафт «Защита прав женщины». Психоаналитики говорят об истерической природе женского субъекта, то есть что женская позиция – это истерическая позиция. Но как говорит Славой Жижек не стоит уподобляться клише об истерии, что это растерянные болтуны не способные встретиться с реальностью, «стоит избегать ложного представления истерии как протеста против мужского господства посредством языка женского тела: с помощью истерических симптомов (женский) субъект свидетельствует о своем отказе действовать подобно пустому экрану или же материализу мужского монолога» [7].

Последние работы З. Фрейда посвящены попытке понять «черный континент», женскую природу. Одна из них «Анализ конечный и бесконечный», где он рассуждает о критерии завершенности анализа. Психоаналитик говорит об огромном значении двух тем – «желания обладать пенисом у женщин и сопротивления пассивной установке у мужчин» [3]. З. Фрейд утверждает, что это самый сложный момент анализа: «мужчина не хочет подчиняться эрзацу отца, не хочет быть ему чем-то обязанным, то есть не хочет принять от врача [мужского пола] исцеление» [3]. «Подобный перенос не может возникнуть из желания женщины иметь пенис, зато из этого источника проис текают приступы тяжелой депрессии с внутренней убежденностью в том, что аналитическое лечение бесполезно и больной ничего не поможет. И ей нельзя отказать в правоте, когда узнаешь, что надежда все-таки заполучить болезненно недостающий мужской орган и была самым сильным мотивом,

побудившим ее к лечению» [3]. Другими словами, принятие женской позиции и есть достаточно глубокий результат анализа как для женщин, так и для мужчин.

Литература

1. Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – Спб. : Азбука, 2017.
2. Лакан, Ж. Семинары. Книга 20. Еще / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, Логос, 2011.
3. Фрейд, З. Конечный и бесконечный анализ / З. Фрейд : пер. с нем. и англ. – М. : МГ Менеджмент, 1998. – 224 с.
4. Патопсихология. Психоаналитический подход / Ред. Ж. Бержере. – М. : Аспект Пресс, 2008.
5. Фрейд, З. Заклятие девственности. О женской сексуальности. / З. Фрейд. – СПб. : Азбука, 2015.
6. Лекция Лоры Соколовски «Бессознательное и женственность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://is.gd/pM0XSx>. – Дата доступа: 04.09.2019.
7. Жижек, С. Женщина – это одно из Имен-Отца, или О том, как не Делать ошибок в чтении формул сексуации у Лакана / С. Жижек // Dream Work [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dreamwork.org.ua/женщина-это-одно-из-имен-отца>. – Дата доступа: 03.09.2019.

АВТОРЫ СБОРНИКА

Азбелева Ольга Сергеевна, аспирант кафедры философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Анцилович Николай Васильевич, и. о. заведующего кафедрой теории и истории культуры Университета имени Нила Гилевича, кандидат философских наук, доцент.

Атаманов Александр Владимирович, магистрант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Афанасьев Александр Иванович, профессор кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета; доктор философских наук, профессор.

Афанасьева Светлана Анатольевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Балановский Валентин Валентинович, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград), председатель Калининградского отделения Российской философской общества; кандидат философских наук.

Бейлин Михаил Валерьевич, профессор кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, профессор.

Беленкова Оксана Архиповна, профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета; доктор философских наук, доцент.

Белкина Виктория Александровна, аспирант кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Белокрылова Вера Анатольевна, заведующая Центром управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Беляева Елена Валерьевна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Беркова Ольга Владимировна, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Болкунов Анатолий Валерьевич, магистрант факультета психологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Бурьянов Максим Сергеевич, специалист Института свободы совести (г. Москва).

Бурьянов Сергей Анатольевич, доцент кафедры международного права и прав человека Института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Василенко Ирина Леонидовна, доцент кафедры политологии, социологии и социальных коммуникаций Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; кандидат философских наук, доцент.

Ватыль Виктор Николаевич, заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор политических наук, профессор.

Веренич Мария Ивановна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Вишневский Михаил Иванович, заведующий кафедрой философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; доктор философских наук, профессор.

Рублевская-Токер Татьяна Ивановна, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск), кандидат философских наук.

Газнук Лидия Михайловна, профессор кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; доктор философских наук, профессор.

Голенков Сергей Иванович, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени Академика С. П. Королева; доктор философских наук, профессор.

Говорунов Александр Васильевич, доцент кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат философских наук, доцент.

Гримов Олег Александрович, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск); кандидат социологических наук.

Давыдик Ольга Игоревна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Денисенко Оксана Александровна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Академии гражданской защиты Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (г. Донецк), кандидат философских наук.

Дик Пётр Францевич, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Костанайского инженерно-экономического университета имени М. Дулатова; кандидат философских наук, доцент.

Доброродний Данила Григорьевич, заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Донцов Сергей Павлович, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); кандидат политических наук, доцент.

Доронина Светлана Геннадиевна, аспирант Института философии НАН Беларуси.

Дыдышко Иосиф Иосифович, директор Одесского колледжа транспортных технологий; кандидат философских наук.

Евровский Валерий Борисович, заведующий Центром историко-философских и компаративных исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Жмакина Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры иноязычной коммуникации Академии Управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск), магистр филологических наук.

Завадский Михаил Борисович, и. о. ученого секретаря Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зазулина Мария Рудольфовна, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); кандидат философских наук.

Зайцев Евгений Владимирович, доцент кафедры теологии Заокского христианского гуманитарно-экономического института; доктор теологии, кандидат философских наук, доцент.

Игнатов Владимир Константинович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Иззетова Эмине, профессор кафедры восточной философии и культуры Ташкентского государственного института востоковедения; доктор философских наук, профессор.

Ильюшенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск)

Казакевич Александровна, учитель английского языка гимназии № 2 г. Новополоцка.

Калинин Эдуард Юрьевич, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета «МЭИ» (г. Москва).

Камалиденова Асия Закашевна, ассоциированный профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Казахстанско-Британского технического университета (г. Алматы); кандидат философских наук.

Камбур Надежда Александровна, преподаватель кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры.

Каргаполов Станислав Викторович, соискатель кафедры социологии Волгоградского государственного университета.

Каргаполова Екатерина Владимировна, профессор кафедры политологии и социологии российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; доктор социологических наук, доцент.

Кембровская Наталья Геннадьевна, доцент кафедры общей физики Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат физико-математических наук, доцент.

Кикель Павел Васильевич, профессор Республиканского института высшей школы; доктор философских наук, профессор.

Климович Анна Игоревна, доцент кафедры судебной медицины Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук, профессор.

Князэт Наталья Петровна, доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»; кандидат философских наук, доцент.

Ковалевич Мария Степановна, доцент кафедры педагогики Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат педагогических наук, доцент.

Козыренко Римма Николаевна, старший преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Косенков Александр Юрьевич, аспирант, Институт философии НАН Беларуси (г. Минск).

Костюкевич Светлана Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат социологических наук.

Красовская Наталья Николаевна, заведующая кафедрой социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук БГУ, (г. Минск), кандидат социологических наук, доцент.

Крусь Павел Павлович, заведующий кафедрой философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент.

Кудинова Анна Васильевна, заведующая кафедрой арт-бизнеса, туризма и рекламы Краснодарского государственного института культуры; кандидат исторических наук, доцент.

Кузнецов Анатолий Владимирович, доцент кафедры социально-гуманистических дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Куши Александр Леонтьевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Куксачёв Николай Николаевич, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Куницкий Дмитрий Валерьевич, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Курилович Наталья Вячеславовна, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета (г. Минск), кандидат социологических наук, доцент.

Лаво Роза Сулеймановна, профессор кафедры философии и общественных дисциплин Краснодарского государственного института культуры; доктор философских наук, доцент.

Лазаревич Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Легчилин Анатолий Александрович, профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лемешова Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск).

Лойко Ольга Тимофеевна, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета; доктор философских наук, профессор.

Лукашевич Владимир Константинович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Лукьянов Аркадий Викторович, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (г. Уфа); доктор философских наук, профессор.

Марков Борис Васильевич, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

Масько Сергей Геннадьевич, доцент кафедры философии и гуманитарных проблем образования МГИРО (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Махмудова Гули Тилабовна, главный научный сотрудник Научного центра философии Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека; доктор философских наук, профессор.

Медведев Николай Владимирович, заведующий кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; доктор философских наук, профессор.

Медведева Евгения Евгеньевна, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; кандидат философских наук.

Мельников Адам Петрович, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Минова Марина Евгеньевна, заместитель декана факультета профессионального развития специалистов образования Академии последипломного образования (г. Минск).

Михайлов Андрей Евгеньевич, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Мишук Сергей Сергеевич, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и устойчивого развития Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент.

Морозова Инесса Ивановна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск), кандидат филологических наук, доцент.

Мядель Александр Павлович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент.

Никонович Наталья Анатольевна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новицкая Татьяна Евгеньевна, научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск).

Огородник Виктор Иосифович, доцент кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

Огородник Ирина Степановна, доцент кафедры философии и психологии Донецкого национального медицинского университета имени М. Горького; кандидат философских наук, доцент.

Одиноченко Виктор Александрович, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук, доцент.

Павлов Валерий Лукьянович, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета пищевых технологий (г. Киев); кандидат философских наук, доцент.

Павлова Алевтина Тимофеевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Плотникова Элина Олеговна, магистр права, НИОКТР «Роль трансцендентальной рефлексии в реализации способности суждения судьями», БФУ им. И. Канта (Калининград).

Полянский Дмитрий Викторович, доцент института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

Пунченко Олег Петрович, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А.С. Попова; доктор философских наук, профессор.

Пушкиарёва Марина Алексеевна, профессор кафедры этики, культурологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета (г. Уфа); доктор философских наук, доцент.

Ратникова Ирина Михайловна, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук.

Рогожка Мария Михайловна, профессор кафедры этики, эстетики и культурыологии Киевского национального университета имени Т. Шевченко; доктор философских наук, профессор.

Ротмирова Елена Александровна, доцент кафедры частных методик общего среднего образования Минского областного института развития образования; кандидат педагогических наук, доцент.

Рубанов Анатолий Владимирович, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор социологических наук, профессор.

Рудёнок Зоя Георгиевна, старший преподаватель кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета, заместитель заведующего по основной деятельности яслей-сада № 23 г. Новополоцка.

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат философских наук, доцент.

Румянцева Елена Евгеньевна, президент Центра экономической политики и бизнеса (г. Москва); доктор экономических наук, профессор.

Сагдуллаева Дилбар Шухратовна, доцент кафедры гуманитарных наук Ташкентского университета информационных технологий; кандидат философских наук, доцент.

Сантоцкая Ксения Эдуардовна, старший преподаватель кафедры экономической теории факультета экономики и управления Томского государственного педагогического университета, аспирант Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета.

Санфирова Ольга Владиславовна, доцент кафедры экономической теории факультета экономики и права Томского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент.

Сарна Александр Янисович, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Сартаева Раушан Султановна, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); кандидат философских наук, доцент.

Семашко Оксана Владимировна, старший преподаватель кафедры педагогики и менеджмента образования Академии последипломного образования (г. Минск).

Семенова Владислава Николаевна, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Семенова Светлана Александровна, преподаватель кафедры судебной медицины Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Сидоренко Ирина Николаевна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Симоненко Марина Александровна, доцент кафедры английского языка и технического перевода Астраханского государственного университета; кандидат филологических наук, доцент.

Синельников Сергей Петрович, преподаватель Волгоградского индустриального техникума, кандидат исторических наук.

Смолик Александр Иванович, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); доктор культурологии, профессор.

Сокольчик Валерия Николаевна, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Белорусской медицинской академии последипломного образования (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Соловей Алексия Петровна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Сороко Эдуард Максимович, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, доцент.

Соснин Александр Васильевич, профессор Института государства и права имени В. М. Корецкого НАН Украины (г. Киев); доктор политических наук, профессор.

Старикова Оксана Михайловна, заведующая кафедрой философии и гуманитарных проблем образования МГИРО (г. Минск), кандидат педагогических наук, доцент.

Султанова Линера Байраковна, профессор кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета (г. Уфа); доктор философских наук, профессор.

Сумченко Ирина Вячеславовна, доцент кафедры культурологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; кандидат философских наук, доцент.

Сундукова Татьяна Олеговна, доцент кафедры информатики и информационных технологий Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого, кандидат педагогических наук, доцент.

Сыкало Александр Иванович, доцент кафедры общей и клинической психологии Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат медицинских наук, доцент.

Таркан Иван Иванович, доцент кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Тертышник Елена Владимировна, клинический психолог, психоаналитик Центра медико-социальной реабилитации при психиатрической больнице имени Павлова (г. Киев).

Тесленко Татьяна Викторовна, доцент кафедры экономики и менеджмента Днепровского университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна; кандидат экономических наук, доцент.

Томильчик Лев Митрофанович, главный научный сотрудник Института физики имени Б. И. Степанова НАН Беларуси (г. Минск); доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Уткевич Ольга Ивановна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат филологических наук; доцент.

Хабибуллина Инна Дмитриевна, студентка Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета.

Хакимов Эдвард Муратович, профессор кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета; доктор философских наук, профессор.

Хамутовская Светлана Викторовна, старший научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Цибизова Лилия Александровна, доцент кафедры истории и философии Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова (г. Москва); кандидат философских наук, доцент.

Червинский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларусь (г. Минск), кандидат философских наук.

Чуешов Виктор Иванович, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Шалова Светлана Юрьевна, доцент кафедры педагогики и социокультурного развития личности Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета; кандидат педагогических наук, доцент.

Шаповал Владимир Николаевич, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел; доктор философских наук, профессор.

Шевелева Дарья Алексеевна, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; кандидат философских наук.

Шергенг Наталья Алексеевна, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ульяновского института гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева; доктор философских наук, профессор.

Янчий Анна Ивановна, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии факультета психологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; кандидат психологических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 3

Раздел 3

Социально-философское знание и социальная практика XXI века

О. С. Азбелева Интуиция и передача философского знания в интеллектуальной культуре	4
М. В. Анцыповіч Мадэрнізацыя сістэмы адукцыі – покліч часу	7
А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко Наука как детерминант исторической памяти	10
С. А. Афанасьева Права человека в системе образования современной России ..	13
В. В. Балановский Применимость трансцендентализма И. Канта к анализу деятельности судей	16
М. В. Бейлин Популизм как тип мышления и социального поведения	19
О. А. Беленкова Сущность творческого потенциала человеческого капитала в инновационной экономике	22
А. В. Белкина Социологический анализ проблемы зависимости от социально-сетевой культуры в молодежной среде	25
Е. В. Беляева Редукция качественных характеристик к количественным показателям как результат цифровизации социальной жизни	28
О. В. Беркова Собственность, человеческий капитал и инновационная направленность белорусского общества	31
А. В. Болкунов, А. И. Янчий Духовность в содержании ценностей у людей с разной религиозной направленностью	34
М. С. Бурьянёв Деконструкция права на фоне глобализации и планетарных рисков	38
С. А. Бурьянёв Чрезмерная социальная дифференциация как глобальный вызов устойчивому развитию цивилизации	41
В. Н. Ватыль Интернет-технологии как современный тренд социально-политического манипулирования: формы и способы реализации ..	43
М. И. Веренич Социально-гуманитарные технологии консолидации белорусского общества: концептуализация и операционализация понятий ..	46
М. И. Вишневский Социально-философские ориентиры движения к новой рациональности	49
Т. И. Врублевская-Токер «Археология знания» М. Фуко как методология исследования дискурсивных и риторических практик исторической культуры ..	52
Л. М. Газнюк Экзистенциальная дилемма социального бытия	55
С. И. Голенков Коллизии социальности цифровой эпохи	58
О. А. Гримов Социально-сетевая культура в динамике сетевых практик (по материалам онлайн-опроса)	62

O. A. Денисенко Гражданская компетентность как индикатор полноценного участия индивида в общественной жизни	65
П. Ф. Дик Духовно-экологическая сфера в социально-культурной активности ..	67
Д. Г. Доброродний Интернет как фактор социальных и эпистемологических трансформаций	70
С. П. Донцов Концепт «традиционных религий» в системе государственно-конфессиональных отношений России и Беларуси	73
С. Г. Доронина Социальная структура прошлого	76
И. И. Дыдышико Техническое образование – источник формирования специалиста цифровой эпохи	79
V. B. Yevarouski Conscious and outer-conscious as subsystems of consciousness	82
T. B. Жмакина Роль аргументации в предвыборных дебатах	85
M. B. Завадский Философия в обучении детей и подростков: проблемы и дискуссии	88
M. P. Зазулина Детерминанты развития местного самоуправления в Российской Федерации: социально-философский аспект	92
E. B. Зайцев Свобода как ключевая ценность человеческой культуры: к 100-летию создания Н. Бердяевым Вольной академии духовной культуры	95
B. K. Игнатов Свобода абсурда или абсурд свободы: модерн – завершенный проект	98
Э. М. Иззетова Идеалы гуманизма в контексте социально-духовной безопасности	101
A. A. Казакевич Манипулирование общественным сознанием в современном информационном пространстве	104
Э. Ю. Калинин Манипуляция и информационная безопасность в современном обществе	107
A. З. Камалиденова Социальная философия и проблемы образования	109
H. A. Камбур Имитации в управлении институтом образования в эпоху постфордизма	112
C. B. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, М. А. Симоненко Книжная культура цифровой эпохи: традиции, инновации	115
P. В. Кикель, Э. М. Сороко Мир человека и современная эдукологическая политика и практика	118
A. И. Климович, С. А. Семенова Реализация принципа справедливости в национальной системе здравоохранения Республики Беларусь	123
Г. I. Клімович Праблематыка справядлівасці ў творчасці В. Бучынскага	126
H. П. Кнэхт Культурная семантика темпоральных структур	129
M. C. Ковалевич Развитие субъектной позиции будущего педагога в условиях образовательного пространства вуза: методологические основания исследования	132
P. H. Козыренко Идея справедливости в православии	135

A. Ю. Косенков Цифровизация и цифровые трансформации в Республике Беларусь: опыт социально-философского осмысления	138
C. В. Костюкевич Университетское образование как объект социально-философского анализа	141
H. Н. Красовская Социальная работа как фактор гуманизации общества	143
A. В. Кудинова Медиарельность как инструмент создания социально-культурного капитала	146
A. В. Кузнецов Проблемы педагогического образования в Республике Беларусь (социально-философский аспект)	148
A. Л. Куши, П. П. Крусь Философия образования: понятие, предмет, методология	151
H. Н. Куксачёв Индивидуальное и социальное в формировании экосистемной ответственности человека в XXI веке	154
D. В. Кунецкий Философская актуализация принципов кейнсианства в свете общественно-экономического целеполагания белорусского государства	156
H. В. Курлович Общекультурная неграмотность как социальная проблема в Республике Беларусь	159
P. С. Лаво Проблемы этнокультурной идентичности в современных условиях	163
H. А. Лазаревич Эколого-технологические факторы формирования поведения человека в контексте проблем качества жизни	165
A. А. Легчилин Трансфер философских идей И. Канта в Беларуси: XIX век	168
T. В. Лемешова Политический брендинг как новая форма современной общественной практики	171
O. Т. Лойко, А. В. Атаманов Культурная память в поисках утраченных смыслов: реконструкция – реактивация – рекатегориализация	174
B. К. Лукашевич Инновационный потенциал интеллектуального ресурса в праксеологическом контексте	175
A. В. Лукьяннов, М. А. Пушкиарёва, Н. А. Шергенг Социальное время и историческая память	177
B. В. Марков Факты и ценности в исторической памяти	180
C. Г. Масько, О. М. Старикова Социобиологические основания формирования педагогических парадигм: история и современность	182
G. Т. Махмудова Стратегия действий, стратегия мышления в условиях демократизации общества	186
H. В. Медведев Социальная эпистемология Л. Витгенштейна и философия образования	189
E. Е. Медведева Витгенштейн и школьное образование	192
A. П. Мельников Информационное общество в Беларуси: этапы формирования	196

M. E. Минова Ценности детских и молодежных объединений в Республике Беларусь	200
A. E. Михайлов Биомедицинские технологии и общественный прогресс	203
C. С. Мищук Проблемы безопасности социально-информационного пространства личности	206
I. И. Морозова Взаимодействие поколений в современном обществе	209
A. П. Мядель Социальная справедливость: эволюция и социокультурная обусловленность понятия	212
H. A. Никонович Циклическая парадигма О. Шпенглера в контексте проблем культурной онтологии	215
B. И. Огородник, И. С. Огородник Социальный идеал общества постмодерна	219
B. A. Одиноченко Историческая память в условиях трансформации современной Беларуси	222
B. Л. Павлов Справедливость как ценность человеческой жизни	225
A. Т. Павлова Алгоритм подготовки успешного профессионала XXI века	228
O. П. Пунченко Интегральное мышление как базовый фактор интеллектуального измерения «нового Просвещения»	231
I. M. Ратникова Идея социальной справедливости как основание современной критической теории	235
P. M. Рогожка Academic integrity как идеология в практике школьного образования: постановка проблемы (этический аспект)	238
E. A. Ротмирова Специфика процесса изображения как формы культурно-духовного освоения социальной реальности	241
A. B. Рубанов Социальное развитие: традиции и новые подходы	245
З. Г. Рудёнок Осуществление образовательного процесса в условиях реализации инновационной деятельности	248
Э. И. Рудковский Трансформация ценностных измерений образа жизни в условиях информационного общества	250
Д. Ш. Сагдуллаева Стратегия действий по развитию Узбекистана как фактор модернизации страны	253
O. B. Санфирова Нейролингвистическое программирование цветом как фактор манипулирования общественным сознанием в экономике бренда ..	255
A. Я. Сарна Игра с событием. Геймификация и интерактив на открытии Европейских игр 2019 года в Минске	258
P. C. Сартасева О феномене идеологии в пространстве новой глобальной реальности	261
O. B. Семашко Ценностно-смысловая основа формирования социальной успешности учащихся учреждения общего среднего образования	264
I. H. Сидоренко Информационное насилие и кибервойна в глобализирующемся мире	266

C. П. Синельников «Мед и цикута» философии: святые отцы о светской мудрости	269
A. И. Смолик Историко-культурные ценности как основа формирования национально-культурной идентичности	273
B. Н. Сокольчик Роль биоэтических комитетов в развитии гуманитарной экспертизы медико-биологических исследований	276
A. В. Соснин О проблеме точного определения информации при выборе алгоритмов развития	279
K. Э. Сантоцкая Развитие современного университета в условиях транзитивного общества	281
Л. Б. Султанова Информационные технологии в управлении наукой	283
I. В. Сумченко Проблема социальной справедливости: историческая ретроспектива	286
T. О. Сундукова Трансформация знаний в цифровую эру	288
A. И. Сыкало Методология оптимизации социоприродных процессов	290
И. И. Таркан Год малой родины: идеологический дискурс о традиции	293
T. В. Тесленко Эволюция диахотомии «дух/разум – тело» в философии и культуре Просвещения	296
Л. М. Томильчик, Н. Г. Кембровская Мифы общественного сознания и проблемы научной этики	298
O. И. Уткевич Роль исторической памяти в интеграции социального знания ..	301
Э. М. Хакимов Соизмеримость и несоизмеримость как теоретическое и методологическое основание моделирования структурной организации социальных страт и их взаимоотношений	304
C. В. Хамутовская Электронное голосование как разновидность современных информационно-коммуникационных технологий: сущность, виды, отечественные разработки	306
Л. А. Цибизова Современный кинематограф между искусством и культурной индустрией	309
A. С. Червинский Философия и проблема становления понятийного аппарата социальной экологии	312
C. Ю. Шалова, И. Д. Хабибулина Социальные сети как средство социализации подростков	315
B. Н. Шаповал Новая цифровая реальность: угрозы и перспективы	319

Круглый стол

«Антропологические и аргументологические основания диалога культур»

B. А. Белокрылова Социогуманитарные технологии как феномен управлеченческой практики информационного общества	322
A. В. Говорунов Диалог культур, ориентализм и проблемы «слепых зон» непонимания	325

Б. В. Марков Антропологические основания межкультурного диалога	327
В. Н. Семёнова Коммунитаристское и либеральное направления современного мультикультурализма	328
В. И. Чуешов О некоторых категориальных и методологических основаниях гуманитарной экспертизы межкультурной коммуникации	332
Д. А. Шевелева Смысловой поиск Другого в условиях междисциплинарности .	336
 <i>Круглый стол</i>	
«Женщина как Другой: (пере)осмыслия “Второй пол” Симоны де Бовуар 70 лет спустя»	
О. И. Давыдик Практики тела в современном социально-философском контексте	339
Н. С. Ильюшенко Свобода от «множественной занятости» женщины как условие восстановления ее человеческого достоинства	342
Т. Е. Новицкая Женщина как Другой-для-себя: самоидентификация и любовь в книге «Второй пол» С. де Бовуар	345
Э. О. Плотникова Женское лицо мировой юстиции: социологический и социально-философский аспекты	350
Д. В. Полянский Основные бинарные оппозиции в работе Симоны де Бовуар «Второй пол»	352
Е. Е. Румянцева О единстве методологии исследования всех форм дискриминации	355
А. П. Соловей «Независимая женщина» Симоны де Бовуар: взгляд современных женщин-ученых Национальной академии наук Беларусь	357
Е. В. Тертышник Психоаналитический взгляд на женщину	363
<i>Авторы сборника</i>	368

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
когнитивный и прогностический потенциал
социально-философского знания**

Материалы

Четвертой международной научной конференции
(14–15 ноября 2019 года, г. Минск)

В двух томах

Том 2

На русском, белорусском, английском языках

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Ответственный за выпуск *Т. И. Адуло*

Дизайн обложки

и компьютерная верстка *В. В. Анцух*

Корректоры: *Е. С. Голуб, М. Д. Липницкая*

Подписано в печать 30.10.2019.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 21,07.

Тираж 65 экз. Заказ 706.

Издатель и полиграфическое исполнение:

ОДО «Издательство “Четыре четверти”».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий

№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.

Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.

Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by